

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА

РУССКИЙ ЯЗЫК

В НАУЧНОМ ОСВЕЩЕНИИ

№ 2
(32)

Москва
2016

Главный редактор — Молдован А. М., академик РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Алексеев А. А. — д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Андерсен Х. — Ph.D., профессор, Калифорнийский университет, Лос Анжелес, США

Апресян Ю. Д. — академик РАН, профессор, Институт проблем передачи информации РАН; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Богуславский А. — D.Sc., профессор, Варшавский университет, академик Польской академии наук, Польша

Богуславский И. М. — д. ф. н., профессор, Мадридский технический университет, Испания; Институт проблем передачи информации РАН

Вайс Д. — Ph.D., профессор, Цюрихский университет, Швейцария

фон Вальденфельс Р. — Dr. phil., Цюрихский университет, Швейцария

Варбот Ж. Ж. — д. ф. н., профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Вежбицкая А. — Ph.D., профессор, Австралийский национальный университет, Канберра, Австралия

Гиппиус А. А. — член-корреспондент РАН, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Ди Сальво М. — Ph.D., профессор, Миланский университет, Италия

Добровольский Д. О. — д. ф. н., профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Журавлёв А. Ф. — д. ф. н., профессор, Институт славяноведения РАН; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Зализняк А. А. — академик РАН, профессор, Институт славяноведения РАН

Иткин И. Б. — к. ф. н., Институт востоковедения РАН; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Кайперт Х. — Dr., профессор, Боннский университет, член-корреспондент Геттингенской академии наук, член-корреспондент Баварской академии наук, Германия

Касаткин Л. Л. — д. ф. н., профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Кленин Э. — Ph.D., профессор, Калифорнийский университет, Лос Анжелес, США

Крысин Л. П. — д. ф. н., профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Мелиг Х.-Р. — Ph.D., профессор, Кильский университет, Германия

Мельчук И. А. — Ph.D., профессор, Монреальский университет, Канада

Мечковская Н. Б. — д. ф. н., профессор, Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

Падучева Е. В. — д. ф. н., профессор, Всероссийский институт научной и технической информации РАН

Плунгян В. А. — член-корреспондент РАН, профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН; Институт языкознания РАН; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Рождественская Т. В. — д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Сичинава Д. В. — к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Тимберлейк А. — Ph.D., профессор, Калифорнийский университет, Беркли; Колумбийский университет, Нью Йорк, США

Толстая С. М. — д. ф. н., профессор, Институт славяноведения РАН

Томмола Х. — D.Sc., профессор, Университет Тампере, Финляндия

Флайер М. — Ph.D., профессор, Гарвардский университет, Кембридж, США

Шайкевич А. Я. — д. ф. н., профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Шмелев А. Д. — д. ф. н., профессор, Московский государственный педагогический университет; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Ответственный секретарь — Пичхадзе А. А., д. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
VINOGRADOV INSTITUTE OF RUSSIAN LANGUAGE

RUSSIAN LANGUAGE AND LINGUISTIC THEORY

№ 2 (32)

Moscow
2016

EDITORIAL BOARD

Chief Editor — Alexander M. Moldovan, D.Sc. (Russian Language), Director, Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Full Member of the RAS, Moscow, Russia.

Anatoly A. Alexeev, D.Sc. (Russian Language), Professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia;

Henning Andersen, Ph.D. (Slavic Languages and Literatures), Professor, University of California, Los Angeles, USA;

Yury D. Apresyan, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Institute for Information Transmission Problems of the RAS; Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Full Member of the RAS, Moscow, Russia;

Andrzej Bogusławski, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Full Member of the Polish Academy of Sciences, Warsaw University, Poland;

Igor M. Boguslavsky, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Technical University of Madrid, Spain; Institute for Information Transmission Problems of the RAS, Moscow, Russia;

Dmitry O. Dobrovolsky, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia;

Michael S. Flier, Ph.D. (Slavic Languages and Literatures), Professor, Harvard University, Cambridge, USA;

Alexey A. Gippius, D.Sc. (Russian Language), Professor, National Research University Higher School of Economics, Corresponding Member of the RAS, Moscow, Russia;

Ilya B. Itkin, Ph.D (Comparative and Contrastive Linguistics and Linguistic Typology), Institute of Oriental Studies of the RAS; National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia;

Leonid L. Kasatkin, D.Sc. (Russian Language), Professor, Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia;

Helmut Keipert, Dr. (Slavonic Studies), Professor em., University of Bonn, Corresponding Member of the Göttingen Academy of Sciences, Corresponding Member of the Bavarian Academy of Sciences, Germany;

Emily Klenin, Ph.D. (Slavic Languages and Literatures), Professor, University of California, Los Angeles, USA;

Leonid P. Krysin, D.Sc. (Russian Language), Professor, Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia;

Nina B. Mechkovskaya, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Belarusian State University, Minsk, Belarus;

Hans Robert Mehlig, Ph.D. (Slavic Languages and Literatures), Professor, Kiel University, Kiel, Germany;

Igor Mel'čuk, Ph.D. (General Linguistics), Professor em., University of Montreal, Canada;

Elena V. Paducheva, D.Sc. (General Linguistics), Professor, All-Russian Institute for Scientific and Technical Information of the RAS, Moscow, Russia;

Vladimir A. Plungian, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS; Lomonosov Moscow State University, Corresponding Member of the RAS, Moscow, Russia;

Tatyana V. Rozhdestvenskaya, D.Sc. (Russian Language), Professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia;

Maria Di Salvo, Ph.D. (Slavonic Studies), Professor em., University of Milan, Italy;

Anatoly Ya. Shaykevich, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia;

Alexey D. Shmelev, D.Sc. (Russian Language), Professor, Moscow State Pedagogical University; Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia;

Dmitri V. Sitchinava, Ph.D (Comparative and Contrastive Linguistics and Linguistic Typology), Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia;

Alan Timberlake, Ph.D. (Linguistics), Professor em., University of California, Berkeley; Columbia University, New York, USA;

Svetlana M. Tolstaya, D.Sc. (Slavic Languages), Professor, Institute of Slavic Studies of the RAS, Moscow, Russia;

Hannu Tammola, D.Sc. (Russian Language and Literature), Professor em., University of Tampere, Finland;

Zhanna Zh. Varbot, D.Sc. (Slavic Languages), Professor, Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia;

Ruprecht von Waldenfels, Ph.D (Slavic Languages), University of Zurich, Switzerland;

Daniel Weiss, Ph.D (Slavic Languages), Professor, University of Zurich, Switzerland;

Anna Wierzbicka, D.Sc. (Slavic Languages), Professor, Australian National University, Canberra, Australia;

Andrey A. Zaliznyak, D.Sc. (Slavic Languages), Professor, Institute of Slavic Studies of the RAS, Full Member of the RAS, Moscow, Russia;

Anatoly F. Zhuravlev, D.Sc. (Slavic Languages), Institute of Slavic Studies of the RAS; Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia.

Executive secretary — Anna A. Pichkhadze, D.Sc. (Russian Language), Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia.

СОДЕРЖАНИЕ

Исследования

<i>В. С. Храковский</i> Глаголы памяти: семантика, прагматика, синтаксис	9
<i>А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский</i> <i>Ни два ни полтора: семантика неопределенности</i> в русской идиоматике	32
<i>Е. В. Падучева</i> <i>Однажды как показатель слабой определенности</i>	45
<i>А. А. Зализняк</i> Из истории русского ударения: сдвиг ударения с неприкрытой гласной	55
<i>М. Н. Шевелева</i> К истории грамматической семантики форм типа <i>хаживал, бивал, бирал</i> в русском языке	71
<i>А. В. Зеленин, Д. В. Руднев</i> История предлогов со значением соответствия в русском языке	91
<i>Г. А. Мольков</i> История слова <i>пол</i> 'половина' в русском языке XVIII в. (по материалам картотеки «Словаря русского языка XVIII в.»).....	115
<i>Е. А. Власова</i> О судьбе конструкции <i>jako recitativum</i> в русских летописях XI—XVI вв.	143
<i>М. Г. Шарихина</i> Передача греческого субстантивированного инфинитива в славянском переводе Евхология Великой церкви	175
<i>В. С. Кучко</i> К этимологизации диалектных омонимов: волог. <i>калаушка</i>	188
<i>А. А. Плетнева</i> Лубочные перепечатки газет: к вопросу об орфографическом единстве лубочной письменности.....	206

Из истории науки

<i>А. Е. Аникин.</i> Страничка из истории отечественной этимологии на рубеже XX и XXI веков	227
---	-----

Информационно-хроникальные материалы

- Диалектологические экспедиции 2015–2016 гг. (*Н. А. Григорьева, М. А. Даниэль, Н. Р. Добрушина, С. В. Дьяченко, П. Н. Казакова, А. В. Тер-Аванесова, А. В. Малышева, под общ. ред. А. В. Тер-Аванесовой*) 250
- VI Международная школа-семинар молодых лексикографов и лингвогеографов (*Р. В. Гайдамашко, М. Д. Королькова, О. Н. Крылова*) 288

Рецензии

- Д. О. Добровольский. Беседы о немецком слове (*Ю. В. Работкин*) 295

Новые книги

- И. Г. Добродомов. Избранные труды по этимологии и лексикологии (*А. Ф. Журавлев*) 302
- А. В. Блохинская, С. В. Гордеева, Е. А. Оглезнева, Цзян Ин. Языковая ситуация на Дальнем Востоке и приграничной территории (*Л. П. Крысин*) 303
- Сведения об авторах 305
- Правила подачи статей 306

CONTENTS

Articles

<i>Viktor S. Xrakovskij.</i> Verbs of remembrance: semantics, pragmatics, syntax	9
<i>Anatoly N. Baranov, Dmitrij O. Dobrovol'skij.</i> <i>Ni dva ni poltora</i> : semantics of indefiniteness in Russian idioms	32
<i>Elena V. Paducheva.</i> Russian <i>odnaždy</i> as a marker of weak definiteness	45
<i>Andrey A. Zaliznyak.</i> From the history of Russian stress: accentual shift in uncovered vowels.....	55
<i>Maria N. Sheveleva.</i> Upon the history of the grammatical semantics of verbal forms like <i>хаживал, бивал, бирал</i> in Russian	71
<i>Alexander V. Zelenin, Dmitry V. Rudnev.</i> The history of prepositions of conformity in Russian	91
<i>Georgy A. Molkov.</i> The history of the word <i>пол</i> in eighteenth-century Russian (based on the card files of The Dictionary of the Russian Language of the 18-th Century).....	115
<i>Ekaterina A. Vlasova.</i> The use of <i>jako recitativum</i> in Russian chronicles of the eleventh-sixteenth centuries	143
<i>Milyausha G. Sharikhina.</i> The rendering of the Greek substantivized infinitive in the Slavic translation of the Euchologion of the Great Church	175
<i>Valeria S. Kuchko.</i> On the etymology of dialect homonyms: Vologda word <i>kalaushka</i>	188
<i>Alexandra A. Pletneva.</i> Cheap popular reprints of newspaper texts (<i>lubok</i>): addressing orthographic consistency of <i>lubok</i>	206

History of Russistics

<i>Alexander E. Anikin.</i> A page from the history of Russian etymology at the turn of the twenty-first century	227
--	-----

Reports

Dialectological expeditions in 2015–2016 (<i>N. A. Grigorieva, M. A. Daniel, N. R. Dobrushina, S. V. Dyachenko, P. N. Kazakova, A. V. Ter-Avanesova. Ed. by A. V. Ter-Avanesova</i>).....	250
The 6th International Seminar for young lexicographers and linguo-geographers (<i>R. V. Gaidamashko, M. D. Korolkova, O. N. Krylova</i>).....	288

Рецензии

Dmitry O. Dobrovolsky. German Words: A Contrastive Study of the Lexicon (<i>Yu. V. Rabotkin</i>).....	295
---	-----

New books

Igor G. Dobrodomov. Selected Works on Etymology and Lexicology (<i>A. F. Zhuravlev</i>).....	302
A. V. Blokhinskaya, S. V. Gordeyeva, E. A. Oglezneva, Zian In. Linguistic Situation in the Far East and Frontier Territory (<i>L. P. Krysin</i>).....	303
Authors.....	305
Notes for contributors	306

ИССЛЕДОВАНИЯ

В. С. ХРАКОВСКИЙ

ГЛАГОЛЫ ПАМЯТИ: СЕМАНТИКА, ПРАГМАТИКА, СИНТАКСИС *

В данной статье рассматриваются ментальные глаголы памяти. Это прежде всего семь однокоренных глаголов, среди которых формально исходным является лексический имперфектив *помнить*. От него образованы перфективы *запомнить*, *вспомнить*, *припомнить*, к которым, в свою очередь, восходят вторичные имперфективы *запоминать*, *вспоминать*, *припоминать*. Кроме того, учитываются парные глаголы *забыть* и *забывать*, а также глагол *позабыть*¹. Наряду с ними анализируются соотносительные (в духе работы [Geniušėnė 1987]) возвратные (рефлексивные) глаголы: *помниться*, *запомниться*, *вспомниться*, *припомниться*, *запоминаться*, *вспоминаться*, *припоминаться*, *забыться*, *забываться*, *позабыться*².

Цель этой работы состоит в том, чтобы, исходя из рабочего толкования анализируемых лексических единиц, охарактеризовать семантические ро-

---

* Я очень признателен рецензентам журнала за их полезные замечания и предложения, многие из которых я учел при подготовке рукописи к печати. Разумеется, вся ответственность за публикуемый текст лежит на авторе.

¹ Ср.: «...от глагола *помнить*, имеющего общую этимологию с памятью и называющего мнемический процесс “хранение информации”, образованы многочисленные глаголы, называющие другие мнемические процессы: *запомнить*, разг. *упомнить* (процесс запоминания, “меморизации”), *вспомнить* (устар. *воспомнить*, прост. *вспомнать*), *поминать*, *напомнить*, *припомнить* (процесс воспроизводства информации). Особняком стоит лишь глагол «забыть», производный от глагола существования...» [Ревзина 2006: 18—19].

² Не рассматриваются глаголы *позабывать* и *запамятовать*, у которых нет соотносительных по смыслу возвратных глаголов. Добавим также, что глаголы, обозначающие видовые пары, мы рассматриваем как самостоятельные словарные лексические единицы. Обоснование этой точки зрения дано в работе [Храковский 2015]. Заметим между прочим, что, считая вид грамматической категорией, Т. В. Булыгина и А. Д. Шмелев обращают внимание на то, что семантические отличия парных ментальных глаголов не укладываются в рамки стандартных видовых отличий СВ и НСВ [Булыгина, Шмелев 1997].

ли участников ситуаций, обозначаемых указанными глаголами памяти, и уточнить деривационный статус конструкций, образуемых производными возвратными глаголами³.

Начнем с того, что исходные глаголы образуют конструкцию, отражающую, как принято говорить, лексикографическую диатезу, в которой участники ситуации, обозначаемой глаголом, занимают синтаксические позиции в соответствии с их иерархией в толковании значения глагольной лексемы [Мельчук 2004]. Соответственно первый стандартно одушевленный участник ситуации, обозначаемой глаголом, занимает позицию первого синтаксического актанта (подлежащего), а второй событийный (или предметный) участник ситуации занимает позицию второго синтаксического актанта (дополнения). Что касается конструкции, образуемой производными возвратными глаголами, то она отражает конверсивную (обратную) диатезу, в которой позицию первого синтаксического актанта (подлежащего) занимает событийный (или предметный) участник ситуации, а первый участник ситуации занимает обязательную (или необязательную) позицию второго синтаксического актанта (дополнения) — однако, что важно подчеркнуть, это не то дополнение, которое употребляется в исходной конструкции [Королев 1968].

С семантическими ролями участников ситуаций, обозначаемых глаголами, дело обстоит следующим образом. Особых затруднений не вызывает определение роли второго участника ситуации. Этот участник исходно задан, не меняется в ситуации, и ему несколько условно можно приписать роль Содержания по аналогии с ролью второго участника ситуации глаголов знания⁴. Что касается первого одушевленного участника ситуации, то он, по нашему мнению, в ситуациях, обозначаемых разными анализируемыми глаголами, выполняет либо роль Агенса, либо роль Экспериенцера⁵. При этом он либо контролирует, либо слабо контролирует, либо не контролирует осуществление ситуации. Следует, однако, учитывать, что речь идет о ненаблюдаемых ситуациях, описание которых мы моделируем, опи-

---

³ Глаголы *забыть*, *вспомнить*, *помнить* проанализированы в работе [Туровский 2003], где предложена гипотетическая модель устройства человеческой памяти.

⁴ Фактически имеется в виду информация, которая может быть представлена придаточным предложением или именем (именной группой).

⁵ Согласно существующим представлениям участник ситуации, выполняющий роль прототипического Агенса, в соответствии с собственным желанием, волевой и целевой установкой инициирует осуществление действия (с другим участником ситуации), контролируя совершаемый процесс вплоть до его завершения. Что касается участника ситуации, выполняющего роль прототипического Экспериенцера, то он оказывается в некотором не контролируемом им состоянии в силу не зависящих от него, нередко неопределенных обстоятельств, ср., например, [Падучева 2004]. Вместе с тем один и тот же участник ситуации может совмещать роли Агенса и Экспериенцера [Храковский 2015a].

раясь на устройство наблюдаемых ситуаций и принимая во внимание правила употребления в речи (текстах) глаголов, обозначающих ненаблюдаемые ситуации⁶.

Перейдем к последовательному анализу перечисленных глаголов и образуемых ими конструкций. Первым в предложенном списке назван глагол *помнить*. Ситуацию, обозначаемую глаголом *помнить*, можно охарактеризовать как (временное) состояние⁷. Первый участник этой ситуации не иницирует и не контролирует свое состояние. Тем самым он выступает в роли Экспериенцера, а не Агенса. Лексеме ПОМНИТЬ можно дать следующее рабочее толкование: «*X помнит Y*» = ‘X (стандартно человек, но и живое существо или артефакт с долговременной памятью) хранит информацию Y в своей памяти’. Заметим, что информация может быть выражена в конструкции придаточным предложением, именем в вин. п., именем в вин. п., вводимым предлогом *про*, именем в предл. п., вводимым предлогом *о*:

- (1) *Я помню, как был влюблен в иллюстрацию в книжке. Не помню, сколько мне было лет. Но помню, что немного* (Е. Гришковец)⁸;
- (2) *Будучи пограничником, он помнил довоенные годы в Беларуси* (В. Быков);
- (3) *В ту пору Векиин вовсе не помнил про Санькины папирсы* (Л. М. Леонов);
- (4) *Картины, которые возникали у него в голове, заставляли его сердце биться гораздо чаще, но он помнил о своем христианском долге* (А. Геласимов).

Возвратный глагол *помниться*, соотносимый с глаголом *помнить*, образует конверсивную дативную конструкцию, в которой первый участник ситуации (хранитель информации) занимает позицию косвенного дативного дополнения. Эта конструкция, на наш взгляд, отличается от исходной конструкции не семантически, а прагматически: информация, которая хранится в памяти, теперь подается не как принадлежащая тому, кто ее хранит, а скорее как существующая независимо от него. Тем самым хранитель информации как бы несет за нее меньше ответственности. Отметим при этом, что практически не встречаются конверсивные конструкции, в которых информация выражается именем в вин. п., вводимым предлогом *про*, и именем в предл. п., вводимым предлогом *о*:

---

⁶ Отметим, что в случае, когда речь идет о наблюдаемой ситуации, у говорящего есть образ такой ситуации, когда же речь идет о ненаблюдаемой ситуации, у говорящего ее образа нет, он практически не знает, как осуществляется такая ситуация.

⁷ Ср. «*Помнить* — стативный предикат, обозначающий длящееся положение дел» [Туровский 2003: 346].

⁸ Здесь и ниже примеры приводятся по Национальному корпусу русского языка (НКРЯ, www.ruscorpora.ru).

- (5) *Мне помнится, что я себя вел более сдержанно, но раз Настя помнит так, так и было* (Э. Лимонов).
- (6) *В особенности помнится мне какой-то полный человек в пенсне, который не только решительно отверг мое произведение, но и прочитал мне что-то вроде нотации* (М. А. Булгаков).

Дативное дополнение может отсутствовать в конструкции. Это обычно свидетельствует о том, что участником, обозначаемым этим дополнением, является говорящий:

- (7) *А вот то, что было до войны, помнилось подробно, вспоминалось часто* (В. Гроссман).

Глагольная форма *помнится* довольно часто употребляется как вводное слово:

- (8) *Я тебе, помнится, как-то сказал, что ты выбираешь тех, над кем ты чувствуешь свое превосходство* (Г. А. Газданов);
- (9) *После шутки с ваучерами, нам, помнится, обещали денежную приватизацию* (Н. Петраков).

Будучи формально вводным словом, эта форма, тем не менее, является главной конструктивной единицей всего высказывания.

Чтобы помнить информацию, ее нужно предварительно запомнить. По этой причине вполне естественно перейти к анализу глагола *запомнить*, который фактически обозначает начальный момент возникновения состояния *помнить*. Для лексемы ЗАПОМНИТЬ можно предложить следующее рабочее толкование: «*X запомнил Y*» = ‘*X* (стандартно человек, но и живое существо или артефакт с долговременной памятью) поместил информацию *Y* в свою (долговременную) память’. Заметим, что информация может быть выражена в конструкции, как и при глаголе *помнить*, придаточным предложением, именем в вин. п., (крайне редко) именем в вин. п., вводным предлогом *про*, и именем в предл. п., вводным предлогом *о*:

- (10) *Я вон отца-то почти не помню. А вот запомнил, как он меня маленького в Березовку возил* (В. Шукшин);
- (11) *Я на всю жизнь запомнила завораживающую магию степных просторов южного Урала* (И. К. Архипова);
- (12) *И вот я запомнил про жест гондольера, а понял про важность ненужного только сейчас* (М. Шишкин);
- (13) *О бабушке Февронии необходимо рассказать то, что я запомнил о ней и что слышал от других* (К. С. Петров-Водкин)⁹.

⁹ Примеры этого типа интересны тем, что в них как будто бы в роли отдельных участников ситуации выступают предмет информации (*о ней*) и сама информация (*что [запомнил]*). Однако это впечатление обманчиво. Предмет информации является частью информации, и это хорошо видно в примерах, где информация выра-

Ситуация, обозначаемая глаголом *запомнить*, может осуществляться двояким образом. В одном случае первый участник ситуации (запоминатель) выступает в роли Агенса, и тогда ситуация может быть результатом контролируемого Агенсом процесса запоминания (X запоминал Y и в результате запомнил):

- (14) *По менее насыщенным легким программам учитель может долго долбить тему, пока самый глупенький не запомнит* (Наши дети);
- (15) *Я изучал Москву и навсегда запомнил ее еще в ту пору, когда был пешеходом* (В. П. Катаев);
- (16) *Зато он услышал разговор, который постарался запомнить* (В. А. Каверин).

А с другой стороны, она может возникать спонтанно, как бы сама по себе, помимо воли запоминателя, вне его контроля, но, очевидно, с затратой энергии (X запомнил Y, хотя и не запоминал).

- (17) *Так вот, этот красавец ходил в башмаках, которые «просили каши», и он перевязывал их веревкой, чтобы они не развалились. Почему я это запомнила? Наверное, меня поразило несоответствие: парень хорош собой и такие башмаки* (И. К. Архипова);
- (18) *Выпили — и, как водится, стали говорить о политике. Почему-то я запомнил его слова* (В. Белоусова).

Таким образом, во втором случае как будто бы нет оснований говорить о роли Агенса у первого участника ситуации, поскольку он не инициирует осуществление события и не контролирует его, хотя энергия, надо думать, расходуется. Напрашивается мысль, что в данном случае этот участник выполняет роль Экспериментера.

Что касается соотносительного возвратного глагола *запомниться*, то он образует конверсивную дативную конструкцию:

- (19) *Яковлеву запомнилось, как Княженецкий спускался по красно-ковровой лестнице института с трясущейся серебряной головой* (А. Солженицын);
- (20) *Особо запомнилось ей утро после ареста мужа* (В. Гроссман);
- (21) *Саша хмуро оглядывал фиолетовые стены отдела, старые, облупленные столы, снова думая о том, что все это ему запомнится на всю жизнь* (З. Прилепин).

В этой конструкции первый участник ситуации, очевидно, выполняет только роль Экспериментера, и, таким образом, данная конструкция отличается от исходной либо только прагматически (ситуация запоминания подается, как если бы она существовала независимо от запоминателя, и он тем

жается придаточным предложением типа *Я запомнил, что бабушка Феврония была рукодельница*. Ср. *Я запомнил о бабушке Февронии, что она была рукодельница*.

самым как бы несет за нее меньше ответственности), либо также и семантически (запоминатель меняет роль Агенса на роль Экспериенцера).

Дативного дополнения в этой конструкции может и не быть. Это вполне естественно, когда участником, называемым этим дополнением, является сам говорящий:

- (22) *Запомнилось: у женщины были кеды огромного размера* (Ю. Трифонов);
 (23) *Но запомнилось на всю жизнь другое...Запомнился пропахший бензином «Москвич» на московской улице* (С. Алексиевич).

Вместе с тем, этот участник, будучи говорящим, может быть назван в тексте, предпочтительно в предтексте:

- (24) *Никогда прежде я не ел молочного киселя из сухого американского порошка и больше никогда не пробовал, но его удивительно нежный вкус запомнился навсегда* (Р. Б. Ахмедов).

Важно обратить внимание на то, что дативная конструкция с возвратным глаголом может быть и псевдоконверсивной. Иными словами, подобная конструкция не может быть трансформирована в исходную конструкцию с невозвратным глаголом, поскольку у исходной конструкции нет соответствующей модели управления:

- (25) *Министр держался очень демократично и запомнился очень смешным тостом* (И. Э. Кио);
 (26) *Многие отмечают, что в 2000—2001 гг. на посту военного министра он не запомнился ни одной яркой инициативой* (А. Терентьев).

В примере (25) представлена следующая конструкция с возвратным глаголом: *Министр запомнился очень смешным тостом*. Соотносимая с этой конструкцией «исходная» конструкция **Министра запомнили очень смешным тостом* является неграмматичной. Аналогичным образом может быть проанализирован и пример (26). Выражаясь не очень точно, можно говорить, что в данном случае производная диатеза существует при отсутствии исходной. Но, может быть, более точным будет утверждение, согласно которому возвратный глагол, приобретая модель управления, которой нет у исходного глагола, становится несоотносительной с исходным глаголом лексической единицей. В пользу такого решения говорит и то, что у возвратного глагола есть и конструкция типа *Очень смешной тост министра запомнился*, причем конструкция типа *Министр запомнился очень смешным тостом* обычно трактуется как ее дериват, полученный за счет расщепления генетивной группы (*тост министра*), ср. [Падучева 2004].

Видовым партнером глагола *запомнить*, образованным от него вторичным имперфективом, является глагол *запоминать*. Лексеме ЗАПОМИНАТЬ можно дать следующее рабочее толкование: «*X запоминает Y*» =

‘Х (стандартно человек, но и живое существо или артефакт с долговременной памятью) старается поместить информацию Y в свою память’. В отличие от глагола *запомнить*, согласно НКРЯ, информация может быть выражена в конструкции только придаточным предложением и именем в вин. п.

Ситуация, обозначаемая глаголом *запоминать* (если в роли X-а выступает человек), представляет собой агентивный и контролируемый до конца процесс, требующий для своего осуществления затрат энергии:

- (27) *Полтора часа на площадке я учусь тормозить без рывков и запоминаю последовательность рычагов: сцепление — тормоз — нейтралка — ручник* (Д. Данилова).

Будучи глаголом НСВ, глагол *запоминать* может иметь (и чаще всего имеет) хабитуальное значение, т. е. может обозначать неоднократное (реальное или потенциальное) осуществление ситуации, выражаемой глаголом СВ *запомнить*:

- (28) *Он (Черняк) обладал необычной памятью... и с первого прочтения запоминал до десяти страниц текста на любом знакомом ему языке* (П. Евдокимов).

Если же в роли X-а выступает не человек, но живое существо или артефакт, то неоднократное осуществление ситуации *запомнить*, обозначаемое глаголом *запоминать*, представляет собой псевдоагентивный и неконтролируемый процесс, который также требует для своего осуществления затрат энергии:

- (29) *Корова на всю жизнь запоминает как свой дом то место, где она отелилась в первый раз* (Г. Садулаев);
(30) *Электрическая машина ведет математические расчеты, запоминает исторические события, играет в шахматы, переводит книги с одного языка на другой* (В. Гроссман).

Если в роли X-а выступает человек, то процесс запоминания может завершиться успешно (человек запомнил то, что запоминал), его результатом является событие «запомнил»:

- (31) *За два часа прочитываю учебник от первой заглавной буквы до финальной точки, запоминаю все и иду сдавать экзамен* (В. Розов).

Вместе с тем, если в роли X-а выступает человек, агентивный процесс запоминания может осуществляться плохо и даже безрезультатно, т. е. человек может не запомнить то, что следовало бы запомнить (и даже может сознательно прервать процесс запоминания):

- (32) *Когда он так говорит, я не запоминаю слов, приходится общее впечатление от его высказываний переводить на свой язык* (З. Масленникова);

- (33) *Не помню, что еще было на этой выставке. Я плохо запоминаю художественные произведения. Нужно, чтобы шлепнуло по голове, чтобы я запомнила* (В. И. Мухина).

Если же в роли X-а выступает не человек, то псевдоагентивный процесс запоминания не может быть безуспешным, нерезультативным, поскольку он является в известной мере автоматическим.

Заметим, что очень многие ситуации в силу своих семантических и аспектуальных свойств в принципе могут быть успешными и безуспешными. Например, когда человек готовит яичницу, она у него может получиться, а может и не получиться. Однако, если яичница не получилась, то есть возможность установить причину, почему это произошло. Но если процесс запоминания оказался неудачным, то установить причину этого вряд ли удастся.

Если обратиться к анализу конверсивной конструкции, образуемой возвратным глаголом *запоминаться*, то ее формальный статус зависит от того, позицию какого косвенного дополнения займет участник ситуации, выступающий в роли Агенса (Псевдоагенса). Поскольку глагол *запоминать* переходный, то в принципе глагол *запоминаться* может представлять собой пассивную форму глагола *запоминать*, и соответственно Агенс (Псевдоагенс) может занимать позицию агентивного дополнения в творительном падеже. Сразу же скажем, что подобные примеры, относительно многочисленные, в НКРЯ есть:

- (34) *Если снаружи, за стенами Пещеры, часто звучит одна и та же гармоничная мелодия, — например, музыкальная заставка сериала, который любила смотреть мать в последние месяцы беременности, — она запоминается малышом* (А. Волков);
- (35) *Конечный вариант гена снова копируется и запоминается иммунотенетической системой организма* (Ю. В. Чайковский).

Вместе с тем, довольно широко в НКРЯ представлены и примеры, в которых участник ситуации, выполнявший в исходной конструкции роль Агенса или Псевдоагенса, в производной конструкции занимает позицию дативного дополнения:

- (36) *Со стороны эта толпа людей с микрофонами, камерами, штативами выглядит, видимо, необычно. Запоминается случайному зрителю ее поведение* (Б. Грищенко);
- (37) *На всю жизнь запоминается мне разговор, в котором на самые важные в моей жизни вопросы я отвечаю только «да» или «нет»* (В. А. Каверин).

Итак, в принципе, от одной и той же исходной конструкции могут быть образованы две разные конверсивные конструкции, которые, можно предположить, отличаются друг от друга не только формально, но и семантически. Если это так, то говорящий в каждом конкретном случае на основе

имеющихся у него критериев (пока нам неизвестных) осуществляет выбор в пользу той или другой конструкции. Надо, однако, заметить, что в текстах широко употребляются конверсивные конструкции, в которых нет дативного/агентивного дополнения:

- (38) *Чем крупнее счет в матче, тем сильнее впечатления болельщиков и тем крепче запоминается игра* (Е. Гик, Е. Купало);
 (39) *Все очень несложно и запоминается на всю жизнь* (Б. Руденко);
 (40) *В роли ни единой реплики, но самое присутствие шута было совершенно необходимо, столько живости вносил он в общую игру, так запоминался* (Г. Сметанина).

В приведенных примерах косвенного дополнения нет, и мы не знаем, о какой из двух производных конструкций идет речь. По нашему мнению, в каждый из этих примеров на равных правах и без заметных семантических отличий могут быть введены как дативное, так и агентивное дополнение. Ср.:

- (38а) *Чем крупнее счет в матче, тем сильнее впечатления болельщиков и тем крепче запоминается игра **болельщикам/болельщиками***;
 (39а) *Все очень несложно и запоминается **ученикам/учениками** на всю жизнь*;
 (40а) *В роли ни единой реплики, но самое присутствие шута было совершенно необходимо, столько живости вносил он в общую игру, так запоминался **зрителям/зрителями***.

Этот эксперимент, скорее всего, свидетельствует о том, что при наличии в теории принципиальных семантических различий между конверсивной конструкцией с дативным дополнением и пассивной конструкцией с агентивным дополнением эти семантические различия в данном случае в большой степени нивелируются. Впрочем, об абсолютной синонимии, видимо, говорить нельзя. Очевидно, дативная конструкция в какой-то мере «более агентивна», чем пассивная, поскольку в ней нельзя употребить обстоятельства типа *обязательно, специально*, которые свободно употребляются в пассивной конструкции. Ср. (39б) и (39в):

- (39б) *Все очень несложно и ***обязательно** запоминается **ученикам** на всю жизнь*;
 (39в) *Все очень несложно и **обязательно** запоминается **учениками** на всю жизнь*.

Анализ глагола *забыть* начнем с формулирования рабочего толкования лексемы ЗАБЫТЬ: «*X забыл Y*» = ‘X (человек) утратил информацию Y из своей долговременной памяти’¹⁰. Как и при глаголах *помнить* и *запом-*

¹⁰ Ср. «*Забыть* — мгновенный предикат, относящийся к классу achievement по Вендлеру» [Туровский 2003: 245].

нить, информация может быть выражена в конструкции придаточным предложением, именем в вин. п., именем в вин. п., вводимым предлогом *про*, именем в предл. п., вводимым предлогом *о*:

- (41) *Ты что, забыл? И вправду забыл... Я забыл, что история со вторым выстрелом {...} на днях все же стала достоянием публики* (В. Белоусова).

Следует добавить, что глагол *забыть* может управлять инфинитивом, что исключено для глагола *помнить*:

- (42) *Про кота я, кажется, забыл сказать* (В. Белоусова).

Потеря информации происходит не по воле забывающего лица и не под его контролем. Соответственно ему следует приписать роль Экспериментера, а не Агенса. Вместе с тем человек по тем или иным причинам может сознательно, т. е. агентивно, пытаться забыть ту или иную информацию, хотя реально процесс забывания, как мы уже сказали, не зависит от его воли:

- (43) *Не прошло и полгода после разрыва с женой, а на Сергея навалилась еще одна напасть. Он старался забыть предательство жены.... А как?* («Криминальная хроника», 2003.06.10);
- (44) *И мне захотелось обо всем забыть, и чем больше я старался забыть, тем сильнее напрашивалась в зрительную память картина дождливого осеннего вечера, светлячка битого стекла на невидимом асфальте глухого двора и луч фонарика — круглый желтый глаз, с любопытством осматривающий лежащее на невидимом асфальте тело* (А. Курков).

Утрата информации может представлять собой процесс, занимающий определенный временной интервал:

- (45) *Он постепенно забыл про пьянчуг, наладился было думать про город в целом, как его кто-то тронул сзади за плечо* (В. Шукшин).

В этом случае у глагола *забыть* аористное употребление.

Вместе с тем информация может полностью утрачиваться и одновременно:

- (46) *Но я, кажется, задумался и забыл, зачем сюда пришел* (А. Волков).

А в этом случае у глагола *забыть* уже перфектное употребление (ситуация забывания не следует за ситуацией задумчивости, а возникает либо во время этой ситуации, либо до нее).

Возникает правомерный вопрос о семантическом соотношении глагола *забыть* и глагола *помнить* при употреблении с отрицательной частицей. Можно думать, что они выступают как синонимы, если находившаяся в памяти информация утрачивается одновременно, т. е. при перфектном употреблении глагола *забыть*. Ср. (46) и (46а):

(46a) *Но я, кажется, задумался и забыл/не помнил, зачем сюда пришел.*

Если же утрата информации происходит не одномоментно, то глагол *помнить* с отрицательной частицей нельзя употребить вместо глагола *забыть*. Ср. (45) и (45a):

(45a) *Он постепенно забыл/*не помнил про пьянчуг, наладился было думать про город в целом, как его кто-то тронул сзади за плечо.*

Вместе с тем, в отличие от глагола *забыть*, конструкция *не помнить*, может обозначать ситуацию, когда «утраченной» информации в памяти и не было. Ср. (47) и (47a) (пример мой. — В. Х.):

(47) *Иванов забыл, что он встречался с Петровым.*

(47a) *Иванов не помнил, что(бы) он встречался с Петровым.*

Оба примера имеют прочтение, в соответствии с которым информация о встрече с Петровым утрачена из памяти Иванова. В то же время у примера (47a) есть прочтение, в соответствии с которым Иванов вообще не встречался с Петровым.

Хотя глагол *забыть* и не является глаголом агентивного действия, но, будучи переходным глаголом СВ, он образует стандартную причастную пассивную конструкцию с агентивным дополнением:

(48) *Мостовому минутами стало казаться, что он навсегда забыт друзьями и врагами* (В. Гроссман);

(49) *Кровавый революционный пир, заданный ей, в годовщину тяжелой войны, на деньги мутного источника, не скоро ею будет забыт* (Н. П. Корабчевский).

Эта пассивная конструкция может употребляться и чаще употребляется без агентивного дополнения:

(50) *На несколько месяцев «Чонкин» был забыт совершенно* (В. Войнович);

(51) *Легко переживет своих гонителей и никогда не будет забыт и «Архипелаг Гулаг»* (Р. Медведев).

Вместе с тем, у глагола *забыть*, что несколько неожиданно, есть и относительный возвратный глагол *забыться*. Он образует конверсивную конструкцию, в которой, однако, по нашим данным, которые нуждаются в проверке, не употребляется ни агентивное, ни дативное дополнение¹¹:

¹¹ Данный случай принципиально отличается от известной ситуации, когда существует запрет на употребление в какой-либо конструкции или контексте того или иного участника ситуации, заданного толкованием глагола. Примером может служить фраза: *Хочу простить, но не прощается*, где невозможно, например, *мной не прощается*, хотя пассивная конструкция возможна в других контекстах типа *Мной не прощается такое отношение*. В нашем случае в принципе нельзя употребить

- (52) *Многое забывалось и самим Фоминым. Почти забылся и умерший под пыткой Княжнин* (Б. Евсеев);
- (53) *Вспомнилось и тут же забылось, какое отношение имеет вся эта русская клиника к нам, к ней и ко мне?* (В. Аксенов).

В принципе при отсутствии как одного, так и другого дополнения установить формальный статус конструкции непросто. Вместе с тем, на первый взгляд, как будто бы есть достаточные основания считать, что речь должна идти о конверсивной конструкции с дативным дополнением. В пользу этой точки зрения говорит традиционное представление о том, что «в совершенном виде формы на *-ся* страдательного значения не допускают» [Зализняк 1977: 6], см. также [Исаченко 1960: 362]. Однако это утверждение является слишком сильным. Как мы уже отмечали ранее, «такие формы с пассивным значением спорадически употребляются как в прошедшем, так и в будущем времени» [Храковский 1991: 154—155]. Как мы полагаем, и в данном случае речь идет об усеченной пассивной конструкции, в которой нельзя употребить агентивное дополнение. Основанием для такого предположения служат следующие два обстоятельства. Во-первых, наличие у глагола *забыть* стандартной причастной пассивной конструкции с агентивным дополнением, а во-вторых, как мы увидим далее, полную пассивную конструкцию образует видовой партнер глагола *забыть* — глагол *забывать*.

Глагол *забывать*, как мы только что упомянули, является видовым партнером глагола *забыть*. Лексеме ЗАБЫВАТЬ может быть дано следующее рабочее толкование: «*X забывает Y*» = ‘*X* (человек) постепенно утрачивает информацию *Y* из своей (долговременной) памяти’. Средства выражения информации такие же, как и у глагола *забыть*. Отметим при этом, что глагол *забывать* употребляется только в habituальном значении:

- (54) *Раз от раза он потихоньку забывал, что рожден все же человеком, а не лошадью* (О. Павлов);
- (55) *Он просто ужасно устает и многое забывает* (Ф. Искандер).

Важно обратить внимание на то, что процесс забывания происходит независимо от воли забывающего лица. Иными словами, это лицо в принципе выступает в роли Экспериенцера, а не в роли Агенса. Из сказанного не следует, что данное лицо не может предпринимать волевых агентивных усилий, чтобы не допустить процесса забывания или, напротив, стимулировать этот процесс, хотя эти усилия вовсе не обязательно окажутся успешными:

- (56) *Гусев что-то несусветное орал, угрожал игольником потенциально опасным клиентам и старался не забывать о ведомых* (О. Дивов);
- (57) *Хотел бы я все это забыть, да не забывается* (В. Аксенов).

дополнение, и поэтому мы без учета дополнительных, но косвенных соображений не можем сказать, о какой конструкции идет речь, о дативной, или о пассивной.

Что касается конверсивной конструкции, то она представляет собой пассивную конструкцию, которую, как принято считать, стандартно образуют глаголы агентивного действия, в то время как глагол *забывать* вряд ли можно считать таким глаголом. См. (52) выше, а также:

- (58) *Это так ясно и просто, так старо и вечно ново, так верно и так глупо забывается нами* (К. Н. Леонтьев);
(59) *Такое вряд ли прощается и забывается массовым сознанием* (Ю. Борисенко).

Естественно, что пассивной является конверсивная конструкция и при отсутствии агентивного дополнения. См. (57) выше, а также:

- (60) *Просто вы ничего не помните. Это забывается очень быстро* (М. Петросян).

Теперь рассмотрим глагол *позабыть*, который на наш взгляд является точным синонимом глагола *забыть*, но имеет более разговорный характер. Соответственно рабочее толкование лексемы ПОЗАБЫТЬ: «X (человек) *позабыл* Y» = 'X утратил информацию Y из своей долговременной памяти'. Информация может быть выражена в конструкции теми же средствами, что и при глаголе *забыть*:

- (61) *Слоненок начисто позабыл, кто он такой и откуда* (А. Дорофеев);
(62) *Если эту баньку Позабудет Манька, Что же будет с родиной и с нами* (В. Пелевин).

Как и в случае с глаголом *забыть*, забывающему лицу следует приписать роль Экспериенцера, при том, что человек может предпринимать сознательные усилия, чтобы (по)забыть определенную информацию, хотя объективно это от него не зависит:

- (63) *Евгений старался позабыть о татарине, а татарин, почувствовав к нему нежность, бродил в своих коричневых валенках всюду за юношей* (К. К. Вагинов).

У глагола *позабыть* есть соотносительный возвратный глагол *позабыться*, который, в отличие от возвратного глагола *забыться*, образует как полную дативную конструкцию, так и полную пассивную конструкцию:

- (64) *Первоначальная тема тромбона переплавилась и составила бодрую основу мелодии фанфар. Оркестру словно бы позабылось самодовольство увертюры* (В. Смехов);
(65) *Позабуду ее я, позабудется она и всеми* (В. Я. Брюсов).

Вместе с тем этот глагол может выступать и в конструкции с отсутствующим дативным/агентивным дополнением, и в этом случае мы не можем судить о том, к какой полной конструкции восходит эта конструкция:

- (66) *Но пройдет месяц, может быть, два, и все позабудется* (Ю. Казаков).

Кроме того, что следовало ожидать, глагол *позабыть* образует и стандартную полную причастную пассивную конструкцию:

- (67) *Ему это даже польстит, доказав, что он не совсем позабыт современным поколением* (М. К. Первухин).

Вполне естественно, что эта конструкция может употребляться и чаще всего употребляется без агентивного дополнения:

- (68) *Жизнь героев старых времен позабыта* (В. Голованов).

Интересно обратить внимание на то, что глагол *позабыть* и в нементальном значении ‘оставить’ образует стандартную полную причастную пассивную конструкцию:

- (69) *Среди ракушек в тени крушины Шнурок девчонкой позабыт* (К. И. Чуковский).

Однако, если судить по НКРЯ, в этом значении не употребляется усеченная причастная пассивная конструкция, что несколько неожиданно, поскольку обычно пассивная конструкция без агентивного дополнения в текстах встречается много чаще, чем соотносительная пассивная конструкция с агентивным дополнением, см. [Храковский 1991].

Следующий на очереди — глагол СВ *вспомнить*. Лексеме ВСПОМНИТЬ можно дать такое рабочее толкование: «X *вспомнил* Y» = ‘X (человек) восстановил в памяти ранее бывшую в ней информацию Y’. Информация в конструкции выражается теми же средствами, что и при глаголе *запомнить*:

- (70) *Какая-то искра проскочила между нами, и я понял. Точнее, я вспомнил. А еще точнее, вспомнил и осознал то, что вспомнил* (В. Белоусова);
 (71) *Я поднял коробки и ящики в квартиру и вспомнил, что хотел найти альбом* (А. Волос).

Ситуация, обозначаемая глаголом *вспомнить*, — это событие, которое либо представляет собой результат агентивного, но не в полной мере контролируемого процесса воспоминания, см. (72), либо возникает спонтанно, независимо от воли и желания вспомнившего человека, который в этом случае выступает в роли Экспериенцера, см. (73):

- (72) *Федор Филатович долго искал для его деятельности подходящее слово и наконец вспомнил английское «waste»* (И. Грекова);
 (73) *Веселости Александру Сергеевичу придавало и то обстоятельство, что он вдруг вспомнил о своем старом лицейском товарище Константине Данзасе* (В. Отрошенко).

Существуют тексты, которые наводят на мысль, что процесс воспоминания может быть агентивным и полностью контролируемым:

- (74) *Благодаря колоссальному напряжению воли я заставил себя вспомнить те страницы, на которых был материал по первым двум пунктам экзаменационного билета* (Э. Рязанов);
- (75) *Через полчаса, за которые перед его глазами мелькали слова и обрывки строк, он отложил библию и, потушив свет и посидев молча, заставил себя вспомнить страницу* (М. Гиголашвили).

Думается, однако, что такое представление является иллюзорным, и процесс воспоминания не является полностью агентивным и контролируемым. Об этом можно судить хотя бы по тому, что этот процесс может окончиться безрезультатно. Иными словами, человеку не удастся вспомнить то, что он вспоминает:

- (76) *Изо всех сил напрягая память, Савелий попытался вспомнить, как очутился здесь, но не смог* (В. Доценко);
- (77) *Утром Артем пытался вспомнить, что ему снилось, но ничего не вспоминалось* (Р. Сенчин).

Что касается возвратного глагола *вспомниться*, то он образует конверсивную конструкцию с дативным дополнением. Можно думать, что в этой конструкции первый участник полностью утрачивает роль Агенса и выступает только в роли Экспериенцера:

- (78) *Вот что вспомнилось Глебову, кое-что благодаря усилиям памяти, а кое-что помимо воли, само собой* (Ю. Трофимов);
- (79) *В процессе припоминания мы из них исходим, и, когда мы как будто вспоминаем забытое, мы проверяем, то ли нам вспомнилось, что мы хотели вспомнить* (Л. С. Рубинштейн).

Дативное дополнение может отсутствовать в конструкции. Стандартно это происходит тогда, когда первым участником ситуации является говорящий:

- (80) *Ни с того ни с сего вдруг вспомнилось объявление, увиденное днем раньше в сельском магазине* (Б. Эхмедханов);
- (81) *Невольно вспомнилось странное облако-кольцо, которое неожиданно возникло в пасмурном небе над Москвой* (В. Правдивцев).

Видовым партнером глагола *вспомнить* является глагол *вспоминать*. Лексеме ВСПОМИНАТЬ можно дать следующее рабочее толкование: «*X вспоминает Y*» = 'X (человек) старается восстановить в памяти ранее бывшую в ней, но отсутствующую в настоящий момент информацию Y'. В конструкции информация выражается теми же средствами, что и при глаголе *вспомнить*.

У глагола *вспоминать* есть актуально-длительное значение:

- (82) *На той премьерe, которую я сейчас вспоминаю, после последней репризы Енгибарова публика минут пятнадцать стоя аплодировала* (И. Э. Кио);
- (83) *Я шел по улице вместо того, чтобы сесть в автобус, и вспоминал всю эту историю про двух молодых учительниц* (А. Геласимов).

Вместе с тем этот глагол естественно может иметь и хабитуальное значение:

- (84) *На третий день он столкнулся со знакомым человеком, которого часто вспоминал во время своей лагерной жизни* (В. Гроссман);
- (85) *Иногда он вспоминал о прошлом бедном тресте весов и гирь, когда он еще был Сарториусом* (А. П. Платонов).

Ситуация, обозначаемая глаголом *вспоминать*, представляет собой агентивный и в какой-то мере контролируемый процесс, требующий для своего осуществления затрат энергии:

- (86) *Сидит себе Бочкин на диванчике, любит кружечками и вспоминает: в этом городе из-за плохой погоды времени потеряли уйму, в этом поклонницы прохода не давали, а в этом музей был потрясающий* (Н. Склярова).

Однако, поскольку процесс восстановления в памяти информации является не вполне контролируемым, ранее бывшую в памяти информацию не всегда удается восстановить полностью:

- (87) *Она уже с трудом вспоминала то время, когда все было иначе* (А. Берсенева).

Что касается конструкции, образуемой возвратным глаголом *вспоминаться*, то фактически мы можем говорить о двух разных конструкциях: пассивной с агентивным дополнением, см. (88—89), и конверсивной с дативным дополнением, см. (90—91):

- (88) *Единственный приезд бабки на Поперечную, 22 в Харькове вспоминается внуком с некоторым трудом* (Э. Лимонов);
- (89) *Как одно из важнейших событий периода учебы и служения в России, а затем в Швейцарии всегда вспоминалось владыкой Антонием личное знакомство и общение с будущим Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Кириллом* (Г. Малашин);
- (90) *На исходе жизни Достоевский вспоминается Толстому особенно часто* (И. Волгин);
- (91) *Многое, многое вспоминается знатокам «Илиады» при виде Кара-Тепе* (А. Голяндин).

Хотя, в принципе, пассивная и дативная конструкция семантически отличаются друг от друга тем, что в пассивной конструкции первый участник ситуации сохраняет роль Агенса, а в дативной конструкции этот участник ситуации теряет агентивные функции и приобретает экспериентивные функции, в данном конкретном случае семантические различия этих конструкций нивелируются. Особенно это заметно, когда в конструкции отсутствует косвенное дополнение. Когда этого дополнения нет, мы в общем случае не можем с точностью определить формальный статус конструкции, хотя в приводимом ниже примере (92) выражение *само собой*, очевидно, исключает пассивную интерпретацию:

- (92) *Почему-то само собой вспоминается дублирование полномочий между различными магистратурами в Риме периода республики* (Л. Усыскин);
(93) *Теперь часто вдруг что-то вспоминается* (Е. Шварц).

Очередной глагол *припомнить* является неточным синонимом глагола *вспомнить*. Его лексеме можно дать следующее рабочее толкование: «*X припомнил Y*» = ‘X (человек) восстановил ранее бывшую в (долговременной) памяти информацию Y (приложив для этого особые усилия и не будучи уверен, что восстановленная информация полностью идентична ранее бывшей в памяти)’. Информация выражается в конструкции теми же средствами, что и при глаголе *запомнить*:

- (94) *Майор настаивал, чтоб я припомнил все детали* (С. Довлатов);
(95) *Фамилию скульптора не всякий горожанин сейчас и припомнит* (В. Дубовский).

Ситуация, обозначаемая глаголом *припомнить*, — это событие, которое либо представляет собой результат агентивного, но не в полной мере контролируемого процесса припоминания (см. (96)), либо возникает спонтанно, независимо от воли и желания человека, который в этом случае выступает в роли Экспериенцера (см. (97)):

- (96) *Я думаю, что любой из нас, как следует покопавшись в уголках своей памяти, припомнит несколько подобных забавных, а может быть, и не очень, случаев* (Л. Акимова);
(97) *Увидев мое экзотическое экспедиционное одеяние и кобуру, Савич вдруг припомнил, что когда их отправляли в Испанию в 36-ом..., то им тоже выдавали такие же свитера и наганы* (А. Городницкий).

Возвратный глагол *припомниться* образует конверсивную конструкцию с дативным дополнением. Можно думать, что в этой конструкции первый участник полностью утрачивает роль Агенса и выступает только в роли Экспериенцера:

- (98) *Я вытащил штепсель, не дожидаясь торжественных звуков гимна. Мне вдруг припомнилось забытое детское ощущение. Я школьник, у меня температура* (С. Довлатов);
- (99) *Ей припомнилось или почудилось, что да, вот в него-то она была влюблена на каком-то там курсе* (О. Зайончковский).

Дативное дополнение может отсутствовать в конструкции. Обычно это бывает, либо когда первым участником ситуации является говорящий (см. (100)), либо когда первый участник ситуации не имеет конкретной референции (см. (101)):

- (100) *Порядка и системы заводить не буду. Что припомнится, то и запишу* (Ф. М. Достоевский);
- (101) *Строить на биографии принципиально нельзя, но если она припомнится, не нужно ее преднамеренно забывать* (Ю. И. Айхенвальд).

Глагол *припоминать* — неточный синоним глагола *вспоминать*. Лексеме ПРИПОМИНАТЬ можно дать следующее рабочее толкование: «*X припоминает Y*» = ‘X (человек) пытается восстановить ранее бывшую в памяти, но отсутствующую в настоящий момент информацию Y (прикладывая для этого особые усилия и не будучи уверен, что восстанавливаемая информация полностью идентична ранее бывшей в памяти)’. Информация выражается в конструкции теми же средствами, что и при глаголе *припомнить*.

У глагола *припоминать* есть актуально-длительное значение:

- (102) *Георгий Васильевич мучительно припоминал, где он его видел и кто он такой, этот молодой человек* (В. П. Катаев);
- (103) *А помнишь, как зэк на ремне удавился? — Что-то припоминаю. — Так это я был* (С. Довлатов).

Кроме того, у этого глагола есть и хабитуальное значение:

- (104) *Вставая наутро с постели, он с трудом припоминал имя очередной подружки* (А. Ковальчук).

Ситуация, обозначаемая глаголом *припоминать*, как и ситуация, обозначаемая глаголом *вспоминать*, представляет собой агентивный и в какой-то мере контролируемый процесс, требующий для своего осуществления затрат энергии:

- (105) *Жизнь эта все равно полна звуков, которые припоминает А. Бородин, как свое провинциальное детство, и заставляет припомнить нас, даже если мы этого никогда не знали* (Театральная жизнь. 2004.06.28).

Возвратный глагол *припоминаться*, в отличие от возвратного глагола *вспоминаться*, по нашим данным, которые нуждаются в проверке, образует не две, а только одну конверсивную конструкцию, а именно конструкцию

с дативным дополнением, обозначающим первого участника ситуации, выражаемой глаголом:

- (106) *Февраль семнадцатого припоминается Летунову вроде бы забавным эпизодом* (И. Сухих);
 (107) *Она сама говорила, умирая, что ей так живо припоминается, как она умирала на сцене, что она с трудом различает, настоящая ли смерть наступает* (А. Ласкин).

Дативное дополнение может отсутствовать в конструкции. Обычно это бывает, либо когда первым участником ситуации является говорящий (см. (108)), либо когда первый участник ситуации не имеет конкретной референции (см. (109)):

- (108) — *Ага, — кивнула Шершинева, — а на следующий день она появилась на два часа позже. Верно, — подхватила Рита, — ой, кажется, припоминается* (Л. Донцова);
 (109) *По мере развертывания в речи содержания припоминается то, что казалось забытым* (С. Л. Рубинштейн).

Основные результаты проведенного исследования могут быть суммированы следующим образом:

1. Возвратные глаголы, соотносимые с проанализированными глаголами памяти, образуют две конверсивные конструкции. Глаголы *помниться*, *запомниться*, *вспомниться*, *припомниться*, *припоминаться* образуют дативную конструкцию. Глаголы *забыться*, *забываться* образуют пассивную конструкцию (при этом глагол *забыться* употребляется только в конструкции без агентивного дополнения). Глаголы *позабыться*, *запоминаться* и *вспоминаться* образуют обе эти конструкции, между которыми мы не усматриваем каких-либо заметных семантических различий. Кроме того, отметим, что глаголы *забыть* и *позабыть*, что вполне естественно, образуют стандартную причастную пассивную конструкцию. См. таблицу 1.

Таблица 1

Глагол \ Тип конверсивной конструкции	Дативная конструкция	Пассивная конструкция
<i>помниться</i>	+	
<i>запомниться</i>	+	
<i>вспомниться</i>	+	
<i>припомниться</i>	+	
<i>припоминаться</i>	+	
<i>забыться</i>		+
<i>забываться</i>		+
<i>позабыться</i>	+	+
<i>запоминаться</i>	+	+
<i>вспоминаться</i>	+	+

2. У глаголов *помнить, помниться, запомниться, забыть, забыться, позабыть, позабыться, забывать, забываться, вспомниться, припомниться* первый участник ситуации выполняет роль Экспериментера. У глаголов *запоминать, запоминаться, вспоминать, припоминаться* первый участник ситуации выступает в роли Агенса. У глаголов *запомнить, вспомнить, припомнить* первый участник ситуации выступает либо в роли Агенса, либо в роли Экспериментера. См. таблицу 2.

Таблица 2

Глагол \ Роль первого участника	Агенса	Экспериментера
<i>помнить</i>		+
<i>помниться</i>		+
<i>запомниться</i>		+
<i>забыть</i>		+
<i>забыться</i>		+
<i>позабыть</i>		+
<i>позабыться</i>		+
<i>забывать</i>		+
<i>забываться</i>		+
<i>вспомниться</i>		+
<i>припомниться</i>		+
<i>запоминать</i>	+	
<i>запоминаться</i>	+	
<i>вспоминать</i>	+	
<i>припоминаться</i>	+	
<i>запомнить</i>	+	+
<i>вспомнить</i>	+	+
<i>припомнить</i>	+	+

3. Глагол *позабыть* в нементальном значении ‘оставить что-л. где-л.’ образует только причастную пассивную конструкцию с агентивным дополнением.

Сделанные дескриптивные наблюдения позволяют высказать некоторые теоретические соображения. Так, принято считать, что общим свойством и класса возвратных пассивных глаголов, и класса возвратных конверсивных «дательных» глаголов является то, что в обоих случаях в процессе деривации от исходных глаголов происходит только перераспределение синтаксических рангов участников, а ролевая и референтная структуры не меняются [Гото, Сай 2009]. Вместе с тем наш анализ показал, что существует самостоятельный класс возвратных глаголов типа *запоминаться, вспоминаться, позабыться*, которые параллельно образуют как пассивную, так и дательную конструкцию, и при этом трудно усмотреть какие-либо принципиальные семантические различия между этими конструкциями.

Также похоже, что первый участник ситуации, который в дативной конструкции занимает позицию дативного дополнения, сохраняет определенные агентивные функции, что расходится с существующими представлениями о его обязательной неагентивности [Князев 2007]¹². Вне внимания исследователей остается и тот случай, когда первый участник ситуации в исходной невозвратной конструкции дистрибутивно выполняет роли Агенса и Экспериенцера, как это имеет место в случае глаголов *запомнить*, *вспомнить*, *припомнить*. Также, на наш взгляд, не учитывается тот случай, когда первый участник ситуации невозвратного глагола выполняет роль Экспериенцера и не меняет ее в дативной конструкции, образуемой возвратным глаголом. Мы имеем в виду глаголы типа *помнить* и *помниться*, *забыть* и *забыться*, *забывать* и *забываться*. Хорошо известно, что стандартные пассивные конструкции образуются в основном от глаголов агентивного действия. Было даже высказано предложение считать глаголами действия все те глаголы, которые образуют пассивные конструкции [Королев MS]. В этой связи интересно обратить внимание на глаголы *забыть*, *забывать*, *позабыть*. Их трудно считать глаголами действия. Первый участник ситуации, называемой этими глаголами, выступает в роли Экспериенцера, а не Агенса. Несмотря на это, глаголы *забыться*, *позабыться* и *забываться* образуют стандартные пассивные конструкции. Также заслуживает внимания и требует объяснения тот случай, когда глагол *позабыть* в нементальном значении ‘оставить что-л. где-л.’ образует только причастную пассивную конструкцию с агентивным дополнением и не образует пассивной конструкции без агентивного дополнения, что представляет собой исключение из существующего узуса.

Из сказанного следует, что даже анализ небольшой группы глаголов может вносить дополнения и изменения в существующие теоретические представления.

Л и т е р а т у р а

Булыгина, Шмелев 1997 — Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.

Гото, Сай 2009 — К. В. Гото, С. С. Сай. Частотные характеристики классов русских рефлексивных глаголов // Корпусные исследования по русской грамматике. М., 2009. С. 184—223.

Зализняк 1977 — А. А. Зализняк. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение. М., 1977.

Исаченко 1960 — А. В. Исаченко. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Ч. II. Братислава, 1960.

---

¹² В работе [Храковский 2015а] показано, что в конверсивной конструкции типа *Мне сегодня (хорошо) пишется* дативный участник, выполняя функции Экспериенцера, сохраняет и роль Агенса.

Королев 1968 — Э. И. Королев. Автоматизация перевода текстов // Научно-техническая информация. Серия 2, № 3. 1968. С. 19—22.

Королев MS — Э. И. Королев. Количественные характеристики смысловых классов возвратных глаголов. Рукопись.

Князев 2007 — Ю. П. Князев. Грамматическая семантика. Русский язык в типологической перспективе. М., 2007.

Мельчук 2004 — И. А. Мельчук. Определение категории залога и исчисление возможных залогов // 40 лет Санкт-Петербургской типологической школы. М., 2004. С. 286—314.

Падучева 2004 — Е. В. Падучева. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.

Ревзина 2006 — О. Г. Ревзина. Память и язык // Критика и семиотика. Вып. 10, 2006. С. 10—24.

Туровский 2003 — В. В. Туровский. Память в наивной картине мира: *ЗАБЫТЬ, ВСПОМНИТЬ, ПОМНИТЬ* // Логический анализ языка. Избранное: 1988—1995 / Под ред. Н. Д. Арутюновой. М., 2003. С. 345—349.

Храковский 1991 — В. С. Храковский. Пассивные конструкции // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. СПб., 1991. С. 141—180.

Храковский 2015 — В. С. Храковский. Категория вида в русском языке: болевые точки // Аспектуальная семантическая зона: типология систем и сценарии диахронического развития. Сборник статей V Международной конференции Комиссии по аспектологии Международного комитета славистов. Киото, 2015. С. 321—334.

Храковский 2015a — В. С. Храковский. Конструкция *X-у хорошо/плохо работает* и ее формальный статус // *Slavia. Roč. 84. 2015, seš. 3. S. 284—290.*

Geniušienė 1987 — E. Geniušienė. The typology of reflexives. Berlin etc., 1987.

Резюме

В статье анализируются глаголы памяти: *помнить, запомнить, вспомнить, припомнить, запоминать, вспоминать, припоминать, забыть, забывать, позабыть* вместе с соотносительными возвратными глаголами. Цель анализа — уточнить состав семантических ролей первого участника ситуаций, называемых глаголами, и тип конверсивной конструкции, образуемой соотносительными возвратными глаголами. Показано, что у разных глаголов первый участник ситуации выступает либо в роли Агенса, либо в роли Экспериенцера, либо совмещает обе эти роли. Кроме того отмечено, что возвратные глаголы образуют в одном случае дативную конструкцию, в другом — пассивную, а глаголы *позабыться, запоминаться и вспоминаться* образуют обе эти конструкции без каких-либо принципиальных семантических различий.

Ключевые слова: глагол, конструкция, семантическая роль, дативное дополнение, агентивное дополнение.

Статья получена 31. 05.2016

VIKTOR S. XRAKOVSKIJ

VERBS OF REMEMBRANCE: SEMANTICS, PRAGMATICS, SYNTAX

The paper discusses Russian verbs of remembrance (*pomnit* 'remember.IPF'; *zapomnit* 'memorize.PF'; *vspomnit* 'recollect.PF', 'recall.PF'; *pripomnit* 'recollect.PF', 'recall.PF'; *zapominat* 'memorize.IPF'; *vspominat* 'recollect.IPF', 'recall.IPF'; *pripominat* 'recollect.IPF', 'recall.IPF'; *zabyt* 'forget.PF'; *zabyvat* 'forget.IPF'; *pozabyt* 'forget.PF') and their reflexive correlates. The analysis attempts to specify the inventory of the first participants' semantic roles in situations described by the verbs, as well as the types of conversion constructions formed by correlative reflexive verbs. It shows that with different verbs, the first participant can be either the Agent or the Experiencer, or it can combine both roles. The paper also notes that reflexive verbs can form either dative or passive constructions, while the reflexive verbs *pozabyt's'a* 'fade from memory.PF'; *zapominat's'a* 'be retained in one's memory.IPF'; *vspominat's'a* 'come back to mind.IPF' can form both constructions without any semantic difference between them.

Key words: verb, construction, semantic role, dative attribute, agent attribute.

Received on 31. 05.2016

А. Н. БАРАНОВ, Д. О. ДОБРОВОЛЬСКИЙ

**НИ ДВА НИ ПОЛТОРА:
СЕМАНТИКА НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ
В РУССКОЙ ИДИОМАТИКЕ**

Неопределенность как семантическая категория выражается в языке как грамматическими, так и лексическими средствами. Неопределенность в грамматической семантике связывается в первую очередь с употреблением артикля в соответствующих языках, с некоторыми глагольными формами (ср. 3 лицо мн. ч. в русских неопределенно-личных предложениях) и т. д. И по грамматической, и по лексической семантике неопределенности существует большая литература [Селиверстова 1964; Падучева 1985; 1996; Кузьмина 1989; Шмелев 1990; Иорданская, Мельчук 2013; Нуриев и др. 2015; Hawkins 1978; Fodor, Sag 1982; Haspelmath 1997; Cabredo Hofherr 2008; Siewierska 2011]. Что касается выражения неопределенности в идиоматике, то эта сфера изучена явно недостаточно.

Как следует из «Словаря-тезауруса современной русской идиоматики» [Тезаурус 2007], идея неопределенности появляется, как минимум, в таких таксонах, как ВРЕМЯ (*бог знает когда, на морковкино заговенье, когда бог пошлет*), ПРОСТРАНСТВО (*‘в произвольном месте’ — где попало, там и сям, куда придется*), НЕОПРЕДЕЛЕННОЕ КОЛИЧЕСТВО (*сколько бог пошлет; то густо, то пусто*), МНОГО (*море разлитое, направо и налево*), МАЛО (*раз-два и обчелся, на всё про всё*), НИ ХОРОШО, НИ ПЛОХО (*туда-сюда, так себе*), БЕСПОРЯДОК (*без руля и без ветрил, кто во что горазд*), ЛЮБОЙ, ПРОИЗВОЛЬНО ВЫБРАННЫЙ (*кто попадет под руку, абы как, как бог на душу положит*), СЛУЧАЙНОСТЬ, ПРОИЗВОЛЬНОСТЬ, НЕМОТИВИРОВАННОСТЬ (*от фонаря, ни с того ни с сего, роля в кустах*), НЕЗНАНИЕ, НЕПОНИМАНИЕ, НЕИЗВЕСТНОСТЬ (*темный лес, терра инкогнита*).

Кроме того, в большом таксоне ЗНАНИЕ выделяется таксон НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ (*вилами на воде писано, темная лошадка, черт знает кто, ни то ни сё, ни туда [и] ни сюда; дело ясное, что дело темное; вскрытие покажет*).

Из этого множества идиом по структурным и семантическим основаниям выделяется группа единиц с двойным отрицанием — *ни X, ни Y: ни рыба ни мясо, ни два ни полтора, ни то ни сё, ни туда [и] ни сюда, ни с того ни с*

сего, ни богу свечка ни черту кочерга. К этой группе по значению приближается также и идиома *серединка на половинку*. Как показывает анализ, в данной группе единиц представлены две стратегии номинации, позволяющие передать идею неопределенного, неясного. Первая стратегия заключается в том, что отрицается наличие каких-то важных характеристик разных сущностей, что не позволяет сделать выбор между ними, разрешив неопределенность. Вторая — в том, что некоторые важные характеристики обсуждаемых явлений совмещаются в одной сущности, что опять-таки осложняет ее категоризацию — отнесение к тому или иному классу, типу.

Первая стратегия представлена в семантике идиомы *ни рыба ни мясо*. Так, в примере *Папа так, ни рыба ни мясо, да и дома почти не бывает: работает много, на сына-оглоуда зарабатывает* (О. Андреева, Г. Тарасевич. Отличники с Манежной) обсуждаются свойства личности, характера человека. При этом указывается, что ярко выраженные особенности характера не обнаруживаются. Кроме того, отец редко бывает дома, что не позволяет сыну понять, что он из себя представляет как отец. В идиоме *серединка на половинку* реализуется другая стратегия. Она хорошо видна при подстановке в этот пример, вместо идиомы *ни рыба ни мясо*: *Папа так, серединка на половинку, да и дома почти не бывает: работает много, на сына-оглоуда зарабатывает*. Неудачность последнего примера связана с тем, что она предполагает обращение внимание на какие-то свойства и указание на то, что эти свойства совмещаются, а в контексте коммуникативно высвечивается не присутствие, а отсутствие свойств, что и оказывается проблемой для уверенной категоризации.

Назовем первую стратегию ОТРИЦАНИЕМ, а вторую — СОВМЕЩЕНИЕМ. Эти стратегии очень близки и в ряде случаев их трудно различить. Тем не менее, в некоторых диагностических контекстах данные стратегии четко противопоставлены. В предыдущем примере мы рассмотрели случай неудачной замены выражений, основанных на стратегии отрицания, на речевые формы со стратегией совмещения. Имеются также примеры неудачности обратной замены. Ср. контекст (из (1) ниже): *Вот и вышло <...> ни парень, ни девка, серединка на половинку*, где идея совмещения характеристик оказывается в центре внимания. В ситуации речь идет о том, что в некоем подростке проявляются характерные внешние свойства и особенности поведения юношей и девушек:

- (1) Шляпа и костюм странно не сочетались с чистеньким, будто вылепленным из нежного розового воска лицом молодого человека, с его простоватым веснушчатым носом, безвольным подбородком, покрытым цыплячьим пухом, и роскошными ресницами, из-за которых по-женски томно смотрели серые, большие, внимательные глаза. Казалось, накануне рождения мать-природа сомневалась, какой пол определить своему творению. Вот и вышло <...>, ни парень, ни девка, *серединка на половинку* (П. Басинский. Русский роман, или Жизнь и приключения Джона Половинкина).

В приведенном примере фразы *вылепленное из нежного розового воска лицо, роскошные ресницы, из-за которых по-женски томно смотрели серые, большие, внимательные глаза* соответствуют женским свойствам, а словосочетания *шляпа и костюм; подбородок, покрытый цыплячьим пухом* передают явно мужские характеристики персонажа. Попытка описания неопределенности такого типа идиомой, в которой выбрана стратегия отрицания, дает неудовлетворительный результат: *?? Вот и вышло <...> ни парень, ни девка, ни туда ни сюда*. А если в этот контекст подставить идиому *ни рыба ни мясо*, результат получится допустимым, но предполагающим несколько другую ситуацию: обсуждение отсутствия характерных половых признаков. Ср. следующий контекст: *Трудно понять, это парень или девка, не пойми что — ни рыба ни мясо*.

Рассмотрим оба способа указания на неопределенность в семантике этой группы идиом более подробно.

Стратегия ОТРИЦАНИЯ

Как следует из сказанного, суть стратегии отрицания состоит в том, что в семантике идиомы содержится указание на отсутствие важных характеристик тех сущностей, с которыми потенциально может отождествляться или сравниваться данная. Тем самым процесс категоризации осложняется и возникает неопределенность. Как показывает семантический анализ, стратегия отрицания реализуется в идиомах *ни рыба ни мясо*, *ни с того ни с сего*, *ни богу свечка ни черту кочерга*, а также в идиоме *ни туда [и] ни сюда* в контекстах типа *Мать живет в одной уверенности, молодые в другой, а тут и уверенности никакой нету. Ни туда, ни сюда, меж теми и другими* (В. Распутин. Прощание с Матёрой)¹.

В семантической экспликации эта стратегия реализуется различными способами в зависимости от того, что находится в фокусе внимания идиомы. Так, неопределенность причины может быть передана в толковании отрицанием всех возможных факторов, влияющих на ситуацию: '(о событии) не будучи вызвано никакими факторами ситуации' (*ни с того ни с сего*). Неопределенность категоризации как таковой можно передать следующим образом: 'лишенный характерных (явленных) признаков чего-л.' (*ни рыба ни мясо, ни туда [и] ни сюда*).

Отметим, что характер внутренней формы существенным образом влияет на семантику и на сочетаемостные характеристики. Так, в контексте из Распутина замена идиомы *ни туда [и] ни сюда* на идиому *ни рыба ни мясо* явно неудачна: *Мать живет в одной уверенности, молодые в другой, а тут и уверенности никакой нету. ?? Ни рыба ни мясо, меж теми и другими*. Это связано с тем, что компоненты *рыба* и *мясо* соотносятся с кате-

¹ Другие значения этой идиомы здесь не рассматриваются.

горящими пища, противопоставленными друг другу. Соответственно, «вещная» категоризация заложена во внутренней форме, при этом в идиоме *ни туда ни сюда* дейктические компоненты *туда* и *сюда* указывают на направление перемещения в пространстве, что легко интерпретируется как ментальное состояние. С другой стороны, во внутренней форме идиомы *ни с того ни с сего* присутствует указание на причину, что находит отражение и в актуальном значении.

История развития значения идиомы *ни рыба ни мясо* показывает, однако, что ограничение на отнесенность к конкретным, предметным сущностям действовало не всегда. В русской литературе XIX и начала XX веков обнаруживаются контексты, в которых эта идиома используется для характеристики результата какой-то деятельности:

- (2) а. Русская комическая труппа превосходная, и даже драмы разыгрываются отменно хорошо, что подтверждают люди просвещенные, видевшие лучшие театры в Европе. Но, по несчастию, хорошие актеры редко играют вместе, и оттого, как говорит папа, *выходит ни рыба ни мясо* (Ф. Булгарин. Письма провинциалки из столицы).
- б. Читал Нежданов не совсем хорошо: не решался декламировать — и не хотел впадать в сухой тон; *выходило — ни рыба ни мясо* (И. Тургенев. Ночь).
- в. Прошу же судить об игре его. Мое впечатление — *ни рыба, ни мясо* (Н. Станкевич. Письма Я. М. Неверову).

Как и другие идиомы обсуждаемой семантической группы, данная идиома связана с негативной оценкой. Однако в литературе XIX в. встречаются контексты в целом позитивной оценки, в которых представлена и данная идиома:

- (3) — Дельвиг в первом же номере своей «Литературной Газеты» заявил ведь, что в ней не будет места критической перебранке, — басил Свиный. — Человек он, точно, безобидный, *ни рыба ни мясо*, — проскрипел в ответ незнакомый Гоголю голос, — очевидно Греча (В. Авенариус. Школа жизни великого юмориста).

Поскольку в современном языке идиома *ни рыба ни мясо* характеризует предметные сущности и передает отрицательную оценку, то объект оценки должен быть предварительно введен в дискурс. Так, нельзя сказать **Пришел ни рыба ни мясо* при норме *Пришел Петр. Он у нас ни рыба ни мясо*. Тем самым пример (4) из произведения середины XIX века выглядит не вполне удачно:

- (4) Чудно создан свет, а еще чуднее устроились на нем люди: ну пусть это орел, а это глухарь, здесь слон, там заяц: а отчего вдруг *является ни рыба ни мясо* — живет в воде, а с крыльями, водится на земле, и прогуливается по морю? (И. Кокорев. Сибирка. Мещанские очерки).

Впрочем, не исключено, что либо речь идет об игровом контексте, либо такое употребление в XIX веке было близко к норме.

В лексикографических источниках XIX века данная идиома представлена с расширением: *ни рыба ни мясо, ни кафтан ни ряса* [Даль 2007]. Ср.:

- (5) Василий Борисыч, умный бы ты был человек, кабы не дурак!.. Вот уж истинно: *ни рыба ни мясо, ни кафтан ни ряса*... Ты ему дело, а он чепуху, ты ему вдоль, а он поперек!.. (П. Мельников-Печерский. В лесах).

Такое расширение дополнительно коммуникативно высвечивало характерную для стратегии отрицания идею неразрешимого противопоставления, не имеющего промежуточного решения.

Особенность семантики идиомы *ни богу свечка ни черту кочерга* состоит в том, что, во-первых, она используется в основном по отношению к людям, и, во-вторых, в том, что ее употребление связано с идеей неспособности выполнения какой-то функции. Затрудненность отнесения человека к какой-то конкретной группе лиц приводит к тому, что этот человек не в состоянии выполнить те функции, которые характерны для представителей этой группы. Так, в реплике персонажа из пьесы Л. Титовой и А. Староторжского «Исчезновение принцессы Фефелы III» отмечается, что королевская дочь не в состоянии помочь колдунье, хотя в нормальном случае члены королевской семьи это сделали бы с легкостью:

- (6) Колдунья. Теперь уж всё, ничего не будет... Фефела. Как это не будет, я еще королевская дочь! Колдунья. Так что с того, что королевская? *Ни богу свечка, ни черту кочерга!*

Идея неспособности выполнения функции при употреблении данной идиомы всегда присутствует, хотя в конкретном контексте она в явном виде может и не упоминаться:

- (7) а. А самым лучшим, по словам Мартына, было бы, если б нашелся «смелый и честный» советский человек, который покончил бы с этим Круминьшем — *ни богу свечка, ни черту кочерга!*.. (Н. Шпанов. Ученик чародея).
б. Хорошего человека по лицу видно. Ведь это, действительно, таинственная закономерность, не объяснимая средствами человеческой логики, что хорошего человека всегда по лицу видно, хотя далеко не всегда как-то нарочно отмечен мерзавец и живодер. Другое дело, что безусловная добродетель — большая редкость, равно как и безусловная злонамеренность, и человек по преимуществу «*Ни Богу свечка, ни черту кочерга*» (В. Пьецух. Сравнительные комментарии к пословицам русского народа).

В данную группу входят также идиомы, которые используются в ситуациях неопределенности причины. Это, прежде всего, идиомы *ни с того ни с сего* и *ни за что ни про что*. Стратегия отрицания для обозначения неопределенности причины вполне естественна, поскольку двойное отрицание в сфере дейксиса легко интерпретируется как указание на отсутствие

каких бы то ни было причин. В противоположность этому, стратегия совмещения не вполне удачна для указания на неопределенность причины. Это и понятно. Идея беспричинности не совместима с актуализацией каких-то свойств, общих для разных причин.

Идиомы неопределенности причины со стратегией отрицания — это прежде всего *ни с того ни с сего* и *ни за что ни про что*. Отметим, что неопределенность причины (мотивации какого-то действия) может реализовываться и в рамках других стратегий — ср. с *бухты-барахты* (*Террорист ничего не имел в виду и десять миллионов затребовал с бухты-барахты* (Корпус Публ.²)), *от фонаря* (*Большинство воскресных праздников были придуманы от фонаря* (Корпус Публ.)), *от балды* (*Есть ли у скульптур свое место в саду или их устанавливают, что называется, от балды?* (Корпус Публ.)).

Внутренняя форма идиомы *ни с того ни с сего* основана на идее отрицания дейксиса «дальних» и «ближних» областей пространства. По модели значения это своего рода «псевдоисчерпание» всех возможных причин. Иными словами, это чистый случай реализации стратегии отрицания:

- (8) а. Как всегда, *ни с того ни с сего* позвонил старший сын от первого брака, Дмитрий (В. Аксенов. Остров Крым).
б. Не может быть, чтобы вас так, *ни с того ни с сего* пощадили. Вам нельзя обольщаться... (В. Дудинцев. Белые одежды).
в. Мать (...) помчалась домой и *ни с того ни с сего* устроила скандал, бегала по квартире, швыряла вещи и спрашивала отца, куда он запрятал любовницу (А. Слаповский. Гибель гитариста).

Стратегия отрицания при указании на причину демонстрирует одно из свойств естественного языка: отличие наивной логики от формальной. Действительно, полностью отрицая причину, говорящий вовсе не имеет в виду, что причины нет совсем — она просто неизвестна и реконструировать ее не представляется возможным.

Стратегия отрицания причины реализуется и в идиоме *ни за что ни про что*, однако при этом отрицаются квазисинонимичные предложные формы *за что* и *про что*, что и порождает эффект идиоматичности: *каждый кому не лень мог ни за что ни про что ее обляять* (В. Распутин. Живи и помни).

Стратегия СОВМЕЩЕНИЯ

Как уже отмечалось выше, суть стратегии совмещения заключается в том, что некоторые важные характеристики обсуждаемых явлений совмещаются. Совмещение, как и в случае стратегии отрицания, опять-таки ос-

---

² «Корпус Публ.» — Корпус Публицистики отдела экспериментальной лексикографии Института русского языка РАН (около 30 млн словоупотреблений).

ложняет категоризацию. Типичный пример стратегии совмещения — это идиомы *ни два ни полтора* и *серединка на половинку*. В контекстах использования этих идиом указывается — явно или в скрытом виде — на совмещение характеристик. Так, в примере *Показания студентов-свидетелей были, как выражается следовательно, ни два ни полтора: кто, кого, как бил, сразу же стали забывать* (Комсомольская правда) свидетели не отрицают сам факт рукоприкладства, но путаются в установлении ответственных за те или иные действия. В результате происходит путаница с тем, кто бил и кого били. Совмещение различных показаний оказывается противоречивым и затрудняет категоризацию.

Аналогично в примере *И эти волосы дурацкие, ни два ни полтора; полудлинные, неухоженные...* (И. Грекова. Дамский мастер) волосы названы полудлинными, то есть указано что-то общее, что свойственно и коротким и длинным волосам. Если в этот пример ввести идиому со стратегией отрицания, это потребует модификации контекста: вместо фразы *эти волосы дурацкие, ни туда ни сюда; полудлинные* лучше было бы сказать *эти волосы дурацкие, ни туда ни сюда; ни длинные, ни короткие*. Иными словами, замена идиомы стратегии совмещения идиомой со стратегией отрицания сопровождается изменением фокуса внимания с общих свойств на их отсутствие.

И при стратегии совмещения, и при стратегии отрицания в контексте могут обсуждаться свойства различных «полюсов» категоризации, но в первом случае подчеркивается частичное присутствие общих свойств при недостаточной выраженности для отнесения к соответствующему «полюсу», а во втором — отсутствие свойств обоих полюсов. Внутренняя форма идиом со стратегией совмещения задает шкалу, которая допускает возможность промежуточных значений. Действительно, идиома *ни два ни полтора* содержит ссылку на натуральный числовой ряд, допускающий дробление чисел. Идиома *серединка на половинку* также указывает на шкалу с серединным (промежуточным) положением значений параметра:

- (9) а. Человек станет упорным, хитроумным и добрым. Пока же всё, как обычно. Очень плохих мало, очень хороших тоже, а всё остальное так, *серединка на половинку* (П. Елохин. Триумвират).
- б. Мы, видите ли, волею судеб, однажды зажмурились крепко и надолго. Веру подрастеряли, безбожниками не стали. Так, *серединка на половинку* (А. Строганов. Иерихон).
- в. Т е т я В е р а: Целую жизнь бились, как рыбы об лед, только чтобы все детям, чтобы у них не так, как у нас, а смотришь — сердце кровью обливается. М а т ь: Главное, что безвольные какие-то, ленивые. Нет, чтобы лучшее взять — а то все *серединка на половинку* (Н. Мошина. Близкие).

В примерах (9а) и (9в) обращается внимание на то, что крайности — очень хорошие и очень плохие люди (и дети) — представлены не слишком

часто, в то же время людей, совмещающих и плохое и хорошее, довольно много. Аналогично вера и безверие часто проявляется в людях одновременно, что и квалифицируется как состояние «серединка на половинку» — пример (9б).

Отметим, что при всей подробности описания ситуации примеры (9а-в) нельзя рассматривать как диагностические для разделения идиом со стратегиями совмещения и отрицания. Они допускают как ту, так и другую интерпретацию. В силу этого идиом *серединка на половинку* может быть заменена на выражение *ни рыба ни мясо*, что приведет к соответствующему переосмыслению ситуации. Однако в следующем примере из Л. Петрушевской такая замена затруднена: *Итак, простоволосая и простушка, потому, что совсем рядом с этими словами стоит слово «проститутка», и она и есть она. Но не борец по фигуре, руки не торчат кренделями от мощности корпуса, нет. Так, **серединка на половинку**, простушка, и всё этим сказано* (Л. Петрушевская. Дочь Ксени). Фраза *Так, ^{???}ни рыба ни мясо, простушка, и всё этим сказано* в обсуждаемом контексте будет явно неудачна. Действительно, хотя точная категоризация в рассматриваемом примере отсутствует, слово *простушка* оказывается в авторской интерпретации неким промежуточным вариантом. Между тем, стратегия отрицания промежуточной категоризации не предполагает.

Таким образом, если внутренняя форма идиом со стратегией совмещения связана со шкалированием, то есть с некоторым параметром, имеющим экстремумы (минимум и максимум) и промежуточные значения, то внутренняя форма идиом со стратегией отрицания со шкалированием не связана. Идиомы *ни рыба ни мясо*, *ни богу свечка ни черту кочерга*, *ни с того ни с сего*, *ни туда ни сюда* не предполагают наличия шкалы соответствующего параметра. В этом случае параметр имеет вид «истинной» оппозиции с двумя противопоставленными значениями.

Общее в стратегиях

Несмотря на то, что стратегия отрицания и стратегия совмещения концептуально противопоставлены, есть идиома, семантика которой допускает обе стратегии. В идиоме *ни то ни се* реализуются в зависимости от контекста то одна, то другая стратегия. Так, во фразе *Шары не костяные, но и не металлические — так, **ни то ни се**, эрзац, но играть можно* (Г. Жженов. Прожитое) реализуется стратегия отрицания, а в примере (10) представлена стратегия совмещения:

- (10) Шухов вздохнул и встал. Знобило его, как и раньше, но косануть, видно, не проходило. Вдовушкин протянул руку за термометром, посмотрел. — Видишь, *ни то ни се*, тридцать семь и две. Было бы тридцать восемь, так каждому ясно. Я тебя освободить не могу.

На свой страх, если хочешь, останься (А. Солженицын. Один день Ивана Денисовича).

Действительно, словосочетание *не костяные, но и не металлические* в явном виде указывает на то, что отрицается отнесенность категоризируемых сущностей к предметам, противопоставленным по своим характеристикам, а словосочетание *ни то ни се, тридцать семь и две* фиксирует промежуточное состояние, которое трудно отнести к собственно болезни, что позволило бы герою освободиться от работы, или считать человека полностью здоровым (ср. *Было бы тридцать восемь, так каждому ясно*). Таким образом, точная категоризация состояния «больной — здоровый» в данном случае затруднена. Стратегия совмещения в данном случае указывает не на отсутствие характеристик, а на наличие признаков и болезни и относительно здорового состояния.

Разобранные примеры показывают, что идиома *ни то ни се* в известном смысле оказывается родовой для обеих стратегий.

Кроме рассмотренного случая совмещения стратегий в семантике одной идиомы, возможно такое дискурсивное употребление идиом с разными стратегиями, когда они встречаются одновременно:

- (10) — Где же предел этого лучше? — спрашивала Аглаида Васильевна, — быть за неспособность выгнанной из гимназии? — Это крайность: надо учиться *середка наполовинку*. — Значит, твоя Корнева *середка наполовинке*, — вставляла Зина, — *ни рыба ни мясо*, ни теплое ни холодное — фи, гадость! (Н. Гарин-Михайловский. Гимназисты).

В примере (10) идиома *середка наполовинку/наполовинке*³ связана со стратегией совмещения, а *ни рыба ни мясо* — со стратегией отрицания. Один и тот же человек — Корнева — характеризуется в актуальном значении этих идиом практически одинаково, а способы кодировки этого значения различны.

* * *

Интересно, что все идиомы рассматриваемых групп в актуальном значении, кроме всего прочего, выражают отрицательную оценку. Ср. *человек расплывчатый, ни рыба ни мясо; так, ни то ни се, эрзац; так себе, ни богу свечка, ни черту кочерга; немецкий у него серединка на половинку; ничего не выбрал, ни туда и ни сюда*. Это объясняется тем, что неопределенность априори рассматривается в обыденном сознании как что-то плохое. В наивной логике определенность ситуации способствует успешному принятию решений, а неопределенность затрудняет этот важный когнитивный процесс. В аксиоматике, отраженной в естественном языке, противопо-

³ Устаревший вариант идиомы *серединка на половинку*.

ставление ОПРЕДЕЛЕННОСТЬ — ЭТО ХОРОШО, НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ — ЭТО ПЛОХО находится в том же ряду, что и сентенции ВЕРХ — ЭТО ХОРОШО, НИЗ — ЭТО ПЛОХО; БОЛЬШОЙ — ЭТО ХОРОШО, МАЛЕНЬКИЙ — ЭТО ПЛОХО; СВЕТ — ЭТО ХОРОШО, ТЬМА — ЭТО ПЛОХО и под.

В рассмотренной группе идиом порядок слов строго фиксирован: нельзя сказать **ни се ни то*, **ни мясо ни рыба*, **ни черту кочерга ни богу свечка*, **ни полтора ни два* и т. д. Все идиомы, кроме *серединка на половинку*, представляют собой сочинительные конструкции с отрицанием (*ни рыба ни мясо*, *ни два ни полтора*, *ни то ни се*, *ни туда [и] ни сюда*, *ни с того ни с сего*, *ни богу свечка ни черту кочерга*). В принципе порядок следования компонентов сочинительной конструкции определяется правилами, обсуждавшимися в известных работах [Cooper, Ross 1975] и [Лауфер 1987]. Однако применительно к фразеологии эти правила не всегда соблюдаются. Так, порядок следования элементов в устойчивых выражениях *здесь/тут и там*, *то тут то там*, *так или иначе* объясняется общим правилом «принцип фиксации центра» [Лауфер 1987: 172], согласно которому сначала называется то, что в центре, а затем — периферийные элементы. В рассматриваемом случае центр формируется там, где находится говорящий — субъект дейктических отношений. Тем не менее, во фразеологических единицах часто раньше называется периферийный элемент: *туда-сюда*, *ни туда ни сюда*, *ни то ни се*, *ни с того ни с сего* и пр. Что касается идиом с семантикой передвижения — *туда-сюда*, *ни туда ни сюда*, — то несмотря на то, что первым компонентом в них выступает периферийный элемент, такое расположение семантически мотивировано передвижением от центра дейксиса, где находится субъект наблюдения, к периферии. Соответственно, упоминание центрального элемента (*сюда*) связано с движением от периферии к центру и, естественно, занимает вторую позицию в сочинительной конструкции. Действительно, *туда* указывает на движение от центра к периферии, а *сюда* — от периферии к центру. Тем самым, «принцип фиксации центра» и здесь соблюдается. Несколько сложнее объяснить порядок следования элементов сочинительной конструкции в идиомах *ни то ни се*, *ни с того ни с сего*. Не исключено, что здесь действует принцип аналогии. Отметим, что в идиоме *ни богу свечка ни черту кочерга* действует другой принцип, хорошо описанный в [Лауфер 1987: 173], — «принцип аксиологической организации», в соответствии с которым предпочтительная альтернатива в паре *бог* — *черт* упоминается первой. Форма *ни два ни полтора*, казалось бы, нарушает принцип «линейной организации» [Лауфер 1987: 171], однако такая последовательность вполне объясняется действием другого принципа — «принципа рангового превосходства». Очевидно, что ранг целых чисел выше, чем ранг дробных. Тем самым, ранг компонента *два* выше, чем компонента *полтора*. Порядок следования компонентов в идиоме *ни рыба ни мясо* трудно объяснить каким бы то ни было из известных принципов. На произвольность выбора следования компонентов в данной идиоме указывает также тот факт, что в идиомах близкой семантики и ана-

логичного лексического состава в других языках представлен прямо противоположный порядок слов, ср. лат. *neque caro neque piscis*.

Впрочем, произвольность выбора языком той или иной последовательности компонентов в рассматриваемых конструкциях может оказаться кажущейся: язык, «выбирая» некоторую последовательность элементов в конструкции, в основном следует логике, которая может далее повторяться в аналогичных случаях. Даже родственные языки в рассматриваемых конструкциях демонстрируют различия. Так, в некоторых славянских языках в серии идиом *туда-сюда, ни туда ни сюда, ни то ни се, ни с того ни с сего* и пр. первым может следовать элемент с семантикой ‘ближний’. Ср. словацкие формы *sem a tam* и *ani sem, ani tam* (эквивалентные русским *туда-сюда* и *ни туда ни сюда*), причем в форме *ani sem, ani tam* обратный порядок компонентов также допустим. При этом в польском повторяется порядок слов, характерный для русского: *tam i siam, tędy (i) owędy, tu i ówdzie, ni tam ni siam, ni z tego ni z owego*.

Судя по всему, выбор порядка следования элементов определяется комплексом факторов — семантических, прагматических и даже фонетических. Исследователь видит только конечный результат — равнодействующую все этих факторов. В лучшем случае удается классифицировать наблюдаемый феномен, объяснив его приоритетом того или иного фактора.

Л и т е р а т у р а

Даль 2007 — В. Даль. Пословицы русского народа. М., 2007.

Иорданская, Мельчук 2013 — Л. Н. Иорданская, И. А. Мельчук. Наречие *однажды*: неопределенный временной спецификатор // Вопросы языкознания. № 1. 2013. С. 22—37.

Кузьмина 1989 — С. М. Кузьмина. Семантика и стилистика неопределенных местоимений // Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект. М., 1989. С. 158—231.

Лауфер 1987 — Н. И. Лауфер. Линеаризация компонентов сочинительной конструкции // А. Е. Кибрик, А. С. Нариньяни (ред.). Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах. М., 1987. С. 167—176.

Нуриев и др. 2015 — В. А. Нуриев, О. А. Петрушкина, Е. А. Рогонова, Е. С. Спиридонова. Таксономия и описание показателей неопределенности в русском языке на основе данных параллельного корпуса // *Studia Rossica Gedanensia*. № 2. 2015. С. 125—136.

Падучева 1985 — Е. В. Падучева. Высказывание и его соотношенность с действительностью (Референциальные аспекты семантики местоимений). М., 1985.

Падучева 1996 — Е. В. Падучева. Неопределенность как семантическая доминанта русской языковой картины мира [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf1/dominanta1_1996.pdf.

Селиверстова 1964 — О. Н. Селиверстова. Опыт семантического анализа слов типа *все* и типа *кто-нибудь* // Вопросы языкознания. 1964. № 4. С. 80—90.

Тезаурус 2007 — Словарь-тезаурус современной русской идиоматики / Под ред. А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского. М., 2007.

Шмелев 1990 — А. Д. Шмелев. Парадоксы идентификации // Тождество и подобие. Сравнение и идентификация. М., 1990. С. 33—51.

Cabredo Hofherr 2008 — P. Cabredo Hofherr. Les pronoms impersonnels humains — syntaxe et interprétation. *Modèles linguistiques*. 29 (1). 2008. P. 35—56.

Cooper, Ross 1975 — W. Cooper, J. Ross. World order // *Papers from the parasession on functionalism*. April 17, 1975. Chicago, 1975.

Fodor, Sag 1982 — J. Fodor, I. Sag. Referential and quantificational indefinites // *Linguistics and Philosophy*. 5. 1982. P. 355—398.

Haspelmath 1997 — M. Haspelmath. *Indefinite pronouns (Oxford studies in typology and linguistic theory)*. Oxford, 1997.

Hawkins 1978 — J. A. Hawkins. *Definiteness and indefiniteness*. London, 1978.

Siewierska 2011 — A. Siewierska. Overlap and complementarity in reference impersonals: Man-constructions vs. third person plural-impersonals in the languages of Europe // A. Malchukov, A. Siewierska (eds.) *Impersonal constructions: A cross-linguistic perspective*. Amsterdam & Philadelphia, 2011. P. 57—90.

Резюме

В статье рассматривается семантика группы идиом с двойным отрицанием — *ни рыба ни мясо, ни два ни полтора, ни то ни сё, ни туда ни сюда, ни с того ни с сего, ни богу свечка ни черту кочерга*, а также близкая к ней по значению идиома *серединка на половинку*. В обсуждаемой группе единиц представлены две стратегии номинации, передающие идею неопределенного, неясного. Первая стратегия состоит в том, что отрицается наличие каких-то важных характеристик двух разных сущностей, что не позволяет сделать выбор между ними, разрешив неопределенность. Это стратегия отрицания, которая реализуется, в частности, в идиоме *ни рыба ни мясо*. Вторая стратегия состоит в том, что некоторые важные характеристики обсуждаемых явлений совмещаются в одной сущности, что опять-таки осложняет отнесение ее к тому или иному классу, типу. Это стратегия совмещения, реализуемая в таких идиомах, как *ни два ни полтора*. В идиоме *ни то ни сё* могут реализоваться (в зависимости от ситуации) обе стратегии. Обсуждается порядок следования компонентов в конструкции *ни... ни...*

Ключевые слова: фразеология, идиомы, семантика неопределенности, стратегии номинации, двойное отрицание.

Статья получена 06.03.2016

ANATOLY N. BARANOV, DMITRIJ O. DOBROVOL'SKIJ

NI DVA NI POLTORA: SEMANTICS OF INDEFINITENESS IN RUSSIAN IDIOMS

The article examines the semantics of a group of idioms with double negation — *ni ryba ni mjaso* (neither fish nor fowl), *ni dva ni poltora* ‘neither this nor that’, *ni to ni sё* ‘neither one nor the other’, *ni tuda ni sjuda* ‘neither here nor there’, *ni s togo no s sego*

‘for no apparent reason’, *ni bogu svečka ni čertu kočerga* ‘neither this nor that’, as well as the idiom *seredinka na polovinku* ‘something in between’, which is close in meaning. This group displays two nomination strategies for conveying the notion of something indefinite or unclear. The first such strategy consists in negating the presence of certain important attributes of two different entities, which makes it impossible to choose between them and thereby resolve the uncertainty. This negation strategy is applied in particular in the idiom *ni ryba ni mjaso*. The second strategy consists in mixing certain of the important attributes of the given phenomena in a single entity, which once again makes assigning it to one or another class or type more complicated. This strategy of mixing is used in idioms such as *ni dva ni poltora*. Depending on the context, in the idiom *ni to ni sě* both strategies can be applied. Discussion also concerns the sequential order of the constituents of the construction *ni... ni...* ‘neither ... nor ...’.

Key words: phraseology, idioms, semantics of indefiniteness, nomination strategies, double negation.

Received on 06.03.2016

Е. В. ПАДУЧЕВА

ОДНАЖДЫ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ СЛАБОЙ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ*

Загадочное слово *однажды* не было до последнего времени предметом специального исследования. Принципиально важный шаг на пути постижения его семантики, синтактики и референции сделан в статье [Иорданская, Мельчук 2013], где обращено внимание на то, что *однажды* связано — не только по форме, но и семантически, — со словом *один* в значении СЛАБОЙ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ. См. об *один* в этом «не счетном» значении в [Падучева 1985: 212—214]; там же и о других показателях слабой определенности — *кое-какой* (и вся серия на *кое-/кой-*: *кое-кто*, *кой-что* и т. д.) и *некоторый*; слабая определенность — это определенность для говорящего и неопределенность для слушающего.

Слабая определенность — жемчужина русской картины мира. В русском языке сфера неопределенности разработана как нигде. В английском языке с трудом различается *specific indefiniteness* и *non-specific indefiniteness*, и только на семантическом уровне. Между тем в русском языке это формальное различие — есть серия местоимений НЕИЗВЕСТНОСТИ (*specific indefinite pronouns*), на *-то*, и серия НЕРЕФЕРЕНТНЫХ (*non-specific indefinite pronouns*), на *-нибудь*. А кроме того, есть третья серия, на *кое-/кой-*, СЛАБО-ОПРЕДЕЛЕННЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ; к местоимениям на *кое-/кой-* примыкают другие показатели слабой определенности — слова *некоторый* и *один*, а также местоимения на *не-* — *некий*, *некто*, *нечто* — и оборот *тот или иной*. (Для полноты картины следует упомянуть еще несколько неопределенных местоимений: местоимения ОТРИЦАТЕЛЬНОЙ ПОЛЯРНОСТИ, на *-либо* и ... *бы то ни было*, и местоимения СВОБОДНОГО ВЫБОРА (см. [Haspelmath 1997]) — *любой* и серия на ... *угодно*.)

Наблюдение, сделанное в [Иорданская, Мельчук 2013], превращает *однажды* из изолята в слово, для которого заготовлено место в системе.

Однажды, как и *один*, употребляется не только как референциальный показатель, но и в значении счета ‘(имело место) один раз’ (*Я видел его лишь однажды*); это значение остается здесь вне рассмотрения.

---

* Работа выполнена при поддержке РНФ (проект 14-18-03270), грант предоставлен через Московский педагогический государственный университет.

1. *Однажды*: попытки истолкования

В [Иорданская, Мельчук 2013] фразы (1а) и (1б) обе признаются недопустимыми. Между тем, можно думать, фраза (1б) признана недопустимой справедливо, а фраза (1а) — нет. (Мнения по поводу фразы (1а) расходятся, однако достаточное число опрошенных считает фразу нормальной.)

(1) а. После этого Изабелла Купер¹ поселилась в одном из городов Среднего Запада, а затем перебралась в Лос-Анджелес, где *однажды* покончила жизнь самоубийством;

б. *Однажды Изабелла Купер покончила жизнь самоубийством.

Многое прояснится, если рассмотреть употребление *однажды* в контексте соответствующих ему коммуникативных ситуаций, см. о КАНОНИЧЕСКОЙ коммуникативной ситуации [Lyons 1977: 637], и о неканонических ситуациях в [Падучева 1996].

Слово *один* — безусловный первичный, т. е. жесткий, эгоцентрик [Падучева 1996: 298]: оно предполагает каноническую коммуникативную ситуацию, поскольку его смысл требует обращения не только к говорящему, но и к адресату. Так, в смысл сочетания *один человек* входят компоненты (i) ‘я знаю этого человека’ и (ii) ‘я исхожу из того, что ты его не знаешь’. Если предположение (ii) не оправдывается, говорящий терпит коммуникативную неудачу; так, в примере (2) (ср. [Падучева 1985: 155]) говорящий не ожидал, что слушатель тоже знает этого человека и имеет представление о том, что с ним было:

(2) — И тут *один человек* выбежал из толпы ...
— Он не выбежал, его выпихнули.

Как все эгоцентрики, смысл которых отсылает не только к говорящему, но и к адресату, *один* неподчинимо. В частности, нецитуруемо; если Зина сказала мне (3а), я понимаю, что Зина знает об этой женщине больше, чем мне говорит. При этом я не могу передать слова Зины фразой (3б):

(3) а. Вася женился на *одной* китаянке;
б. Зина сказала, что Вася женился на *одной* китаянке.

Правда, в примере (4) обнаруживается нечто подобное гипотаксической проекции [Падучева 2011] — *один* находится в контексте придаточного изъяснительного; но это нарратив 1-го лица, где говорящий в каком-то виде присутствует:

(4) Сверх того, дошло до моего сведения, что *один проезжий москвич, добрейший, впрочем, юноша*, мимоходом отозвался обо мне на вечере у губернатора как о человеке выдохшемся и пустом (И. С. Тургенев. Гамлет Щигровского уезда (1849)).

¹ Речь идет о возлюбленной генерала МакАртура.

Употребления *один*, в которых семантика слабой определенности утрачивается, в принципе, допустимы, но скорее в небрежной речи, см. ниже пример (19).

Что же касается *однажды*, то оно довольно свободно употребляется в выветренном значении: во многих контекстах слабая определенность переходит в обычную неопределенность, т. е. несущественность временной локализации события для говорящего, или даже в нереферентность (*non-specific indefiniteness*) временного показателя.

Основное употребление у *однажды*, как и у *один*, — интродуктивное (см. [Арутюнова 1976: 221 слл.]). При этом именная группа с детерминативом *один* вводит в рассмотрение (а именно, в общее поле зрения говорящего и слушающего) объект, а предложение с *однажды* — ситуацию, о которой дальше будет идти речь. Высказывание называется интродуктивным, если оно предполагает продолжение.

Слово *один* допускает и не интродуктивное употребление, см. пример (3а). А интродуктивность *однажды* зависит от его места в коммуникативной структуре; так, тематическое *однажды* интродуктивно по преимуществу, см. (16).

Существенное отличие *однажды* от *один* — то, что *один* широко используется в диалоге, а слово *однажды* дискурсивное: оно употребляется почти исключительно в нарративе (хотя бы и от 1-го лица), где говорящий — это не полновесный говорящий, а повествователь. Интродуктивность — это то, в чем проявляется слабая определенность в нарративе.

В [Иорданская, Мельчук 2013] дается следующее толкование *однажды*: *однажды* (Q) означает, что время ситуации Q и сама Q «неидентифицируема для адресата». Далее неидентифицируемость ситуации Q сводится к трем свойствам ее референта:

- 1) НЕОБЯЗАТЕЛЬНОСТЬ (= факультативность; например, самоубийство — в отличие от смерти),
- 2) ПОВТОРИМОСТЬ (например, инфаркт — в отличие от самоубийства),
- 3) ОРДИНАРНОСТЬ (например, посещение кинотеатра — в отличие от инфаркта).

Утверждается, что если ситуация Q не обладает хотя бы одним из этих свойств, употребить *однажды* в соответствующей фразе нельзя.

Рассмотрим каждое из этих свойств. Начнем со свойства 2) — повторимость. Утверждается, что ситуация, вводимая словом *однажды*, должна быть повторимой, так что неповторимость — это источник неадекватности предложения (16). Например, предложение *Однажды Изабелла Купер заболела* нормально, поскольку Изабелла Купер могла болеть много раз.

Однако ситуация во фразе с *однажды* в примере (5) неповторима, а между тем, фраза нормальна — она естественно вписывается в контекст²:

---

² За этот пример, найденный в Национальном корпусе русского языка, я благодарна Светлане Олеговне Савчук.

- (5) *Однажды* Никита Михалков дней так за двадцать снял тихий фильм «Пять вечеров». Станислав Любшин, Людмила Гурченко, оттенки серого, неброскость одежд, мягкость интонаций. (...) Первый канал на этой неделе лихо разделался с ароматом того старого, «нерейтингового» произведения (Комсомольская правда, 2004.09.15).

Здесь обнаруживается отличие *однажды* от *один*: *один* возможно только в контексте ОБЩЕГО имени объекта (например: *мой одноклассник, молодой человек, китайка*), а *однажды* возможно не только в контексте ситуации, обозначенной общим именем (т. е. ситуации, которая может повторяться, происходить много раз, как *Изабелла Купер заболела*), но и в контексте ситуации с ЕДИНИЧНЫМ именем, неповторимой, как *Изабелла Купер умерла*.

Надо сказать, что пример (5) не полностью объяснен: его безупречность достигается модификатором *дней так за двадцать* и эпитетом *тихий*. Приемлемость фразы (5') *Однажды Никита Михалков снял фильм «Пять вечеров»*, где *однажды* по-прежнему употребляется в контексте неповторимой ситуации, не столь очевидна. Однако и для (5') можно подобрать контекст, где она будет уместной:

- (5'') *Однажды* Никита Михалков снял фильм «Пять вечеров», а сейчас снимает всякую ерунду.

Конечно, *однажды* чаще употребляется в контексте повторимой ситуации, однако пример (5) показывает, что неповторимость ситуации в сфере действия *однажды* не исключена. Так что сама по себе неповторимость не может быть источником неадекватности предложения (1б).

Беда предложения (1б) в другом: слово *однажды* занимает в нем тематическую позицию, и потому имеет интродуктивное употребление. Фраза с *однажды* должна вводить в рассмотрение ситуацию, ее время, место, участников или какие-то обстоятельства. А тут фраза гласит, что участник, введенный в рассмотрение, перестал существовать. Сцена остается пустой.

Еще один пример, который приводится в [Иорданская, Мельчук 2013] (под звездочкой) в подтверждение неповторимости события как препятствия для *однажды*.

- (6) *Однажды* он погиб в горах, сорвавшись со скалы.

По свидетельству Б. А. Успенского, *однажды* в контексте предикатов *погиб* или *умер* все-таки возможно, если дальше следует рассказ о посмертной судьбе героя, т. е. о его жизни в потустороннем мире. Однако есть и другие возможности совместить *однажды* с глаголом *умереть* — развитие текста может идти по самым разным линиям. Ср. пример (7) (в предположении, что об Изабелле Купер шла речь перед этим)³:

³ Впрочем, приемлемость фразы *Однажды Изабелла Купер умерла* может быть поставлена под сомнение.

- (7) Однажды Изабелла Купер умерла. Родственники покойной тут же принялись оспаривать завещание.

Вообще, глаголы, которые вводят в рассмотрение, всегда лучше в контексте *однажды*, чем глаголы с противоположным значением. Так, *однажды* в (8а) гораздо естественнее, чем в (8б) — если ни один из городов не фигурировал ранее в контексте дискурса и *однажды* должно ввести его в рассмотрение:

- (8) а. Однажды Изабелла Купер переехала в Лос-Анджелес.
б. Однажды Изабелла Купер уехала из Кливленда.

Надо сказать, что *однажды* в примере (5) так уместно, в частности, потому, что момент создания фильма, введенный в рассмотрение повествователем с помощью *однажды*, взаимодействует с возникающим далее другим временным моментом, на этой неделе.

Свойство 3) — ординарность из [Иорданская, Мельчук 2013] (посещение кинотеатра — в отличие от инфаркта) тоже нельзя признать релевантным. Так, пример (9) (из Национального корпуса русского языка) ничуть не аномален, хотя инфаркт — событие весьма неординарное:

- (9) И вот *однажды* у Олиной мамы случился инфаркт. После обследования врачи сказали, что необходима срочная дорогостоящая операция («Известия», 2001.09.19).

Свойство 1) — необязательность (которым обладает самоубийство — в отличие от смерти), демонстрируется на примерах (10) и (11). Утверждается, что *однажды* не сочетается с обозначением обязательной (иначе — неизбежной, предвидимой) ситуации:

- (10) *Однажды у Ивана стала расти борода.
(11) *Однажды наступила зима.

Что касается бороды, то пример такой странный, что не заслуживает разбора; многое зависит от обстоятельств — у Маленького Мука борода стала расти неожиданно, и тут возможно *однажды*.

Вот для фразы *Однажды наступила зима*, действительно, трудно найти уместный контекст. Едва ли таким контекстом может служить (12), поскольку здесь в роли ситуации Q выступает именно совмещение двух обстоятельств — наступления зимы и отсутствия обуви:

- (12) Жили мы бедно. Однажды наступила зима, а у меня нечего на ноги надеть.

Можно попытаться спасти свойство 1), сказав: *однажды* невозможно в контексте события, которое наступает регулярно. Однако контекст может и это ограничение снять. Яндекс дает 115 примеров на сочетание *Однажды наступила зима*, например:

Купил он её <машину> летом, и кроме маленького багажника ничего особо не напрягало. Но вот *однажды* наступила зима...

Так что существенно только свойство 2) — повторимость, которое, как мы видели на примере (5), имеет скорее характер тенденции, чем жесткого правила.

Вернемся к примеру (6). Можно подобрать контекст, в котором такое неповторимое событие, как гибель человека в горах, будет нормальной сферой действия для *однажды*:

- (13) Он переехал в Южную Америку, где *однажды* погиб в горах, сорвавшись со скалы.

Дело в том, что предложение (6) аномально как автономное высказывание: тематическое *однажды* настраивает на восприятие предложения как интродуктивного, т. е. требующего продолжения. Между тем в некоторых контекстах, в частности, в гипотаксическом (не каноническом), смысл *однажды* выветривается: в (13) пропадает компонент ‘повествователь имеет в виду некоторое конкретное событие, про которое он знает больше того, что вытекает из его дескрипции’. В этом случае рассказ заканчивается, повествователь вправе больше ничего не сообщать адресату. Слабая определенность низводится до простой неопределенности: пропадает напряжение, состоящее в том, что состояние знаний говорящего отлично от состояния знаний адресата. Остается:

однажды (Q) =
‘ситуация Q имела место в некий, неважно какой момент’.

Другие примеры употребления *однажды* в нетематической позиции, где оно имеет значение простой неопределенности ‘в какой-то момент’:

- (14) Есть прогнозы, которые реализовались именно потому, что *однажды* были сделаны (В. Н. Комаров. Тайны пространства и времени (1995—2000));
- (15) И добровольный работник думать не думал, что *однажды* всё куда-то денется (А. Варламов. Купавна // «Новый Мир», 2000);
- (16) Это значит, что ей там, в кино, просто стало неудобно, как *однажды* стало неудобно в Америке (В. Шенгелия. Ей легко (2002) // «Домовой», 2002.12.04).

Теперь понятно, почему *однажды* допустимо в предложении (1а) и недопустимо в (1б): попав в гипотаксический контекст, *однажды* перестает быть интродуктивным. Оно превращается из слабоопределенного показателя в показатель обычной неопределенности: (1а) отличается от (1б) тем, что *однажды* не занимает в (1а) тематической позиции и потому не является интродуктивным, т. е. фраза (1а), в отличие от (1б), не требует продолжения.

В [Иорданская, Мельчук 2013] продемонстрированы свойства *однажды*, вытекающие из его семантики слабой определенности. Слабая определенность исключает употребление *однажды* в вопросе и в побуждении (для *один* это описано в [Падучева 1985: 214]). В самом деле, слабоопределенное *однажды* локализует во времени событие, которое для говорящего является конкретно-референтным: говорящий имеет в виду событие, реально имевшее место. А вопрос и побуждение должны иметь дело с виртуальным событием. Примеры неправильных употреблений (из [Иорданская, Мельчук 2013], с сохранением нумерации) — вместо *однажды* тут надо было сказать *когда-нибудь*:

- (31) а. *А ты отдыхал *однажды* в Египте?
б. *Отдохни *однажды* в Египте!

Впрочем, в будущем времени, как отмечено в [Иорданская, Мельчук 2013], *однажды* может быть употреблено в значении ‘когда-нибудь’ — оно обозначает в этом случае нереферентный момент времени (номер примера сохранен):

- (23) *Однажды* президентом этой организации станет азиат.

Другой пример из [Иорданская, Мельчук 2013] (номер сохранен) показывает, что нереферентное *однажды* допустимо и при глаголе прошедшего времени — в сфере действия квантора общности, где *однажды* имеет дистрибутивное значение: момент произнесения для каждого слова свой. При этом *однажды* можно заменить не на *когда-нибудь*, а на *когда-то*:

- (29) Все слова на свете были *однажды* сказаны.

Об употреблении *-то* в значении *-нибудь* см. [Падучева 1985: 219—220]. Но про допустимость слабоопределенных местоимений в дистрибутивном контексте до сих пор не было известно.

Итак, поскольку *однажды* — дискурсивное слово, семантика слабой определенности (т. е. эпистемического неравенства говорящего и адресата) проявляется у него в интродуктивности, иными словами, в обязательности продолжения. Но интродуктивность свойственна только тематическому *однажды*. В гипотаксическом контексте, а также в будущем времени и в сфере действия некоторых операторов, *однажды* становится просто временным показателем со значением неопределенности или нереферентности.

2. О первой фразе «Пиковой дамы»

Как заметил еще В. В. Виноградов, с первой фразой «Пиковой дамы» что-то не в порядке:

- (17) Однажды играли в карты у конногвардейца Нарумова.

Чтобы сделать эту фразу нормальным неопределенно-личным предложением (НЛП), достаточно было бы изменить порядок слов — передвинув глагол в рематическую позицию [Падучева 1995]:

(18) Однажды у конногвардейца Нарумова *играли* в карты.

Очевидно, Пушкин имел в виду что-то другое. В. В. Виноградов видит в этой фразе «присутствие автора». Конечно, все встало бы на свои места, если в это предложение вставить *мы*: это был бы повествователь, который как бы причисляет себя к тому же кругу, что играющие: *Однажды мы играли в карты у конногвардейца Нарумова*.

Но в грамматиках эта фраза приводится как пример неопределенно-личного предложения (НЛП). А подразумеваемым субъектом НЛП не может быть *мы*, см. [Падучева 2012].

Можно думать, это подразумеваемое *мы* — остаток от первоначального замысла «Пиковой дамы», которая, согласно комментариям Б. В. Томашевского, задумывалась как повествование от 1 лица (из черновых набросков к ранней редакции повести: *Года четыре тому назад собралось нас в Петербурге несколько молодых людей, связанных между собою обстоятельствами*), см. [Падучева 1995].

Другой предлагавшийся вариант разгадки. Первая фраза на самом деле не является первой, а связана с эпиграфом (за эту интерпретацию — благодарность Л. Н. Иорданской): *А в ненастные дни Собирались они Часто. <...>* Но такого рода неканонические коммуникативные ситуации пока еще не вошли в обиход теории нарратива. В любом случае, фразу из «Пиковой дамы», которая часто фигурирует как пример неопределенно-личного предложения, следовало бы изъять из учебников.

Что же касается наречия *однажды*, то эта фраза выявляет совершенно новое его свойство: тематическое (а значит интродуктивное) *однажды* накладывает определенное ограничение на коммуникативную структуру его сферы действия. Оно требует, чтобы предложение в его сфере действия членилось на тему и рему. Так, предложение (18), где у *конногвардейца Нарумова* — тема, никаких претензий не вызывает. Но это новая проблема, которая требует исследования.

3. Заключение про *один* и *однажды*

Итак, в [Иорданская, Мельчук 2013] было обнаружено, что *однажды* — показатель слабой определенности, так что его семантика должна раскрываться в сравнении со словом *один*. Об общности *один* и *однажды* шла речь в разделе 1. Какая же между ними разница?

Слово *один* — первичный, т. е. жесткий эгоцентрик. Оно раскрывает свои возможности в контексте диалога, где слабая определенность означает эпистемическое неравенство говорящего и адресата. В гипотаксическом

контексте *один* обычно не сохраняет своей исходной семантики, а употребляется в выветренном значении, т. е. в качестве показателя просто неопределенности ‘какой-то, неважно какой’ употребляется с трудом. Ср. пример (19), где употребление именной группы *одна дама-немка* не является интродуктивным:

- (19) Негр присел на край стула и взволнованно поведал о том, что *одна дама-немка* из Отдела эмиграции пригласила его пойти на дискотеку (М. Гиголашвили. Экобаба и дикарь (1998—2007) // «Зарубежные записки», 2009).

Слово *однажды* принадлежит нарративному режиму, где есть аналог для говорящего (повествователь), но нет аналога для синхронного адресата. Оно свободно употребляется в контексте гипотаксиса в значении просто неопределенности, а именно, нерелевантности (‘в какой-то, неважно какой момент’), или нереферентности (‘в какой-нибудь момент’).

Разница между *один* и *однажды* та, что *один* употребляется только в контексте общего имени, никогда не единичного, а *однажды* возможно, в том числе, и в контексте неповторимого (и в этом смысле единичного) события*.

Л и т е р а т у р а

Арутюнова 1976 — Н. Д. А р у т ю н о в а. Предложение и его смысл. М., 1976.

Иорданская, Мельчук 2013 — Л. Н. И о р д а н с к а я, И. А. М е л ь ч у к. Наречие *однажды*: неопределенный временной спецификатор // Вопросы языкознания. 2013. № 1. С. 22—37.

Падучева 1985 — Е. В. П а д у ч е в а. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М., 1985.

Падучева 1995 — Е. В. П а д у ч е в а. В. В. Виноградов и наука о языке художественной прозы // Известия ОЛЯ. Серия лит-ры и языка. Т. 54. № 3. 1995. С. 39—48. <http://danefae.org/lib/vvv/paducheva.htm>.

Падучева 1996 — Е. В. П а д у ч е в а. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.

Падучева 2011 — Е. В. П а д у ч е в а. Эгоцентрические валентности и деконструкция говорящего // Вопросы языкознания. 2011. № 3. С. 3—18. <http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf1/egocentrals.pdf>.

Падучева 2012 — Е. В. П а д у ч е в а. Неопределенно-личное предложение и его подразумеваемый субъект // Вопросы языкознания. 2012. № 1. С. 27—41. http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf1/Neopr_Lichn_VYa.pdf.

Haspelmath 1997 — М. H a s p e l m a t h. Indefinite Pronouns. Oxford, 1997.

Lyons 1977 — J. L y o n s. Semantics. V. 1—2. Cambridge, 1977.

---

* Автор выражает благодарность И. А. Мельчуку и И. М. Богуславскому за многочисленные и глубоко продуманные замечания, а также благодарит всех тех, кто не считал аномальным предложение (1а).

Резюме

Статья посвящена слову *однажды*, которое рассматривается как показатель слабой определенности (т. е. эпистемического неравенства говорящего и адресата). Рассматриваются сходства и различия между *однажды* и *один*. Поскольку *однажды* — дискурсивное слово, семантика слабой определенности проявляется у него в интродуктивности, т. е. в обязательности продолжения. Но интродуктивность свойственна только тематическому *однажды*. В гипотаксическом контексте, а также в будущем времени и в сфере действия некоторых операторов, *однажды* становится просто временным показателем со значением неопределенности или нереферентности.

Ключевые слова: слабая определенность, интродуктивность, неопределенность дискурс.

Статья получена 08.03.2016

ELENA V. PADUCHEVA

RUSSIAN *ODNAŽDY* AS A MARKER OF WEAK DEFINITENESS

The paper deals with the Russian word *odnaždy*, treated as a marker of weak definiteness (i.e., epistemic inequality of the speaker and the addressee). Similarities and differences between *odnaždy* and *odin* are considered. As *odnaždy* is a discursive word, its semantics of weak definiteness is reflected in what might be termed introductivity, i.e., the necessity of continuing. But introductivity is characteristic only of thematic *odnaždy*. In a hypotactic context, as well as in the future tense, and in the scope of some operators, *odnaždy* becomes an ordinary tense marker expressing indefiniteness or non-referentiality.

Key words: weak definiteness, introductivity, indefiniteness, discourse.

Received on 08.03.2016

А. А. ЗАЛИЗНЯК

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОГО УДАРЕНИЯ: СДВИГ УДАРЕНИЯ С НЕПРИКРЫТОЙ ГЛАСНОЙ

В истории русского языка имеется значительное число случаев, когда исконное ударение на неприкрытой гласной оказалось со временем так или иначе устранено. Чаще всего это касается узких гласных *и* и *у*.

Сдвиг влево

Наиболее важный случай такого рода был выявлен нами в книге [Зализняк 1985: 172], где было указано, что эволюция сочетаний «гласная + *и́*, *у́*» (относящаяся частью к древнерусской, частью к более поздней эпохе) по своему акцентологическому эффекту отчасти сходна с падением редуцированных. В позиции, где *и́* (*у́*) следовало за другой гласной и при этом завершало слог (по позднерусскому слоговой делению), в таком сочетании ударение обычно сдвигалось влево. Потерявшая ударение гласная в значительной части случаев становилась неслоговой, например: *стои́* > *стои́*; за *у́тра* > *за́*[w]тра (*за́втра*).

Рассмотрим относящийся к данному явлению историко-акцентологический материал.

Чтобы не перегружать изложение, здесь и ниже при разборе акцентной истории слов мы не переписываем из ДРУ конкретный материал памятников XIV—XVII вв., исходя из того, что читатель при необходимости сам обратится за деталями к соответствующей статье ДРУ. Дополнительный материал приводится непосредственно.

Древнейшим примером является Д. М. ед. *то́и*, *само́и*, *моёи* и т. д., где исходным явно было ударение на конечном *-и*, ср. Р. ед. *тоѡ́*, Т. ед. *тою́*, также *тогѡ́*, *тому́* в муж. роде.

То же в императивах *сто́и*, *сто́ите*, *бо́ися*, *бо́итесь*, *по́и* (от *пѣти*), *по́ите* и т. п., ср. *стои́ть*, *бои́ться* (где *и́* находится в закрытом слоге), *поётъ*.

Во всех этих случаях после потери ударения *и* теряло свой слоговой характер, т. е. переходило в *й*.

Что касается сохранения старого ударения на *-и* в таких группах словоформ, как И. мн. *бои́*, *холуи́*, *мои́*, *твои́*, *свои́*, Т. мн. *мои́ми*, императивы *дои́*,

до́йте, по́и (от *по́йти*), *по́йте*, инфинитивы *до́йти, по́йти*, перфекты *до́или, по́или* и др., то причиной здесь во всех этих случаях является мощное притяжение основной массы словоформ соответствующих категорий (например, *ключи́, черны́, живы́ми, проси́, проси́те, проси́ти, проси́ли* и т. п.), которое могло реализоваться либо в форме последующего морфологического выравнивания, либо в форме торможения самого процесса сдвига ударения и перехода *и* в *й*.

В памятниках имеются многочисленные следы того, что вначале сдвиг ударения мог происходить и в этих формах (почти наверное при этом происходил также и переход *и* в *й*, но графика обычно не позволяет установить это однозначно). Ярким свидетельством этого являются формы И. мн. *мои, твои, свои*, Т. мн. *своими*, императив *дои* в Мериле Праведном XIV в., где запись с *ω* показывает, что это были [мбй] и т. д., [свбйми], [дбй]; см. [МПр., § 2.22]. О сдвиге ударения свидетельствуют также, например, императивы *не пота́и* в Поуч., *напо́и* в Дмс., аористы *напо́и, оупо́и, до́иса, ѿдо́иса, възно́иса* в целом ряде памятников, неоднократно встреченный инф. *присво́ити* (при обычном *присво́ити*), а также презенс *егдà сто́ите* в Злат. Императивы *дой, напо́й* и ныне существуют в говорах.

Др.-р. слова с суффиксом *-иц-а* *дво́ица, тро́ица, шу́ица* в памятниках уже в большинстве случаев предстают в виде *дво́ица, трóица, шу́ица*. Современное *шу́ица* содержит регулярный рефлекс с *й*, в церковном термине *трóица* восстановлена слоговость (ср. регулярный рефлекс в укр. *три́йця*).

Др.-р. *гно́ище*: в памятниках уже почти всегда *гно́ище*. В современном языке тот же эффект, что в *трóица*.

Др.-р. *по́ило* (ср. польск. *poǰło*) дало современное *по́ило*. Аналогично: *сто́ило*.

Др.-р. *кле́ити*: современные *кле́ю, кле́ишь, кле́или, кле́ить* и т. д. — результат сдвига ударения, первые примеры которого отмечаются лишь в конце XVII в.; до этого — только *клею́, клеи́шь, клеи́ли, клеи́ти* и т. д. Сдвиг, начавшийся в формах с *й* в открытом слоге, в дальнейшем был обобщен на всю парадигму.

В современном языке имена *Миха́йл, Миса́йл, Изма́йл, Саму́йл, Рагу́йл* имеют ударение на *и*, но в их производных ударение сдвинуто влево и *и* переходит в *й*: *Миха́йлов, Миха́йлович, Изма́йлов, Самбóйлов* и т. д. В памятниках такой же сдвиг регулярно наблюдается вообще во всех формах, где за основой следует гласная, например: *Миха́ило, Миха́илу, Изма́ила, Самбóилу, Рагу́илу* (в современном языке в формах типа *Миха́илу, Изма́ила, Саму́ила* ударение выровнено по исходной форме, т. е. восстановлено). Сдвинутое ударение часто переносится в памятниках и на исходную форму, т. е. возникают формы *Миха́иль, Изма́иль, Самбóиль* и т. п., также *Изра́иль* (последняя закрепилась и в современном литературном языке, тогда как исторически исходная форма *Изра́иль* оттеснена в сферу просторечия).

Из современных говоров можно добавить, в частности: *ла́йна* 'пристань' Вост.-Сиб. и *ла́йна* 'то же' Иркут., Якут. [СРНГ, 16: 248, 249].

Др.-р. *за́ утра* и производные *зау́трие*, *зау́трении*, *зау́тренья*, *зау́трокъ*: в памятниках безусловно преобладает исконное ударение. Но уже начиная с памятника Лет. (середина XVI в.) появляются варианты с начальным *зав-*: *завтра*¹, *завтрие*, *завтрении*, *завтренья*, *завтрокъ* (*завтракъ*). В дальнейшем слова *завтра* и *завтракъ* закрепляются, прочие остаются за рамками литературного языка.

Др.-р. *пау́къ* и производные: это слово содержало приставку *па-*, которая всегда несла ударение, т. е. первоначальным было ударение *па́укъ*, сохранившееся в серб. *па́ук*, словен. *pàvok*, болг. *па̀як*; но в западно- и восточнославянском ударение сменилось на флексийное, ср. чешск. *paouik*, польск. *pa_jak*, русск. *пау́к*, *паука́*.

Однако в др.-р., по-видимому, существовал также вариант *пау́къ*, *пау́ка*, ср. И. мн. *паоу́ки* в Хлын. В этом варианте был возможен сдвиг влево: ср. И. ед. *паоу́къ*, но И. мн. *па́вки* в Злат. Этот вариант мог давать также производное *пау́чина* ‘паутина’ (при обычном *пау́чина*), отразившееся в Г.пс. в виде *па́оучиноу*, т. е. уже со сдвигом ударения. Такой же сдвиг отражен в современных диалектных названиях паука *па́вке*, *па́вко*, *па́вка* [СРНГ, 25: 110].

У имени *Фаустъ* засвидетельствовано старое ударение *Фау́ст-*: в Южн.отк. встречаются фамилии *Фодстовѣ* и *Фовустова*, где запись акающего писца указывает на ударение *ау́*. А в Свят. находим непосредственно *Фаоу́сь* (с утратой конечного *т*). И в том же памятнике Свят. в Р. ед. выступает форма *Фа́вста* (видимо, со слогом [фав-]). Понятно, что соотношение *Фаоу́сь* — *Фа́вста* такое же, как, например, *Миха́иль* — *Миха́йло*.

Топоним *Реутово* обычно произносится *Рэ́утово*, при том что часть его жителей называет его *Реу́тово*. Последнее несомненно является следом древности, тогда как в первом отразился сдвиг влево. Исходным здесь является слово *реву́тъ* (> *реу́тъ*) ‘ревун’. Ср. *реу́тъ*, *реву́тъ* — наименование одного из колоколов колокольни Ивана Великого в Москве [Сл. 11—17, 22: 149].

В особом положении находятся корни с начальным *и*, например, *ид-*, *им-*, *ист-*. Для них существенно то, что неприкрытое *и* может морфологически вести себя двояко: как *й* и как *ји*, см. [Зализняк 1985, § 2.2 и 3.76] (в положении после согласной этому соответствуют варианты *ь* и *и*), и эта двойственность может создавать два варианта одного и того же корня. Например, корень *им-* в одной и той же морфологической позиции имеет вид *-ьм-* в *въз-ьм-еть* и вид *-им-* в *сън-им-еть*.

Др.-р. *идеть*, *иметь* в соединении с приставками, оканчивающимися на гласную (обычную или развившуюся из *ь*), последовательно давали *за́идеть*, *на́идеть*, *перéидеть*, *по́идеть*, *прóидеть*, *у́идеть*, *възидеть*, *во́идеть*, *изо́идеть*, *обо́идеть*, *ото́идеть*, *разóидетса*, *со́идеть*, *за́иметь*, *на́иметь*, *перéиметь*, *по́иметь*, *у́иметь*, *обо́иметь*, *ото́иметь*, *разóиметь*,

¹ Не смешивать новое ударение *завтра* (где исходное слово *у́тро* относится к а.п. а) с древним ударением в энклименах *за́ ухо*, *за́ угол* и т. п.

соиметь и т. д.; так же *не идет, не имеет*; в *придеть, приметь прии-* упрощалось в *при-*. Аналогичным образом др.-р. *имамь* давало с отрицанием *не имамь*. Все эти ударения легко объясняются из вариантов *јьд-* и *јьм-*. Но тот же самый результат дали бы и варианты *(ј)ид-* и *(ј)им-* при реализации рассматриваемого нами сдвига влево.

В сходном положении находится др.-р. *неистовый*: в Фер. отмечен пример *неистовъ* (наряду с *неистовь*), в Мериле Праведном имеется пример *аки нестова пса*, где *нестова* — упрощение формы *неистова*.

См. также ниже о других акцентных явлениях в этой группе форм.

В ряде случаев сдвиг рассматриваемого типа наблюдается также и в закрытом слоге.

Сюда относятся прежде всего примеры, где в составе парадигмы имеются словоформы с *í* (*y*) как в открытом, так и в закрытом слоге, например: *воинъ* И. ед., *война* Р. ед., *войну* Д. ед.; *неучь, неуча, неучю* и т. п. В этих случаях эффект, закономерный для *война, войну* и т. д., т. е. переход в *воина, воину*, обобщается на всю парадигму: *воинъ* тоже переходит в *воинь* (при этом *и* сохраняет слоговость, которая в *воина, воину* могла быть и утрачена; в дальнейшем слоговое *и* обобщается на всю парадигму). Аналогичным образом *неуча, неучю* закономерно переходят в *неуча, неучю*, после чего *неучь* тоже переходит в *неучь*.

Такого же происхождения представленные в памятниках ударения *Ми́хашль, Изма́иль, Само́иль, Изра́иль* и т. п., о которых см. выше.

В парадигме *яичко, яички, яичек* последняя форма получает закономерный сдвиг: *яичек*. И вот мы трижды встречаем в Дом. форму *яички*, на которую этот сдвиг распространился.

Как *неуч* ведет себя и *неук*. В говорах находим вариант *баут* при *баут* ‘железный запор’, *кауз* при *кауз* ‘желоб для воды’ [СРНГ, 2: 151; 13: 138].

Слово *заумь* изобрел поэт Алексей Крученых. Рассказывая об этом, Б. Слуцкий пишет: «оно, как и слово “бездарь”, сначала произносилось с ударением на втором слоге» [Слуцкий 1991: 28]. Но в данном случае стимулом к сдвигу ударения было не только наличие в слове сочетания *ау*, но в не меньшей степени сама принадлежность к словам женского рода третьего склонения, которые имеют сильную общую тягу к начальному ударению; ср. хотя бы историю слова *бездарь*, упомянутого в той же цитате.

Имеются, наконец, совсем редкие случаи, когда сдвиг ударения в закрытом слоге наблюдается в других условиях.

Так, наряду с исторически правильными ударениями *воиньскыи, воиньство, воиньственни*, в части памятников представлены новые ударения *воиньскыи, воиньство, воиньственни*; первые два даже закрепились в современном литературном языке. Но это не прямое действие рассматриваемого нами сдвига, а выравнивание ударения по мотивирующему слову, после того, как оно получило новое ударение *воинь*.

Из других примеров назовем вариант *неуж* при *неуж* ‘неужели’ [СРНГ, 21: 190], вариант *паут* при *паут* ‘паук’, ‘слепень’ [СРНГ, 25: 283].

В дополнение к рассмотренному кругу примеров следует отметить, что сдвиг влево иногда наблюдался в описанных выше условиях также и перед гласной среднего подъема э: в [Еськова 2008: 188—189] собраны примеры сдвига ударения влево со слова *это*, который отразился в памятниках XVIII—XIX вв.: *за́ это, на́ это, про́ это, за́ этим, о́ этом, на́ этот, на́ этом, на́ этой*.

Сдвиг вправо

Особый интерес для рассматриваемой проблемы представляет компактная группа сходных между собой существительных с начальным *у́* и нерегулярным соотношением ударения в И. ед. и в косвенных формах (обозначим ее как «группу *узел*»): *у́зел* (Р. ед. *узла́*), *у́гол* (Р. ед. *угла́*), *у́горь* ‘anguilla’ (Р. ед. *угря́*), *у́горь* ‘прыщ’ (Р. ед. *угря́*), *у́голь* (Р. ед. *угля́*, но также и *угля́*). По общему правилу ожидалось бы ударения **узе́л*, **уго́л*, **уго́рь*, **уго́ль*.

До некоторой степени сближается с этой группой также слово *у́лей*, о котором см. отдельно ниже.

И. Б. Иткин посвятил этой группе слов специальный раздел в своей работе [2009], названный «Четыре у: об одном случае оттяжки ударения с беглого гласного». Он рассмотрел акцентное поведение этих слов и сформулировал следующее правило: слова с формальной структурой «*уCV'R*», где *C* — любой (реально — шумный) согласный, *V'* — беглый гласный, *R* — плавный сонант не подчиняются более общему акцентологическому правилу, предписывающему для всех слов типа *кулёк* ударение на беглом гласном.

Правило имеет строго синхронический характер. Соответственно, формула «оттяжка (т. е. сдвиг влево) ударения с беглого гласного» должна пониматься как чисто операционная, констатирующая лишь тот факт, что реальное ударение находится левее требуемого (в принятой системе описания) по общему правилу, и ничего не утверждающая о реальной фонетической истории.

В соответствии со строго синхронической установкой, автор никак не касается вопроса о том, какие свойства именно фонемы *у* и именно в начальной позиции могли привести к формированию такой причудливой закономерности, с такой сложной формулировкой и такой крайне узкой сферой действия. Более того, он прямо пишет: «Может ли стоять за этим правилом какая-либо историко-фонетическая реальность? Как нам представляется, ответ на этот вопрос должен быть отрицательным».

Попытаемся ответить на этот вопрос на основе разбора имеющихся историко-акцентологических данных.

Др.-р. *узль*, *угль* — слова акцентной парадигмы (далее: а.п.) *а*. Вероятно, таково же слово *угрь* (или *у́горь*)² ‘anguilla’: ср. производное *у́горичь*,

² Данные славянских языков (серб. *у́гор*, чешск. *úhoř*, польск. *węgorz* и др.) и производное *у́горичь* указывают на исходное *угорь* (а не *угрь* или *угърь*); но на русской почве это слово со временем явно получило вид *угрь* — вероятно, в силу кон-

см. [ДРУ: 563]. Др.-р. *угьль* — слово акцентной парадигмы *с*. Таким образом, косвенные формы (по крайней мере, единств. числа) здесь имели ударение на основе: *у́зла, у́гля, у́г(о)ря, у́гля*. (Для слова *у́горь* ‘прыщ’ удовлетворительных сведений о его исходной акцентной парадигме нет.)

В памятниках XIV — XVII вв. все формы слов *узль, угль, у́г(о)рь* ‘anguilla’ и все формы единств. числа слова *у́голь* выступают со своим исконным начальным ударением (отклоняются только единичные *на угóль* в Авв. и *ѡгóрь* ‘anguilla’ в Спарв.).

Это значит, что «историко-фонетическая реальность» за рассматриваемой группой слов всё же стоит, а именно, сдвиг ударения действительно был. Но это был не сдвиг влево в формах И. ед. (где в действительности просто сохраняется древнее ударение), а сдвиг вправо в косвенных формах.

Разумеется, непростой вопрос состоит в том, чем объясняется такое различие между исходной формой и косвенными.

Чтобы это выяснить, необходимо, очевидно, изучить весь круг случаев, где можно предполагать подобный сдвиг ударения вправо.

При обсуждении случаев типа *зау́тра* > *за́втра* на семинаре Сергей Болотов предложил чрезвычайно плодотворную идею: в случаях типа *зау́тра* ударение с *у́* (или *и́*) могло уходить не только влево, но и вправо.

В самом деле, даже в самом этом примере со словом *у́тро* наряду с *за́втра* существует, в частности, и *до утра́*. Но вопрос о том, как распределены эти два противоположно направленных типа сдвига, требует дополнительного изучения.

Рассмотрим некоторые слова, начинавшиеся в древнерусском с ударных узких гласных *у́* и *и́* и испытывавшие впоследствии хотя бы частичную смену ударения.

У приводимых ниже древнерусских слов с начальным *у́* или *и́* во всех (или почти всех) памятниках XIV—XVII вв. господствует (кроме специально оговариваемых случаев) исконное древнерусское начальное ударение; при конкретном слове этот факт может уже более не упоминаться.

Начальное *у́*

Др.-р. *у́тро* (а.п. *а*): в современном языке наряду с акцентно правильными формами *у́тро, у́тра, у́тру, на у́тро, под у́тро* и т. д. существуют *поу́тру, до утра́, с утра́, от утра́*. Следует отметить еще ударение в сочетаниях типа *три часа́ утра́* (откуда по аналогии также *пять часов утра́, в пять утра́* и т. п.). В говорах имеется еще *наутро́, наутрэ́* [СРНГ, 20: 251], а также и *заутра́* [СРНГ, 11: 136]. В XIV—XVII вв. картина по существу такая же: наряду с преобладающими во все эти века формами с исконным ударением в памятниках XVII в. встречаются *на утро́, по ѡтрѣ́, с ѡтра́, из ѡтра́*, а также *заутра́*. Встретилось и производное *до оутрѣ́ а*.

таминации с *угрь* ‘прыщ’. Ср. похожий переход от др.-р. *пéпель, пéпела* к современному *пéпел, пéпла*.

Во всех этих примерах в древнерусском языке перед словом *утро* стояла гласная. Это касается и таких сочетаний, как *съ утра*, *отъ утра* и даже *из(ъ) утра* (поскольку исконное *из* рано сменилось на вторичное *изъ*): в таких сочетаниях *ъ + у* обычно давало не просто *у*, а *оу* (или [эу]), которое лишь позднее заменялось на простое *у*.

Др.-р. *уже*, *не уже ли*: в современном языке только *уже*, *неужели*; в говорах *ужо́*, а также *невжо́* и *невже́* (с потерей слоговости *у*). В XIX в. еще встречается ударение *неужели* [Еськова 2008: 541]. В XIV—XVII вв. полностью господствуют исконные *уже*, *не уже*, *уже ли*. Новое ударение *уже́* отмечается только начиная с Колм. (1670).

Др.-р. *улица*: в Ник. отмечено на *И^линѣ оулице*, *се^омь д^олиць*, в Строев. *по оулицамъ*.

Др.-р. *ужика*, *ужикъ*: имеются единичные примеры ударения *ужика́*, *ужикъ́*.

Др.-р. *углече* (*но́ле*) ‘Углич’: в Лет. на фоне старого ударения встретилось также единичное *на д^ольчо*.

Др.-р. *убо*: в части памятников представлено ударение *убо́*.

Др.-р. *уши*: в Ник. встретилось *но́сь* и *дши́*.

Др.-р. *уши* (а.п. *а*): в Мак. встретилось *из д^олиа́*; в XVIII—XIX вв. отмечены формы *уля́я*, *улы́*, *улье́в* и др. [Еськова 2008: 112]. Слово обнаруживает, таким образом, значительное сходство с «группой *узел*», но остается неизвестным, не существовало ли в тех же микросистемах также ударения *уле́й*.

Слово *уноша* первоначально имело ударение *уноша́*, которое, однако, очень рано было почти целиком вытеснено ударением *уноша*. Сдвиг этого последнего вправо представлен в Ник.: *дн^ош^ид* (откуда далее вариант *юнош^ид*).

В ряде случаев ситуация, внешне выглядящая как эффект сдвига ударения вправо, могла быть обусловлена также и другими факторами.

Так, отраженная памятниками вариативность *ужасъ* и *ужась*, *утварь* и *утва́рь* может быть частным случаем конкуренции моделей *окупъ* и *потопъ* (см. [Зализняк 1985, § 2.26]).

Новые варианты *Устью́зь* (*Устю́зь*) и *Устю́жна* к древним *Устью́зь* и *устью́жна*, возможно, хотя бы отчасти обязаны своим возникновением тому, что носители среднерусских и южнорусских говоров воспринимали характерные севернорусские начальные ударения в именах собственных как нечто неестественное и превращали, например, *Кондопогу* в *Кондопо́гу*, *Колмогоры* в *Холмого́ры*, *Коношу* в *Коно́шу*, *Вѣтлугу* в *Вѣтлу́гу* и т. п.

Новое ударение *утячий*, вытеснившее старое *утячий*, просто включилось (как и *курячий* из прежнего *курячий*) в мощный ряд *поросячий*, *свинаячий*, *кошачий*, *индюшачий* и т. д.

В некоторых случаях подобные дополнительные факторы могли, напротив, удерживать слово от сдвига ударения. Например, компаратив *уже* не имел шансов превратиться в *уже́*, поскольку он входил в совершенно монолитную морфологическую категорию компаративов на *-е*, допускающую только корневое ударение (*бли́же*, *ни́же*, *ре́же*, *ши́ре*, *вы́ше* и т. д.).

Начальное *í*

Ситуация здесь сложнее, чем при начальном *ú*, поскольку необходимо учитывать указанную выше двойственность морфонологической интерпретации *и* (= *ǰь* или = *ǰи*).

Примеры с ударением на начальном *и* (например, *íдеть, íначе, íстина*) могут объясняться только из варианта с *ǰи* (поскольку *ь* в начальном слоге ударения нести не может). Примеры с ударением на втором слоге могут иметь два разных источника: вариант с *ǰь* или сдвиг вправо в форме, полученной из варианта с *ǰи*. Поскольку в памятниках, особенно в более старых, в этих словах полностью господствует начальное ударение, основным здесь следует считать вариант с *ǰи*.

Др.-р. *ínyи* (а.п. *а*): в современном языке только *инóй*. В памятниках преобладает исконное ударение *ínyи*, но уже начиная с Чуд. (XIV в.) встречается и *иньи*.

Др.-р. *ínаче*: в современном языке возможны оба ударения — *ínаче* и *инáче*.

Др.-р. *ínакo*: в Жт. отмечено ударение *инáко*.

Др.-р. *ínокъ, íноческии*: в Ник. и Стогл., в отличие от других памятников, господствует ударение *инóкъ, инóческии*; в Лет. есть пример *во íноцѣ*^x.

Др.-р. *ístовьи, неístовьи*: в памятниках широко представлены варианты *истóвьи, неистóвьи*, причем самый ранний пример *во истóвое* отмечен уже в Чуд. (о варианте *неístовъ* см. выше).

Др.-р. *ístина, íстинныи*: в Ник. и Стогл. отмечено ударение *истíну, истíнно, истíнныи*.

Др.-р. *íго*: в Час. встретились примеры *п ráвды игò* и *х̄во игò*.

Др.-р. *ímя*: в Чуд. встретилось *во имá мое*, в Сух. *ímя*, в Апост. *за имá, имá егò*.

Имеется также группа заимствований с начальным *í*. Для нашего разбора они ценны, в частности, тем, что начальная гласная здесь явно равна простому *и* (не *ǰь*).

В заимствованном *идоль*, судя по греческому εἰδῶλον исходное ударение должно было быть начальным. Реально полностью преобладает *íдоль*, но в Чуд., Лет., Апост. представлено ударение *идóль, идóла*.

В заимствованных именах *Игорь, Ингварь, Иворь*, судя по их скандинавскому происхождению, исходное ударение должно было быть начальным. Реально наблюдаются:

Игорь: безусловное господство ударения *Íгорь, Íгоря, Íгоревичь*, но в Ник. наряду с этими формами многократно встречаются *Игóрь, Игóря, Игóревичь*; пример *о^m Игóря* есть в Нв.; такое ударение отмечено также в некоторых памятниках, исследованных В. В. Колесовым [Колесов 1976: 54].

Ингварь: наряду с *Íнгваря, при ... Íнгваревиче* в Сух., отмечены *Ингváрь, Ингváреви^ч* в Лет.; в Нв. ударение колеблется.

Иворь: наряду с *но^д Ёворо^м* в Ник., отмечены *Иворь*, *Ивора*, *Иворомъ* в Соф. и Нв.

Не вполне ясно, можно ли относить к этому же ряду названия *Ижера* и *Ильмерь*, балтийско-финские этимоны которых имели начальное ударение: в памятниках представлено только ударение *Ижэра*, *Ильмэрь* (позднее *Ильмэнь*). Правда, ныне распространено ударение *Ильмень*, но является ли это следом древнейшего ударения или инновацией, неизвестно.

Отметим еще, что для памятников обычно ударение *ивери*, *иверьскыи*, но в Ник. есть пример *ивёрскои князь*, в Лет. — *из ывёрския зэмли*.

В ряде примеров источником вариативности (основным или дополнительным) мог быть не только сдвиг вправо рассматриваемого нами типа, но и какие-то иные факторы.

Так, варианты *иродъ* и *Иродъ*, *Иовъ* и *Иовъ* (*Иевъ* и *Иевъ*) могли быть первоначальными. То же можно предполагать для вариантов *угры* и *угры*, *угринь* и *угринь*.

Новое ударение *истецъ* (из др.-р. *истець*), видимо, возникло под совокупным воздействием сдвига вправо с начального *и* и притяжения к большой группе двусложных имен деятеля на *-ецъ* (*купецъ*, *гонецъ*, *пѣвецъ* и т. п.); ср. *малецъ* из др.-р. *малець*.

Особую важную группу примеров составляют др.-р. *идеть* и *иметь* 'возьмёт' и их приставочные производные.

В современном литературном языке представлено только ударение *идёт* (форма *иметь* не сохранилась). В XIV—XVII вв. ударение *идеть*, *идуть* полностью господствует; ударение *идеть*, *идуть* отмечено всего в нескольких памятниках (правда, первый из них — Нил. — относится к концу XV в.). Ударение *иметь*, *имуть* конкурирует с *идеть*, *идуть* намного более успешно: оно представлено начиная с первой половины XVI в., причем даже в большем числе памятников, чем *идеть*, *идуть*.

Отметим также, что др.-р. глагол *имамь*, *имаши*, *имать*, регулярно выступающий с начальным ударением, в небольшой части памятников представлен с ударением *имамь*, *имáши*, *имать*.

Более сложную картину являют здесь приставочные производные. Они делятся на те, где перед корнем *ид-*, *им-* (или *ид-*, *ым-*) в позднерусском виде слова стоит: 1) гласная, 2) согласная.

В первой группе в XIV—XVII вв., как уже было указано выше, господствует ударение на приставке, например: *заидеть*, *пойдуть*, *обидеть*, *заиметь*, *переметь*, *отойдуть*, *не идеть*, *не иметь* (см. более пространственный список выше). Лишь изредка отмечают, в качестве возможного варианта, формы с ударением на окончаниях: *заидеть*, *пойдуть*, *заиметь* и т. п. Между тем в современном литературном языке такой сдвиг вправо здесь полностью победил, например: *зайдёт*, *перейдёт*, *войдёт*, *отойдёт*, *поймёт*, *разоймёт*, *неймётся* и т. д.

Во второй группе как в XIV—XVII вв., так и ныне (если слово вообще сохранилось) представлены ударения *взы́деть, изы́деть, обы́деть, оты́деть, разы́детсѧ, вни́деть, снй́деть, взй́деть, изй́деть, обй́деть, отй́деть, разй́детсѧ; обы́меть, оты́меть, разы́меть, снй́меть, обнй́меть, поднй́меть, отнй́меть, разнй́меть, изй́меть, обй́меть, отй́меть, разы́меть*. Сдвига вправо нет.

Особо стоят *при́деть* и *при́меть*: из-за слияния *прии* в *при-* они оказываются как бы между этими двумя группами. Их развитие оказалось неодинаковым: в современном языке закрепилось *приде́т* (как в первой группе), но *при́мет* (как во второй группе).

Ударения *иде́ть* и *име́ть* могут быть либо рефлексамии вариантов с *йь*, либо результатом сдвига вправо с *йде́ть* и *йме́ть*; можно предполагать также совместное действие этих двух причин.

Но у приставочных производных появление новых ударений *заиде́ть, заиме́ть* и т. д. не может быть объяснено ни одной из этих двух причин: вариант с *йь* дает ударение на приставке, а для сдвига вправо с ударного *й* здесь нет условий, так как просто уже нет этого *й* — как показывают памятники, ударение здесь уже с древнейшего времени ушло с него влево, т. е. предыдущей стадией тут было *зайде́ть* и т. д., а не *зайде́ть*. Что причина тут не в *й*, видно также из того, что такую же смену ударения испытало и *во́зметь*, где нет *и*: оно сменилось на *во́зметь*.

Чем же тогда объясняется появление этих новых ударений, которые в дальнейшем полностью победили, дав *заиде́т, заиме́т* и т. д.?

Здесь необходимо учитывать, что ударения *иде́ть, име́ть* появляются в памятниках раньше, чем соответствующие приставочные, и, что особенно важно, в том числе и в памятниках, совершенно не знающих новых ударений типа *заиде́ть, заиме́ть*, см. [Зализняк 1985, § 3.76]. Поэтому стартовой точкой нового ударения здесь следует считать бесприставочные *иде́ть* и *име́ть*, об истоках которых см. выше.

А в сфере приставочных глаголов различных групп в XVI—XVIII вв. происходили активные акцентные перестройки. Так, в приставочных производных от глаголов с неслоговым корнем, если они ранее имели ударение на приставке (как, например, *по́слеть, разо́треть, со́лжеть, при́ткнеть*), произошла последовательная смена такого ударения на флексийное (*по́слеть, разо́треть, со́лжеть, при́ткнеть*), т. е. ударение выровнялось с ударением бесприставочных *слеть, треть, лжеть, ткнеть*. В этот более широкий процесс были втянуты и глаголы с ударением на приставках группы *заиде́ть, заиме́ть* (а также *во́зметь*), в которых корень реально уже тоже был неслововым (*-йд-, -йм-, -м-*), т. е. они сменили ударение на *заиде́ть, заиме́ть, во́зметь* — как в простых *иде́ть, име́ть*.

Отличие от них, формы на *-йде́ть, -йде́ть, -йме́ть, -йметь* (*вни́деть, отй́деть, снй́деть, подй́меть* и т. д.), имели слоговой корень и ударение на корне, а не на приставке, и потому в указанном общем процессе не участвовали: их ударение осталось прежним.

Различие между современными *придѣт* и *прі́мет* (об особом положении которых см. выше), вероятно, связано с тем, что глаголы на *-і́деть*, *-ы́деть* (*внѣ́деть*, *снѣ́деть*, *оты́деть*, *обы́деть* и др.), которые могли бы служить образцами для *придѣть*, из живой народной речи вообще ушли, тогда как глаголы на *-і́меть* (*снѣ́меть*, *поднѣ́меть* и др.), которые послужили образцами для *прі́меть*, были, напротив, чрезвычайно употребительны.

Из приведенного материала можно заключить, что само явление сдвига ударения с начального *у́* и *и́* вправо действительно существовало, а также то, что смену ударения в *узла*, *угля* и т. п. нельзя отрывать от прочих примеров сходного сдвига.

При этом, однако, такой сдвиг ударения представлял собой лишь тенденцию, а не обязательный фонетический переход. Эта тенденция в ограниченном числе случаев приводила к закреплению сдвига, но чаще создавала лишь акцентные варианты — от сравнительно частых до единичных. А в каких-то случаях (например, *у́жина* [ныне *у́жин*], *і́скренний*, *и́цет*) такие варианты вообще неизвестны (хотя, возможно, при расширении обследованного материала они и обнаружались бы).

З а м е ч а н и е. На фоне рассмотренных фактов представляется парадоксальным, что др.-р. *и́ли* и *и́бо* обнаруживают ныне прямо противоположную смену ударения: *и́ли*, *и́бо*. Разгадка в том, что собственно сдвига здесь в сущности не было. Эти служебные слова в нынешней речи стали просто безударными, а их потенциальная начальнударность — это не что иное как обычный способ произнести безударное слово, если его требуется выделить в речи или назвать отдельно (скажем, при грамматическом разборе). Точно так же произносится, например, предлог *ме́жду*, в потоке речи реально безударный, — из др.-р. *между́*.

Теперь мы можем вернуться к вопросу об акцентном различии между И. ед. и косвенными формами в «группе *у́зел*». Необходимо искать причину, по которой в исходной форме действие сдвига было заблокировано.

Нельзя ли усмотреть такую причину в том, что в *у́зель*, *у́голь* и т. д. после *у́* стоит одиночная согласная, а в *узла́*, *угля́* — группа из двух согласных? Внутри «группы *у́зел*» такая версия прошла бы. Но в масштабе всего материала в целом она безусловно не проходит: ср. возможность сдвига для *у́же*, *и́ныи*, *и́деть*, *и́нокъ*, *И́горь* и др.

Нельзя ли усмотреть причину в том, что в *у́зель*, *у́голь* и т. д. стоящий после *у́* слог закрытый, а в *узла́*, *угля́* — открытый? Но и в этом случае такая версия прошла бы только внутри «группы *узел*», но не в материале в целом: ср. возможность сдвига для *и́деть*, *и́меть*, *и́нокъ*, *И́горь*, *и́верьскыи* и др.

Остается предположить, что в *у́зель*, *у́голь* и т. д. сдвиг заблокирован тем, что после *у́* здесь стоит слог с беглой гласной — в отличие от *узла́*, *угля́*, где после *у* стоит слог с обычной гласной. Эта версия проходит на всем материале³.

³ При этом, однако, для *у́горь* ‘anguilla’ нужно исходить из его более позднего вида *уерь*, а не более раннего *у́горь*. Следом исходного *у́горь* (с *-о-*), возможно, является единственный пример *ѡ́горь* в Спарв.: его ударение правильно, если гласная тут не беглая.

Но тут сразу же возникает вопрос: разве может иметь фонетический характер правило акцентного сдвига, относящегося к поздней эпохе, если оно использует различие между беглыми и небеглыми гласными? Ведь совпадение проясненных редуцированных с обычными гласными произошло не позднее XIII века.

В связи с этим следует более детально рассмотреть характер беглых гласных в «группе *узел*».

В истории др.-р. слов *узль, угль, угрь* ‘прыщ’ беглая гласная появилась лишь относительно поздно — в силу разложения слогового сонанта на [эл], [эр]. (О слове *у́горь* ‘anguilla’ см. сноску 2.)

И только слово *у́гол* (др.-р. *у́гль*) содержит беглую гласную из прежнего *ь*.

Далее, существенно то, что в данной группе представлены не любые беглые гласные, а только стоящие перед сонантом *л* или *р*⁴. И что процесс дает одинаковый результат для прежних *ьл, ьр* и для слоговых сонантов [л], [р].

В современном языке в массиве слов с безударной беглой гласной перед *л, р* полностью господствуют слова, где беглая гласная вторична, т. е. выделилась из слогового сонанта. Сюда относятся, во-первых, слова, где это выделение уже закреплено нормой и отражено в орфографии, например: *вѣтер, стѣбель, кашель, окисел, замысел* (и прочие на *-мысел*); также формы Р. мн. *капель, сабель* и т. п., *тягол, масел, кресел, коромысел*, краткая форма *тѣпел* и др.; во-вторых, те, где беглая гласная в произношении лишь факультативна и на письме не отражается, например: *мысл, цикл, дубль, спектакль, бинокль, вопль, заросль, мысль, зубр, тигр, венгр, кадр, жанр, театр, метр, литр, центр, монстр, фильтр, дебрь, вепрь*.

Безударную беглую гласную из прежних *ь, ь* содержат лишь совершенно единичные слова и формы: *у́гол, дятел, светел* (относятся ли сюда же также *свѣкор, куюл*, не вполне ясно).

Понятно, что в такой ситуации эти несколько изолированных слов испытывали мощное давление основной массы слов с беглой гласной перед *л, р* и легко могли им уподобиться в фонетическом отношении. Слово *у́гол*, кроме этого общего давления, испытывало также и более прямое давление максимально сходных с ним слов *у́зел, у́голь, у́горь*. Таким образом, мы можем предполагать, что во всей «группе *узел*» конец слова мог реализоваться одинаково, а именно, безразличным образом как [эл], [эр] или как [л], [р].

Это значит, что в эпоху сдвига, например, слово *угрь* (*угорь*) содержало слог [гэр’], тогда как слово *Игорь* — слог [гор’]⁵. Соответственно, правило

⁴ Если у слова *улей* не было варианта *уле́й* даже в микросистемах с формами *ульѧ, ульѹ* (см. об этом выше), то это значило бы, что как [эр], [эл] могло вести себя также и [эј].

⁵ Вероятно, фонетическое уподобление слова *у́гол* словам *у́зел, у́голь, у́горь* проходило через стадию колебаний: единичный пример *на угóль* в Авв., возможно, отражает более старый фонетический вариант с обычным [ол], а не с [эл].

о том, что сдвиг вправо не происходит там, где ударение попало бы на беглую гласную (в силу которого получается *у́горь*, в отличие от *Иго́рь*), вполне могло иметь собственно фонетический характер.

Здесь может, однако, возникнуть вопрос: почему же всё-таки перед плавными бывают и беглые гласные под ударением, например, *буго́р*, *щего́л*, *оре́л*, *ковё́р* (первичные), *зе́мель*, *сестё́р*, *хитё́р* (вторичные)? Ответ состоит в том, что, в отличие от *у́зел*, *у́голь* и др., во всех этих случаях исконное ударение словоформы — флексивное. Для первичных беглых гласных это автоматически означает ударение на беглой гласной. Для вторичных ситуация сложнее: часть из них возникла столь рано, что успела подчиниться тому же правилу о месте ударения, что для первичных беглых гласных; таковы, например, *зе́мель*, *сесте́рь*, *хите́рь*. Но такие вставные гласные были факультативными, т.е. они существовали лишь как варианты при обычных *земль*, *сестрь*, *хитрь*. Позднее в этих *земль*, *сестрь*, *хитрь* тоже развивались вставные гласные (обычно не отражаемые на письме): *зе́м[э]ль*, *се́ст[э]р*, *хи́т[э]р* и т. п. (характерно, что согласная перед вставной гласной в этих случаях уже не смягчена); эти поздние беглые гласные ударения уже не принимают.

Ценную параллель «группе *у́зел*» составляет современная подпарадигма множ. числа слова *ма́сло* (др.-р. а.п. *а*): *масла́*, *ма́сел*, *масла́м*, *-áми*, *-áх*. Ударение Р. мн. *ма́сел* вместо ожидаемого в рамках этой подпарадигмы *масёл — это совершенно такое же отклонение от синхронических акцентных правил, как, например, *у́зел* в парадигме *у́зел*, *узла́*, *-у́*, *-о́м* и т. д. Как и в «группе *у́зел*», исконным здесь является корневое ударение, а ударение *масла́*, *-áм*, *-áми*, *-áх* — новое, перенесенное (хотя и в силу другого акцентного явления, чем в «группе *у́зел*»). И, как и в «группе *у́зел*», ожидаемое ударение *масёл не возникает — очевидно, в силу того же запрета на перенос ударения на беглую гласную.

Заключение

Рассмотренные факты показывают, что в истории русского языка наблюдается тенденция к устранению ударения, стоящего на неприкрытом у или *и*. Эта тенденция не достигает статуса полноценного фонетического перехода, но приводит к смене ударения у некоторого числа слов или словоформ — обычно факультативной, но в части случаев уже закрепленной языковой нормой.

Источником такого эффекта, очевидно, является характерная для русского языка тенденция к устранению зияния. Хорошо известно, что в сочетаниях «гласная + безударное *и*» это *и* стремится превратиться в *й*, ср. *знай* < *знаи*, Д. ед. *на́шей* < *на́шеи* и т. п. Это стремление проявляется и там, где гласная *и* несет ударение; только в этом случае она должна сперва освободиться от ударения.

Процесс изменения может и задержаться на этой фазе (т. е. на фазе перехода, например, *ai* в *ái*). Именно так обстоит дело с гласной *y*: в русском литературном языке, в отличие от белорусского и украинского, нет фонемы *y̆*, поэтому переход сочетания *ay* в *ay̆* невозможен; но возможен переход *ay̆* в *áy*.

Промежуточная фаза типа *ái* (а не *áiy*) может закрепляться также в силу восстановления утраченной слоговости под давлением морфологического или стилистического фактора (как, например, в слове *трóица*, сменившем предшествующий вариант *трóйца*).

Смена ударения может реализоваться двояко — как сдвиг ударения на один слог влево или как сдвиг на один слог вправо.

Направление сдвига зависит от позиции *i* (*y*) в словоформе: если сочетание «гласная + *i* (*y*)» целиком принадлежит словоформе, возможный сдвиг ударения направлен влево, если *i* (*y*) стоит в начале словоформы, возможный сдвиг ударения направлен вправо.

В последнем случае стимулом сдвига тоже является наличие другой гласной перед *i* (*y*), но здесь в этой роли оказываются различные конечные гласные предшествующего слова — прежде всего служебного или иного тесно примыкающего, например, *на*, *за*, *про*, *а*, *не* и др.

Тем самым здесь оказывается существенным различие между предлогом и приставкой (в том числе приставкой, в которую превратился предлог, прочно присоединившийся к имени), ср. *до úтра* > *до утра́*, но *заúтра* > *за́утра* > *за́втра*.

В некоторой части случаев сдвинутое ударение закрепляется за словом в целом, т. е. за всеми его словоформами. При этом закрепление сдвинутого вправо ударения представляет собой не что иное, как обобщение эффекта тех ситуаций, когда перед данной словоформой стоит гласная. После такого обобщения словоформы со сдвинутым ударением употребляются уже и в таких фонетических контекстах, которые сами по себе сдвига не требуют.

Выявление рассмотренных выше сдвигов ударения позволяет уменьшить число не имеющих объяснения случаев, когда современное русское ударение отклоняется от ожидаемого по общим правилам акцентной эволюции русского языка.

Источники

- Авв. — Два автографа протопопы Аввакума (см. Зализняк 1985. § 3.31.)
 Апост. — Апостол, XVI—XVII вв. — РГБ, ф. 304.1, № 78.
 Г.пс. (Годуновская псалтирь) — Псалтирь с толкованиями, 1594—1600 гг. — РГБ, ф. 173.1, № 70.
 Дом. — Домострой, XVI—XVII вв. — РНБ, Q. XVII.149. По изданию: Домострой по Коншинскому списку и подобным, кн. 1. К изданию подготовил А. Орлов. М., 1908.
 Дмс. — Домострой, 2-я пол. XVII в. — РГБ, ф. 272, № 432.

- Жт. — почерк 2—1936 в рукописи: Сборник житий, 2-я четв. XVI в. — РГБ, ф. 173, № 57.
- Злат. — Златоуст, нач. XVII в. — РГБ, ф. 173.I, № 146.
- Колм. — Космография Герарда Меркатора. Колмогоры, 1670 г. По изданию: Космография 1670. СПб., 1878—1881.
- Лег. — Троицкий летописец, сер. XVI в. — ГИМ, Синод. 645.
- Мак. — Жития Макария желтоводского и Кирилла белозерского, почерк 1—1336 в рукописи: Сборник житий. Москва, 1631 г. — РГБ, ф. 304.II, № 16.
- Мерило Праведное — РГБ, ф. 304.I, № 15. По фототипическому изданию: Мерило Праведное по рукописи XIV века. М., 1961.
- Нв. — Новгородская летопись, 1-я четв. XVII в. — БАН, 34.4.32.
- Ник. — Никоновская летопись, список Оболенского, 1526—1530 гг. — РГАДА, 201—1—163.
- Нил. — три тома Житий святых, писанные в 1490-х гг. Нилом Сорским, — РГБ, ф. 113, № 630; РГБ, ф. 304.I, № 684; Гос. лит. музей, № 126.
- Поуч. — Сборник, кон. XVI в. — РГБ, ф. 304.I, № 784.
- Свят. — Книга глаголаемая описание о российских святых, где и в котором граде или области, или монастыре и пустыни поживе и чудеса сотвори всякого чина святых, XVIII в. — РГБ, ф. 173.I, № 209.
- Соф. — Софийская первая летопись, Воронцовский список, кон. XVI — нач. XVII в. — БАН, 34.2.31.
- Спарв. — J. G. S p a r g w e n f e l d. Lexicon Slavonicum // Edited and commented by Ulla Birgegård. Vol. I—IV, Index. Uppsala, 1987—1992.
- Стогл. — Стоглав, 2-я пол. XVI в. — РГБ, ф. 304.I, № 215.
- Строев. — Строевский список Псковской 3-й летописи, 1560-е гг. — РНБ, собр. Погодина, № 1413.
- Сух. — Сухановский хронограф, сер. XVII в. — РНБ, F.XVII.17 (из собр. Ф. Толстого, I, № 198).
- Фер. — Кормчая, сер. XVI в. — РГБ, ф. 98, № 248.
- Хлын. — Златоуст, 2-я четв. XVII в. — РГБ, ф. 310, № 539.
- Час. — Часослов, посл. четв. XV в. — в рукописи РГБ, ф. 304.I, № 329.
- Чуд. — Чудовский Новый Завет, XIV в. — По изданию: Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. Труд святителя Алексия Митрополита Московского и всея Руси. (Фототипическое издание Леонтия, Митрополита Московского.) М., 1892.
- Южн.отк. — Памятники южновеликорусского наречия. Отказные книги. М., 1977.

Л и т е р а т у р а

- ДРУ — А. А. З а л и з н я к. Древнерусское ударение: общие сведения и словарь. М., 2014.
- Еськова 2008 — Н. А. Е с ь к о в а. Нормы русского литературного языка XVIII—XIX веков. Ударение, грамматические формы, варианты слов. Словарь, пояснительные статьи. М., 2008.
- Зализняк 1985 — А. А. З а л и з н я к. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.
- Иткин 2009 — И. Б. И т к и н. Акцентологические заметки // Корпусные исследования по русской грамматике. М., 2009. С. 34—41.

Колесов 1976 — В. В. Колесов. Ударение в «Слове о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве» и памятники древнерусской литературы // Труды отдела древнерусской литературы, XXXI. Л., 1976. С. 23—76.

МПр — А. А. Зализняк. «Мерило Праведное» XIV века как акцентологический источник // А. А. Зализняк. Труды по акцентологии. Т. I, М., 2010. С. 531—708.

Сл. 11—17 — Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 1— М., 1975—.

Слуцкий 1991 — Б. С л у ц к и й. О других и о себе. М., 1991.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1— М.; Л., 1965—.

Резюме

В статье рассматривается малоизученное явление из истории русского ударения — акцентная эволюция узких гласных *i* и *u*, которые в древнерусском языке несли ударение и находились в позиции непосредственно после другой гласной. Установлено, что такие гласные имели тенденцию к утрате ударения, а именно, к его сдвигу на один слог влево или на один слог вправо. Сдвиг влево происходил в случае, когда сочетание «гласная + *í* (*y*)» находилось внутри словоформы, например, *Михаѣловъ* > *Миха́йловъ*, *зау́трокъ* > *за́втрокъ*. Сдвиг вправо — когда *í* (*y*) стояло в начале словоформы и тем самым в потоке речи часто оказывалось в позиции после конечной гласной служебного (или иного тесно примыкающего) слова, например, *на* (*за, про, а, не* и др.) *и́ное* > *на ино́е*, *до у́тра* > *до утра́*. Данная тенденция не достигает статуса полноценного фонетического перехода, но приводит к смене ударения у некоторого числа слов или словоформ — обычно факультативной, но в части случаев уже закрепленной языковой нормой.

Ключевые слова: история русского языка, ударение, сдвиг ударения, узкие гласные, неприкрытые гласные.

Статья получена 09.07.2016

ANDREY A. ZALIZNYAK

FROM THE HISTORY OF RUSSIAN STRESS: ACCENTUAL SHIFT IN UNCOVERED VOWELS

The article considers an insufficiently known phenomenon from the history of Russian stress: the accentual evolution of Old Russian stressed vowels *i* and *u* immediately following another vowel. It is established that these vowels underwent a tendency to lose their stress, shifting it to the left or to the right. The shift was directed to the left if both *i* (*í*) and the precedent vowel were within the same word, and to the right if *i* (*í*) was word initial. This tendency did not attain the status of a full-scale phonetic change; it only changed the stress of some words or forms, producing mostly a facultative variant but sometimes a new norm.

Key words: history of Russian, stress, accentual shift, narrow vowels, uncovered vowels.

Received on 09.07.2016

М. Н. ШЕВЕЛЕВА

К ИСТОРИИ ГРАММАТИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ ФОРМ ТИПА *ХАЖИВАЛ*, *БИВАЛ*, *БИРАЛ* В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

1. Проблеме семантики форм типа *хаживал*, *бивал*, *бирал* и под. посвящена огромная литература. Русская грамматическая традиция XIX—XX вв. трактует эти глаголы как многократные, в старой грамматической традиции — как глаголы особого многократного вида (см. [Виноградов 1947: 503—504; Маслов 1965/2004: 392]; см. также обзор в [Шевелева 2012: 140—142]), употребляющиеся только в «давнопрошедшем времени» [Пешковский 1938: 211] (см. также [Виноградов 1947: 504, 545—549] и др.). Как писал В. В. Виноградов, в современном русском языке эти формы «со значением многократности — *сизживал*, *говаривал* и т. п. — как бы врезаются со стороны в систему качественных различий между формами совершенного и несовершенного вида», «оказываются за пределами живой системы видовых соотношений» [Виноградов 1947: 503]. В последующей традиции за ними закрепляется характеристика глаголов многократного способа действия [Маслов 1965/2004: 392; АГ 1980: 600; Князев 1989: 141—143; Зализняк Анна, Шмелев 2015: 128—129], представляющего собой «реликт более древнего состояния аспектуальной системы русского языка» и постепенно угасающего [Зализняк Анна, Шмелев 2015: 128] (см. о том же [Виноградов 1947: 502—503, 546—548; Кузнецов 1953: 328—329] и др.).

При этом начиная со старейших восточнославянских грамматических описаний — еще с перевода «Донатуса» Дмитрием Герасимовым (1522 г.) — формы типа *хаживал* рассматривались в русской традиции как соответствие плюсквамперфекта, т. е. как давно прошедшее время (см. [Кузнецов 1958/2011: 18—21; 1959: 263—265], о грамматической традиции XVIII в. см. [Живов 1992; Успенский 1993: 118—120]). Без этих образований не обходится практически ни одно описание русской видо-временной системы в грамматической традиции XVIII — начала XX вв.; они были важны для грамматистов, поскольку на протяжении достаточно длительного времени — с XV в. по начало XX в. — составляли важный элемент русской глагольной системы. И хотя в XX в. в системе литературного типа они всё более уходят на периферию¹, эти образования сохраняют свою употребительность в

---

¹ Надо заметить при этом, что распространенное представление о том, что сейчас это образования практически вымершие, несколько преувеличено: по данным

севернорусских говорах [Сими́на 1970; Ровнова 1991, 1993; Пожарицкая 1991; Бегунц (в печати) и др.].

Интерес к специфике семантики образований типа *хаживал*, *бирал* и под. в общем-то никогда не угасал. В последнее время — благодаря исследованиям диалектологов [Пожарицкая 1991, 2015; Ровнова 1991, 1993, 2011; Бегунц (в печати)] — он вновь заметно оживился.

Еще со времен А. А. Потебни высказывались сомнения в справедливости определения этих глаголов как многократных, поскольку значения многократности может и не быть [Потебня 1941: 84]. А. А. Потебня полагал, что эти глаголы, характеризуемые им как глаголы 3-ей степени длительности, отличаются от обычных глаголов НСВ (2-й степени длительности, по А. А. Потебне) именно большей степенью длительности действия, «оттенком постоянства и всегдашности», а не обязательно многократностью [Там же]; при этом он возражал и против приписывания формам типа *хаживал* значения давнопрошедшего, поскольку «то, что в них принимается за дальность действия, есть обширность занимаемого им периода времени» [Там же: 81]. На то, что в современных северных говорах многократность действия, как и отнесенность его к давнему прошлому, — возможный, но далеко не обязательный компонент значения форм типа *хаживал*, специально обращается внимание в недавних диалектологических исследованиях [Пожарицкая 1991: 91—92; 2015: 172; Ровнова 1993: 18—19; 2011: 116—117; Бегунц (в печати)]. В этих работах отмечается, что основным значением для современных севернорусских форм типа *хаживал*, *бирал* и под. надо признать общефактическое значение, семантика же многократности и давнопрошедшего, известная нам в литературном языке, контекстуально обусловлена [Там же], при этом характерное для литературного языка значение повторяемости (обычности) в отдаленном прошлом в северных говорах не является для них не только единственным, но даже наиболее частотным [Ровнова 2011: 116 и др.].

В связи с этим высказываются предложения вообще не связывать семантику рассматриваемых форм с итеративностью [Бегунц (в печати)]. В. А. Плунгян предложил видеть в таких формах, в славистике «не вполне справедливо трактуемы[х] как итеративные, тогда как итеративная семантика ни в каком из этих образований не является доминирующей», специализированные показатели хабитуальности или прекращенной хабитуальности [Плунгян 2011: 408]. Эта идея хорошо работает для русского литературного языка, но тоже не всегда для диалектного, как и для материала старорусских источников (см. ниже).

Совершенно очевидно, что система русского литературного языка XIX—XX вв. в отношении рассматриваемых образований отличается от

новейших исследований, хотя они и имеют архаическую окраску, «нельзя сказать, что эта модель является вовсе непродуктивной» — в речи такие глаголы (хотя в XIX в. их было существенно больше) можно встретить не так уж редко [Зализняк Анна, Шмелев 2015: 129].

диалектной севернорусской. При этом столь же очевидно сходство употребления этих форм в памятниках XV—XVII вв. с тем, что представлено в современных северных говорах, — говоры сохраняют более архаичное состояние, тогда как система литературного типа отражает сужение сферы их употребления и грамматикализацию изначально контекстных интерпретаций.

Как кажется, имеющиеся на данный момент материалы и результаты многочисленных исследований, так или иначе связанных с этими глаголами, позволяют представить пути эволюции грамматической семантики форм типа *хаживал, бивал, бирал* в русском языке.

2. Как уже отмечалось в [Шевелева 2012], специфика рассматриваемых глаголов состоит в том, что они представляют собой образования с помощью суффиксов имперфективации, производные от простых бесприставочных основ НСВ: *ходить* → *хаживать*, *косить* → *кашивать*, *стоять* → *стаивать*, *бить* → *бивать*, *бьрать* → *бирать*, *дьрать* → *дирать* и т. д. Фиксируются эти образования с самого конца XIV в.², продуктивными становятся в XV в. Их позднее появление не случайно: эти глаголы возникают тогда, когда их производящие простые бесприставочные основы получают однозначное значение НСВ — утратилась свойственная им в более раннюю эпоху видовая неохарактеризованность (см. [Кукушкина, Шевелева 1991]) и они постепенно и полексемно в абсолютном большинстве своем перешли в НСВ.

Таким образом, появление таких корреляций связано с определенным этапом развития аспектуальной системы: они возникают в период завершения формирования видового противопоставления СВ//НСВ, охвата им практически всей глагольной лексики. Бывшие прежде неохарактеризованными по виду глаголы стали глаголами НСВ — и как следствие и на базе этого стало возможным развитие дополнительной аспектуальной оппозиции **НСВ** → **производный итератив** (сохраним этот традиционный термин — к вопросу о его правомерности перейдем ниже). Итак, главное в специфике этих образований — их производность с помощью суффиксов

² В предшествующую (древнерусскую) эпоху известны только глаголы *бивать* и *видать* (возможно, раньше прочих итеративов по аналогии с *видать* появляется также *слыхать*), которые, однако, изначально отличались по семантике от прочих глаголов типа *хаживать* — исконно это старые имперфективные образования от неохарактеризованных по виду основ, а не от глаголов НСВ (о *бывати* см. [Шевелева 2012: 144—155], о *видати* и *слыхати* см. [Маслов 1961/2004: 465], специально истории аспектуальной семантики этих трех глаголов посвящена работа [Шевелева, в печати]). Позднее эти глаголы сближаются по характеру употребления с итеративами типа *хаживать*, сохраняя, однако, некоторые отличия от последних — прежде всего способность старых имперфективов *бивать* и *видать* употребляться в настоящем времени (см. [Там же], также [Зализняк Анна, Шмелев 2015: 128—129]).

имперфективации от основ НСВ: значение имперфективности у них тем самым оказывается дублированным (см. о том же [Пожарицкая 1991: 84])³.

Появление таких образований на соответствующем этапе развития видовой системы известно и в других славянских языках «безаористного» типа: в чешском, словацком, польском, староукраинском, причем если в польско-староукраинской зоне они после XVIII в. утрачиваются, то в чешско-словацкой, напротив, занимают важное место в аспектуальной системе, сохраняя высокую продуктивность и регулярность (см. [Князев 1989: 141—142; Шевелева 2012: 170—174], о чешских и словацких многократных глаголах см. [Исаченко 1960: 273—279; Травничек 1951: 1321, 1334—1335; Широкова 1965] и др.). Видимо, возникновение итеративных корреляций — это проявление некоей общей тенденции в истории славянской видовой системы в языках, переживших упрощение системы прошедших времен и превращение перфекта в претерит. При этом по последующей судьбе этих корреляций русские говоры Центра (литературного типа) занимают промежуточное положение между польско-украинским типом и чешско-словацким, но ближе к первому, а севернорусские говоры в значительной степени сближаются с чешско-словацкими системами. Перед нами, несомненно, явление, связанное с типологией эволюции славянской видовой системы.

Главным и самым сложным является вопрос об изначальной семантике таких образований. Что дает «удвоенная» имперфективность, можно ли эти глаголы действительно считать исконными итеративами, как это предлагается в [Пожарицкая 1991: 84; Шевелева 2012: 144—145 и др.], да и вообще в славянской аспектологической традиции? И как возникает хорошо нам известное значение дистанцированного прошедшего, приписываемое формам типа *хаживал* уже грамматиками XVI в.?

Обратимся к материалам памятников XV—XVII вв., накопленным уже в немалом количестве. В работе [Шевелева 2012] рассматривались преимущественно материалы летописей XV—XVI вв., позволившие наблюдать употребление глаголов типа *хаживать* в нарративном режиме. Привлечем теперь данные текстов разных типов, в том числе и деловой письменности XV—XVII вв., где эти глаголы особенно употребительны, — по материалам существующих исследований, в том числе представленные в дипломной работе А. Ю. Курмачева 1996 г. [Курмачев 1996].

3. По данным памятников XV—XVII вв., главное в семантике глаголов типа *хаживать*, *бирать* и под. — это невозможность выступать

---

³ Распространенная во второй половине XX в. трактовка бесприставочных образований типа *хаживать*, *кашивать* и под. как производных от приставочных путем отбрасывания приставки, предложенная в [Кошелев 1958] и принятая П. С. Кузнецовым и позднее Г. А. Хабургаевым [Борковский, Кузнецов 1965: 306—307; Горшкова, Хабургаев 1981: 320—321], представляется мало вероятной.

в процессном актуально-длительном контексте. Они встречаются в формах прошедшего времени и инфинитива (последнее преимущественно в инфинитивных предложениях с модальным значением предписания или запрета) [Никифоров 1952: 115—118; Шевелева 2012: 156—161], основной тип употребления в ненарративных текстах — общефактическое значение в разных его вариантах. Деловые документы XV—XVII вв. представляют богатый материал по употреблению форм типа *хаживал, бивал, бирал* и под., и абсолютное большинство этих примеров — контексты **общефактического прошедшего**.

Часто они употребляются в контекстах общего вопроса или ответа о самом факте наличия или отсутствия данного действия ('было или не было' — общефактическое экзистенциальное, по Е. В. Падучевой [Падучева 1996: 43—46]). Например, в вопросе: *а твои пак, государь, Васьян архиепископ в Кирилов монастырь приставов своих **сылывал** ли, а игумена и братью сам **суживал** ли, и десятильник его въезжал ли и пошлины свои **имывал** ли?* (АСЭИ, 2, 281; 1478/79 г., № 315, Белозерск); *Скажите, брат(ъ)ъ, как право перед Богом... **кладывал** ли Давыдко с того селища Лаптева наем всеи братье на столець перед вами?* (АСЭИ, 1, 247; 1464/68 г., № 340, Сергиев Посад); ***Бивали** ли есте челом ѿ той земльъ **ѣдрю** великому князю?* (АСЭИ, 2, 445; 1497/98 г., Москва); ***Бивали** ли естя челом великому князю на те старци о той земле или боярину великого князя?* (АСЭИ, 2, 240; 1501 г., № 221, Ярославль) и др. (примеры из [Курмачев 1996]); *отвечаи: покрадчи еси от княини **бегивал** ли, и тое татбу **имывал** ли?* (АИ, 1, 49); *Царь... спросил Власка: в подписке еси поиман **бывал** ли и у неделщика еси **сиживал** и ножем, сидячи у него, **резывал** ли?* (Акты юридические, 125) [Никифоров 1952: 117] и под.

Ср. в положительном ответе: *Мы **ѣне** о той земль на **вѣдчных** **крѣстьян** **бивали** челом и **ѣдрь** дал нам су^ою* (Пам.Ряз., 37; 1555 г., № 26, Рязань) — утверждает, что факт подачи жалобы имел место [Курмачев 1996]; ср. также в реплике: *Государь **хачивал** на поминках помиритца* (Садиков. Очерки по истории опричнины, 537 [Никифоров 1952: 116]) — 'хотел, выражал намерение', т. е. имел место такой факт, значимый для момента речи говорящего.

Высокой употребительностью в таких контекстах отличаются рассматриваемые формы и сейчас в северных говорах [Ровнова 1993: 17].

Как неоднократно отмечали исследователи, в старорусских деловых документах особенно употребительны формы типа *хаживал* в отрицательных контекстах — отрицательных ответах на заданный вопрос о том, имел или не имел место данный факт [Успенский 1993: 124—125 и др.], «(к)атегорическое (усиленное) отрицание того, что действие когда-либо в прошлом имело место» [Никифоров 1952: 117] и др. Ср. в ответах: *А после, господине, Настасья наши посельские тое пожни **не кашивали**, а косили ее те ж хрестьяня* (АСЭИ, 2, 151; 1475/76 г., № 222, Белозерск); *А то ми, господине, не ведомо, чья то земля истарины. А Сенка мне, господине, Кожа о*

той земле **не говариваль** (АСЭИ, 2, 415; 1490/98, № 404, Москва); *Мы, ѓснѣ, в той дѣвнѣ Батманскои не живали, мѣста не пахивали, а меж, ѓсне, туто не знаем* (АСЭИ, 3, 235; 1505 г., Ярославль); *За монастырем есмь въ их деревнях в старых не живали и того лесу... не розсѣкивали, ни прятывали, ни пахивали, ни кашивали к монастырским дѣвням и дворов есмь... на тѣх местех... не ставливали, ни грамот лготных есмь... не имывали, ни знаем ни вѣдаем* (АСЭИ, 3, 181; 1504 г., № 172, Калязин) — решительно отрицается, что факты имели место; *И тот ѓдѣрь козак ѓѢркат мнѣ халопу твоему скозал. Яз де на торгу не говаривал, что...* (Пам. ю.-в.-р. к. XVI — н. XVII в., 10; 1593 г., № 3, Елец) — ‘не было такого факта’; *а он де так же хотел зделат съезжую избу зжечь адное а города де Брянска он зжеч никакого не хачевал* (Пам. ю.-в.-р. Чел. XVII в., 126; 1623 г., Р.р. № 140, Брянск) (примеры из [Курмачев 1996]); *И крепости ему на собя никакие не давывал и на приданои не женивался* (АИ, т.1, 366 [Никифоров 1952: 118]); ср. в ответе на вопрос, был ли некий Наська в сговоре с князем: *Был ли тот Наська у князя у Ивана в думе, что ему бежати, и бежати ли было ему со князем с Иваном? — Тот, господине, Наська со князем не бегивал и думы княжне не ведал...* (АСЭИ, 3, 406; 1521 г., Роз.дело № 391, Рязань) [Курмачев 1996] — подобных примеров в памятниках много.

Это контексты общефактического отрицания, для употребления в которых формы типа *хаживал* оказываются наиболее «подходящими», — отрицается, что данная ситуация имела место хотя бы один раз, а значит, ее не было никогда (о семантике общефактического отрицания см. [Шатуновский 2009: 218—223], о глаголах типа *хаживал* в таких контекстах [Успенский 1993: 124—126; Шевелева 2012: 150—151]).

В подобных контекстах вопроса или ответа о том, имел ли место факт существования данного действия, несущественно, было ли оно однократным или повторяющимся, его временная локализация тоже не важна — для общефактического экзистенциального значения, в том числе для общефактического отрицания, это нерелевантно. Однако потенциальная возможность повторяемости присутствует всегда (см. [Падучева 1996: 43—46; Шатуновский 2009: 140—145, 218—222]): ‘действие имело место по крайней мере один раз’ или ‘ни одного раза’, т. е. ‘никогда’ [Там же; ср. также Успенский 1993: 122—126, хотя в этой работе значение форм типа *хаживал* не трактуется как общефактическое]. Типично для общефактического значения и наличие результирующего компонента семантики (см. [Падучева 1996: 43 и др.]) — ср. наши примеры, где названные факты принципиально значимы для момента речи говорящего.

Как хорошо показано в современной аспектологии, кратность (или дискретность) действия является семантической базой общефактического значения, при этом повторяемость здесь потенциальная — важно, что ситуация могла повторяться [Гловинская 1982: 135; Падучева 1996: 44—46; Шатуновский 2009: 144—145]. Таким образом, связь глаголов типа *хаживал* с контекстами общефактического значения не только не противоречит воз-

можному наличию у их основ итеративной семантики, но, напротив, хорошо этому соответствует.

Формы типа *хаживал* могут выражать в памятниках и другие типы общефактического значения. Так, они встречаются в контекстах частного вопроса или в ответах на такой вопрос — о том, кем, где, при каких обстоятельствах осуществлялось действие⁴. Например: *Скажите, бра^{ме}, въправду: тот лугъ, на котором стоим, чѣя то земля, **кто** его **кашивал**?* (АСЭИ, 2, 384; 1465/70 гг., № 383, Москва); *Яз, господине, Богдан Микулин **служивал** у Троици при игумене при Спиридоне* (АСЭИ, 1, 506; 1496/97 гг., № 607, Сергиев Посад) — ответ на вопрос о том, где именно служил допрашиваемый (примеры из [Курмачев 1996]).⁵

Как видим, в контекстах с рассматриваемыми глаголами признак единичности // повторяемости чаще всего нейтрализован — как в большинстве контекстов общефактического экзистенциального или в приведенном контексте частного вопроса о пользовании землей с формой *кашивал*, для которого многократная (хабитуальная) интерпретации, впрочем, кажется даже более вероятной. Однако некоторые контексты практически не допускают итеративного прочтения. Так, контекст с формой *служивал* — ответ на вопрос, где человек служил, — отнюдь не предполагает повторяемости названной ситуации: человек отвечает, что имел место факт его службы в соответствующем месте (была ли эта служба продолжительной, не сообщается, но явно не повторяющейся). Точно так же в контексте с формой *хачивал* (*Государь хачивал на поминках помиритца* — см. выше) речь идет скорее всего о единичной ситуации: вряд ли имеется в виду, что государь многократно выражал это намерение. При этом если для контекста со *служивал* можно предположить неитеративную хабитуальность ('какое-то время служил, т. е. имел такое занятие'), то для *хачивал* маловероятно и итеративное, и всякое хабитуальное прочтение. Практически невозможна или маловероятна итеративная интерпретация и для некоторых контекстов общего вопроса, ср. в приведенных выше примерах: *отвечаи, покрадчи еси от княини **бегивал** ли и тое татбу **имывал** ли?* (АИ, т.1, 49); *...у неделцика еси **сиживал** и ножем, сидячи у него, **резывал** лы?* (АЮ, 125) [Никифоров 1952: 117] — речь в обоих контекстах идет об обвинении в некотором

⁴ В аспектологических исследованиях такое значение НСВ, называемое в [Падучева 1996] акциональным, рассматривается или как разновидность общефактического [Бондарко 1971: 84—85], или выделяется как особый, хоть и близкий к общефактическому, тип значения НСВ [Падучева 1996: 48—52] (впрочем, в более поздних работах подобное значение НСВ трактуется Е. В. Падучевой скорее в рамках общефактического, хоть и отличного от общефактического экзистенциального, см. [Падучева 2013: 11]).

⁵ Подобные употребления в частном вопросе и ответе на него известны и в говорах, правда, по данным исследователей, они нечасты: ср. *А кто робливал?* [Ровнова 1993:17].

единичном преступлении, а не о повторявшейся несколько раз или habituальной ситуации.

Подобные примеры употребления рассматриваемых глаголов в контексте единичного действия, в том числе в общефактическом результативном значении, известны и в современных северных говорах, ср. примеры И. В. Бегунц: *Я только всего-навсего один раз гадывала: ну мне-то семнадцать, наверно, уж было; И меня собака кусывала* (далее рассказ о том, как говорящую однажды покусала собака); *Там на Красивом дом сгорел, а они в этом доме живали* (т. е. 'жили' — неитеративная habituальность) — ср. приведенные выше примеры с *живали* из старорусских памятников; *А пол дак никто не мывал* (т. е. 'пол немыйтый' — объясняет свою просьбу не разуваться); *А я вот русской печи не тапливала* (ответная реплика на замечание, что в доме холодно, т. е. 'не топлено') и др. (запись в д. Тавреньга Архангельской обл. [Бегунц, устное сообщение])⁶. Именно такие примеры дают основания говорить о том, что семантика этих глаголов в говорах не связана с итеративностью [Там же].

Как мы видели, такие примеры, не допускающие многократной, а также habituальной интерпретации, встречаются и в старорусских памятниках. Действительно, они создают наибольшие трудности для трактовки семантики этих образований, ставя под сомнение справедливость приписывания им значения итеративности и даже habituальности в широком смысле.

Обратим, однако, внимание на то, что во всех таких случаях выражается общефактическое значение — действие как факт, локализация которого во времени несущественна (о неопределенности времени завершения как признаке общефактического значения см. [Гловинская 1982: 120; Падучева 1996: 41—42]). В нормальном случае признак единичности//кратности в общефактическом контексте нейтрализован [Шатуновский 2009: 144 и др.]. Однако в ряде случаев возможна и единичность ситуации, задаваемая, как правило, прагматически, ср. примеры Е. В. Падучевой: *Вы обедали?* (= 'сегодня') — единичность «вытекает из того, что мы обедаем раз в сутки, а вопрос относится к текущему дню» [Падучева 1996: 39], *Где апельсины покупали? Кто писал эту записку?* [Там же: 49] (по Е. В. Падучевой, правда, последние примеры представляют акциональное значение НСВ — см. об этом выше).

В наших примерах из деловых памятников XV—XVII вв. единичность точно так же задается прагматически. Так, глагол *служивал* в ответе на вопрос о месте службы человека исходя из естественного положения вещей прочитывается как некратный. Точно так же естественно понимать как некратный глагол *хачивал* в сообщении о намерении государя помириться при некоей встрече. Глаголы *бегивал* (*ли*), *имывал* (*ли*) в расспросной речи о конкретном преступлении, причем при наличии в контексте конкретиза-

---

⁶ Приношу искреннюю благодарность И. В. Бегунц за предоставленные диалектные материалы.

торов *от княгини, покрадчи* и *тое татбу*, тоже понимаются как обозначающие единичные действия.

Так же, по всей видимости, обстоит дело и с диалектными примерами — там, где речь идет о неповторяющихся, как следует из ситуации, действиях типа: *у кого тут старушка теривалась?* (речь шла об одном случае исчезновения старушки); *падывало же одно когды-то* (о ребенке, который однажды упал) [Пожарицкая 1991: 91]; *я только всего-навсего один раз гадывала; они в этом доме живали; а пол дак никто не мывал* (примеры И. В. Бегунц — см. выше).

При этом потенциальная кратность в смысле представления действия как некоего образца множества аналогичного типа ситуаций, по всей видимости, присутствует и здесь и задается семантикой глагольной основы⁷.

Обратим также внимание на то, что во всех славянских языках, где есть такие глаголы, они допускают образование от стальных, фактивных и прочих основ, обозначающих неквантифицируемые ситуации: ср. чеш. *sedával, stával, mlčival, znával*, ср. совр. рус. литературное *знавал* [см. Князев 1989: 149; Широкова 1965: 79—81]. Сочетание итеративной семантики аспектуального показателя с не допускающей идеи повторяемости лексической семантикой глагола дает некоторые особые значения, неоднократно обсуждавшиеся в славистике, — прежде всего, применительно к западнославянским языкам, где эти образования особенно активны ([Там же], см. об этом также ниже). Вообще показатели кратности не исключают сочетания с глагольными основами неквантифицируемой семантики, при этом такие образования получают значение единичного действия с некоторыми дополнительными семантическими компонентами — ср. литовское прошедшее многократное со специальным суффиксом *-dav-* от глаголов состояния типа 'любить' [Храковский (ред.) 1989: 127], ср. чешские формы типа *stával* 'стаивал' в значении непрерывного устойчивого состояния (о семантике таких форм см. ниже, 4.) [Там же: 142; Широкова 1965: 81] — ср. наши старорусские примеры с формами *служивал, хачивал, любливал* и под. (о последнем см. ниже), рус. лит. *знавал*, рус. диал. *живали* и под.

Все это указывает на то, что сама возможность употребления форм типа *служивал, хачивал* и под. в значении единичного действия еще не является достаточным доказательством отсутствия итеративной семантики у этого типа образований — в определенных условиях кратность может нейтрализоваться.

⁷ Показательно, что во многих из этих диалектных примеров со значением единичного действия явно просматривается экспериментальная семантика, которая также выводима из семантики потенциальной кратности ('данная ситуация осуществилась по крайней мере один раз в прошлом, что привело к нынешнему положению дел — наличию у субъекта некоторого знания, основанного на прошлом опыте' — о трактовках экспериментального значения в типологии см. [Сичинава 2013: 31 и др.]).

При наличии в контексте показателя повторяемости соответствующая семантика актуализируется — такие примеры в памятниках XV—XVII вв. встречаются нередко, ср.: ... *а намѣстником есмя... коломенским ѿ той земль бивали челом не ѿдинова* (АСЭИ, 2, 445; 1497/98 г., № 414, Москва); ... *А гдрю гне великому кнзю изумени и старци бивали челом не ѿдинова* (АСЭИ, 1, 507; 1496/98 г., № 607, Сергиев Посад); ... *и яз гдрь их ѿ воровства умал и бивал их не ѿдиножды* (Пам. ю.-в.-р. к. XVI — н. XVII в., 33; 1593 г., № 31, Елец); ... *и я богомолец твой многажды на соборе им говаривал чтоб они обедни велели звонить по прежнему твоему святительскому указу* (АХиУЕ, 1, 301, 1657 г., Устюг) [Курмачев 1996].

Таким образом, основной тип употребления образований типа *хаживал*, *бивал* и под. в ненарративных контекстах по данным памятников XV—XVII вв. — общефактическое значение. Признак единичности//повторяемости действия в большинстве таких примеров нейтрализован: «это не исключено, но не обязательно. Очень часто это просто неизвестно или неважно» [Шатуновский 2009: 144], однако в некоторых случаях обозначаются единичные ситуации — это задается прагматически, в том числе и спецификой лексической семантики глагола; с другой стороны, при наличии в контексте показателей повторяемости действие однозначно трактуется как многократное. Подчеркнем при этом, что в актуально-длительном контексте эти глаголы решительно невозможны — это глаголы, не допускающие процессуализации.

Вернемся к вопросу о том, можно ли по данным старорусских памятников эти образования считать итеративами. По-видимому, недопустимость актуально-длительной интерпретации и специализированность на выражении общефактического значения все-таки есть следствие итеративной семантики основы, однако это такая разновидность итеративности, которая не тождественна реальной повторяемости ситуации, — это итеративность как дискретность действия, членимость его на отдельные кванты, потенциальная способность переставать и начинаться вновь. Это «глубинное» представление действия как членимого на кванты, что вовсе не означает его реального повторения: заложенная в таких образованиях потенциальная повторяемость совсем не обязательно реализуется — только в зависимости от прагматического контекста. Сходные трактовки, замечу, высказывались в грамматической традиции: ср. еще у К. С. Аксакова действие как неопределенное множество отдельных «моментов» [Аксаков 1875: 414], «внутренняя расчлененность процесса» как инвариантное значение многократных глаголов у А. В. Исаченко [Исаченко 1960: 274], дискретность действия в [Гловинская 1982: 134], действие, «членимое на отдельные (однородные) фрагменты — отдельные моменты» [Успенский 1993: 129], ср. об имплицитно присутствующем в этих глаголах значении многократности действия, которое может проявляться при этом лишь в специфических контекстных условиях [Пожарицкая 1991: 92].

Именно в силу такой семантики эти глаголы оказываются специализированы на выражении общефактического значения, поскольку, как уже говорилось, основой общефактического значения является идея дискретности действия, его потенциальной кратности. Глаголы типа *хаживать* маркированы по этой семантике дискретности, и именно поэтому общефактическое значение становится для них основным. Возможно, за счет этой маркированности, отличающей их от прочих глаголов НСВ, это значение может иметь у них эмфатическое подчеркивание: факт имел место // не имел места (см. [Шевелева 2012: 156—157]) — особенно это характерно для отрицательных контекстов, что и порождает не раз отмечавшееся исследователями значение «сильнейшего отрицания» [Буслаев 1858/2006: 115—116], см. также [Никифоров 1952: 117] и др. (см. об этом выше).

Значение же хабиутальности в ненарративных контекстах у рассматриваемых глаголов по данным старорусских памятников в большинстве случаев отсутствует. По-видимому, это значение развивается у них вторично, прежде всего в нарративном режиме (см. ниже). Таким образом, вряд ли эти образования возникали как специализированные показатели хабиутальности (о такой гипотезе см. выше, 1.) — традиционная трактовка их как итеративов оказывается более оправданной, однако надо при этом иметь в виду, что это итеративность как имплицитная дискретность действия, его потенциальная воспроизводимость, а специализированными они становятся на представлении действия как общего факта, временная локализованность которого и однократность//повторяемость несущественны⁸, хотя могут задаваться прагматически. Еще раз подчеркнем, что актуально-длительное употребление для этих глаголов недопустимо⁹.

Почему эти производные с помощью суффиксов имперфективации от основ НСВ образования получают значение итеративности (дискретного действия) — отдельная проблема. В лингвистической традиции распро-

---

⁸ В работе [Новикова 2016: 18—19] предлагается также специфику этих образований в старорусских памятниках и севернорусских фольклорных текстах (как и в современных северных говорах) связывать с употреблением исключительно в собственно общефактических контекстах общереферентного типа и невозможностью обозначать конкретный индивидуализированный факт, имевший место в определенный момент в прошлом, тогда как прочие глаголы НСВ возможны как в собственно общефактических, так и в конкретно-фактических контекстах с преобладанием последних.

⁹ В недавней работе [Кукушкина 2016], где специфика семантики рассматриваемых глаголов трактуется, как и нами, как неспособность передавать актуально-длительное значение, предлагается считать такие образования «отрицательно маркированными»: «из семантики исходного глагола устраняется важнейшее для НСВ конкретно-процессуальное значение, несовместимое с семей «многократность», вносимой словообразовательным формантом» [Там же: 225—226]. Тем самым признается, что суффикс имперфективации у этих глаголов оказывается носителем значения многократности.

странена трактовка суффиксов *-а-*, *-ва-*, *-ыва-/-ива-* в таких глаголах как «омонимов» соответствующих суффиксов имперфективации, т. е. как показателей многократности — реликта более древнего состояния аспектуальной системы [Виноградов 1947: 502—503], см. также [Зализняк Анна, Шмелев 2015: 128]. Речь идет о сохранении этими суффиксами более древнего значения, свойственного им исконно — до того, как они стали показателями имперфективации. Думается, что об омонимии показателей имперфективации и итеративности здесь говорить все-таки не стоит: это образования позднего времени, когда суффиксы *-а-*, *-ва-*, *-ыва-/-ива-* уже давно были суффиксами имперфективации, а видовое противопоставление распространилось на всю глагольную лексику. Напротив, как уже говорилось выше (см. 2.), их появление связано с тем поздним этапом истории видовой системы, когда утрачивалась видовая неохарактеризованность — простые бесприставочные глаголы становились в большинстве своем глаголами НСВ. Именно производностью от таких получивших теперь однозначное значение НСВ бесприставочных глаголов определяется специфика итеративов типа *хаживал*, *бирал* и под. — она является, по всей видимости, следствием «дублирования» значения имперфективности (см. выше). Однако то, что такое дублирование выводит на первый план семантику дискретности действия, есть действительно, видимо, след исконного значения суффиксов имперфективации, генетически восходящих к показателям итеративности (см. [Маслов 1961/2004: 464—465] и др.). При дублировании видового значения несовершенности, которое уже было в производящей основе, суффикс имперфективации актуализирует семантику кратности, бывшую исконно базой для развития значения НСВ — в этом смысле их семантика действительно представляет собой реликт древности.

4. Хабитуальная и «давнопрошедшая» интерпретации изначально были контекстуально обусловлены.

Общезначимое значение, выражаемое в нормальном случае (и, очевидно, в минимальном контексте) итеративами типа *хаживал*, хорошо сочетается с идеей противопоставления данной ситуации последующему положению дел — в момент речи или в какой-то более поздний момент в прошлом; кроме того, заложенная в таких основах латентная воспроизводимость ситуации оказывается благоприятной почвой для хабитуального прочтения.

Уже в деловых (т. е. ненарративных) текстах XV—XVI вв. встречаются примеры, где контекст задает такое противопоставление (показателями типа *прежде сего*, *прежде того*, *дотолева*, *николи* и под. или просто широким контекстом) — и легко возникает значение прекращенной хабитуальности ('было так, а сейчас (или потом) уже не так'). Например: ... *а прежде де того изстарины их люди ѳзживали по моеи вотчине с житы, а наместником де не являлися, ни пошлин не давывали* (АСЭИ, 3, 474; 1451/61, № 496, Суздаль); *После пак Настасьи которые посельские ваши наперед тобя держали то село, а они кашивали ли ту пожню?* (АСЭИ, 2, 151; 1475/76 гг.,

№ 222, Белозерск); *А опрочь того которые пак **прежние** архиепископы в Кирилов монастырь приставов своих **сыльвали**, а игумена обратно **суживали**, и десятильники их въезжали и пошлины свои **имывали*** (АСЭИ, 2, 281; 1478/79 г., № 315, Белозерск); ... *по старине бывало, что вси дворы и дворцовы и великие кнеини и удѣльных князеи, всихъ **суживаль** намѣстник...* (АСЭИ, 3, 28; 1458/61 г., № 12, Москва); ... *а **преже сего** ис тое деревни с Верегина у старых жилищцов пашин в наших дубровах не было да и не **пахивали*** (АХиУЕ, 2, 636; 1617 г., Устюг); ... *а **преж** де у них земских судеек **до той их челобитной** ни в какие челобитья и в челобитные с ним Ивашком **не писывались*** (АХиУЕ, 1, 669; 1686 г., № CLVI, Устюг) (примеры [Курмачев 1996]); *А в роспросе Степанко сказал: родом костромитин, служивал у Ивана у Шенгурсково на Костроме, и **Ивана деи не стало, а ево отпустили*** (Новг. кабалн. книги, 8, XVI в. [Никифоров 1952: 116]) и др.

В нарративных текстах XV—XVI вв. такая интерпретация контекстов с глаголами типа *хаживал* уже преобладает — не случайно именно с их помощью Дмитрий Герасимов в переводе грамматики Доната передает латинский плюсквамперфект (*любливалъ, хачивалъ*) [Ягич 1896: 566—567, 572, 583]. Ср. примеры из летописей: ...*и правду на томъ дали, что имъ служить царю и великому князю и ясаки платить, как **преже сего** царемъ Астороханскимъ **плачивали*** (НЛ, 1557 г., 281); ... *И с тѣх мѣсть почал Юмшан дань давати великому князю, а **дотолева** дани **не даывалъ*** (ВПЛ, 1485 г., л.457об.); ... *И **напередъ того** (в других списках **сего**) за грѣхи наши попуцаль Богъ бесерьменство на крестіаньство, цари подъ городомъ Москвою **стаивали**, а великіе князи въ городѣ **не сѣживали*** (НЛ, 1541 г., 104) и др.

Видимо, нарративный режим, для которого вообще общефактическое значение, выражаемое обычно итеративами типа *хаживал*, *бирал* и под., мало характерно, оказывается благоприятным для «активизации» их хаби-туальных интерпретаций, в том числе «давнопрошедшей» — прекращенной хаби-туальности.

Такие контексты склоняют к пониманию действия как повторяющегося — нередки в них и показатели многократности, ср.: ...*въ той церкви той камень лежитъ, на которомъ Богородица поклоны клала; тамо же въ той церкви два камени, на которыхъ Христось **суживалъ часто*** (Хождение в Иерусалим, НЛ под 1389 г., 108)¹⁰; ...*в Венеции был некий философ добре хытр, имя ему Алдус, а прозвище Мануциус, родом фрязин, отчѣством римлянин, ветхаго Рима отрасль, грамоте и по-римскы и по-греческы добре горазд(о). Я его знал и видел в Венеции и к нему **часто хаживал** книжным делом, а я тогда еще молод в **мирьских** платьях* (Максим Грек. Послание о типографском знаке [Буланин 1984: 108]).

По-видимому, эта связь значений повторяемости и дистанцированного прошедшего очень устойчива и типологически закономерна — ср. то же о

¹⁰ Как полагают исследователи, создание текста «Хождения в Иерусалим» относится к XV в. [СККДР, вып. 2, ч. 1: 395].

литовской форме прошедшего многократного времени («обычно имплицитно узуальность и давно прошедший период времени» [Храковский (ред.) 1989: 127]). Непроцессуальность, фактичность семантики в контексте противопоставления последующему положению дел предстает как хабитуальное, при этом дистанцированное («неактуальное») прошедшее, имплицитная кратность, как правило, становится реальной повторяемостью. Это и есть то значение, которое характерно для форм типа *хаживал* в современной русской системе литературного типа, однако в XV—XVII вв. даже в нарративе оно не единственно возможное.

Во-первых, известны примеры выражения такими глаголами неитеративной хабитуальности — в образованиях от стальных основ (ср. выше о формах типа *хачивал* в ненарративных контекстах). Например в рассказе о прежней резиденции митрополита Киприана: *И бывшую ему на Святых озеръ своемъ у церкви святого Преображенія Господня, яже поставилъ Киприанъ митрополитъ, и чясто тамо живаль, занеже любливалъ лѣсныя пустынные мѣста* (НЛ, 1411 г., 216) — *живаль* здесь имеет итеративное хабитуальное значение, эксплицированное наречием *чясто*, а *любливалъ* выражает неитеративную прекращенную хабитуальность (общефактическое значение, отнесенное в дистанцированное прошедшее)¹¹. Как уже говорилось выше, такое употребление «многократных» глаголов от основ со значением состояния, бытийных и фактивных известно и в западнославянских языках — чешском, словацком, было в польском (ср. чеш. *Za dávnych, dávnych časů stával nad Orlicí řekou... nádherný kostel* «В давние, давние времена над Орлицей рекой... стоял великолепный костел» [Широкова 1965: 80—81]; «Оттуда, где раньше стояла помещичья усадьба...» — чеш. *kdysi stával* — букв. 'когда-то стаивала' [Князев 1989: 142]).

В современном русском литературном языке такие образования утрачены — в подобном употреблении сохранился только глагол *знавал* (ср.: *Ася осталась в моей памяти той самой девочкой, какой я знавал её в лучшую пору моей жизни...* Тургенев. *Ася*; *Пульхерия Ивановна не могла не заметить страшного опустошения в лесу и потери тех дубов, которые она еще в детстве знавала* Гоголь. *Старосв. помещики*; *Генерал слышал о покойном Павлицеве и даже знавал лично* Достоевский. *Идиот* [БАС, т. 4, 1273] и под.).

Во-вторых, в летописных текстах встречаются нехабитуальные употребления форм типа *хаживал* в нарративных контекстах. В свое время еще А. А. Потебня обращал внимание на то, что для этих глаголов характерна «обширность занимаемого ⟨действием⟩ периода времени» [Потебня 1941: 81], т. е. отнесение к длительному (часто неопределенно-длитель-

¹¹ Любопытно, что в качестве образцов плюсквамперфектных форм в «Донатусе» Дмитрия Герасимова приводятся как раз неитеративные глаголы *любливалъ* и *хачиваль* [Ягич 1896: 566—567, 583] — как показывают памятники XVI в., эти образования были в реальном употреблении.

ному) периоду в прошлом — отсюда и значение хаби­туальности, причем, поскольку контекст обычно задает противопоставление последующему положению дел, она становится прекращенной хаби­туальностью — тем значением, которое традиционно называют значением «дав­нопрошедшего». Однако в летописях XV—XVI вв. есть примеры употребления форм типа *хаживал* и в контексте недлительного временного интервала, противопоставления последующей ситуации может не быть, а действие фактически оказывается включенным в нарративную цепочку, ср.: *В лето 6985. Бысть первой мороз октября в 30 день, лунаго же 13, оттоле не таивало, а снѣгъ первой пал ноября въ 18 велми мало, а в другие попершал генваря 12...* (ВПЛ, 1477 г., л. 455) — ‘не таяло ни разу за указанный период’; ...и на перевозѣ стоялъ **три дни**, а Крымцы къ нему **не бывали и не являлись** (НЛ, 1558 г., 296) — ‘не являлись ни разу за эти три дня’¹² и др.

Явно это не то употребление, которое характерно для итеративов типа *хаживал* в системе русского литературного языка XIX—XX вв.: здесь нет ни хаби­туальности, ни давнего (противопоставленного настоящему) прошлого¹³. Однако производностью от семантики кратности и от общефак­тического значения такое употребление, как кажется, вполне объяснимо (‘на указанном временном отрезке данный факт не имел места ни разу’).

Как мы видим, в старорусский период употребление форм типа *хаживал* еще отличалось от того, что нам известно в литературном языке XIX—XX вв., как отличается от последнего и их употребление в севернорусских говорах, в значительной степени обнаруживающее сходство со старорусским.

Сужение сферы употребления этих форм до известного нам значения прекращенной хаби­туальности (или — реже — хаби­туальности) относится уже к новому времени. В конце XVIII—XIX вв. оно так интерпретируется

¹² Заметим, что для глагола *явливатися* теоретически возможна и производность от *явитися* — в таком случае это будет обычный имперфектив НСВ, вариантный к такому же имперфективу с другим суффиксом имперфективации *являтися*, а не итератив типа *хаживал*. В эпоху активности итеративных корреляций в подобных случаях те и другие образования практически часто невозможно различить, особенно остро эта проблема стоит для приставочных итеративов типа *оставливать* и под., возникающих под влиянием бесприставочных, но при этом оказывающихся омонимичными обычным имперфективам от глаголов СВ типа *оставить* (см. об этом [Шевелева 2012: 163—164]). Однозначное решение часто невозможно, однако в пользу трактовки глагола как образования типа *хаживать* может свидетельствовать характерный для этих глаголов контекст. Как кажется, в нашем случае соседство с *не бывали* и весь отрицательный контекст делает трактовку этой формы как итератива типа *хаживал* более вероятной.

¹³ Надо заметить, что в севернорусских говорах и сейчас возможно употребление этих форм в контекстах ограниченного недлительного временного интервала (*Год не бирала ничего; Всю зиму книгу в руки не бирал* и под.) и даже сочетание их с обстоятельствами точного счета, что для других славянских систем нехарактерно [см. Князев 1989: 142] (*Я бирала два раза; Раза по три бирало в ночь; Я в Юлы [реке] три рас танывала* и под.) [Пожарицкая 1991: 89—90; Сими­на 1970: 34 и др.].

уже без дополнительных контекстных указаний. Ср. в контекстах, где нет показателей повторяемости и отнесенности действия к плану «неактуального прошедшего»: *Аннинька присела в кресло, в котором **суживала** бабушка, и задумалась.* С.-Щедрин. Господа Головлёвы; *В Оренбургской губернии я **уживал** линей, и помногу, в сентябре, даже при небольших морозах...* С. Аксаков. Записки об уженье рыбы; *И Наташа тем быстрым бегом, которым она **бегивала** в горелки, побежала по зале Л. Толстой.* Война и мир; ср. у Пушкина: *Так **писывал** Шихматов богомольный, По большей части так и я пишу* Пушкин. Домик в Коломне и др. (примеры из [Прокопович 1982: 182—200; Виноградов 1947: 547—549]). Ср. экспериенциальное значение, семантически связанное с дистанцированным прошедшим [Сичинава 2013: 31—33]: *Завтра, чуть свет, возьмишь ты Володьку, да скорехонько... и отправляйтесь... Воспитательный-то знаешь? — **Важивала**, — однословно ответила Улитушка, как бы намекая на что-то в прошлом. — А **важивала** — так тебе и книги в руки* С.-Щедрин. Господа Головлёвы (пример [Прокопович 1982: 198]).

Однако обратим внимание на то, что в XVIII в. еще шире, чем впоследствии, были представлены контексты неитеративной хабиутальности, ср.: *Я сам **служивал** в гвардии и отставлен капралом 'служил, имел такое занятие'* Фонвизин, Недоросль; ср. пример с таким образованием от стативного глагола: *К сей старушке **езжал** я... и **любливал** слушать от нея разные повествования о старине* 'любил обычно' Болотов. Записки (примеры из [Прокопович 1982: 183]) — ср. сходное употребление формы *любливал* в памятниках XVI в. (см. выше). Позднее такие формы утрачиваются — как уже говорилось, от подобных не допускающих реальной повторяемости действия образований в литературном языке остался только глагол *знавал*.

Это сужение сферы употребления форм типа *хаживал* и, соответственно, специализация их на выражении значения узуально повторявшегося действия, впоследствии прекратившегося и обычно отделенного от настоящего временным интервалом, — значения, бывшего изначально контекстуально обусловленным, — связано с диалектной системой говоров Центра, отразившейся и в литературном языке. Севернорусские говоры в основном сохраняют архаичное состояние до сих пор.

Литература, источники

- АГ 1980 — Русская грамматика. АН СССР. М., 1980. Т. 1.
 Аксаков 1875 — К. С. А к с а к о в. О русских глаголах // К. С. Аксаков. Полное собрание сочинений. Т. 2. Ч. 1. Сочинения филологические. М., 1875.
 АСЭИ, 1—3 — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси XIV—XVI вв. Т. 1—3. М., 1953—1966.
 АХиУЕ — Акты Холмогорской и Устюжской епархий. М., 1890. Ч. 1—2.
 БАС — Словарь современного русского литературного языка в 17 томах. Т. 4. М., 1955.

Бегунц, в печати — И. В. Бегунц. Об употреблении так называемых многократных глаголов в одном севернорусском говоре (в печати).

Бондарко 1971 — А. В. Бондарко. Вид и время русского глагола. М., 1971.

Борковский, Кузнецов 1965 — В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. М., 1965.

Буланин 1984 — Д. М. Буланин. Переводы и послания Максима Грека. Л., 1984.

Буслаев 1858/2006 — Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика русского языка: Синтаксис. М., 2006.

Виноградов 1947 — В. В. Виноградов. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.; Л., 1947.

ВПЛ — Полное собрание русских летописей. Вологодско-Пермская летопись. Т. XXVI. М., 2006.

Гловинская 1982 — М. Я. Гловинская. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М., 1982.

Горшкова, Хабургаев 1981 — К. В. Горшкова, Г. А. Хабургаев. Историческая грамматика русского языка. М., 1981.

Живов 1992 — В. М. Живов. Из истории русской грамматики: итеративы и имперфективы в структуре глагольной парадигмы // Доломоносковский период русского литературного языка / The Pre-Lomonosov Period of the Russian Literary Language. Stockholm, 1992 (= Slavica Suecana. Series B — Studies. Vol. 1). P. 247—270.

Зализняк Анна, Шмелев 2015 — Анна А. Зализняк, А. Д. Шмелев. Введение в русскую аспектологию // Анна А. Зализняк, И. Л. Микаэлян, А. Д. Шмелев. Русская аспектология: в защиту видовой пары. М., 2015. С. 13—151.

Исаченко 1960 — А. В. Исаченко. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология. Ч. II. Братислава, 1960.

Князев 1989 — Ю. П. Князев. Выражение повторяемости действия в русском и других славянских языках // Типология итеративных конструкций / Под ред. В. С. Храковского. М., 1989. С. 132—144.

Кошелев 1958 — А. К. Кошелев. К вопросу о создании типов первоначальной парности по виду в древнерусском языке. Вестник МГУ. Историко-филологическая серия. 1958. № 2. С. 3—39.

Кузнецов 1953 — П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. Морфология. М., 1953.

Кузнецов 1958/2011 — П. С. Кузнецов. У истоков русской грамматической мысли. 2-е изд. М., 2011.

Кузнецов 1959 — П. С. Кузнецов. Очерки исторической морфологии русского языка. М., 1959.

Кукушкина 2016 — О. В. Кукушкина. Морфонология современного русского литературного языка. М., 2016.

Кукушкина, Шевелева 1991 — О. В. Кукушкина, М. Н. Шевелева. О формировании современной категории глагольного вида // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1991. № 6. С. 38—49.

Курмачев 1996 — А. Ю. Курмачев. Бесприставочные имперфективы на *-ыва/-ива-* в памятниках деловой письменности XV—XVII вв. Дипломная работа. МГУ, 1996 (рукопись).

Маслов 1961/2004 — Ю. С. Маслов. Роль так называемой перфективации и имперфективации в процессе возникновения славянского глагольного вида // Ю. С. Маслов. Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание. М., 2004. С. 445—476.

Маслов 1965/2004 — Ю. С. Маслов. Система основных понятий и терминов славянской аспектологии // Ю. С. Маслов. Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание. М., 2004. С. 365—395.

Никифоров 1952 — С. Д. Никифоров. Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI века. М., 1952.

НЛ — Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью // Полное собрание русских летописей. Т. XI (1362—1424 гг.). СПб., 1897; Т. XII (1425—1506 гг.). СПб., 1901; Т. XIII (1506—1558 гг.). СПб., 1904 (Репринт: М., 2000).

Новикова 2016 — М. В. Новикова. Особенности нарративных функций видо-временных форм в севернорусских былинах в сопоставлении с памятниками русской письменности XII—XVII вв. Автореф. дисс... канд. филол. наук. М., 2016.

Падучева 1996 — Е. В. Падучева. Семантические исследования (Семантика вида и времени в русском языке; Семантика нарратива). М., 1996.

Падучева 2013 — Е. В. Падучева. Русский имперфектив: инвариант и частные значения // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 2013. № 4. С. 7—18.

Пам. ряз. — Памятники русской письменности XV—XVI вв. Рязанский край. М., 1978.

Пам. ю.-в.-р. к. XVI—н. XVII в. — Памятники южновеликорусского наречия. Конец XVI — начало XVII в. М., 1990.

Пам. ю.-в.-р. нареч. Чел. XVII в. — Памятники южновеликорусского наречия. Челобитья и расспросные речи. М., 1993.

Пешковский 1938 — А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. 6-е изд. М., 1938.

Плунгян 2011 — В. А. Плунгян. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М., 2011.

Пожарицкая 1991 — С. К. Пожарицкая. О семантике итеративных глаголов в севернорусских говорах // Современные русские говоры. М., 1991. С. 84—93.

Пожарицкая 2015 — С. К. Пожарицкая. Диалектный синтаксис за пределами ДАРЯ // Актуальные проблемы русской диалектологии. К 100-летию издания Диалектологической карты русского языка в Европе. Тезисы докладов Междунар. науч. конф. М., 2015. С. 171—173.

Потебня 1941 — А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике. Т. IV. М.; Л., 1941.

Прокопович 1982 — Е. Н. Прокопович. Глагол в предложении: семантика и стилистика видо-временных форм. М., 1982.

Ровнова 1991 — О. Г. Ровнова. Многократные глаголы в одном вологодском говоре // Современные русские говоры. М., 1991. С. 94—103.

Ровнова 1993 — О. Г. Ровнова. Многократные глаголы в одном севернорусском говоре. Автореф. дисс... канд. филол. наук. М., 1993.

Ровнова 2011 — О. Г. Ровнова. Лингвогеографическая характеристика аспектуальных явлений в современных русских говорах // Русский язык в научном освещении. № 1 (21). 2011. С. 110—126.

Сими́на 1970 — Г. Я. Сими́на. Глаголы со значением кратности в говорах Пинежья // Севернорусские говоры. Вып. 1. Л., 1970. С. 26—47.

Сичинава 2013 — Д. В. Сичинава. Типология плюсквамперфекта. Славянский плюсквамперфект. М., 2013.

СККДР, вып. 2, ч. 1 — Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV—XVI в.). Ч. 1. Л., 1988.

Травничек 1951 — F. Trávníček. *Mluvnice spisovné češtiny*. II. Praha, 1951.

Успенский 1993 — Б. А. Успенский. «Давнопрошедшее» и «второй родительный» в русском языке // Исследования по славянскому историческому языкознанию: Памяти профессора Г. А. Хабургаева. М., 1993. С. 118—134.

Храковский (ред.) 1989 — В. С. Храковский (ред.). Типология итеративных конструкций. Л., 1989.

Шатуновский 2009 — И. Б. Шатуновский. Проблемы русского вида. М., 2009.

Шевелева 2012 — М. Н. Шевелева. Еще раз о бесприставочных итеративах на *-ыва-/-ива-* типа *хаживать* в истории русского языка // Русский язык в научном освещении. № 1 (23). 2012. С. 140—178.

Шевелева, в печати — М. Н. Шевелева. К истории древнерусского глагола *бывати* (аспектуальная семантика) (в печати).

Широкова 1965 — А. Г. Широкова. Основное значение многократных глаголов в чешском языке // Вопросы языкознания. 1965. № 2. С. 73—84.

Ягич 1896 — И. В. Ягич. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке / Собрал и объяснил И. В. Ягич. СПб., 1896 (Исследования по русскому языку. Т. 1. СПб., 1885—1895).

Резюме

Статья посвящена проблеме грамматической семантики форм типа *хаживал*, *бивал* и под. по данным старорусских источников XV—XVII вв. и последующей истории этих образований в русском языке. Показано, что определяющая особенность семантики этих глаголов — невозможность выступать в актуально-длительном значении; основным их значением в памятниках XV—XVII вв. было, как и в современных северных говорах, общефактическое прошедшее, семантической базой которого является идея дискретности действия и его потенциальной повторяемости. Несмотря на то что такие глаголы в зависимости от прагматического контекста могут обозначать и единичные действия, потенциальная воспроизводимость ситуации имплицитно заложена в их семантике. Хабитуальная и «давнопрошедшая» интерпретации в старорусский период были контекстуально обусловлены, однако впоследствии (очевидно, к концу XVIII в.) в диалектной системе говоров Центра литературного типа значение форм типа *хаживал* сужается до значения прекращенной хабитуальности и грамматикализуется.

Ключевые слова: итеративы, общефактическое прошедшее, актуально-длительное значение, значение прекращенной хабитуальности («давнопрошедшее»).

Статья получена 15.04.2016

MARIA N. SHEVELEVA

UPON THE HISTORY OF THE GRAMMATICAL SEMANTICS OF VERBAL FORMS LIKE *ХАЖИВАЛ*, *БИВАЛ*, *БИРАЛ* IN RUSSIAN

The paper deals with the grammatical semantics of iterative verbs like *хаживал*, *бивал*, etc., in Russian sources of the 15th—17th centuries and their subsequent evolution in Russian. The principal characteristic of such verbs is their inability to express processual meaning. In the 15th—17th centuries they were used mainly to express generalized factual

past tense, as they are still used in modern North Russian dialects; the semantic basis of this meaning is discreteness of action and its potential recurrence. Although such verbs in context can also refer to a single action, potential reproduction of the situation is inherent in their semantics. The meanings of a habitual action in the past and of a remote action were contextually conditioned in the 15th—17th centuries, later (presumably by the end of the 18th century) in Central Russian dialects the semantics of such forms grew narrower and the notion of past habituality became grammaticalized.

Key words: iterative verbs, generalized factual past tense, processual meaning, past habituality.

Received on 15.04.2016

А. В. ЗЕЛЕНИН, Д. В. РУДНЕВ

ИСТОРИЯ ПРЕДЛОГОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ СООТВЕТСТВИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В современном русском языке значение соответствия (‘согласованность, равенство в каком-либо отношении’ [БАС, 14: 284]) выражается главным образом предлогом *согласно*, синонимами к нему выступают предлоги *сообразно, соответственно, в соответствии с, на основании*. Формирование всех этих предлогов относится к числу поздних языковых явлений. Цель статьи — описать процесс становления предлогов соответствия в синхронно-диахроническом аспекте, показав: 1) модели их образования; 2) грамматические и стилистические факторы, обусловившие позднее формирование предлогов соответствия; 3) изменения в семантике и синтагматике предлогов. Помимо решения указанных задач и презентации эмпирических данных, в настоящей статье мы также стремимся к выявлению более общих тенденций, в рамках которых происходили трансформации в представленной для анализа группе предлогов.

1. Древнерусские предлоги соответствия *по, против*

На протяжении длительного времени для выражения соответствия в русском языке не было специальных предлогов: это значение выражалось многозначным предлогом *по*, а позже — предлогом *против*. Предлог *по* может сочетаться с четырьмя падежами — Р. п., Д. п., В. п. и Пр. п., причем значение соответствия отмечается у него при употреблении с Д. п. Исторические словари отмечают использование предлога *по* «при указании на объект, в соответствии с которым, согласно которому совершается действие», например: *Не могуще по Христосу жити* (κατὰ Χριστόν). Гр. Наз., 142. X в. *Аже полочянинъ что проступитъ у Ризѣ, ино имъ того до Полоцка послать, ино его тамъ полочяне осудятъ по своему праву*. ААЭ I, 11. 1407 г. [СлРЯ XI—XVII, 15: 115]. Значение предлога *по* ‘в соответствии с чем-либо, согласно с чем-либо’ сохраняется и в современном русском языке: *Вот мой Онегин на свободе; Острижен по последней моде* (А. С. Пушкин); *Вы получите безо всяких хлопот, по неоспоримому завещанию вашей тетки, чрезвычайно большой капитал* (Ф. М. Достоевский) ([БАС, 10: 8];

примеры взяты из словарной статьи)¹. Примечательно, что полисемантический греческий предлог *κατά* в старославянском или древнерусском мог передаваться также славянским предлогом *противу* ‘принимая во внимание’, ‘сообразно с’ «при обозначении объекта, явления, действия, в соответствии с которым, согласно которому что-л. осуществляется»: *Нъ единъ къждо насъ **противу** силъ своеи прѣнашахомъ и [еврея], хотяще донести града (κατά τῆν... δύναμιν)*. Патерик Син., 278. XI в. [СлРЯ XI—XVII, 20: 251; Правдин 1958: 170], однако широкое употребление этого предлога в значении соответствия начинается только со второй половины XVI в., причем почти исключительно в деловых текстах: *Ровняти таможникомъ морские соли мѣхи мѣроу **противо** нѣмецкихъ мѣховъ соляныхъ*. ААЭ I, 321. 1571 г.; *Федот стал говорить титло **противъ** наказа, каковъ ему в Посолскомъ приказе дан*. Посольство Елчина, 332. 1640 г.; *А была де у нихъ промежь собою тяжба, и присудилъ де воевода не **противъ** дѣла*. ДАИ VI, 42. 1670 г. [СлРЯ XI—XVII, 20: 251]. Мы усматриваем в появлении у предлога *против* нового значения в деловой письменности прямое влияние немецкого предлога *gegen* (при аккузативе) в значении ‘im Austausch gegen’ (букв.: «в обмен на»). В частности, в «Вестях-Курантах» (переводной газете, предназначенной для информирования царя и боярской Думы о событиях — главным образом — в Европе) немецкий предлог *gegen* передавался русским *противъ* именно в таком значении²: *переводчикъ Ульфъ Яковлевъ съ товарищи досматривали [мирный договор] (...) и с теми с прежними листы справливали и н[ы]нешние де все стати [статьи] и месяц и число **противъ** прежнихъ же статей* [Вести-Куранты: 86]. Такое употребление держалось вплоть до середины XVIII в., например: *Того ради о всех таких и других, кои сумнительны и с законами не согласны явятся, приходя ему, майору, в канцелярию Главного правления и обсче всем членам розсудя, поступать **против** первого пункта* [Тат., Наст.: 248]. Затем происходит архаизация предлога *против* в значении соответствия и постепенный выход его из употребления в этом значении: *Пушки величиною и размером **против** медных трехфунтовых сделаны*. Лажечн. Ледян. дом, III, 1 [БАС, 11: 1449]. Примечательно, что значение соответствия у предлога *против* «Словарь Академии Российской» [САР, 4: 1096] уже даже не фиксирует.

Можно указать по крайней мере две причины, почему это произошло. Во-первых, хотя предлог *против* и не имел того количества значений, какое было у предлога *по*, он все же оставался многозначным, но эта «многозначность» обуславливалась участием предлога в непересекающихся в

¹ Впрочем, тут можно предполагать и влияние поздних калькированных конструкций, поддержавших употребление предлога *по* в сфере деловой, научной, художественной речи, например: нем. *nach Mode*, франц. *a la mode* ‘по моде’, *nach Recht* ‘по закону’, нем. *nach Regeln*, франц. *dans les règles* ‘по правилам’ и др.

² Это значение (например, *die Ware gegen Bezahlung liefern* «поставить товар против платы, в обмен на плату») в немецком предлоге *gegen* сохраняется до сих пор.

древнерусском языке жанрах и стилях, поэтому не препятствовала коммуникативным интенциям текста. Во-вторых, ломка старой, достаточно замкнутой и стилистически непроницаемой жанрово-стилевой древнерусской системы и возникшая в результате этого языковая диффузность, сложение новых функциональных типов речи в XVIII в. привели к сосуществованию в одном лексико-семантическом поле семантически конфликтных, логически несовместимых значений предлога *против*, результатом чего стало постепенное выпадение из лексико-семантической парадигмы значения, свойственного деловой письменности, и укрепление значения, известного еще в древнерусском: «обозначение объекта, против которого направлено действие» [СлРЯ XI—XVII, 20: 250]. В современном русском языке оно является одним из ведущих, ср.: *против* — ‘враждебно или с противодействием по отношению к кому-, чему-либо’ [БАС, 11: 1447].

Складывание новой жанрово-стилевой системы русского языка сопровождалось взаимно обусловленными процессами дифференциации и унификации лексико-грамматических средств, обслуживающих тот или иной функциональный стиль. Использование предлога *против* со значением соответствия в текстах XVIII в. поддерживалось его важной метатекстовой функцией: он обозначал предмет сопоставления с кем-, чем-либо другим, служил вербальным знаком оформления ссылок на источник информации (в том числе и источник правовой нормы) в деловой и научной речи. Предлог *против* для выражения значения соответствия употреблялся не во всех функциональных стилях, а почти исключительно в деловой речи. Появление новых предлогов со значением соответствия началось в XVIII в. — в течение значительного времени они сосуществовали с предлогом *против*. Предлог *против* в значении соответствия встречается в документах вплоть до конца XVIII — начала XIX в.

2. Новые модели в поле предлогов соответствия

Новые предлоги, генетически восходящие к другим морфологическим классам и не являющиеся, как прежде, первообразными предлогами типа *по*, *против*, стали формироваться на иной основе: в выражении значения соответствия участвовали слова, словосочетания с приставкой *с(о)-*, которая, среди прочего, «употребляется для образования существительных и прилагательных, обозначающих совместность, сопутствие, взаимную связь и т. п.» [БАС, 13: 25]. Новые предлоги формировались в рамках двух моделей: 1) предлоги с финалью на *-о* типа *согласно*, *сообразно*, *соответственно*, *сходно*, *сходственно* и др.; 2) предлоги, образованные с участием отглагольных и отадъективных существительных типа *в согласии*, *в согласность*, *в сходстве* / *в сходствии*, *в сходственность*, *в соответствии* и др. Расцвет употребления перечисленных предлогов приходится на последнюю треть XVIII — первую половину XIX в. Таким образом, можно заме-

тить очевидную связь между процессом архаизации предлога *против* в указанном значении и внедрением в грамматико-лексическую систему смысловых эквивалентов.

Е. Т. Черкасова обратила внимание на важную и интересную закономерность образования новых моделей, а именно на их связь с предикативной функцией слов, послуживших источником образования: «...и причины появления этих предлогов, и семантические предпосылки для предложивания определенных форм соответствующих полнозначных слов (падежных форм имен существительных и кратких форм прилагательных) были одинаковыми. Общим для них было и то, что образование и собственно отыменных, и отадективных предлогов опиралось на предикативное употребление соответствующих полнозначных слов (ср.: *привести что в согласность с чем* ‘согласить’, т. е. ‘привести в соответствие’ и: *сие согласно с чем-нибудь* ‘согласуется’, т. е. ‘соответствует’))» [Черкасова 1967: 200].

2.1. Предлоги с финалью на -о: *согласно*

Среди предлогов на -о ранее всего начинает формироваться предлог *согласно*: он фиксируется в текстах начиная с первой половины XVIII в. По мнению Е. Т. Черкасовой, это было обусловлено антонимическими отношениями с предлогом *противно*, который, в свою очередь, развил предложную функцию в XIII—XIV вв. Остальные предлоги соответствия на -о формируются не ранее второй половины XVIII в.; в их образовании «сказывается влияние семантических связей иного рода: в процесс предложивания вовлекаются синонимы краткого прилагательного *согласно* — *сообразно, соразмерно, соответственно, сходно, сходственно*» [Черкасова 1967: 200]. Исследовательница подчеркивает, что предлоги соответствия на -о формировались на основе краткой формы прилагательного, а не наречия, так как «способностью к выражению релятивности (т. е. значения указания на соответствие) обладали только предикативные краткие прилагательные» [Там же: 201]. Справедливость этих слов можно увидеть в следующих примерах: *И аще мнения их с его мнением согласны, то прочесть подъяческие оговоры, и буде и подъяческие оговоры сходны ж, то нечего много и рассуждать, но так ево и вершить* [Пос., Кн. о скуд. и богат.: 74]; *Другия же их [агафирсмов] поступки согласны с протчими скифы* [Тат., Ист. Росс.: 140].

Развитие релятивности³ происходило в контекстах, где не могло реализоваться исходное значение прилагательного *согласный* — ‘единодушный’,

³ «Вторичные по происхождению неполнозначные слова обладают более ярко выраженной автосемантичностью, более очевидным лексическим значением, во многих случаях унаследованным от полнозначного слова-источника. Каждое из таких слов приобретает значение релятивности, абстрагированности, своеобразной грамматической универсальности, чем-то напоминающее смысл математических символов, но в то же время не окончательно порывает с исходным значением корня» [Леденев 1982: 4].

‘придерживающийся одного мнения’. Судя по данным исторических словарей, употребление прилагательного *согласный* в значении ‘соответственный, похожий, сходный’ активизируется в XVII в. [СлРЯ XI—XVII, 26: 73—74]. Релятивное значение прилагательного *согласный* реализовывалось при подавлении субъектной семы подлежащего, прежде всего в предложениях с неличным подлежащим.

В предикативной позиции происходило развитие релятивного значения слова *согласно*, однако превращение в предлог не могло произойти в позиции предиката — прежде релятивное значение должно было закрепиться за наречием *согласно*. Первичным значением наречия *согласно* является значение ‘в один голос, сообща; единогласно, единодушно’, на основе которого развился ряд переносных значений: ‘стройно, созвучно’, позже ‘в соответствии с правилами; соответствующим образом; так, как следует’, ‘одинаково, непротиворечиво’, ‘в согласии, дружно’ [СлРЯ XI—XVII, 26: 73]. В первой половине XVIII в. начинается постепенное развитие нового значения, синтаксически это выразилось в развитии у наречия *согласно* право-сторонней сочетаемости:

- (1) *Сверх того, все другие писатели согласно приписывают изобретение писмен славенских Кириллу...* [Тред., Разг. об ортогр.: 36];
- (2) *Федор Поликарпов в славенской грамматике, которая им издана в Москве и напечатана (согласно с Мелетиевской четвертною) в осмью долю листа 1721 года, утверждает на стр. 254, что Кирилл был брат Мефодиев...* [Там же: 125—126].

В первом примере наречие *согласно* в значении ‘одинаково, непротиворечиво’ не имеет зависимых слов; во втором примере слово *согласно* близко к предлогу и имеет зависимое слово в форме «с + Тв. п.», указывая на объект соответствия.

Синтаксическая позиция указанного слова была очень важна; именно в составе фразового единства происходило ослабление или усиление тех или иных лексико-грамматических свойств, появление новых или исчезновение старых валентностных характеристик слова, предложной группы. Материал показывает, что в первой половине XVIII в. сочетание *согласно с* продолжало сохранять преимущественную сочетаемость с глаголами речевой деятельности, что отсылало к исходному значению наречия *согласно* (‘сообща’, ‘единогласно’).

По нашему мнению, промежуточным этапом, предшествовавшим развитию у наречия *согласно* нового значения, были сложноподчиненные предложения, в которых слово *согласно* оформляло предикат придаточного присоединительного (местоименно-распространительного), например: *...ежели волос в воде между двумя тонкими стеклянными блюдками погружен будет, где ради большой густоты прозрачной материи преломление должно быть больше, что, однако, с наблюдением не согласно* [Лом., Волф. физ.: 480—481]; *И так вознамерился издавать в сем году ежене-*

дельное сочинение под заглавием «Трутня», что *согласно* с моим пороком и намерением... [Нов., Трутень: 4] (выделено нами — А. З., Д. Р.).

Хотя предложная функция слова *согласно* отмечается уже в первой половине XVIII в., превращение этого слова в полноценный предлог заняло длительное время. Вплоть до конца XVIII в. слово *согласно* встречалось преимущественно в значении ‘единодушно’, ‘одинаково, непротиворечиво’: *Новейшие философы почти все согласно чрез мир разумеют чины всех вещей современных и одна за другою последующих* [Брянц., Сл. о св. вещ.: 363—364]. Определоживание слова *согласно* отчетливо проявляется не ранее 1780-х — 1790-х гг.: *Г. Миллер согласно с этою речью говорит, что наклонение (inclinaison) намагниченной стрелки, может быть, никогда бы не было открыто...* [Коз., Рассужд. двух инд.: 599]. В начале XIX в. употребление слова *согласно* в качестве предлога резко расширяется, причем параллельно этому прекращается употребление наречия *согласно* — случаи его употребления становятся единичными: *Г-да Баррон, Форбес и Денпе (ишпанец, англичанин и пруссак), все знакомые очень коротко с Мексикою, совершенно согласно отзывались о жалком состоянии конфедерации* [Вранг., Дн. пут.: 208]. На месте наречия *согласно* распространяется наречие *единодушно*, употребление которого резко возрастает с конца XVIII — нач. XIX в.: *Тогда новгородцы, желая иметь князя, известного воинскою доблестью, единодушно избрали брата Романова, Мстислава, столь знаменитого мужеством, что ему в целой России не было имени кроме Храброго* [Карам., Ист. гос. Росс.: 382].

2.2. Предлоги с финалью на -о:

сходственно, сообразно, соответственно

Однако, в отличие от предлога *согласно*, другие предлоги, также кончающиеся на -о (*сходственно, сообразно, соответственно*), имеют уже иные морфолого-синтаксические механизмы вхождения в поле предлогов соответствия, поэтому их следует рассмотреть отдельно. Предлоги *сходственно, сообразно, соответственно* распространяются в русском языке в последней трети XVIII в., например: *Правосудие, кажется, определено награждать и наказывать **сходственно** с законом* [Фонв., Оп. Росс. сосл., 230]; *...а иные столько же в том себя отличили, что лучшие знают, как одеться по последней моде и **сообразно** годовому времени, нежели отправлять по-надлежащему свою должность и вершить судебные дела* [Крыл., Почта Духов: 72]; *Сие располагал он всегда **соответственно** тому, что преподаваемо нам было в коллегиях* [Рад., Жит. Фед. Уш.: 179].

Подобно предлогу *согласно*, они восходили к предикативному употреблению соответствующих кратких прилагательных: *Я видел, что нет иного блага, кроме того, что полезно обществу и с порядком **сообразно**; нет иного зла, кроме того, что сему противно* [Фонв., Сл. похв. Марку Авр.: 207].

В отличие от предлога *согласно*, у которого прослеживается отчетливая историко-генетическая связь с предикативной функцией краткого прилага-

тельного *согласен*, обнаружить подобную связь у перечисленных предлогов оказывается затруднительно: в предикативной функции слова *сходственно*, *сообразно*, *соответственно* обнаруживаются в текстах, относящихся к тому же времени, что и тексты, фиксирующие употребление соответствующих предлогов. Едва ли можно согласиться с Е. Т. Черкасовой, полагавшей, что образование этих предлогов шло по уже сложившейся модели предлога *согласно*, контраргументом служат языковые данные: формирование предлога *согласно* в 1760—1770-е гг. еще не завершилось, следовательно, он не был доминантным элементом, сосуществуя с другими в списке равноправных вариантов, и вряд ли мог выступить в качестве модели для других предлогов соответствия.

Наиболее корректным лингвистическим объяснением данного феномена мы считаем влияние иноязычных моделей на образование новых предлогов соответствия; в частности, в формировании предлогов *сходственно*, *сообразно*, *соответственно* мы усматриваем калькирование слов либо из европейских языков (французского, немецкого⁴), либо из латинского. Прототипом этих предлогов мог служить, например, французский предлог *conformément*, который во французо-русских словарях конца XVIII в. — первой половины XIX в. переводился на русский язык как ‘сообразно, сходно, сходственно’ [Полн. фр. и рос. лексикон: 225], ‘сообразно; сходно; согласно’ [Эртель 1841: 232]. Во французском языке значение наречия *conformément* передается через значение прилагательного *conforme*: *conformément*, adv. D’une manière conforme; **conforme**, adj. des deux genres. Qui a la même forme, qui est semblable [Dictionnaire: 375] («Имеющий ту же самую форму, тот же самый образ; сходный, похожий». — А. З., Д. Р.; выделено нами). Вариативность передачи французского предлога показывает поиск соответствующих эквивалентов в русском языке и подтверждает тезис о синонимической диффузности вариантов.

2.3. Предлоги с финалью на -о: *сходственно*, *сходно*

Предлог *сходственно* в русском языке имел очень короткую жизнь: возникнув в последней трети XVIII в., он широко распространяется на рубеже XVIII—XIX вв. (в том числе в деловой речи), однако в 1810-е гг. выходит из употребления. Встречающееся в произведениях второй половины XIX в. употребление предлога *сходственно* является стилизацией, ср.: *Ведь и малодушие не по произволу является, но сходственно с обстоятельствами дела* [С.-Щ., Убеж. Монр.: 371]. Предлоги *сообразно*, *соответственно*, в отличие от предлога *сходственно*, сохранились в русском, однако в современном языке они значительно уступают предлогу *согласно* как по частотности употребления, так и по способности употребляться в различных стилистических контекстах.

⁴ В частности, немецкого предлога *entsprechend* ‘сообразно; сходно’.

Однокоренным вариантом предлога *сходственно* являлся предлог *сходно*. Подобно предлогу *согласно*, предлог *сходно* обнаруживает генетическую связь с предикативной функцией краткого прилагательного *сходен*; примеры такого употребления широко встречаются в текстах первой половины XVIII в., например: ... *папы оное [святое письмо] читать запретили и еще тяжчайшее того толковали, якобы читающие оную в уме повреждались, которое сам ты можешь разсудить, колико с правым божественным учением сходно* [Тат., Разг. дву прият.: 80].

В последней трети XVIII в. в текстах обнаруживается вполне сложившийся предлог *сходно*, широко употреблявшийся в научной и деловой прозе: *Сходно с сим утверждением мы видим, что логика и риторика были первые науки, которые древними прежде всех наук в совершенство приведены почти неподражаемое* [Трет., Сл. о учрежд. унив.: 340]; *Сходно с таким заключением мы видим из истории варварских веков, что такие жрецы были купно и правителями целого народа, какими примечаются у древних британцев друиды, а у турок Магомет...* [Анич., Рассужд. из нат. богосл.: 128]. Предлоги *сходно* и *сходственно* выступали вариантами перевода французского предлога *conformément*, и оба вышли из употребления, поскольку в их семантике все-таки «значение сходства давало себя знать значительно сильнее, чем значение соответствия» [Черкасова 1967: 204]. Употребление предлога *сходственно* затухает в первые два десятилетия XIX в. Двухкомпонентный предлог *сходно с* по семантическим причинам вышел из употребления чуть позже, на рубеже 1820—1830-х гг.: *Если же он [император] отвергнет оное, то оно должно быть снова принято 2/3 обеих Палат, сходно с правилами выше означенными* [Мурав., Конст.: 32]; *Сходно с сим его величество высочайше повелеть соизволил...* [Диб., Предп.: 300]. Так происходила тончайшая фокусировка значения и словесных обозначений при выражении значения соответствия в этой группе предлогов, избавление от смысловой диффузности, приблизительности.

3. Предлоги, образованные на основе отвлеченных существительных

Подобно предлогам на *-о*, предлоги, относящиеся ко второй модели, образовывались на основе предикативного употребления отвлеченных существительных — деадъективов и девербативов; предлоги второго типа, по мнению Е. Т. Черкасовой, «возникли на базе вычленения именной части описательных глагольных оборотов типа *привести что в согласность с чем*» [Черкасова 1967: 147]. Это утверждение в целом справедливо, однако рождается сомнение в том, что возникновение этих предлогов происходило на русской почве: в нашем распоряжении нет языковых источников, указывающих на первичность глагольно-именных оборотов типа *быть в согласности / в соответствии* или *привести в согласность / сходственность* относительно предлогов, образовавшихся на основе отвлеченных существительных.

вительных. В русском языке описательные глагольные обороты и предлоги на основе существительных, входящих в состав оборотов, возникают одновременно. Вторая модель включает в свой состав такие предлоги соответствия, как *в согласии, в согласность, в сходствие (в сходствии), в сходственность, в сходство, в соответствии, в сообразность, в соразмерность* и др. Вхождение этих предлогов в русский язык начинается не ранее последней трети XVIII в., например: *Также можно сказать, что как натура во многих своих делах непостоянна и подвержена переменам, то в согласие тому и род человеческий беспрестанно терпит такие перемены и несчастья...* [Коз., Из прим. к Голб.: 622]; *Весьма бы желательно было, когда бы родители старались наиприлежно испытывать еще с малых лет кроющуюся в детях своих к тому или к другому склонность и в сходственность с оною сим или другим обучать наукам* [Анич., Сл. о разн. прич.: 160].

Их появление в русском языке может быть объяснено калькированием западноевропейских предложно-падежных, наречных, отсубстантивных соответствий (франц. *en conformité, en concordance, en convenance, en compatibilité, en correspondance*, нем. *in Übereinstimmung mit, übereinstimmend, entsprechend, in Einvernehmen mit, im Einklang mit, in Korrespondenz mit*) или даже латинских прототипов (*convenientia cum*⁵, *conveniens cum, consensus cum, consequenter, proportionaliter*). Как явственно видно даже из приведенного списка, все (или многие) западноевропейские модели являются кальками латинских слов и предложно-падежных групп, однако здесь мы не входим в более глубокое рассмотрение истории их семантико-морфемных взаимоотношений, поскольку это составляет исследовательскую цель другой статьи. Сошлемся для примера на французский язык и произошедшие в нем трансформации.

---

⁵ Например, М. В. Ломоносов в написанных по-латыни заметках использует латинское выражение соответствия *convenientia cum* 'соответствие с': *De ratione gravitatis specificae radiorum solarium et de convenientia cum certis principiis reservatur ad tractatum de principiis* (О причине удельной плотности солнечных лучей и о соответствии с известным началом откладывается до рассуждения об этих началах. Перевод Б. Н. Меншуткина) [Лом., 276 зам. по физ.: 128—129], однако самого слова *соответствие / в соответствии с* в «Волфианской экспериментальной физике» у него не встречается; напротив, он пользуется принятым в научном дискурсе той эпохи для выражения идеи соответствия словами *согласие, согласно* (напр.: *привести термометры в согласие; преломление [света], однако, с наблюдением не согласно*). Примечательно, что во многих работах (научных, в деловой академической переписке) у Ломоносова есть глагол *соответствовать* (очевидно, калька с нем. *entsprechen*). Этот небольшой пример показывает несинхронность появления и освоения однокоренных слов в языке (разумеется, не только той эпохи); потребность в появлении и укоренении лексемы или грамматической конструкции диктовалась нуждами жанра или даже конкретного текста, унификации языковых формул и клише в текстах той эпохи (середина XVIII в.) еще не произошло.

В современном французском языке из перечисленного ряда лишь сочетание *en conformité* регулярно употребляется в качестве предлога соответствия, однако в XVIII в. все перечисленные предлоги могли выражать значение соответствия, например: *C'est sans doute cette pratique qui doit être suivie, car elle est parfaitement en concordance avec le raisonnement et avec ce qu'on observe continuellement dans la pêche à la ligne volante sur les rivières* [Hist. des poissons: 26—27]; *...de maniere qu'ils ne sont capables d'admettre que des sucс qui sont en convenance avec eux et avec leurs forces* [Remarq. sur l'abus: 207]; *Dans la Préface, l'Auteur commence par faire voir, qu'il n'est pas praticable de mettre des noms modernes en correspondance exacte avec les anciens dans une Carte de la Gaule* [J. des sçavans: 351].

Приведенные примеры показывают употребление оборотов типа *en correspondance* в составе глагольных оборотов с глаголом *être* ('быть') и *mettre* ('класть, ставить, помещать')⁶. Однако они употреблялись и в качестве предлогов: *Le Comte de Médavi, en conformité des ordres qu'il avoit reçus, avoit fait les dispositions nécessaires pour une marche secrète de trois cents hommes par bataillon, et de quatre a cinq mille chevaux* [Barre, Hist. gén. d'Allemagne: 497]; *La Poulie fixe est une vraie Balance, parce qu'on peut y concevoir chaque point de la Roue comme l'extrémité d'une ligne ou d'un rayon terminé au Goujon, et en correspondance avec une pareille ligne d'autre part* [Chev. et alia, Science: 274].

Калькирование сразу нескольких предлогов соответствия из французского языка объясняет их разнообразие в русском языке и неустойчивость их внешнего облика: *в сходственность / в сходствие* (< *en conformité, en convenance*), *в соответствии* (< *en correspondance*), *в согласии / в согласности* (< *en concordance*). В дальнейшем произошел отбор из числа этих заимствований.

Аналогичные изменения происходили и в немецком как одном из активных языков-доноров для формирования групп лексики и грамматических конструкций в русском языке XVIII в., поэтому мы опускаем такие процессы из рассмотрения в целях сохранения целостности нашей статьи.

В последней трети XVIII в. наибольшее распространение получило двухкомпонентное сочетание *в сходственность*; это нашло отражение в «Словаре Академии Российской», ср.: *Сие исполнено в сходственность приказания вашего; Поступать в сходственность предписания законом* [САР, 3: 279]. Активные в русском языке последней трети XVIII — нач. XIX в. предложные образования *в сходственность, в сходствие, в сходство*, словообразовательно связанные с прилагательными *сходственный, сходный*, очень рано вышли из употребления по семантическим причинам: «значение подобия здесь возобладаало, и соответствующие образования были утрачены» [Черкасова 1967: 148]. Решающим фактором стала тенденция к аналитизму, набиравшая силу в русском языке [Морфология и

⁶ Ср., например, немецкую аналогичную модель: *in Übereinstimmung mit etwas stehen/sein*.

синтаксис 1968: 244; Виноградов 1972: 36, 535, 553; Грамматика—80, 2: 475, 698; Акимова 1982; Руберт, Генидзе 2003 и др.] и препятствовавшая сохранению этих неоднозначных предложных конструкций (равно как и предлогов *сходно*, *сходственно*). Сферой использования этих предложных образований были главным образом научные и деловые тексты. Процесс выхода из употребления предложных образований *в сходность*, *в сходствие*, *в сходство* закончился примерно в 1810-е гг.: *Итак, когда человек объявит то, что в сходственность его намерения воспоследует или не воспоследует, тогда говорят, человек объявил свою волю или дал знать о своем соизволении* [Рад., Пр. Гражд. улож.: 177]; *...а два полка драгунские Киевской и Новороссийской, под командою полковника Эмануеля, в сходственность повеления Вашего Сиятельства, отправил я чрез Дурикино вслед за 2-ю армию...* [Сиверс, Рапорт: 58].

Предложные образования *в согласность*, *в сообразность*, *в соразмерность* выходят из употребления немного позже, однако не все из рассмотренных предложных образований исчезли из русского языка: до сих пор в русском языке используются сложные предлоги *в согласии* и особенно *в соответствии*.

Итак, во второй половине XVIII — XIX в. иностранные языки оказали значительное воздействие на образование предложных конструкций, включающих в свой состав отвлеченные существительные, имевшие в своей морфемной структуре приставку *с(о)-*, которая соответствовала французской приставке *con-* (варианты: *com-*, *cor-*), немецкой *Ein-*, латинской *con-*.

На то, что предлоги соответствия были продуктом переводческой деятельности, указывает и жанровая характеристика тех текстов, где они фиксируются впервые. По наблюдениям Е. Т. Черкасовой, предлоги соответствия использовались главным образом в рамках официально-деловой письменности [Черкасова 1967: 147, 204], однако это утверждение справедливо для позднего употребления предлогов соответствия, но не для начального этапа. В момент своего появления в русском языке эти предлоги широко встречаются в научных, учебных (для профессионально-технического и академического образования) и публицистических текстах, то есть в новых для русского языка и литературы жанрах, которые испытывали сильное иноязычное влияние. Что же касается деловых текстов, то интенсивное проникновение в них новых предлогов соответствия произошло лишь в начале XIX в., когда деловой язык подвергся сильной трансформации на волне реформ государственного управления Александра I.

Французские, немецкие лексико-грамматические предложно-падежные кальки были однозначны и жанрово-стилистически ограничены (научные трактаты, публицистика, беллетристика, дипломатия), в отличие от русских полисемантических предлогов *по* и *против*. Грамматические модели, заимствованные из французского, немецкого, латинского языков, не противоречили системным возможностям русского языка. Морфемная структура новых образований соответствовала выражаемому смыслу: слова *со-*

гласно, сходно, сообразно с еще до влияния европейских языков или латыни начали развитие абстрактного значения, близкого к значению соответствия, например: *Також де, обходя судебные места, и челобитчиков бы спрашивал, не чинят ли кому какую обиду и излишней волокиты и не осудили ль кого не сообразно с данным им изложением и не взял ли какой судья или подьячий излишней взятки?* [Пос., Кн. о суд. и богат.: 86]. Калькированные французские, немецкие, латинские предлоги, включающие в морфемный состав префикс со значением соответствия, легко корреспондировали с русскими грамматическими классами: русская приставка *с-* (*со*) имеет значение 'совместность, сопутствие, взаимная связь'.

4. Сочетаемость предлогов соответствия

Процесс грамматикализации слов, предложно-падежных форм в поле предлогов соответствия нельзя рассматривать в отрыве от сочетаемостных характеристик. Предлоги соответствия претерпели ряд изменений в левосторонней и правосторонней сочетаемости. Левосторонняя сочетаемость связана с выражением зависимости от других слов в предложении. История формирования предлогов соответствия генетически связана с употреблением кратких прилагательных или предложно-падежных форм отвлеченных существительных в составе глагольной группы. Именно в составе глагольных описательных оборотов сформировалось отвлеченное значение соответствия, проходя несколько этапов. На начальном этапе связь этих слов с глаголом может быть охарактеризована как сильная — она имеет восполняющий характер. На следующем этапе происходило обособление из глагольных оборотов зависимых групп, включающих слова на *-о* или предложно-падежные формы отвлеченных существительных с зависимыми от них словами. Группы типа «*согласно с + существительное*», «*в согласность с + существительное*» переходили в обстоятельственную позицию и начинали сочетаться с широким кругом глаголов. На последнем этапе некоторые группы с предлогами соответствия стали употребляться в качестве детерминантов — максимально независимой от глагола позиции. Последний этап требует дополнительного комментария.

4.1. Предлоги соответствия в детерминантной позиции

Детерминация — явление историческое. Многочисленные семантические группы детерминантов, выделяемые Н. Ю. Шведовой на материале современного русского языка (всего выделяются 10 групп обстоятельственных детерминантов) [Шведова 1964; 1968]⁷, являясь продуктом длительного развития русского синтаксиса, возникли в разное время: ранее

⁷ В [Шведова 1968] содержится критический обзор работ лингвистов, участвовавших в полемике относительно правомерности выделения детерминантов.

всего, уже в средневековых текстах, в языке фиксируются детерминанты со значением места и времени, остальные детерминанты возникают поздно. По наблюдениям Г. Н. Акимовой, в русском языке середины XVIII в. из 10 групп обстоятельственных детерминантов отмечены только локальные детерминанты (50%), темпоральные детерминанты (45%) и детерминанты с причинно-целевым значением (5%) [Акимова 1972: 15—22; 2012: 75—82]. Позднее развитие детерминантов в русском языке обусловлено разными причинами. С одной стороны, отсутствие разных видов детерминирующих обстоятельств было связано с отсутствием в русском языке отыменных предлогов, активное развитие которых началось в русском языке со второй половины XVIII в. [Акимова 2012: 249—250]. С другой стороны, история детерминантов оказалась связана с трансформацией сложного предложения: простое предложение, включающее в себя детерминанты со значением разных видов обусловленности, на протяжении XIX—XX вв. вытесняло сложное предложение, особенно активно это происходило в научном и деловом стиле.

Обстоятельственные группы со значением соответствия начинают проникать на позицию детерминанта в последней трети XVIII в.: *Сходственно с сими примечаниями, мы не находим в сем первоначальном состоянии народов никакого порядочного супружества и ниже имени оного* [Десн., Юрид. рассужд. о происх. супр.: 260]; *Ибо в сходственность такого их мнения можно было бы утверждать, что и огонь чувствует и помышляет* [Анич., Сл. о невест. души: 91]; *Согласно с сим отчет должен содержать ясные перечни всех сих разделений* [Спер., Общ. учрежд. мин.: 701]. В приведенных примерах обстоятельственные группы содержат указательные местоимения, что способствует развитию у групп анафорической функции и, как следствие, перемещению их в начало предложения. Приведенные примеры употребления обстоятельственного оборота со значением соответствия к случаям детерминации отнести нельзя.

По-настоящему о детерминантах можно говорить лишь тогда, когда в составе обстоятельственных групп прекращается обязательное употребление указательных местоимений. Такие примеры фиксируются значительно позднее, со второй четверти XIX в., например: *Согласно с торжественным договором, заключенным между им [Ярополком Владимировичем] и старшим братом, в исполнение Мономахова заветания, он уступил Переяславль Всеволоду, сыну Мстислава* [Карам., Ист. гос. Росс.: 109]; *Согласно наставлениям Паткуля, Новик явился к генерал-фельдвахтмейстеру Шлиттенбаху, знавшему его прежде и любившему за игру на гусях...* [Лаж., Посл. Нов.: 473].

Широкое же распространение детерминирующих оборотов со значением соответствия начинается не ранее второй половины XIX в.: *В соответствии своим фамилиям, Прижимайлов думает, что Глупов поприжать надо, а Постукин мечтает, что все пойдет хорошо, когда он достаточно настучит Глупову голову* [С.-Щ., Наши глуп. д.: 507]; *Согласно роскошно-*

му обычаю того времени, пешие конюхи вели за ним под уздцы шесть верховых коней в полном убранстве... [А. К. Толст., Кн. Сереб.: 292].

Здесь следует обратить внимание на важную и даже решающую деталь в трансформации лексико-синтаксических качеств компонентов, формирующих новые предлоги. Переходя в позицию детерминанта, обстоятельственные группы со значением соответствия приобретают дополнительный смысловой компонент — значение обусловленности, причинности. Связано это с изменением тема-рематического членения фразы: в позиции детерминанта обстоятельственная группа находится в позиции темы, в приглагольной позиции она вместе с глаголом находится в позиции ремы. Интересно отметить, что не все предлоги соответствия приобрели способность к употреблению в составе детерминанта: практически не употребляются в этой позиции предлоги *сообразно*, *соответственно*, зато предлоги *согласно*, *в соответствии*, *в согласии* со временем расширили употребление в этой позиции.

4.2. Правосторонняя сочетаемость предлогов соответствия

Правосторонняя сочетаемость предлогов со значением соответствия также претерпела изменения. На начальном этапе предлоги воспроизводили сочетаемость тех слов, которые послужили основой их образования: *согласно с* (< согласный с чем-л.; ср.: *Поступать согласно с должностью, с благопристойностью; Говорить, писать согласно с истиною, с правилами* [САР, 2: 83]), *сходно с*, *сходственно с* (< сходный с чем-л., сходствовать с чем-л.; ср.: *Повествовать, рассказывать о чем сходно с кем; Жить, поступать сходственно с чьими нравами, обыкновениями; Делать что сходственно с чьим желанием, повелением* [САР, 3: 278—279]), *сообразно с* (< сообразный с чем-л.; ср.: *Жить сообразно с состоянием, с достатком* [САР, 4: 599]), но *соответственно + Д. п.* (< соответствовать чему-л.; ср.: *Я поступил соответственно своей должности, своей честности, своему званию* [САР, 1: 1041]). Академическая «Российская грамматика» 1819 г. отмечала, что «наречия» (т. е. производные предлоги) *согласно*, *сообразно*, *сходно*, *сходственно* «требуют имени в падеже творительном с предлогом с, наприм.: *Говорить согласно с истиною. Поступать сходственно, сообразно с рассудком*» [Росс. грамм.: 239].

Сочетаемость предлогов соответствия, образованных на основе отвлеченных существительных, определялась, с одной стороны, сочетаемостью тех прилагательных и глаголов, от которых они были образованы: *в соответствии + Д. п.* (< соответствовать + Д. п.), но *в согласии с* (< соглашаться с чем-л.); с другой стороны, предлоги, образованные на основе предложно-падежных форм существительного, могли управлять и Р. п. без предлога. Это создавало противоречивую картину сочетаемости таких предлогов уже на раннем этапе. Так, предлог *в сходственность* мог сочетаться как с предложно-падежной формой «с + Тв. п.», так и с Р. п. без предлога: *И так навыкиши чрез то аки бы почтение оказывать себе, всегда*

в сходственность с склонностями своими и о других заключаем [Анич., Сл. о разн. прич.: 157] — *Ибо в сходственность такого их мнения можно было бы утверждать, что и огонь чувствует и помышляет* [Анич., Сл. о невещ. души: 91]. Последняя форма встречалась чаще; эта узуальность зафиксирована в «Словаре Академии Российской», ср. примеры: *Делать что в сходственность приказания вашего; Поступать в сходственность предписания законом* [САР, 3: 279]. Примечательно, что для предлога *сходственно* в этом же словаре указана сочетаемость с предложно-падежной формой «с + Тв. п.».

5. Падежная дистрибуция

Колебания, связанные с употреблением той или иной припредложной формы, отмечаются на самом раннем этапе употребления предлогов соответствия. Главной причиной изменений в сочетаемости предлогов соответствия стал как процесс обобщения синтагматических свойств внутри этой группы предлогов, так и иноязычное влияние калькированных моделей. Так, предлог *сходственно*, кроме предложно-падежной формы «с + Тв. п.», мог присоединять к себе имена в форме беспредложного Д. п. и Р. п.: *Ремесленным производить работу ремесла сходственно управному весу или мере, или пробе, или предписанию касательно ремесла; в чем управному старшине и старшинским товарищам иметь надзирание* [Ек. II, Грам. город.: 101]; *Так и мы, заключая о безмыслии души в отделении ее от телесности, заключим сходственно понятий наших, в опытности почерпнутых; но истинность заключения сего может равняться заключению жителя Египта о невозможности замерзания вод* [Рад., О чел.: 103]. В свою очередь, предлог *в сходственность*, кроме зависимого слова в форме «с + Тв. п.» или в Р. п., мог присоединять имена в Д. п., например: *Извинительны ли те, кои при всем том, что их и природа расположила, и науки уготовили, и известность воздаяния поощряет в сходственность их способностям трудиться, только что других критикуют?* [Нов., Живоп.: 121].

Аналогичные колебания при выборе припредложной формы имени наблюдались и у других предлогов. Эти колебания имели длительный характер и отражены в современных толковых словарях. Вариативное управление дается для предлогов *согласно* (чему-л. / с чем-л.), *соответственно* (чему-л. / с чем-л.), *сообразно* (чему-л. / с чем-л.) [БАС, 14: 111, 272—273, 283; Розенталь 1986: 204—205]. Общей тенденцией можно считать постепенное установление для предлогов соответствия (за исключением предлога *в соответствии*) сочетаемости с беспредложным Д. п.: случаи употребления этой формы отмечаются у всех предлогов соответствия уже на стадии их формирования, несмотря на то что генетически такая сочетаемость была присуща только предлогам *соответственно* и *в соответствии*.

Конкуренция Д. п. без предлога и предложно-падежной формы «с + Тв. п.» не закончилась до сих пор. Д. Э. Розенталь в зависимости от распространения той или иной формы имени выводит даже различия в семантике предлогов *согласно* и *сообразно*, полагая, что *согласно* и *сообразно* в сочетании с Д. п. имеют значение ‘на основании’, а в сочетании с формой «с + Тв. п.» — значение ‘в соответствии с чем-л.’. В отличие от них, предлоги *соответственно* и *соразмерно* независимо от сочетаемости реализуют одно и то же значение. Можно обратить внимание и на интересную особенность — в современном русском языке предлоги *согласно* и *сообразно*, употребленные в составе детерминантных групп, реализуют только сочетаемость с Д. п. без предлога, тогда как в приглагольной позиции возможны оба варианта. Не исключено, что закрепление за Д. п. без предлога значения причинности произошло именно в позиции детерминанта. Например: ***Сообразно*** изменению климата изменяется растительность по мере удаления от берега моря внутрь страны [Прж., Пут. в Усс. кр.: 160] — Объем этого понятия расширяется и суживается ***сообразно*** историческим условиям [Солов., Опр. добр.: 385]; ...если стыдливость сама по себе есть добро, то разум требует от нас во всяком случае поступать ***сообразно*** с нею... [Там же: 184].

Для предлога *соответственно* не прослеживается различие в семантике в зависимости от формы припредложного имени. Стоит отметить, что этот предлог не употреблялся в позиции детерминанта, а кроме того, в современном языке прослеживается отчетливая тенденция к выходу его из употребления — он вытесняется однокоренным предлогом *в соответствии*. Предлог *в соответствии*, в свою очередь, продемонстрировал противоположную остальным предлогам соответствия тенденцию развития своей сочетаемости: если предлоги на *-о* развили преимущественное употребление с Д. п. без предлога, то предлог *в соответствии*, наоборот, на месте старой сочетаемости с Д. п. развил новую сочетаемость с предложно-падежной формой «с + Тв. п.».

В целом можно говорить о том, что морфологическая природа слов, на базе которых формировались предлоги соответствия, оказалась безразличной к установлению единой сочетаемости. Д. п. без предлога постепенно сокращал число значений, а также число конструкций, в которых он мог употребляться. Предлоги соответствия на *-о*, благодаря близости к словам категории состояния, закрепили употребление Д. п., который к тому же привнес в конструкцию с этими предлогами субъектный оттенок. Однако в сочетании с отсубстантивным предлогом *в соответствии* Д. п. не удержался; его замена на форму «с + Тв. п.» интенсивно протекает во второй половине XIX в., и к рубежу XIX—XX вв. старое употребление с Д. п. без предлога исчезает: ***В соответствии*** с этим треском лицо Анны Евдокимовны дрогнуло... и вслед за тем приняло самое беззаботное выражение [Эрт., Гард.: 111]; ***Все люди одинаково убеждены***, что они ощущают, думают, чувствуют, желают, но что именно протекает в их сознании ***в со-***

ответствии с этими очень общими обозначениями, об этом они едва ли столкнутся между собою скоро [Лопат., Вопр. о един.: 225].

5.1. Причины дистрибутивной вариативности предлога **согласно**

Отдельного комментария заслуживает проблема сочетания предложного комплекса *согласно* с Р. п. без предлога. В современной лингвистической литературе сочетания типа *согласно приказу* рассматриваются исключительно с нормативной (ортологической) точки зрения, однако у нормативных рекомендаций всегда есть системно-языковые основания. Прежде всего следует упомянуть, что управление *согласно* + Р. п. существует в русской письменной традиции довольно давно. Первый отмеченный нами случай употребления *согласно* с Р. п. восходит к 1790-м гг.: *...а другую [часть меди] оставляли в собственность свою на вольную продажу, согласно именно ее императорского величества июня 28 числа 1780 года указа* [Сен. указ о взыск. пол. меди: 354]. Но уже в начале XIX в. такие случаи отмечаются регулярно, например: *Согласно рапорта Вашего, полученного мною сего августа 22-го числа за № 1288-м, препровождаю при сем Вашего Высокоблагородий ведомость...* [Горч., Отнош.: 81]; *Получив повеление Вашего Сиятельства, дабы Сиверс согласно воли Вашей удержал позицию при Колесниках, и сам буду при Поляниново держаться также* [Коновн., Рапорт: 57—58]. Приведенные примеры явственно показывают использование такой модели первоначально в специальных (в первую очередь военных) контекстах. На протяжении XIX в. употребление *согласно* с Р. п. широко распространилось, выйдя за пределы канцелярско-военного лексикона; например: *Я буду телеграфировать Вам, согласно Вашего желания, за два дня до выезда* [Чайк., П. фон Мекк] и продолжаете до сих пор в официально-деловых документах, вызывая постоянные вопросы пользователей языка в справочные службы русского языка.

В послереволюционное время на активизацию (и даже узуализацию) предлога *согласно* с Р. п. указывал А. М. Селищев, считая причиной такого падежного управления доминирование речевых черт партийно-политических деятелей и укрепление этой модели в качестве престижной [Селищев 2003: 201]. Возможно, эта стойкая традиция, подкрепленная узусом в советское время, и позволяет такому управлению держаться и сохраняться в речевом обиходе в русском языке.

Примечательно, что Д. Э. Розенталь считал такое употребление устаревшим [Розенталь 1986: 204]. Современные словари трудностей дают следующую рекомендацию: «В современном русском литературном языке нормативна только конструкция *согласно чему*, то есть с дательным падежом. Такая конструкция должна употребляться и в официально-деловом стиле»⁸.

⁸ Интернет-версия словаря трудностей составлена Ю. А. Бельчиковым и О. И. Ражевой. (Ответ сайта ГРАМОТА.РУ: http://new.gramota.ru/spravka/trudnosti?layout=item&id=36_64.)

Л. П. Крысин оценивает употребление существительного в Р. п. после предлога *согласно* несколько иначе: «Отмечаемая современными словарями трудностей и неправильностей русской речи как яркая черта канцелярского стиля конструкция *согласно* + род. пад. существительного (*согласно заявления*) в военном языке употребляется как единственно возможная: *согласно приказа, согласно указания вышестоящего начальника* и т. п.» [Крысин 2004: 242]. Языковой материал показывает, что не канцелярский, а именно военный язык был средой, где в начале XIX в. зародилось употребление конструкции «*согласно* + Р. п.». Во второй половине XIX в. из речи военных оборот переключался в канцелярскую речь: этому способствовал тот факт, что многие высшие административные должности занимали профессиональные военные.

Причины комбинаторного управления предлога *согласно* с Р. п. или Д. п. в русском языке с опорой на морфолого-синтаксические критерии искали многие исследователи. Известный лингвист конца XIX — начала XX в. П. Д. Драганов считал употребление *согласно* с Р. п. германизмом, возникновение которого в русской речи было обязано большому числу чиновников из числа немцев [Драганов 1909: 199—200]⁹. К германизмам и канцеляризмам относил такое употребление В. И. Чернышев [Чернышев 2010: 229]. С оценкой оборота *согласно приказа* как германизма не согласна Е. Т. Черкасова, обращающая внимание на то, что, во-первых, немецкий предлог *gemäß* ‘согласно, соответственно’ употребляется с Д. п., а во-вторых, «сочетаемость с дат. пад. более закономерна для предлогов, входящих к качественным прилагательным со значением соответствия и подобия» [Черкасова 1967: 203]. По ее мнению, «причиной... появления оборотов с род. пад. (*согласно чего*) является влияние антонимических связей между предлогами *согласно* и *противно*. Родительный же при *противно*... — результат влияния семантических связей данного предлога со словом *против*, выступающим в функции предлога» [Там же].

Представленные в статье история и динамика формирования предлогов соответствия позволяет нам предложить и иное объяснение появления Р. п. при предлоге *согласно*. По нашему мнению, на начальном этапе в сочетании с предлогами соответствия были возможны три припредложные формы, включая и Р. п. без предлога. Употребление Р. п. в сочетании с предлогом *согласно* в деловой речи вполне может быть реликтом этого раннего состояния предлогов соответствия, сохранившимся в силу присущих деловому стилю клишированности и формульности. Наибольшее влияние на закрепление Р. п. с предлогом *согласно* могли оказать широко употреблявшиеся в деловой прозе конца XVIII — начала XIX в. предлоги *в сходность, в сходствие*, которые преимущественно употреблялись в Р. п.

---

⁹ К числу германизмов автор относит также употребление *независимо* и *предварительно* с Р. п.

Выводы

Рассмотрение предлогов соответствия в русском языке в языковой и речевой динамике (эмпирическая история) на протяжении трех веков позволяет сделать и теоретические выводы, касающиеся действия системно-функциональных механизмов в процессе создания этой группы языковых средств:

1. Их история связана с ломкой древнерусской жанрово-стилевой системы, в которой это значение реализовывалось при помощи полисемантических предлогов *по*, *против*, и сложением новых функциональных стилей в эпоху Нового времени;

2. Требование логизации изложения, стремление к фактографичности, документальности, реалистичности нарратива, передача логико-синтаксических отношений при помощи аналитических конструкций, характерные и обязательные для делового и научного стилей, привели к необходимости передачи семантических нюансов при помощи новых языковых средств;

3. Ближайшим источником появления многих новых предложно-падежных сочетаний с данным грамматическим значением в русском языке XVIII в. выступили французские, немецкие (реже — латинские) источники, активно снабжавшие языковым материалом складывавшиеся новые жанры и стили (в данном случае — научный и деловой);

4. Переразложение группы предлогов со значением соответствия в языке XVIII—XIX вв. происходило путем включения в нее предложно-падежных групп, генетически восходящих к полнозначным частям речи, специализацией и конкуренцией их значений и форм внутри данной группы, динамическим переформированием предложно-падежных конструкций относительно центра и периферии грамматического значения;

5. Комбинаторная падежная сочетаемость некоторых предлогов соответствия в узусе, неуверенность пользователей языка в сочетаемостных характеристиках свидетельствует о трудностях адаптации и усвоения данных предлогов вследствие их предельно абстрактной семантики, диктуемой стилевыми рамками достаточно замкнутых, с обилием клише сфер языка (наука, деловой стиль).

Литература

Акимова 1972 — Г. Н. Акимова. Детерминирующие обстоятельства в языке середины XVIII века // Развитие синтаксических конструкций в русском литературном языке XVIII в. Казань, 1972. С. 15—22.

Акимова 1982 — Г. Н. Акимова. Новые явления в синтаксическом строе русского языка. Л., 1982.

Акимова 2012 — Г. Н. Акимова. Очерки по синтаксису языка М. В. Ломоносова // Грамматика и стилистика русского языка в синхронии и диахронии: очерки. СПб., 2012. С. 11—290.

БАС — Словарь современного русского литературного языка. Т. 1—17. М.; Л., 1950—1965.

Виноградов 1972 — В. В. Виноградов. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1972.

Грамматика-80 — Русская грамматика: В 2 т. М., 1980.

Драганов 1909 — П. Д. Драганов. О германизме *выглядит* (неправ. форма сред. глагола наст. вр.) в русском языке // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. 1909. Т. XIV. Кн. 1. С. 172—200.

Крысин 2004 — Л. П. Крысин. Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М., 2004.

Леденев 1982 — Ю. И. Леденев. Важнейшие аспекты, проблемы семантико-синтаксических функций неполнозначных слов в русском языке // Неполнозначные слова: семантико-синтаксические исследования. Ставрополь, 1982. С. 3—10.

Морфология и синтаксис 1968 — Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. М., 1968.

Полн. фр. и росс. лексикон — Полной французской и российской лексикон, с последнего лексикона Французской Академии на российской язык переведенной собранием ученых людей. Ч. 1. От А до К. СПб., 1786.

Правдин 1958 — А. Б. Правдин. Из истории предлога «против» // Ученые записки Тартуского государственного университета. 1958. Вып. 65. С. 165—172.

Розенталь 1986 — Д. Э. Розенталь. Управление в русском языке: Словарь-справочник. М., 1986.

Росс. грамм. — Российская грамматика, сочиненная Императорскою Российскою Академиею. Изд. 3-е. СПб., 1819.

Руберт, Генидзе 2003 — И. Б. Руберт, Н. К. Генидзе. Аналитические тенденции в языковой эволюции // Филологические науки. 2003. № 1. С. 54—62.

САР — Словарь Академии Российской: В 6 ч. СПб., 1789—1794.

Селищев 2003 — А. М. Селищев. Язык революционной эпохи. Изд. 2-е, стереотип. М., 2003.

СлРЯ XI—XVII — Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 1—28. М., 1975—2008—.

Черкасова 1967 — Е. Т. Черкасова. Переход полнозначных слов в предлоги. М., 1967.

Чернышев 2010 — В. И. Чернышев. Правильность и чистота русской речи. Опыт русской стилистической грамматики. Изд. 4-е, испр. М., 2010.

Шведова 1964 — Н. Ю. Шведова. Детерминирующий объект и детерминирующее обстоятельство как самостоятельные распространители предложения // Вопросы языкознания. 1964. № 6. С. 77—93.

Шведова 1968 — Н. Ю. Шведова. Существуют ли все-таки детерминанты как самостоятельные распространители предложения? // Вопросы языкознания. 1968. № 2. С. 39—50.

Эртель 1841 — В. Эртель. Французско-русский словарь, извлеченный из новейших источников. Т. 1. СПб., 1841.

Dictionnaire — Dictionnaire de L'Académie française. Sixième édition. Т. 1. Paris, 1835.

Источники

А. К. Толст., Кн. Сереб. — А. К. Толстой. Князь Серебряный // А. К. Толстой. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 2. М., 1969. С. 175—498.

Анич., Рассужд. из нат. богосл. — Д. С. Аничков. Рассуждение из натуральной богословии о начале и происшествии натурального богопочитания, которое... на рассмотрение предлагает философии и свободных наук магистр Дмитрий Аничков 1769 года августа ... дня // [Избранные произведения: 111—133].

Анич., Сл. о невещ. души — Д. С. Аничков. Слово о невещественности души человеческой и из оной происходящем ее бессмертии... // Общественная мысль России XVIII века: В 2 т. Т. 1. Philosophia rationalis. М., 2010. С. 85—104.

Анич., Сл. о разн. прич. — Д. С. Аничков. Слово о разных причинах, немалое препятствие причиняющих в продолжении познания человеческого... говоренное... июня 30 дня 1774 года // [Избранные произведения: 152—161].

Брянц., Сл. о св. вещ. — А. М. Брянцев. Слово о связи вещей во вселенной... говоренное... июня 30 дня 1790 года // [Избранные произведения: 363—376].

Вести-Куранты — Вести-Куранты. 1648—1650 г. М., 1983.

Вранг., Дн. пут. — Ф. Врангель. Дневник путешествия из Ситхи в Санкт-Петербург через Мексику 13 октября 1835 г. — 22 мая 1836 г. // Л. А. Шур. К берегам Нового Света: Из неопубликованных записок русских путешественников начала XIX века. М., 1971. С. 191—270.

Горч., Отнош. — Отношение А. И. Горчакова 2-го Д. П. Дембровскому, 23 августа 1812 г. // Бородино. Документальная хроника. М., 2004. С. 81—82.

Десн., Юрид. рассужд. о проих. супр. — С. Е. Десницкий. Юридическое рассуждение о начале и происхождении супружества у первоначальных народов // [Избранные произведения: 257—267].

Диб., Предп. — И. И. Дибич. Предписание начальника Главного штаба И. И. Дибича П. Х. Витгенштейну о доставке в Бухарест артиллерийских орудий, ружей и снарядов для передачи сербам, 25 января 1829 г. // Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в первой трети XIX века. Документы. М., 1997. С. 299—300.

Ек. II, Грам. город. — Екатерина II. Грамота на права и выгоды городам Российской Империи, 21 апреля 1785 г. // Российское законодательство X—XX вв.: В 9 т. Т. 5. Законодательство периода расцвета абсолютизма. М., 1987. С. 68—129.

Избранные произведения — Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века: В 2 т. Т. 1. М., 1952.

Карам., Ист. гос. Росс. — Н. М. Карамзин. История государства Российского: В 12 т. Т. II—III. М., 1991.

Коз., Из прим. к Голб. — Я. П. Козельский. Из примечаний к переводу «Истории датской» Голберга // [Избранные произведения: 627—636].

Коз., Рассужд. двух инд. — Я. П. Козельский. Рассуждения двух индийцев Калана и Ибрагима о человеческом познании // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века: В 2 т. Т. 1. М., 1952. С. 552—620.

Коновн., Рапорт — Рапорт П. П. Коновницына П. И. Багратиону о решении удержать арьергардом позиции при деревне Полянинове, 21 августа 1812 г. // Бородино. Документы, письма, воспоминания. М., 1962. С. 57—58.

Крыл., Почта Духов — И. А. Крылов. Почта Духов // И. А. Крылов. Полное собрание сочинений: В 3 т. Т. 1. М., 1945. С. 11—273.

Лаж., Посл. Нов. — И. И. Лажечников. Последний Новик. М., 1983.

Лом., 276 зам. по физ. — М. В. Ломоносов. [276 заметок по физике и корпускулярной философии; темы будущих работ] / Пер. Б. Н. Меншуткина // М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений. Т. 1: Труды по физике и химии, 1738—1746. М.; Л., 1950. С. 103—167.

Лом., Волф. физ. — М. В. Ломоносов. Волфианская экспериментальная физика // М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений. Т. 1: Труды по физике и химии, 1738—1746. М.; Л., 1950. С. 419—530.

Лопат., Вопр. о един. — Л. М. Лопатин. Вопрос о реальном единстве сознания // Л. М. Лопатин. Аксиомы философии. Избранные статьи. М., 1996. С. 203—238.

Мурав., Конст. — Н. М. Муравьев. Конституция // Политическая история России XIX—XX веков. Иркутск, 2013. С. 23—41.

Нов., Живоп. — Н. И. Новиков. «Живописец». Третье издание 1775 г. Часть 1 // Н. И. Новиков. Избранные сочинения. М.; Л., 1951. С. 94—156.

Нов., Трутень — Н. И. Новиков. Статьи из «Трутня» // Н. И. Новиков. Избранные сочинения. М.; Л., 1951. С. 3—33.

Пос., Кн. о скуд. и богат. — И. Т. Посошков. Книга о скудости и богатстве // И. Т. Посошков. Книга о скудости и богатстве и другие сочинения. М., 1951. С. 11—244.

Прж., Пут. в Усс. кр. — Н. Пржевальский. Путешествие в Уссурийском крае, 1867—1869. СПб., 1870.

Рад., Жит. Фед. Уш. — А. Н. Радищев. Житие Федора Васильевича Ушакова // А. Н. Радищев. Полное собрание сочинений: В 3 т. Т. 1. М.; Л., 1938. С. 155—212.

Рад., О чел. — А. Н. Радищев. О человеке, о его смертности и бессмертии // А. Н. Радищев. Полное собрание сочинений: В 3 т. Т. 2. М.; Л., 1941. С. 39—42.

Рад., Пр. Гражд. улож. — А. Н. Радищев. Проект Гражданского уложения // А. Н. Радищев. Полное собрание сочинений: В 3 т. Т. 3. М.; Л., 1952. С. 171—245.

Сен. указ о взыск. пол. меди — Сенат. Указ «О взыскании с заводчиков половины меди, выплавляемой на всех заводах, одному владельцу принадлежащих, в сложности, а не на каждом заводе порознь», 21 июля 1792 г. // Полное собрание законов Российской империи. Т. 23. С. 1789 по 6 ноября 1796. СПб., 1830. С. 354—356.

С.-Щ., Наши глуп. д. — М. Е. Салтыков-Щедрин. Наши глуповские дела // М. Е. Салтыков-Щедрин. Собрание сочинений: В 20 т. Т. 3. М., 1965. С. 482—516.

С.-Щ., Убеж. Монр. — М. Е. Салтыков-Щедрин. Убежище Монрепо // М. Е. Салтыков-Щедрин. Собрание сочинений: В 20 т. Т. 13. М., 1972. С. 265—404.

Сиверс, Рапорт — К. К. Сиверс. Рапорт П. И. Багратиону с объяснением о причинах отступления, 21 августа 1812 г. // Бородино. Документы, письма, воспоминания. М., 1962. С. 58—59.

Солов., Опр. добр. — В. С. Соловьев. Оправдание добра. Нравственная философия // В. С. Соловьев. Сочинения: В 2 т. Т. 1. М., 1988. С. 47—580.

Спер., Общ. учрежд. мин. — М. М. Сперанский. Общее учреждение министерств, 25 июня 1811 г. // Полное собрание законов Российской империи. Т. 31. 1810—1811. СПб., 1831. С. 689—711.

Тат., Ист. Росс. — В. Н. Татищев. История Российская. Часть первая // В. Н. Татищев. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 1. М., 1994. С. 79—394.

Тат., Наст. — В. Н. Татищев. Наставление Татищева, оставленное им канцелярии главного правления казанских и сибирских заводов при отъезде в оренбургскую экспедицию, 23 июня 1737 г. // В. Н. Татищев. Записки. Письма. М., 1990. С. 248—256.

Тат., Разг. дву прият. — В. Н. Татищев. Разговор дву приятелей о пользе науки и училищах // В. Н. Татищев. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 8. М., 1996. С. 51—132.

Тред., Разг. об ортогр. — В. К. Тредиаковский. Разговор между чужестранным человеком и российским об орфографии старинной и новой и о всем, что принадлежит к сей материи. СПб., 1748.

Трет., Сл. о учрежд. унив. — И. А. Третьяков. Слово о происшествии и учреждении университетов в Европе на государственных иждивениях... говоренное... 1768 года апреля 22 дня // [Избранные произведения: 335—352].

Фонв., Оп. Росс. сосл. — Д. И. Фонвизин. Опыт Российского сословника // Д. И. Фонвизин. Собрание сочинений в двух томах. М.; Л., 1959. Т. 1. С. 223—236.

Фонв., Сл. похв. Марку Авр. — Д. И. Фонвизин. Слово похвальное Марку Аврелию // Д. И. Фонвизин. Собрание сочинений в двух томах. М.; Л., 1959. Т. 2. С. 194—230.

Чайк., П. фон Мекк — П. И. Чайковский. Письмо Н. Ф. фон Мекк, 4 мая 1878 г. // <http://www.tchaikov.ru/1878-139.html>.

Эрт., Гард. — А. И. Эртель. Гарденины, их дворня, приверженцы и враги. М., 1987.

Barre, Hist. gén. d'Allemagne — Joseph Barre. Histoire générale d'Allemagne. Paris, 1748. Vol. 10.

Chev. et alia, Science — S. D. V. de Chevigny, Pierre Massuet, Henri Philippe de Limiers. La science des personnes de cour, d'épée et de robe. Amsterdam, 1752. Vol. 1.

Hist. des poissons — Histoire naturelle, générale et particulière, des poissons: ouvrage faisant suite à l'Histoire naturelle, générale et particulière, composée par Leclerc de Buffon, et mise dans un nouvel ordre par C. S. Sonnini, avec des notes et des additions. Paris, 1798.

J. des sçavans — Le journal des sçavans. T. 60. 1761, juin. Vol. 1.

Remarq. sur l'abus — Remarques sur l'abus des purgatifs et des amers au commencement et à la fin des maladies et sur l'utilité de la saignée dans les maladies des yeux, dans celles des vieillards, des femmes [et] des enfans: en forme de lettres: avec deux lettres latines, l'une sur la génération des insectes [et] l'autre sur le muscle uterin découvert par Mr. Ruysch. Paris, 1729.

Резюме

Развитие функциональных стилей русского языка в Новое время сопровождалось значительной перестройкой системы логико-понятийных отношений элементов внутри текста. Предлоги соответствия — необходимый лексико-синтаксический компонент формирующихся в XVIII—XIX вв. делового и научного стилей. Их развитие шло как по пути трансформации морфологических категорий русского языка, в частности превращения полнозначных слов в неполнозначные (посредством развития семы релятивности у адвербиальных слов с финалью на *-о*), так и по пути

калькирования иноязычных прототипов, в первую очередь французских и немецких (*в соответствии с, сообразно, сходственно, в сходственность*). Вариативность и конкурирование предлогов со значением соответствия в деловом и научном стилях, наблюдавшиеся на протяжении XVIII — первой половины XIX в., до сих пор сохраняет некоторые реликтовые черты (в предлоге *согласно* + Дат. или Род.), вызывающие колебания в узусе и иницирующие ортологические рекомендации.

Ключевые слова: предлог, калькирование, полнозначная лексика, предложивание.

Статья получена 08.04.2016

ALEXANDER V. ZELENIN, DMITRY V. RUDNEV

THE HISTORY OF PREPOSITIONS OF CONFORMITY IN RUSSIAN

The evolution of functional styles in Russian during the past three hundred years was followed by a significant restructuring of the relationships between the logical and conceptual elements of the text. Prepositions of conformity constitute an essential lexical and syntactic component of formal and scientific styles formed during the eighteenth and nineteenth centuries. They developed in two ways: firstly, on the basis of Russian lexis, by means of morphological transformations, especially the transformation of notional words into grammatical words through the development of semantics of relativity in adverbials with final *-o*; and secondly, by way of calquing, primarily from French and German (*в соответствии с, сообразно, сходственно, в сходственность*). The variability and competition of prepositions that convey conformity, which was typical for formal registers in the eighteenth and nineteenth centuries, is still present in the modern language, including some relict features, and this causes fluctuations in usage (e.g., between the Dative and the Genitive with the preposition *согласно*), which provoke orthological recommendations.

Key words: preposition, calquing, notional lexis, prepositionalisation.

Received on 08.04.2016

Г. А. МОЛЬКОВ

ИСТОРИЯ СЛОВА *ПОЛ* ‘ПОЛОВИНА’ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XVIII В.

(по материалам картотеки «Словаря русского языка XVIII в.»)

История слова *пол* ‘половина’, постепенная смена его отдельных семантических, морфологических и синтаксических характеристик обусловлены его тесным взаимодействием с числительными. Уже в древнейших письменных памятниках наблюдается активное применение этого существительного в счетной функции. Частотность употребления в счетно-количественном значении привела к тому, что существительное *пол* приобрело грамматические свойства, специфические для счетных слов. На базе новых характеристик происходит реинтерпретация данного элемента в системе языка. Современное состояние лексемы показывает, что она сохраняет самостоятельность в качестве числительного только в ограниченном круге контекстов и в ряде своих значений применяется только в составе сложных слов. Таким образом, в истории взаимодействия слова *пол* с разрядом числительных существовало несколько стадий.

1. Изучение истории числительных

Этапы истории числительных в русском языке на настоящий момент описаны в разной степени. Наиболее подробное исследование О. Ф. Жолобова посвящено преимущественно материалу XI—XIV вв., также используются источники XV—XVII вв. [Жолобов 2006]; отдельные разделы исследования посвящены употреблению слова *пол* в функции числительного, с некоторыми дополнениями они опубликованы также в виде отдельной статьи [Жолобов 2005]. Числительным в языке XI—XVII вв. посвящены работы И. М. Багрянского [1957] и Л. Н. Дровниковой [1985]; в первой из этих работ отдельная глава посвящена дробным числительным с *пол* [Багрянский 1957: 44—68]. Числительные с элементом *пол* в текстах XIV—XVII вв. описаны также в отдельной статье Л. Н. Дровниковой [1959]. В монографии А. Е. Супруна русскому материалу XII—XVIII вв. посвящено всего несколько страниц [Супрун 1969: 165—170].

Состояние числительных в XIX—XX вв. описано в ряде обобщающих исследований [Виноградов 2001; АГ-1960; Зализняк 2002; АГ-1980], а также в специальном исследовании И. А. Мельчука [1985]. Наблюдения над особенностями употребления *пол* в современном языке содержатся и в специальных статьях [Качевская 1969; Осовская 1971; Немченко 1978]; семантический аспект на материале XIX в. рассмотрен в статье С. А. Пономаренко [1985].

К истории числительных в языке XVIII в. исследователи обратились лишь в недавнее время. В исследовании И. Н. Дьячковой, посвященном особенностям данной части речи во всей совокупности ее разрядов в XVIII в., указывается на «неравномерность в изучении нумеративных лексико-грамматических разрядов» в целом в истории языка и в частности слабую степень изученности дробных числительных [Дьячкова 2009: 39]. Истории числительных с *пол-* (*поль*) посвящен специальный раздел, где приводится ряд важных для настоящего исследования примеров [Там же: 185—193]. Отдельные аспекты истории количественных числительных по материалам КСХVIII рассмотрены в работе М. Н. Приемышевой [2012]. Автор отмечает, что для количественных числительных «XVIII век стал значимым и определяющим по целому ряду параметров» [Приемышева 2012: 189]. В статье не привлекается материал по слову *пол*, хотя в свете той эволюции, которую прошла эта лексема от древнейшего периода до современности, именно данные текстов XVIII в. могут оказаться особенно важными в реконструкции ее истории.

2. Сопоставление статуса слова *пол* в древнерусский и современный период

В текстах XI—XIV вв. *пол* в составе счетных конструкций — половинного квантитатива, — как и в свободном употреблении, во всех падежах управляет зависимым словом в РП [Жолобов 2005: 202]; об этом свидетельствуют также данные Словаря древнерусского языка XI—XIV вв. [СДРЯ: 99—100]. В большинстве случаев с управляемым словом используется согласованная краткая форма порядкового числительного (вне рамок этой конструкции неупотребимая). В таких случаях «порядковое числительное обозначает целое число единиц, предшествующее порядковому числительному, и половину названной числительным единицы, т. е. **polъ tretʹja voza* — это ‘два с половиной воза’» [Жолобов 2005: 202]. Разновидностью этой конструкции является простой половинный квантитатив: «Порядковое числительное *първъ* в простом половинном квантитативе не употребляется, так как *поль* имеет искомое значение ‘½’» [Там же: 204]. Простой половинный квантитатив в исходном виде изменяется так: *поль воза* (ИП) — *полоу воза* (РП) — *полоу воза* (ДП)¹ — *поль воза* (ВП) —

¹ Исконная форма ДП по **и*-склонению *полови* не употребляется уже в древнейший период [Шульга 1978: 14].

польма воза (ТП) — *полоу воза* (МП). Правильная форма ТП, видимо, применялась редко и достаточно рано заменялась под влиянием остальных косвенных падежей на *полоу* в русле общей тенденции форм числительных к установлению оппозиции «именительный падеж — общий косвенный» [Дровникова 1985: 94].

В описании современного состояния слова *пол* в русском языке не наблюдается единства мнений. Несомненна утрата этим словом самостоятельности, и одни исследователи предполагают полное превращение *пол* в аффикс [АГ-1960: 178; Качевская 1969: 328; Осовская 1971: 58; Буланин 1976: 90; Граудина и др. 1976: 260; Виноградов 2001: 257], другие же наблюдают препятствия к трактовке таких образований как универбов в позиции И—ВП [Шахматов 1941: 173; Зализняк 1980: 74; 2002: 78; Мельчук 1985: 280—288; Еськова 2009: 66²]. При этом даже исследователи первой группы признают, что при рассмотрении образований типа *полвоза* как полностью лексикализованных приходится оговаривать некоторые нетипичные для существительных свойства. Часть *пол* оказывается при такой трактовке морфемой с необычными свойствами: в начальной форме «*пол*- требует родительного падежа, а косвенный падеж *полу*- является согласуемой морфемой» [Виноградов 2001: 257]; такую морфему (независимо от второй части сложений) В. В. Виноградов рассматривает в едином списке с разрядами числительных (самостоятельных слов), которые он выделяет в русском языке, т. е. элемент сложного слова принадлежит не той же части речи, что все слово в целом. Эта странность присутствует и в формулировке АГ-1952 — «сложные имена существительные с числительным *пол*-» [АГ-1952: 178]. Подобные квазиунивербы Г. А. Качевская предлагает называть «недостаточными» существительными, поясняя, что это существительные «с неполным проявлением в них грамматических категорий, присущих данной части речи» [Качевская 1969: 328]. Если учесть, что большая часть постулируемых сложных слов типа «*тол* + РП» не склоняется и «не имеет ярко выраженных признаков рода» [Осовская 1971: 57—58; ср. Левашов 2012], то непонятно, какие грамматические категории, присущие существительным, в этих «недостаточных» словах проявляются.

Противоречия подобного рассмотрения элемента *пол* наглядно представлены в конечной формулировке В. Е. Осовской: «Итак, образования с компонентом *пол*- грамматически представляют собой слова особого типа. Они не могут рассматриваться как полноправные существительные, так как стоят особняком по характеру проявления основных категорий имени существительного (род, склонение, падеж, число) и по синтаксической роли в предложении... Целесообразно относиться к этим словам как к количественно-именному сочетанию» [Осовская 1971: 60]. Как можно понять

---

² Ср. также разработку образований типа *полвека*, *полгода* как сочетаний слов в словаре Н. А. Еськовой [Еськова 1994].

из этой формулировки, исследователь предлагает считать образования с *пол* все-таки «словами», но при этом «относиться» к ним как к сочетаниям. Вывод логически противоречив.

Сильной стороной описанного подхода первой группы исследователей является учет семантических особенностей сочетаний с *пол*: при наблюдающемся «противоречии между формой и содержанием» [Качевская 1969: 328] предпочтение отдается содержанию. Возможно, существование семантических дублетов типа *полбутылка* и *полбутылки* оправдывает такой подход, однако нужно помнить, что выражение одинаковой семантики лексикализированным и нелексикализированным способом не является чем-то необычным. Кроме того, исследователи отмечают отсутствие семантического тождества в примерах *за последнее полстолетие* и *за последние полстолетия* [Граудина и др. 1976: 261], т. е. семантический критерий применяется к разнородным языковым соответствиям, что в результате приводит к противоречивым формулировкам и выводам.

Невозможность использовать наработки первой группы исследований на практике проявляется в сфере лексикографии современного языка. В БАС *пол* определяется как «первая часть сложных слов» [БАС: 429], но при этом разбивка цитатного материала на словарные статьи показывает затруднение составителей при отнесении конкретных словоформ к той или иной лексеме. Например, словоформа *с полувзгляда* (в составе одной и той же цитаты из Вс. Рождественского) отнесена и к слову *полвзгляда* [Там же: 435], и к слову *полувзгляд* [Там же: 534]; формы косвенных падежей с элементом *пол* в некоторых случаях соотносятся с начальной формой случайным образом: ср. *с откупоренною полбутылкой шампанского* (статья *полбутылка*), но: *в полверсте ясно различался красный огонь* (статья *полверсты*, а не *полверста*). В словаре под ред. Д. Н. Ушакова *пол* также считается «первой частью составных слов» [СЛУ: 509], но для словника выбраны только «наиболее употребительные из таких слов», так как слова с *пол* в языке «очень легко образуются и вполне понятны» [СЛУ: 510]³. Большинству сочетаний *пол* с формами РП отказано в лексикографическом представлении. Формулировка «очень легко образуются» выглядит нечетко, однако выделяет образования с *пол* из круга остальных сложных слов. Такую метафору можно расценить как косвенное указание на менее тесную связь компонентов в случаях «*пол* + РП», чем необходимо для законченной лексикализации.

Противоречивая ситуация наблюдается также (видимо, под влиянием традиции лексикографии современного русского языка) в историческом словаре — СЛРЯ XI—XVII. Образования с *пол* рассматриваются как сочетания, «где *пол-* (*поль-*) выступает в функции числительного, а второй частью сочетания является род. пад. ед. ч. существительного» [СЛРЯ XI—

---

³ Ср. также в словаре В. И. Даля: «Полное перечисление таких, по себе понятных слов, было бы излишне» [Даль: 250].

XVII: 189], но при этом подаются в виде словарных статей сочетания слов *полдолони, полдороги, полдюжины* и др.⁴

Более последовательной представляется аргументация второй группы исследователей, отвергающих полную универбацию образований с *пол* в современном языке. Этот подход связан с последовательной ориентацией на формальный критерий и наиболее полно сформулирован в работе И. А. Мельчука [1985]. В ней приведен список особенностей — семантических, морфологических и синтаксических, свойственных числительным [Там же: 267—268], каковых насчитывается 17. По данным Мельчука, в современном русском языке *пол* обладает 12 свойствами из 17 [Там же: 282]. Со строго морфологических позиций И. А. Мельчук предлагает считать слово *пол* числительным, а образования типа *полгода* считать словосочетаниями [Там же: 280]. Свойства их как словосочетаний даже в современном русском языке позволяют подвергнуть сомнению предположения о цельноформленности этих образований уже в древнейший период (ср. [Качевская 1969: 325; Жолобов 2006: 313]). Но с другой стороны, *пол* не обладает полным набором свойств слов, передающих целые числа, поскольку на настоящий момент слово утратило парадигму и в связи с этим ведет себя как числительное только в И—ВП (ср. 8-е свойство числительных, по И. А. Мельчуку). Бывшие формы косвенных падежей слова, когда-то совпавшие в едином *полу*, в системе современного языка в образованиях типа *полувоза* относятся к *пол* (в образованиях типа *полвоза*) «вовсе не так, как одна падежная словоформа некоторой лексемы к другой падежной словоформе той же лексемы» [Мельчук 1985: 285]. Формальное рассмотрение статуса единицы *пол* в современном языке выявляет наличие целого класса дефектных парадигм — лексем с элементом *полу-*, использующихся только в косвенных падежах. Отсутствие начальной формы компенсируется сохранением в языке самостоятельного слова *пол*, управляющего счетной формой соответствующих существительных.

В итоге, сопоставление данных древнейшего и современного периодов русского языка показывает, что бывшая единая парадигма простого половинного квантитатива расщепляется на две языковых сущности. Внимание к грамматической специфике позволяет представить разницу в статусе слова *пол* в древнейшей письменной фиксации и в современном языковом состоянии в следующем виде (Таблица 1).

Такая кардинальная перестройка парадигмы, связанной со словом *пол*, происшедшая за десять веков, должна была проходить через ряд стадий. Слово *пол*, бывшее в изначальном половинном квантитативе вершиной словосочетания, должно было сначала утратить эту функцию. Нынешнее раздробленное состояние этой парадигмы отчасти подсказывает, через какую

---

⁴ Пример со словосочетанием *поль душегоубьства*, который в [СДРЯ: 99] в соответствии с его нецельноформленностью иллюстрирует слово *поль*², в СлРЯ XI—XVII дан в виде отдельной статьи [СлРЯ XI—XVII: 204].

Таблица 1

	XI—XIV вв.	XIX—XXI вв.	
И	поль voза	пол voза	—
Р	полоу voза	—	полуvoза
Д	полоу voза	—	полуvoзу
В	поль voза	пол voза	—
Т	польмь voза	—	полуvoзом
П	полоу voза	—	(в) полуvoзе

стадию проходило развитие. Современные формы (*полуvoза, полуvoзу, полуvoзом*) показывают, что на определенном этапе произошло перемещение вершины на существительное, — оно стало нести информацию о падеже, что сделало формы слова *пол* согласуемыми элементами словосочетаний⁵. Сохранение при этом вершины на *пол* в И—ВП косвенно указывает, что происшедшая перестройка оказалась осуществимой в рамках взаимодействия разных видов квантитатива в древнерусском языке.

Взаимовлияние разных счетных конструкций наблюдается уже в старославянских памятниках [Жолобов 2006: 25—27, 143]. Одной из причин этого является существование смешанных типов квантитатива: при сочетании составных числительных с исчисляемым, в том числе и при половинном счете (типа **polъ pęta desęte vozъ*), образовалась «комбинация малого и большого квантитативов» [Там же: 25]. В отдельных случаях в древнерусском материале наблюдается оформление малого квантитатива по образцу большого, обусловленное, видимо, необходимостью передать специфический оттенок значения [Там же: 107]. Однако основное направление взаимодействия типов квантитатива связано с экспансией малого: «В большом квантитативе уже в древнейших памятниках действует тенденция к обобщению нумеративной модели с соположением в количественных сочетаниях — по образцу малого квантитатива, где исконно выступало не управление, а соотношение членов, которое внешне совпадало с простым равенством падежных форм» [Там же: 27], ср. также [Дровникова 1959: 206; Багрянский 1962: 208]. В таких образованиях «числовые обозначения являются смысловым центром рядом с другим — названиями

⁵ Отметим, что формы половинного счета в РП не претерпели при этом никаких формальных изменений, ср.: *полоу voза* → *полуvoза*. В системе произошла реинтерпретация формы. Это значимый факт, поскольку в связи с применением в конструкциях с отрицанием (и с предлогом *без* при счете) РП мог по частотности выделяться на фоне других косвенных падежей слова *поль*, что в определенной степени способствовало произошедшему переосмыслению. Именно формы РП, по данным СДРЯ XI—XIV, давали в древнерусском языке адвербиализованные употребления (*из полуу, отъ полуу, съ полуу* [СДРЯ: 10]). По словам Л. Н. Дровниковой, для периода XIV—XVII вв. «однообразный материал деловых документов представляет эти [дробные. — Г. М.] числительные в форме родительного падежа» [Дровникова 1959: 212].

субстанций» [Жолобов 2006: 27]. Современные формы типа *полувоза*, *полувозом* являются отражением прошедшего влияния «нумеративной модели с соположением» на половинный квантитатив. Именно через стадию соположения с бицентричной организацией счетных образований должно было пройти самостоятельное и главное в словосочетании в любом падеже слово *поль* перед тем, как полностью утратить самостоятельность в составе косвенных падежей бывшего счетного сочетания.

Модель с равноправными нумеративным и субстантивным элементами широко применяется уже в период XIV—XVII вв. Косвенные падежи сочетаний типа *поль воза* в это время «являют собою изменение обеих составных частей сложного целого: *поль* представлено в форме *полу-*, а существительное — в форме соответствующего падежа» [Дровникова 1959: 211]. В этот же период наблюдается и дальнейшее развитие форм косвенных падежей. Следующая стадия утраты словом *поль* самостоятельности проявляется, начиная с XV в., в утрате показателя косвенных падежей (флексии *-y*) и применения в виде *пол* в любом падеже [Багрянский 1957: 60; Дровникова 1959: 213]. Поскольку речь идет о развитии слова *поль* под непосредственным влиянием категории числительных, то даже в примерах типа *без полчетверты* вряд ли для этого периода можно уверенно говорить о переходе *пол* в категорию морфем в составе сложных слов. Утрату склонения в подобных контекстах следует рассматривать в рамках общей для всех числительных тенденции к подобной утрате (не осуществленной полностью до настоящего времени). В примере *на триста возехъ* (1580 г., [Дровникова 1985: 100]) форма *триста* также выступает как неизменяемый компонент, однако не становится единой лексемой с последующим *возехъ*.

В случае с половинными числительными утрата склонения не приводит к утрате самостоятельности в силу морфосинтаксических особенностей этих образований. Тенденция к универбации в них сдерживалась рядом факторов: «Половинные числительные не употреблялись самостоятельно, а в сочетаниях с существительными, формы РП ед. числа которых диктовались словом *поль* и с которыми согласовывались именные формы порядковых числительных. (...) Слово *поль* 'половина' употреблялось и самостоятельно, что также препятствовало универбации половинных числительных» [Жолобов 2005: 206]. Исходя из наблюдений О. Ф. Жолобова, можно предположить, что универбация в современном языке осуществлялась в формах косвенных падежей в связи с устранением названных сдерживающих факторов: русский литературный язык XIX—XX вв. не использует половинный счет и не знает несвязанного употребления слова *пол*. Это приводит к тому, что элемент *полу-* в формах типа *полувоза*, *полувозу* «не является отдельной словоформой современного русского языка: это словообразовательный формант (...) по смыслу очень близкий к числительному *пол* или даже тождественный ему» [Мельчук 1985: 283]. В языке этот статус элемента *полу-* подтверждается тем фактом, что, в отличие от *пол* в И—ВП, «не может отделяться ничем (в частности, прилагательным)

от обозначения “исчисляемого”» [Там же: 284]. Подчеркнем непосредственную связь половинного счета и критерия отделимости: во многом именно постановкой дополнительного элемента (порядкового числительного в краткой форме) между словом *пол* и исчисляемым и обусловлена несовместимость конструкции половинного квантитатива с лексикализованными формами, использующими слово *пол*.

Стадия перехода парадигмы с участием слова *пол* в значении числительного в новое качество — расщепление на две дефектные парадигмы — не отмечается в упомянутых исследованиях, посвященных периоду XI—XVII вв. Важный для этого перехода фактор — использование половинного счета — остается, по словам Л. Н. Дровниковой, актуальным вплоть до XVII в. [Дровникова 1959: 207]. При его отсутствии в современном русском языке остается предполагать, что время его выхода из языка приходится на XVIII — начало XIX в. Особенности языка, сдерживающие переосмысление слова *пол* в языковой системе, по всей видимости, не прошли отбор, который производился в процессе формирования нового типа литературного языка в XVIII в. Но, как указывалось выше, именно материал XVIII в. оказался наименее задействованным до сих пор в вопросе об истории категории числительных в русском языке в целом, и поэтому не выявлена степень маргинальности различных свойств лексемы *пол* в ее формальном аспекте на последнем этапе существования ее в рамках самостоятельной парадигмы. Переходный момент в истории слова *пол* достаточно ясно реконструируется теоретически, но все же остается обобщенной реконструкцией без разбора конкретного языкового материала, который представлен более чем достаточным корпусом текстов.

Не до конца исследованным остается также семантический аспект в эволюции слова *пол*. В существующем исследовании этой проблемы [Востокова 1984] на материале XI—XVII вв. принимается разграничение смыслов, которые способно передавать слово *поль* в свободном и связанном виде. В свободном употреблении *поль* передает «числительные» значения — «ровно половина», «середина» и «одна из двух сторон»; общей особенностью употребления *поль* в связанном виде (как части сложных слов) признается способность его именно в таком виде развивать целый спектр значений, содержащих «качественную характеристику объекта номинации», т. е. указание «на подобие, сходство предмета, названного сложением, с предметом, обозначенным второй частью» [Там же: 90]. Между тем, приводимые исследователем примеры «качественного» употребления связанного *поль* грамматически разнородны: наряду с несомненными лексемами *полукафтань*, *полукрючье*, *полузолотной* в этот ряд включено и сочетание *полкубка*. Вполне в русле вышеописанной традиции описания основы *пол* с опорой исключительно на семантику, к связанным употреблением *поль* относятся примеры *польсуха створи*, *полкартоуна*⁶ [Там же: 92, 94];

⁶ Ср. *картаун*: «Большая осадная пушка с коротким стволом» [СлXVIII IX: 263].

из примера *полтики* выводится форма *полтика* [Там же: 94]. Группировка по значению, несомненно, продуктивна, однако, пренебрегая грамматическими особенностями *поль*, исследователь впадает в противоречие: утверждается, что область «качественных» значений *поль* свойственна его грамматически особой (связанной) разновидности, но самими примерами это как раз опровергается (как говорилось выше, случаи типа *полкартоуна* и для современного языка считаются словосочетаниями, тем более осторожным нужно быть с примером 1695 года). «Качественные» значения передаются грамматически разнородными средствами (словосочетанием и универбом). Такая непоследовательность лишает возможности проследить действительные стадии утраты самостоятельности элементом *поль* в разных его значениях.

3. Материал XVIII в.

Рассмотрение материала XVIII в. показывает, что окончательная перегруппировка составных частей парадигмы, унаследованной от количественных конструкций с *поль*, в XVIII в. еще не произошла. Современная норма употребления *поль* и производного от него аффиксоида *полу* отличается от картины, наблюдаемой по материалам КСXVIII. Эти отличия касаются как морфосинтаксических характеристик рассматриваемого элемента, так и их соотношения со смысловой структурой, передаваемой словом *поль*. Для более наглядного их рассмотрения материал, показывающий специфику примеров XVIII в., разбит на два раздела, посвященных соответственно формальному и смысловому аспектам проблемы. Использование слова *поль* в функции числительного рассматривается в контексте примыкающих к нему «числительных» значений 'середина', 'сторона', что позволяет показать ряд особенностей языка данного периода.

3.1. Грамматические особенности слова *поль*

Основными факторами, позволяющими слову *поль* сохранять лексическую самостоятельность, являются его функционирование в изолированном виде и в дистантной позиции, а также использование в языке конструкции половинного количественного (см. п. 2). Материал КСXVIII показывает, что для языка XVIII в. оба фактора остаются актуальными, однако их статус в языке, частотность применения, стилистические характеристики, по всей видимости, претерпевают на протяжении века значимые изменения. Рассмотрим их последовательно.

а) Изолированная и дистантная позиция

Слово *поль* в **изолированном виде** в XVIII в. встречается редко. Наиболее достоверные примеры относятся к рубежу XVII—XVIII столетий. Однако стоит отметить, что в таком виде слово отмечается в разных значе-

ниях. Оно может иметь значение ‘половина’ и ‘середина’: *Град Адринополь стоит в степи, пол его на горь, а пол на ровном мѣстѣ*. Пут. Лукьян. 224⁷ [1701—03]; *Потом выше на полу той же горы сдѣлана каплица*. Пут. Тлст. I 323 [1697—99]; ср. также в переводе цитаты из Ветхого Завета: *Се нѣсть ни полъ того, еже ми повѣдаша* (3 Царств, гл. 10). Телемак 1724 10⁸. Сочетание *на полу той же горы* во втором примере особенно значимо, поскольку в нем слово *поль* представлено в МП (а не в РП, дающем омографию форм квантитатива с управлением и согласованием). В этом контексте фиксируется управление род. падежом формы косвенного падежа слова *поль* — особенность, свойственная исконной парадигме малого половинного квантитатива; ее сохранение явно препятствует потере самостоятельности слова *поль* в косвенных падежах.

Отметим, что в первой трети XVIII в. такое управление отмечено и в контактной позиции: *Къ откупу прикладывать откупныхъ пошлинь по полуосмыа деньги съ рубля на годъ*. ПСЗ IV 255 [1704]; *Мы же платимъ въ казну великого государя ... по 20 алтынъ по полупяты денѣ съ двора*. ПСИ 316 [1708]⁹; *О полудни по полусемы версты уходили въ часъ*. ЖКФ 1715 1; *Сто шесть ящичковъ в нихъ по полудюжины ножей и вилокъ столовых черенье деревянное*. ТК Арх. 1720 2. Возможно, *поль* управляет РП (во всех отмеченных далее примерах слово *поль* само стоит в РП) также в однотипных контекстах с обозначением середины месяца из «Географии генеральной» (в аналогичной ситуации в современном языке может быть использовано только существительное): *Цвѣтеть ... несносной знои от полу мая до полу июня*. Геогр. ген. 439; *От полусентября стужа сѣльная до генваря продолжается*. Геогр. ген. 451 [1718]¹⁰. Словосочетание со словом *поль* ‘середина’ (а не универб) вероятнее всего предполагать и в следующем случае: *У рекрутъ какъ новыхъ такъ и старыхъ лбы и даже*

⁷ Ср. пример из СДРЯ XI—XIV, относящийся к XII в.: *събъравъшесѣ стоять коупно съ нимъ... полъ нхъ о дѣсноую, а полъ о лѣвоую*. Уст к. XII, 212 [СДРЯ: 99].

Сокращения источников КСХVIII и СлХVIII см.: Словарь русского языка XVIII века. Правила пользования словарем. Указатель источников. Л., 1984; «Дополнения к указателю источников» в нечетных выпусках СлХVIII. Полный список сокращений доступен также в электронном виде на сайте ИЛИ РАН: <http://iling.spb.ru/vocabula/xviii/sources.html>. Новые шифры СлХVIII, не вошедшие в опубликованные дополнения, раскрываются в постраничных сносках.

⁸ Фенелон Ф. Похождение Телемака: Русский рукописный перевод 1724 г. / Лингвистическое издание, словоуказатель, комментарии подг. В. М. Круглов: в 2-х т. Т. I. СПб., 2011.

⁹ Конструкцию *по полупяты денѣ*, видимо, следует рассматривать как гибридную — объединяющую две возможности построения словосочетания с *пол* (*по полу пяты денги* и *по полу пять денѣ*).

¹⁰ Ср. возможность в том же источнике выразить этот смысл и с помощью существительного: *От половины ноября лѣто начинается до половины февраля, от котораго осень ведется до половины мая*. Геогр. ген. 452 [1718].

до *полуголовы* волосы были выбриты. Пам. Забайк. 18 [1738]. Аналогичные конструкции еще встречаются в сочинении С. П. Крашенинникова: [Рыба] *заходит по ключамъ такъ далеко, какъ возможно, и стоит тамъ до глубокой осени, и даже до полу зимы*. Краш. ОЗК I 319 [1755].

Другой пример — конца XVIII в. — показывает, что управление в косвенных падежах в дальнейшем сохраняется в языке уже с постепенной утратой самостоятельности компонента *полъ* в значениях 'половина', 'середина'. В формально идентичном цитировавшемся сочетании — *полъ горы* («середина высоты горы») наблюдается модификация значения: *Сей городок построен в полу горы высокого холма*. Рдщв ПСС III 298. При сравнении цитат начала и конца века — из Толстого и Радищева — заметна разная степень слитности значения одинаковой формы. Если в контексте *на полу той же горы* словом *полъ* отдельно передан смысл 'середина высоты' (речь идет о горе), то в контексте *в полу горы высокого холма*, по-видимому, уже все выражение *полъ горы* имеет значение 'середина высоты' (речь идет о холме); слово *гора* здесь явно десемантизируется. Сравнение с более поздним примером подчеркивает аутентичный характер употребления начала XVIII в. Некишшированный смысл это же сочетание имеет в контексте, относящемся к первой трети века: *Сквозь городъ протекает ключевая вода, и вышла изъ полу горы, при низу которой стоит городъ*. Сойм. КМ I 426 [1730-е гг.]. Пример показателен еще и тем, что подтверждает раздельно-оформленность образования *полу горы* даже при контактной позиции: определительное придаточное предложение по смыслу соотносится только со вторым компонентом — *город стоит при низу горы*, а не **полугоры*¹¹.

Прямая параллель подобной эволюции наблюдается также при рассмотрении употребления *полъ* и в другом «числительном» значении — 'сторона'. В этом значении употребление лексемы в XVIII в. явно ограничено рамками устойчивого выражения *на онъ полъ* (*полъ* в значении 'сторона' явно менее тесно связан с нумеративной основой, чем в значении 'середина'). Однако наблюдается знаковая разница в функционировании этого выражения в начале века и в более поздний период. В первом случае выражение применяется в прямом смысле: *Едва съ великою нуждою преидохомъ на онъ полъ рѣки къ братии нашей*. Пут. Лукьян. 28 [1701—03]. В дальнейшем употреблении степень спаянности компонентов данного выражения вырастает за счет применения в метафорическом контексте: *Смѣло протекайте Сей краткой жизни путь. На онъ полъ поспешайте, Тамъ лучшая страна*. Рдщв СС I 177 [1806—11].

¹¹ Описанный процесс происходит на фоне использования уже с начала века универба в косвенных падежах: *Въ той въ полугорѣ монастырь Илии пророка*. Пут. Лукьян. 237 [1701-03]. *Дуга Ирисина... опирается на сей освященной полугорѣ и простирается до косогора на противъ лежащаго*. Гесн. Идил. 33 [1787]. *Въ той въ полугорѣ и въ нѣкоторомъ отдалении, увидѣлъ онъ нашу прекрасную ротунду*. Зап. Блтв IV 39 [1785-95]. *Осталась позади одна Царица мать, Не могли далье полугоры шагать*. Богд. 36 [1799].

Рассмотренная модификация значения выражений *поль горы*, на *онъ поль* в пределах XVIII в. дополняется другими примерами бытования слова *поль* в изолированном виде только в составе адвербиализованных выражений во второй половине XVIII в. В примере петровской эпохи: *по прежнему уставу за доимку двор и пожитки оберут, да оценив **впол** или в треть или и в десятую долю, да и продадут*. Псш. КСБ 159 [1724] — адвербиализация не завершена (ср. однородность *пол* в данном контексте с существительными *треть*, *доля*). В более поздних примерах наблюдаются только адвербиализованные употребления: *Съ ристания, отъ конскихъ ногъ Скоциль, на **пблы** рассѣкаясь... Копыта оный твердый рогъ*. Трд. СП II 147 [1752]; *⟨Гион⟩ видитъ нѣчто, въ **поль** закрытое листьями, подобное дынямъ*. Оберон 159; *Непривыкшей рукъ все кажется тяжко, и не сѣбляетъ ни въ **полы** противъ работника*. Оберон 189 [1787]; *Симъ составомъ намажь слегка, чтобъ онъ [кружева] въ **поль** смочены были*. Сл. комм. I 194-195 [1787—92].

Еще в одном примере первой трети XVIII в. отдельное употребление *поль* не связано с адвербиальностью: *Обыкновенно в девять и **пол** идут к столу ужинать*. АК II 202 [1710]. Однако этот пример, в отличие от прочих, появился под иноязычным влиянием: он передает смысл, для которого существует оригинальный славянский способ передачи — конструкция половинного счета. Такое употребление, тем не менее, традиционно, поскольку применялось в случаях калькирования и в предыдущий период: «В переводных памятниках используется также иной образец половинного счета — с прибавлением *поль* ‘½’ к числу, обозначенному количественным числительным» [Жолобов 2005: 205] (с примерами XI в.). Таким образом, этот пример тоже можно считать показательным для истории слова *поль*: такая передача иноязычной счетной конструкции, существовавшая уже в XI в., остается актуальной в первой трети XVIII в. Влияние иноязычных образцов особенно актуально для языка XVIII в. и в дальнейшем при разборе примеров аутентичность той или иной особенности, связанной с функционированием *поль* и его производных, может быть установлена только при наличии непереводных примеров¹².

Приведенный пример из Путешествия Толстого демонстрирует еще одну важную особенность — **дистантное** по отношению к существительному *гора* **расположение** слова *поль*. Современный язык сохранил эту способность только для *пол* в позиции И—ВП. В XVIII в. приведенный пример в косвенном падеже не единственный, ср.: *На семена надобно 234 четьи безъ четверика и полполчетверика и **полполмалого четверика** ржи*.

¹² Вероятно, под влиянием немецкого языка возникает устойчивое сочетание *поль человека* в значении ‘центр, середина человеческого тела’. В переведенных с немецкого воинских уставах встречаются такие контексты: *Когда все шеренги стреляют, то нельзя хорошо целить в **полчеловека***. СУ I 137; *Пикинер нападает на неприятеля, держа копье в **полчеловека***. СУ I 137 [1737-39]. В конце века соответствующее сочетание фиксируется в словаре: *Auf den halben Mann anschlagen, ружьемъ, въ **пол-человѣка** стрѣлять, цѣлить въ средину кого-либо*. Ад. I 745 [1798].

ПСИ 33 [1700]; *Прибы(л)ны(х) пя(т)на(т)цать рублейъ три(т)цать копеекъ с пол(у) и с по(л)по(л)денгои*. ТК Слвчг 1722 306об.; *Платков шелковых ... не надлежит же покупать нам, потому что и в них токмо одна денежная истрата, а самые потребности ни полу нужные нет*. Пеш. КСБ [1724]; *Ex incepto verbo quid velim percipit. Онъ и по полу, и по половинѣ слова знаетъ, догадывается, что я сказать намъренъ* ЛВ¹ II 439 [1764]; *На каждую малую кожу требуется по полу, а на большую по фунту сандалу*. Пут. Леп. I 42 [1771]; *...нить каждое утро по полу или четверти бутылки*. Паллас ОР 22 [1786]. В двух приведенных примерах форма *полу* не обозначает точной половины (1724 и 1764 гг.), причем в последнем случае она переводит иноязычное выражение. Важно отметить, что при этом латинский оригинал не содержит элемента, имеющего значение «половина» в том или ином смысле. Слова *по полу...* слова передают латинское *ex incepto verbo*, т. е. буквально «из (едва) начатого слова». По всей видимости, С. Волчков переводит латинское выражение, не прибегая к калькам и используя семантические возможности русского слова *поль*, способного передавать в XVIII в., как будет показано ниже (см. п. 3.2.), ряд качественных значений не только в формате аффиксоида.

В двух примерах приведенного списка (1764 и 1786 гг.) исчисляемое существительное оказывается несогласованным с *поль*, но, как и в приводившихся выше цитатах, стоит в форме РП, однако в данных случаях это обусловлено сочетаемостью не слова *поль*, а синтаксически однородных ему существительных (*четверть, половина*) с количественным значением. Возможность употребления слова *поль* в косвенных падежах в ряду однородных членов с другими существительными (с количественным значением) также является отличием языка XVIII в. от современной нормы.

Из всех отмеченных примеров дистантного расположения слова *поль* по отношению к исчисляемому вставка прилагательного отмечена только в примерах первой четверти века (1700 и 1724 гг.). Это может быть одним из признаков завершающей стадии существования полной парадигмы половинного квантитатива; по-видимому, такое условие раздельнооформленности компонентов половинного счета, как возможность вставки прилагательного, является допустимым только в начале рассматриваемого периода; в дальнейшем наблюдаются только рудименты этого явления. Контекст 1786 г. с употреблением исчисляемого с определением в косвенном падеже в составе квантитативной конструкции показывает, что в таком случае прилагательное тяготеет к постпозиции: *Сюда кликнули меня отъ постели богатаго купца, страждущаго отъ индигестіумы, причиненной ему отъ двухъ сотъ устриць, да получерепахи Американской, которыхъ онъ вчерась за обѣдомъ скушалъ*. Ек. II Обманщик 26 [1786]. В постпозиции находится определение также и в случаях употребления квантитатива в И—ВП: *Съ жару бѣ не сгорѣтъ въ полвѣка моего*. Држ. III 361 [1776]; *Ужъ солнце полпути свершило своего*. Княж. Дид. 10 [1787]; *Отъ города въ полторѣ верстѣ, пол-деревни Билдюхиной, по 4 ревизіи мужеска пола 42 души*. МВ 1795 54.

Рассмотренный материал показывает, что изолированная позиция слова *поль* в косвенных падежах постепенно исчезает из употребления именно на протяжении XVIII в. В текстах первой трети столетия в разных жанрах (путешествие, деловые тексты) встречаются контексты, подтверждающие возможность несвязанного употребления словоформы *полу*, ее способность управлять формой РП. В последующий период подобные явления становятся возможными только в составе устойчивых выражений.

б) Конструкции половинного квантитатива

Рассмотрим особенности слова *поль* в функции числительного. В текстах XVIII в. достаточно широко представлен тип конструкций, в котором *поль* по необходимости расположено дистантно по отношению к исчисляемому, — сложный половинный квантитатив. В предшествующий период эта конструкция могла образовываться от единиц разного порядка — передавать дробные числительные первых двух десятков либо при сочетании с числительными следующих разрядов выражать значение ‘половина десятка’, ‘половина сотни’ и т. д. [Шахматов 1957: 149—150; Багрянский 1957: 45; Дровникова 1959: 209—211]. В активном употреблении в XVIII в. сохраняются подобные образования от единиц первого десятка. При этом образцы половинного квантитатива сохраняют способность к формоизменению: в И—ВП используется элемент *поль/пол*, а в косвенных падежах — форма *полу* (хотя утрата склонения проявляется у числительных уже по крайней мере с XV в., см. п. 2; ср. примеры XVIII в. у И. Н. Дьячковой — [2009: 189—190]).

По данным КСХVIII, дробные обозначения первого десятка представлены следующими примерами: *И такъ сей приступъ продолжень былъ въ непрестанномъ огнь 13 часовъ, а именно: отъ **полчетверта** часа съ утра, до **полунята** часа послъ полудня*. Кн. М. [1713]; *Жили на пристани **польсеми** недѣли*. Пут. Лукьян. III 255 [1710-е гг.]; *По понедѣлникамъ по **полчетверта** фунта говядины*. УВМ 231 [1715]; *Въ остаткѣ ... 9 алт(ын) **пол-пяты** деньги*. ДПС VI 1716 40; *Полярная свѣзда ... въ нынѣшнее время въ такомъ маломъ кругу точію **поль** 3 градуса отъ Полюса отстоитъ*. Кн. мир. 22 [1717]; *Обратить глобусъ къ востоку, то укажетъ указатель на **польосма** часа*. Георг. 1719 417; *Сѣдязему челоѵкку ... до поясницы отъ плеча **польосмы** мѣры*. Псш. Завещ. [1720]; *Воинамъ подобает ... иметь ... ратовище аршина в три или в **полчетверта***. Псш. КСБ [1724]; *Курахшара (от русских Голков острожек называемой), на правом берегу Крушчъ речки, от того места, где мы к ней приехали, в **полупретье** версте*. Краш. ОЗК¹ 659 [1739]; *Бежали на час по два и по **полпретья** узла, а от б часов по п[олудни] по три, по четыре и по **полпята** узла*. Краш. ОЗК¹ 637 [1741]; *Величиною (рыба) бываетъ аршина по полтара, а въсомъ до **полупретья** пуда*. Краш. ОЗК I 314 [1755]; *Я въ **полчетверта** часа буду, приду*. ЛВ¹ I 683 [1755]; *«Студентъ» приводит в порядок по моим указаниямъ центрические обсервации, чиненные чрез **полпята** года*. Лом. СС IX 301

[1759]; *Въ полдевята часа въ другой разъ благовъстить начали*. Спб. в. 1760 № 92; *Въ полдевята часа съли мы ужинать*. Зап. Пор. 132 [1766]; *Въ Кананое... поѣхали въ полсема къ Выборгу*. Пут. Биб. 72 [1769]; *На корабль ... я былъ полчетверта года, подъ повелѣніемъ капитана Авраама Панелла*. Гулливер 3 [1772]; *Сдѣлай ящичекъ 18 ступеней длиною, 8 шириною, полтретьи глубиною изъ дубовыхъ досокъ*. Егер 388 [1779]. *Въ полчетверта кушанье давать*. Дв. купец 143 [1780]; *За полтретьи версты была деревишка Вязки*. Пут. Зуева 18 [1782]; *Полдевятá, achtehalb, huit et demi*. Нрд. II 590 [1782]; [Граф:] *Сколько у полусемы сабаки безъ ноги ногъ?* Фомушка 200 [1785]; *Achthalb Ychäffel, польосма четверика*. Ад. I 45 [1798]. Об активности данных конструкций свидетельствует возможность образования прилагательных с их участием: *Жерело ихъ (снарядов) токмо толь веліко дѣлается, чтобъ толко въ нихъ двухъ, ілі полутретья лотовый пулкѣ саряжать возможно было*. Арт. Брауна 153 [1709]; *Должно ему (повествованию) имѣть обиліе не обременяющееся чрезмѣрностію, ни непрерывнымъ нанизываніемъ Сложныхъ и Пресложныхъ, какъ полтара и полтретья аршинныхъ, Существительныхъ Именъ и Прилагательныхъ*. Трд. Тилем. I XXXVI [1766]. Также наблюдаются примеры для единиц второго десятка (в том числе при счете тысячами): *Велено ему отпустить в Посолской приказ червонных золотых полодинадцати тысячь*. ПБП VIII 993 [1708]; *Въ 8-й день подняли корабль отъ полу 12 футъ до 8 ¹/₄, и прошли чрезъ банкъ*. Ж. Син. 356 [1705—12]. *Полдвенáтцата*. Грам. Брsv 508 [1788]; *Eilfthalt... Польодинадцата, десять съ половиною*. Ад. I 420 [1798]. В КСХVIII отмечены только примеры для чисел 11 и 12. В работе И. Н. Дьячковой приводится также пример 1709 г. для 13: *угломъ въ полдвенатцата до полтринатцата [градуса]; сверхъ сухаго два полътретьянадесять фута* [Дьячкова 2009: 185]. В примере 1708 г. использовано количественное числительное вместо порядкового (ожидалось бы *пол одиннадцаты тысячи*). В том же документе встречается и морфологически иное оформление этого образования, с неизменяемой второй частью: *(Дьяк Иванов) отпустил в Посолской приказ денег за полодинадцать тысячь червонных золотых*. ПБП VIII 993. Это можно рассматривать как свидетельство утраты самостоятельности элементом *поль* при счете единицами второго десятка.

Для рассмотренных примеров можно говорить об определенном снижении активности употребления половинного квантитатива во второй половине XVIII в. Половинные числительные второго десятка в этот период отмечаются только в метаязыковых контекстах — в составе грамматики и словаря¹³. И. Н. Дьячкова говорит о сохранении в узусе к концу века, по-

¹³ Возможно, показательна ошибка, сделанная И. Нордстетом в процитированной словарной статье: *полдевята* он переводит немецким *achtehalb* ‘семь с половиной’ и французским *huit et demi* ‘восемь с половиной’. В словаре Х. Аделунга дано правильное соответствие: *полосма* — *achthalb*.

мимо числительного *полтора*, только формы *полтретья* [Дьячкова 2009: 187]. Во второй половине XVIII в. в имеющихся материалах КСХVIII заметно вырастает доля употребления половинного счета для обозначения часа времени (подобных приведенным контекстам 1760, 1766, 1769, 1780 гг.). Именно в этом узком значении (хотя не с краткими, а с полными порядковыми числительными) половинный счет сохранился в современном языке (для XVIII в. см. подобные примеры ниже, в сноске 16). Язык второй половины XVIII в. оказывается непосредственным переходом к современному идиоматизированному употреблению.

Активность половинного квантитатива в первой трети XVIII в. проявляется в употреблении целого ряда специфических форм половинного счета. Во-первых, наблюдаются его формы с количественными числительными вместо порядковых в своем составе. В таких образованиях используются числительные *один* и *два*: *Въ томъ городѣ Филехъ прежде моего прѣзду за семь лѣтъ было трясеніе земли полдва часа*. Пут. Тлст. I 336 [1697—99]; *В 5-й день Его Царское Величество изъ Фридрихштата изволилъ иттить въ Гузенъ, разстояніемъ пол-2 мили*. Походн. журн. П. 9 [1713]; *Адмиралтейскаго приказа корабельныхъ 173 руб. 2 алт. поль-двѣ деньги и пол-пол-одной деньги*. ДПС V 996 [1715] (см. также приведенные выше примеры счета десятками)¹⁴.

Последний пример показывает вторую особенность, наблюдаемую только в первой трети XVIII в. в памятниках делового жанра, — повтор элемента *пол* для обозначения более мелких дробей. Это явление наблюдается в деловой письменности XVI—XVII вв. [Багрянский 1957: 45]. В КСХVIII представлены примеры: *467 четви съ осминою безъ четверика и полполполчетверикъ и полполполполполполполчетверика овса*. ПСИ 33 [1700]; *Перекупныхъ полняты денги и полполденги*. ТК Верховаж. 1710 8¹⁵; *3 алтына 3 денги съ пол-полуденьгою*. ДПС VI 165 [1716]; *Крупъ 716 четви безъ пол-пол-четверика*. ДПС VI 232 [1716]; *Пять алтынъ полтары денги с полполуденьгою взято*. ТК Болхов 1725 27 и др.

В-третьих, в первой трети XVIII в. наблюдается более активное, чем в последующий период, образование половинного квантитатива при счете единицами других порядков¹⁶ — десятками: *Жиль унихъ Чюкочь въ полону*

¹⁴ И. Н. Дьячкова на с. 190 приводит также пример из «Географии генеральной» 1718 г., в котором в качестве второй части числительного используется существительное, обозначающее дробь: *Продолжился же той шумъ черезъ полчетверть часа доколь до глубочайшихъ ямъ прошелъ*. Геогр. ген. 324.

¹⁵ Из материалов И. А. Малышевой.

¹⁶ Интересную форму — сочетание *поль* с полной формой числительного в косвенном падеже — содержит переведенная с латыни Ф. П. Поликарповым «География генеральная» Б. Варения: *Способы [определения долготы] таковы быти должны, дабы во изслѣдовании еще полутридесятая части часа погрѣшность предъохраняться можетъ*. Геогр. ген. 526 [1718]. Здесь числительное *полутридесятый* передает латинское *semitricessimus* '1/15'. Вероятно, не имея латинского оригинала,

⟨Иван⟩ *лѣтъ съ полтретьядцать*. ПСИ II 530 [1710]; сотнями: *Наряжено полтретьяста человекъ, и хотятъ де идти на три дороги войною подъ Томской*. ПСИ 18 [1700]; *Подбѣжали ... Башкирцы подъ Песчанскую слободу человекъ ста съ полтретья*. ПСИ 329 [1709]; и тысячами: *Сократу витіе дали поль 3000 червонныхъ золотыхъ*. Апофегм. 155 [нач. XVIII в.]; *Баварскаго войска не болии полудевяты тысячи человекъ*. Вед. 53 [1703]; *Взяв те денги, заплати из них Саве Рагузинскому за полшесты тысячи червонных .. Отдай Саве Рагузинскому за ево данные вексели, буде денгами не примет, полшесты тысяче*. ПБП VIII 993 [1708]; *Нынѣ ⟨Иван Парфентьев⟩ извести привезъ на 9 судахъ .. тысячи съ пол-третьи*. ДПС VI 579 [1716]; *Долговъ на мнѣ осталось послѣ бумагъ больше 3000 рублей; но женитьбою моею оплатилъ съ полтрети тысячи рублей*. АК II 429 [1723]. Более поздние примеры: *Отсюду до самой Ини рѣки верстъ на полчетверта ста нѣтъ никакихъ примѣчания достойныхъ рѣчекъ*. Краш. ОЗК I 89 [1755]; *От Якуцка до Анадырскаго острогу разстояние будетъ съ полтретьи тысячи верст*. Док. тих. эксп. 260 [1750]; счет миллионами: *Маршаль де Белиль уступилъ свое герцогство Гизорское за полтретья милиона Его Христианнѣйшему Величеству*. Спб. в. 1760 24.

И четвертая группа форм, специфических для начала века, — наречия на базе половинных числительных. В исследовании И. Н. Дьячковой приведен пример *полдевятаяжды* из «Арифметики» Л. Магницкого 1703 г. [Дьячкова 2009: 185]. В этом сочинении употребляются и другие однотипные образования: *Купилъ полторажды, полтора аршина, далъ полтретьяжды полтрети гривны: колико дати за полдевятаяжды полдевята аршина*. Арифм. Магн. 112 [1703].

Возможно, завершающая стадия бытования конструкций половинного счета в рамках литературного языка относится к рубежу XVIII—XIX вв. Косвенно об этом свидетельствует разница в способе представления этих элементов в словарях САР¹ и САР². В САР¹ даются отдельными статьями половинные числительные первого десятка, ср.: *Полседма* и *Полсема*. *Шестъ съ половиною*. *Полсема фунта*. САР¹ V 405; *Полдевята*. *Число, означающее восемь съ половиною*. *Полдевята аршина, четверика*. САР¹ II 574;

читатель петровской эпохи мог интерпретировать эту форму и как '1/25'. И. Н. Дьячкова приводит еще один пример использования половинной формы с полным числительным в этом же переводе: *Усмотрена была высота воды превысокая въ полторомъ надесять часъ, сирѣчь близъ полудня*. Геогр. ген. 167. Исследователь объясняет появление этой формы «влиянием адъективного склонения» [Дьячкова 2009: 189]. Однако и в этом примере, по всей видимости, Ф. Поликарпов ориентируется на латинский оригинал, переводя таким способом слово *sesquidecimus* ('одинадцатый с половиной'). В данном контексте переводчик во избежание двусмысленности не копирует оригинал дословно. В КСХVIII есть еще один пример употребления половинного порядкового числительного в первой трети века в деловом памятнике: *Сто бревень сосновыхъ длиною по(л)че(т)верты(х) сажень в отрубѣ в шесть и в семь верико(в)*. ТК Арх. 1725 56.

Полдесята́, числ. Девять съ половиною. *Полдесята аршина сукна*. САР¹ П 661 и др. (ср. также представленность этих образований в словарях последней трети XVIII в. Нрд. и Ад.). В САР² эти образования получают помету «в простор.»: фиксируется их постепенный уход на периферию литературного языка. Однако до середины XIX в. еще возможны упоминания половинного счета как свойственного русскому языку [Дровникова 1959: 214].

в) Участие слова *пол* в составных числительных

Слово *поль* в XVIII в. проявляет свойство числительных из списка, приводимого И. А. Мельчуком, нехарактерное для современного русского языка. Оно формулируется следующим образом: «Соединяться с другими Num [т. е. числительными — Г. М.], образуя “составные Num”», причем в современном русском языке этим свойством обладают «все Num, кроме ПОЛ¹, ПОЛТОРА, ОБА, ПОЛСТА и лично-количественных» [Мельчук 1985: 268]. О возможности участия *пол* в составных числительных в языке XVIII в. свидетельствуют примеры: *Явилось ... за Смоленскими мѣщаны .. новоросчитныя, волочныя и морговья земли 42 съ полуволокою, да 78 морговь (земли) съ полморгомь*. ПСЗ III 447 [1698]; *Сеи кругъ имѣеть разстояние свое отъравнителя дватцать три градуса и тридесать одну и поль минуты*. Геогр. 1719 4; *Град амстердамъ стоитъ на пятьдесятъ второмъ и полу градусѣ*. Геогр. 1719 7. Во всех приведенных примерах *поль* сочетается с заимствованными существительными. Это, а также переводной характер приведенных контекстов 1719 г. позволяет объединить их с ранее приведенным контекстом из архива кн. Ф. А. Куракина (*въ девять и поль*). По всей видимости, существование подобных форм счета в русском языке обусловлено влиянием со стороны иноязычных образцов. Но нельзя не обратить внимание также и на то, что все примеры относятся к первой трети XVIII в. При не меньшей интенсивности переводческой деятельности в последующий период можно предположить, что неупотребительность в дальнейшем слова *поль* в составных числительных связана с изменением грамматического статуса *поль*. Разница в освоении в разные периоды XVIII в. иноязычных слов, связанная с переменами в состоянии лексической системы принимающего языка [Биржакова и др. 1972: 14], по-видимому, должна проявляться и в грамматической адаптации заимствований. Недостаточность цитатного материала требует дальнейших разысканий в поддержку или опровержение приведенного суждения о роли составных нумеративных образований в реконструкции истории слова *поль* в русском языке XVIII в.

г) Итог

Можно подвести итог приведенным выше данным. Слово *поль* в «числительных» значениях («половина», «середина», «сторона») еще обладает лексической самостоятельностью в первой половине XVIII в. и демонстри-

рует признаки ее утраты в дальнейшем. Кроме того, примеры показывают, что числительное *пол* (‘половина’) в XVIII в. (по большинству параметров — в первой трети столетия, с сохранением половинного квантитатива для единиц первого десятка — и в остальной период) проявляло важное свойство числительных, отсутствующее в современном языке. Как и современные числительные, оно могло «соединяться с S [с исчисляемым — Г. М.] специфическим образом, требуя от S родительного падежа, если вся группа ⟨...⟩ стоит в именительном или винительном падеже, и согласуясь с S в падеже во всех прочих случаях: *возьмем два числа vs. с двумя числами*» [Мельчук 1985: 268]. Иными словами, *поль* могло оставаться числительным, т. е. самостоятельным словом, а не элементом сложного слова, независимо от синтаксической позиции. Из приведенных выше цитат на *поль* в значениях ‘половина’, ‘середина’ подбирается полная парадигма слова: *поль* (ИП) — *от полу* (РП) — *по полу* (ДП) — *в поль* (ВП) — *с полу* (ТП) — *на полу* (ПП).

Таблица 2

ИП	надобно ... пол малого четверика ржи
РП	изъ полу горы / у полусемы сабаки
ДП	по полудюжины / по полу , а на большую по фунту сандалу
ВП	в девять и пол идут к столу
ТП	с полу и с полполденгой
ПП	на полу той же горы / на пятьдесятя второмъ и полу градусъ

Парадигма, приведенная в Таблице 2¹⁷, является одним из промежуточных вариантов по отношению к двум крайним (древнейшему и современному), приводившимся в Таблице 1. В РП, ДП и МП в первом примере *поль* управляет существительным (см. выше комментарии к соответствующим примерам), а во втором — согласуется. Закономерно в большей степени вариант с управлением свойствен слову в значении ‘середина’ (*изъ полу горы; на полу той же горы*). Для любого из падежей слова в зна-

¹⁷ Необычная парадигма для форм составного половинного квантитатива приводится М. В. Ломоносовым. Он предлагает склонять эти формы как «прилагательные во множественном числе»: *полтретья* (И—ВП) — *полтретьихъ* (РП) — *полтретьимъ* (ДП) — *полтретьими* (ТП) — *полтретьихъ* (ПП) [Ломоносов 1952: 477]. Подобных форм в материалах КСХVIII не зафиксировано. По множественному числу могли согласовываться лишь формы И—ВП, ср.: *Цѣлые полгода слѣдую я за вами по церквамъ*. Хр. бес I 46 [1763]; *На двѣрцы съ пѣтями желѣза четыре лисфунта, Россійскихъ поллуда, по 6 талеровъ*. Смол. печи 93 [1778]; *Вѣдь полсѣла та наши велики*. Плв. Бобыль 74 [1792] (и соответственно, можно ожидать сочетания типа *цѣлье/цѣлыхъ пол третья года*). Возможно, Ломоносов попытался перенести эту синтаксическую особенность числительных на всю парадигму, не учтя, что в косвенных падежах половинный квантитатив изначально имел формы порядковых числительных в единственном числе.

чении 'половина', в которых представлен вариант *полу*, возможен вариант в виде несклоняемого *пол* (о неспецифичности этой черты для лексемы *поль* в кругу других числительных говорилось выше).

Таким образом, у элемента *полу* в XVIII в. еще не было устойчивого употребления только в виде связанного корня. Это снимало еще одно ограничение, касающееся облика слова *пол* в составе сложных лексем. Исследователи отмечают редкость для современного литературного языка употребления слов с *пол* (а не *полу*) в косвенных падежах сложных слов [Осовская 1971: 58], а также их явную соотнесенность с разговорной речью, т. е. с ослабленным вариантом нормы [Граудина и др. 1976: 260; Мельчук 1985: 132]. В то же время в текстах XVIII в. сложные слова с *поль* в косвенных падежах функционируют хотя и менее активно, чем с *полу*, но, по-видимому, независимо от жанра¹⁸. Они допустимы в высоких жанрах: *Умомъ и красотой — владычица полсвѣта*. Држ. III 301 [1806]; *Еще въ полкругахъ нѣкій громъ Чертитъ сребристыя бразды*. Бобр. Херс. 261; *Екатерина съ пол-богами, ... До черныхъ волнь свой путь свершивъ, Стопной священной ихъ почтила*. Бобр. Херс. 17 [1804]; ср. также в «Лексиконе трехязычном» Ф. Поликарпова: *Полгрекъ, полугрекъ, ἡμίᾱλλον, semigraecus*. ЛП 19 (2 паг.) [1704]. Возможны они и в нейтральных прозаических текстах, не ориентированных на разговорную речь: *Никоторой бы драгун безъ вѣдома своего началника, полполковника, или мазора... никуда въ походѣхъ воинскихъ отъ полку на полверсты... не отлучались*. ПСИ 293 [1706]; *Дану бывшу полдиаметру солнца, земли, ... изслѣдовати часть земли, которую солнце освѣщаетъ*. Геогр. ген. 498 [1718]; *Цилиндры въ полсферѣ написаны въ полсферѣ окончатъ*. Эвклид 279 [1739]; *Долгий слогъ буде изобразится Тактомъ, а краткий Полтактомъ*. Арг. II 605 [1751]; *Съ публичнаго торгу продано быть имѣть оставшееся послѣ ... подпоручика Осипова ... Дайковской волости въ полдеревнѣ Краснаго Люда ... недвижимое имѣние*. Спб. в. 999 [1769]; *Вари каштаны въ полстаканѣ вина бѣлаго*. Сл. пов. 211 [1796]; *Нашел я ... прекрасныя три комнаты за полгинею въ недѣлю*. Крм. ПРП VI 105 [1801]; ср. также в одном и том же источнике: *Пить онаго [вина] должно только по полурюмкѣ нѣсколько дней сряду*. Сл. нат. ист. I 59; но: *Смѣшай по полрюмкѣ¹⁹ орѣховаго масла и*

¹⁸ Ср. также приведенные в грамматике А. А. Барсова параллельные формы с *пол/полу* для отдельных падежей в разделе «О склонении сложных имен» [Барсов 1981: 516].

¹⁹ В примерах типа *по полустакану, по пол(у)рюмкѣ* при сохранении в языке форм половинного квантитатива еще нельзя быть до конца уверенным в том, что перед нами не словосочетания (система предполагает возможность употребления типа *по пол(у) пята рюмкѣ*, критерий делимости для элемента *полу* продолжает действовать, ср. рекомендованность подобных элементов в САР¹). Однако ввиду описанной эволюции парадигмы, связанной со словом *поль* (снижением активности половинного счета), скорее следует предполагать здесь уже совпадающее с современным положение этих примеров в системе языка. При отсутствии форм *полу-*

полыннаго соку. Сл. нат. ист. II 113 [1788]; *На полдороге*. Рдщв ПСС III 283; но: *На полудороге*. Рдщв ПСС III 284 [1797].

Отдельно можно отметить ту же вариативность в частотных словах *полдень* и *полночь*. В языке XVIII в. они функционируют как цельно-оформленные лексемы: в прямых падежах не допускается управление РП, свойственное предшествующему периоду [СДРЯ: 104—105]. Свободнее всего употребление *пол-* в косвенных падежах слова *полдень* допускается в первой половине XVIII в., ср.: *Диоге(н) ... с возженною свѣщено по торгу в Авиныхъ ... посредь самого полдни ... ходяше*. Буж. Пропов. 301 [1715]; *Бывшу же полдню, выѣхаша съ Москвы конныхъ въ строю полка съ два*. Пов. о слоне 170 [20-е гг.]; *Напрасно симъ не надобную нѣжность наблюдающимъ въ Рѣмъ, тогда искать полдня, когда солнце садится*. Трд. СРС 21 [1735]; *Еще не было полдня*. Кнт. Сат. 130 [1737] (но: *Евгений спитъ до полудня*. Кнт. Сат. 56 [1730]); примеры на *полночь* более поздние: *Госпожа... Подымала прежде полночи Служанокъ, ткать*. Трд. СП I 220 [1752]; *Достигло дневное до полночи свѣтило*. Лом. ПВ 9 [1760]. Во второй половине XVIII в. активность варианта с *пол-* заметно снижается. Он применяется преимущественно в словах *полдень* и *полночь* в значениях сторон света и чаще в поэтических текстах: *Сучья и черенки надлежитъ рѣзать... особливо тѣ, кои стоятъ къ востоку и къ полдню*. Сад. 13 [1779]; *Къ полночи въ тотъ день могъ бы быть редуть или клубъ, ... или бы гдѣ нибудь балъ*. Н. Стрхв Кн. карм. III 5 [1791]; *А съ полднемъ новая картина: Садъ превратился въ храмъ*. Дмитр. II 40 [1794]; *Тщетно духи благотворные, И на полднѣ, и на сѣверѣ Обновляли храмы совѣсти*. Нклв Тв. I 325 [1795]; *Солнце къ полдню обратилось*. Кстрв Соч. 97 [1802]; *Вотъ нѣкоторое изображение Херсониса — ... и туда лучъ разсвѣта полночи недавно проникнулъ*. Бобр. Херс. 5 [1804]²⁰.

Сходным образом *пол-* как аффиксоид представляет некоторую конкуренцию для *полу-* в прилагательных с этим элементом. Материалы КСХVIII показывают, что в XVIII в. в большей степени были употребительны прилагательные типа современного *полночный*. Употребляются

рюмка и *полустакан* в языке с уходом на периферию ранее препятствовавших этому факторов постепенно образуются дефектные парадигмы сложных существительных. Косвенно такой статус рассматриваемых элементов подтверждает, например, их грамматическая квалификация в пособии А. А. Барсова. Он рассматривает как примеры типа *полгода*, так и формы *полугоду*, *полугодам* и т. п. в рамках единой парадигмы в разделе о склонении «сложных имен», причем отмечает, что на фоне других сложных имен эти примеры «склоняются не правильно» [Барсов 1981: 516]. Очевидно, А. А. Барсов испытывает те же сложности, что и кодификаторы XX в., о чем подробно говорилось в п. 2. Разница заключается только в том, что варианты с *пол* в косвенных падежах еще не расцениваются как ненормативные.

²⁰ См. также примеры в словарных статьях *полдень* и *полночь* в [СлXVIII XXI: 160, 179].

лексемь: *полъаршинный, полгласный, полгнилой, полгодичный, полденный, полдневный, полжареный, ползвѣриный, полкомплектный, полмертвый, полмѣсячный, полоружный, полотверстый, полпокрытый, полполтинный, полпрозрачный, полпьяный, полсвѣтный, полсокрытый, полтрепещущий, полхромой*²¹.

Иные, чем в современном языке, взаимоотношения элементов *пол-/полу-* в функции аффиксов являются следствием не совпадающего полностью с современным положением слова *поль* и его парадигмы в системе языка XVIII в. Их можно отнести к явлениям, связанным с относительно недавно начавшимся уходом на периферию языка числительного *поль* как полноценной лексемы. Такого же рода рудименты выявляются и при анализе способов выражения в XVIII в. спектра значений лексемы *поль*.

3.2. Семантические особенности слова *поль*

Актуальность для языка XVIII в. тесной связи лексемы *поль* с количественными парадигмами отражается на способах ее оформления в разных значениях. Материалы КСХVIII показывают, что в данный период счетная конструкция более активно конкурировала с аффиксоидом. Фактически весь спектр значений слова — связанных с идеей счета и переносных качественных — в XVIII в. может выражаться с применением счетной конструкции. Значения, специфические для аффиксоида *полу-* [БТС: 907; Козулина и др. 2009: 191—192; БАС: 531] и выражаемые в современном языке только путем прибавления аффиксоида, фиксируются в КСХVIII в И—ВП для несвязанного слова *поль*.

Различие между качественными употреблениями слова *поль* связано с разной степенью близости данного элемента к точному значению ‘половина’ [Востокова 1984: 93—99]. Наиболее близки к нумеральному значению случаи, связанные так или иначе с количественным параметром, — *поль* в таких примерах передает уменьшение вдвое какой-либо из характеристик предмета. К этому разряду можно отнести обозначения существ, имеющих двойную природу: [Гермафродит] *увидѣль, что уже его в по(л) мущины тѣ житкие воды обратили, бывъ целымъ мущиною в нее опуцая члены свои*. Кн. премен I 310 [ок. 1702—06]²². *Halbmänn, semivir, поль мужа*. ВЛ 272; *Halb-ochs, semibos полу бык, пол быка, половина быка*. ВЛ 272 [1731]; *Demi-homme. Ein halber Mann. Semivir. Пóлмужа, получеловѣк*. ЛВ¹ I 683; *Gebornen von einem Mohr und einer Indianerin, oder von einem Indianer und einer Mohrin. Natus ex Indo et Aethiopica foemina, vel ex Aethiope et India. Vide Metis. Полуарап, полмурина, от арапа и Индианки или от Индѣйца и*

²¹ По материалам С. А. Пономаренко, в XIX в. вариант *пол-* еще сохраняет близкую степень активности: компоненты *пол-/полу-* сочетаются с прилагательными в соотношении 18/289 [Пономаренко 1985: 160].

²² Книги Метаморфосеон, или премен, Пувлием Овидием Насоном стихом описанных. [1700-е гг.] Ркп. БАН, П.І.Б.101.

аранки рожденной. ЛВ¹ II 449 [1755]. Материал представлен в основном примерами из переводных словарей, однако надо обратить внимание на то, что во всех случаях, кроме первых двух, даются параллельные варианты — счетная конструкция и универб. Передача этого значения в Лексиконе С. Волчкова с помощью конструкции могла появиться под влиянием немецкого соответствия, однако в Лексиконе Э. Вейсмана то же сочетание соответствует немецкой (и латинской) цельнооформленной лексеме. Следует также учесть, что при этом *поль* в конструкции сочетается с одними лексемами (*мужь*, *муринь*), а в лексикализованной форме — в другими (*человѣкъ*, *арань*). Это говорит о том, что тот или иной способ выбирался не механически под влиянием иноязычного соответствия, но был лексически обусловленным.

Менее связана с делением пополам группа примеров с *поль*, где оно имеет значение уменьшенной или упрощенной модификации объекта, стоящего в позиции исчисляемого. В материалах Г. В. Востоковой, относящихся к XVI—XVII вв. [Востокова 1984: 95—98], в подобных случаях применение счетной конструкции не отмечено. В КСXVIII есть следующие примеры: *У него Василья есть по(л) лавки в подошевномъ ряду*. ПМ XVIII 96 [1704]; *Господина Салтыкова полболварка передельывают*. ПБП VIII 594²³ [1708]; *Попалось рыбаку, на рыбной ловль, в руки, Из нѣвода полуцуки; Однако рыбы часть не такова; У етова куска и хвост и голова; ... А именно была не цука то, а цучка. Была гораздо молода*. Сум. Притчи 96 [1762]; [Вѣтродумовъ:] *Онъ не дуракъ, а съ ума сошелъ на дворянствѣ и на нарядахъ — Лукерья — та полдурочки*. Дв. купец 124 [1789]; *Ein halber Feuertag, пол-праздника, небольшой праздникъ*. Ад. I 745 [1798].

Приведенные примеры разнородны, как и сама сфера метафорического употребления слова *поль*. Нужно подчеркнуть, что применение счетной конструкции для этой сферы в целом является перенесенным по аналогии с частотным числовым употреблением слова *поль*. Такая экспансия, как показывает разнородный характер примеров, не была целенаправленной и перспективной. Для каждого из примеров, видимо, характерна разная степень стабильности в использовании квантитатива и специфические условия употребления.

В примерах *полболварка* и *пол лавки* сочетания в прямых падежах используются наряду с лексикализованными формами в косвенных падежах. Пример из документа 1704 г. интересен в более широком контексте, ср. далее: [Василий] *наиму с той полулавки что в подошевномъ ряду да с рендука в саидашном ряду берет тринадцат рублев а пол лавки что в саидашном ряду стоитъ пуста а оброку с тѣх дву полулавок и с рендука платитъ триццать восьм а(л)тнѣ*. ПМ XVIII 96. Образование *поль лавки*

²³ *Болварк* — «Форт. Крепостное укрепление, бастион» [СлXVIII II: 96]. Ср.: *Горнверкъ ... есть внѣшняя часть крѣпости состоящая изъ дву полуболверковъ и куртины*. ВЛ 312 [1731].

используется не единично, однако непосредственно соседствует со вполне лексикализовавшимися (*с той полулавки*) образованиями косвенных падежей. В этом примере, по-видимому, можно говорить о расщеплении на две парадигмы (в значении ‘уменьшенный вариант’, современному языку не свойственном). Та ступень развития, на которой находится счетное *поль* в XX в., для начала XVIII в. оказывается свойственным его переносным значениям.

Пример из басни А. П. Сумарокова, по-видимому, основан на языковой игре. Предметом обыгрывания в данном случае является переходный статус лексемы *поль*: в соответствии с устаревшим употреблением *поль* с РП может передавать переносные значения лексемы (‘уменьшенный вариант’), а в новой норме квантитатив сохраняет лишь базовый набор «числительных» значений. Сочетание *поль щуки* уже должно значить ‘половина щуки’, но Сумароков актуализирует в достаточно длинном объяснении еще один вариант понимания этого сочетания — видимо, находящийся на периферии языкового употребления этого времени.

Сочетание *подурочки* имеет переходный в семантическом плане характер: оно может относиться также к другому кругу употреблений *поль*, передающих недостаточность проявления признака в чем-либо. В этом значении конструкция *поль* + РП применяется и в современном языке, ср. оформленные в отдельные словарные статьи *полгоря*, *полдела* [БТС: 898]; *полбеды* [БАС: 434] и др.

Последний из приведенных примеров (*поль-праздника*) содержится в словаре, переводит немецкое выражение и, по-видимому, примыкает к группе словарных переводных примеров, рассмотренных выше.

Проявление в XVIII в. единичных примеров экспансии счетной конструкции на область, в которой в современном языке прочно закрепилось применение аффиксоида *полу-*, дополняет картину более свободного употребления слова *поль* в данный период.

Выводы

Проделанный анализ позволяет выделить в истории слова *поль* и половинного квантитатива в XVIII в. два периода. Огрубленно их можно обозначить как первая треть и остальная часть века. Первый период характеризуется сохранением большинства черт, имевшихся у слова *поль* в предшествующий период. В первой трети XVIII в. полноценное сохранение данной лексемой самостоятельности подтверждается рядом параметров:

1) *Поль* употребляется в изолированном виде вне идиоматических адвербиализованных сочетаний;

2) Возможна вставка атрибутивного компонента (не считая порядковых числительных) между словом *поль* в косвенном падеже и субстантивом исчисляемого;

3) Половинный квантитатив активно используется при счете сотнями и тысячами;

4) *Поль* может участвовать в составных числительных;

5) Применение половинного счета для обозначения часа времени не выделяется на фоне других считаемых этим способом единиц;

6) В формате счетной конструкции может быть представлено переносное значение *поль* ‘упрощенная разновидность’.

Во второй период лексема *поль* утрачивает указанные свойства, но при этом окончательного перехода элемента *пол-/полу-* в косвенных падежах в ранг аффиксоида не происходит по причине сохранения в языке одного из основных сдерживающих факторов — конструкций половинного квантитатива. Об отдельнооформленности форм косвенных падежей лексемы в данный период также свидетельствуют контексты, в которых эти формы используются в ряду однородных членов наряду с другими существительными с количественной семантикой.

Таким образом, период полноценного использования слова *поль* в качестве отдельной лексемы в XVIII в. хронологически оказывается соотнесен со временем сохранения церковнославянского языка в качестве литературного — приблизительно до 1730 г. [Алексеев 2013: 68] и попыток создания его упрощенного варианта [Кутина 1978: 263], конструирования «нового секулярного языка» на материале «гибридного регистра письменного языка предшествующей эпохи» [Живов 2004: 25]. В этих условиях оказывается возможным функционирование слова *поль* и конструкций с его участием по консервативным нормам употребления. Квалификация половинных числительных как просторечных в CAP² показывает, что использование этого типа конструкций поддерживалось в языке не только церковнославянским употреблением. Дальнейшее постепенное ограничение самостоятельности данной лексемы в языке показывает, что при последующей кодификации, связанной с ломоносовским периодом языка XVIII в., черты, обеспечивавшие самостоятельность слову *поль*, не проходят нормативный отбор и только в редуцированном виде существуют оставшуюся часть столетия.

Л и т е р а т у р а

АГ-1952 — Грамматика русского языка. Т. I. М., 1952.

АГ-1960 — Грамматика русского языка. Т. I. Фонетика и морфология. М., 1960.

АГ-1980 — Русская грамматика. Т. I: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. М., 1980.

Алексеев 2013 — А. А. Алексеев. Русский литературный язык в XVIII в. // А. А. Алексеев. Очерки и этюды по истории литературного языка в России. СПб., 2013. С. 65—80.

Багрянский 1957 — И. М. Багрянский. Имя числительное в русском языке XI—XVII вв. // Труды Узбек. ун-та. Вып. 71. Самарканд, 1957.

Багрянский 1962 — И. М. Багрянский. К вопросу о развитии числительных как самостоятельной части речи в русском языке // Труды Самарк. гос. ун-та им. А. Навои. Новая серия. Вып. 118. Исследования по русскому языку. Самарканд, 1962. С. 207—217.

Барсов 1981 — «Российская грамматика» Антона Алексеевича Барсова. М., 1981.

БАС — А. С. Герд (гл. ред.). Большой академический словарь русского языка. Т. 18. М.; СПб., 2011.

Биржакова и др. 1972 — Е. Э. Биржакова, Л. А. Войнова, Л. Л. Кутина. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования. Л., 1972.

Буланин 1976 — Л. Л. Буланин. Трудные вопросы морфологии. Пособие для учителей. М., 1976.

БТС — С. А. Кузнецов (гл. ред.). Большой толковый словарь русского языка. СПб., 1998.

Виноградов 2001 — В. В. Виноградов. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / Под ред. Г. А. Золотовой. 4-е изд. М., 2001.

Востокова 1984 — Г. В. Востокова. Семантическая мотивация сложного слова (об одном из значений *пол-/полу-* как первого компонента сложений в русском языке XI—XVII вв.) // Вопросы языкознания. 1984. № 1. С. 90—100.

Граудина и др. 1976 — Л. К. Граудина, В. А. Ицкович, Л. П. Катлинская. Грамматическая правильность русской речи. Опыт частотно-стилистического словаря вариантов. М., 1976.

Даль — В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3. М., 2006.

Дровникова 1959 — Л. Н. Дровникова. Сложные образования с *поль* в русском языке XIV—XVII веков // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1959. Вып. 2. С. 206—215.

Дровникова 1985 — Л. Н. Дровникова. История числительных в русском языке. Владивосток, 1985.

Дьячкова 2009 — И. Н. Дьячкова. Имена числительные: состав, структура и функционирование в русском литературном языке XVIII века. Дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2009.

Еськова 1994 — Н. А. Еськова. Краткий словарь трудностей русского языка: Грамматические формы. Ударение. М., 1994.

Еськова 2009 — Н. А. Еськова. Слитные/дефисные написания существительных и цельнооформленность слова // Лингвистические основы кодификации русской орфографии: теория и практика. М., 2009. С. 59—68.

Живов 2004 — В. М. Живов. Очерки исторической морфологии русского языка XVII—XVIII веков. М., 2004.

Жолобов 2005 — О. Ф. Жолобов. Динамика древнерусских числительных: половинный счет // Russian Linguistics. 2005. No. 2. Vol. 29. P. 201—211.

Жолобов 2006 — О. Ф. Жолобов. Числительные // Историческая грамматика древнерусского языка. Т. IV. М., 2006.

Зализняк 1980 — А. А. Зализняк. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение. Ок. 100 000 слов. 2-е изд. М., 1980.

Зализняк 2002 — А. А. Зализняк. «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. М., 2002.

Качевская 1969 — Г. А. Качевская. К истории сложных существительных с *пол-* и *полу-* в русском языке // Вопросы теории и истории языка. Сб. статей, посвященный памяти Б. А. Ларина. Л., 1969. С. 322—329.

Козулина и др. 2009 — Н. А. Козулина, Е. А. Левашов, Е. Н. Шагалова. Аффиксоиды русского языка. Опыт словаря-справочника. СПб., 2009.

КСХVIII — Картотека Словаря русского языка XVIII века. ИЛИ РАН.

Кутина 1978 — Л. Л. Кутина. Последний период славяно-русского двуязычия в России // Славянское языкознание. VIII международный съезд славистов. Загреб — Люблина, сентябрь 1978 г. Доклады советской делегации. М., 1978. С. 241—265.

Левашов 2012 — Е. А. Левашов. Какого рода сложные существительные с первой частью *пол...* ('половина') (к постановке вопроса) // От значения к форме, от формы к значению: Сб. статей к 80-летию члена-корреспондента РАН А. В. Бондарко. М., 2012. С. 373—374.

Ломоносов 1952 — М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений. Т. 7: Труды по филологии 1739—1758 гг. М.; Л., 1952.

Мельчук 1985 — И. А. Мельчук. Поверхностный синтаксис русских числовых выражений. Wien, 1985.

Немченко 1978 — В. Н. Немченко. О сложных существительных с начальным компонентом *пол-* (*полу-*) в современном русском языке // Русский язык в школе. 1978. № 6. С. 84—89.

Осовская 1971 — В. Е. Осовская. Образования с *пол-* и *полу-* в современном русском языке // Уч. зап. Горьк. пед. ин-та. 1971. Вып. 115. С. 54—63.

Пономаренко 1985 — С. А. Пономаренко. Наблюдения над семантикой *пол-* / *полу-* в сложных словах в русском литературном языке XIX века // Лингвистические исследования 1985. Структура языка и языковые изменения. М., 1985. С. 154—161.

Приемышева 2012 — М. Н. Приемышева. Некоторые особенности функционирования количественных числительных в русском языке XVIII в. (по материалам картотеки «Словаря русского языка XVIII в.») // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. 8. Ч. 3. СПб., 2012. С. 189—198.

СДРЯ — В. Б. Крысько (гл. ред.). Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.). Т. 7. М., 2004.

СлXVIII — Ю. С. Сорокин (гл. ред.). Словарь русского языка XVIII в. Л.; СПб., 1985—.

СлРЯ XI—XVII — Словарь русского языка XI—XVII вв. Т. 16. М., 1990.

СЛУ — Б. М. Волин, Д. Н. Ушаков (гл. ред.). Толковый словарь русского языка. Т. 3, М., 1939.

Супрун 1969 — А. Е. Супрун. Славянские числительные. Становление числительных как особой части речи. Минск, 1969.

Шахматов 1941 — А. А. Шахматов. Очерк современного русского литературного языка. М., 1941.

Шахматов 1957 — А. А. Шахматов. Историческая морфология русского языка. М., 1957.

Шульга 1978 — М. В. Шульга. Парадигма типа *медь* в древнерусской письменности // Исследования по исторической морфологии русского языка. М., 1978. С. 3—40.

Резюме

Слово *пол* ‘половина’, сохранявшее в древнерусском языке лексическую самостоятельность, в современном русском языке в значительной степени ее утратило. В статье рассмотрена история данной лексемы — в формальном и семантическом аспектах — в XVIII в. Употребление слова в функции числительного описывается на фоне его субстантивных значений — ‘середина’, ‘сторона’, ‘приблизительно половина’. Показано, что именно в течение XVIII в. лексема *пол* утрачивает основные характеристики, поддерживавшие его самостоятельность в косвенных падежах. Ключевым моментом в функционировании слова стал переход к литературному языку нового типа в первой половине XVIII в. Во вступительных разделах статьи дается обзор исследований по истории русских числительных, а также обсуждаются проблемы, возникающие в лексикографической практике при разработке слова *пол* на разных этапах его истории.

Ключевые слова: русский язык XVIII в.; количественные числительные; половинный квантитатив; история русского литературного языка.

Статья получена 26.12.2015

GEORGIY A. MOLKOV

THE HISTORY OF THE WORD *ПОЛ* IN EIGHTEENTH-CENTURY RUSSIAN (Based on the card files of the dictionary of the Russian language of the 18-th century)

The word *pol* ‘half’ had an independent status in Old Russian but in Modern Russian has almost lost it. The paper examines the history of this lexeme — in formal and semantic aspects — in the eighteenth century. Its usage in its numeral function is described against the background of substantival meanings ‘middle’, ‘side’, ‘about a half’. It is shown that in the first part of the century the word *пол* loses the main properties of an independent word in objective cases. The change of the type of literary language in the epoch of Peter I was a crucial point in this process. The opening paragraphs of the article provide an overview of the studies of the history of Russian numerals and discuss the problems of lexicographical interpretation of the word *пол* at different stages of its history.

Key words: the eighteenth-century Russian language; cardinal numerals; half quantitative; history of the Russian Standard language.

Статья получена 26.12.2015

Е. А. ВЛАСОВА

О СУДЬБЕ КОНСТРУКЦИИ *JAKO RECITATIVUM* В РУССКИХ ЛЕТОПИСЯХ XI—XVI ВВ.

Данная статья посвящена широко обсуждаемой в работах по историческому синтаксису конструкции *jako recitativum* — одному из способов передачи чужой речи, в которой за изъяснительным союзом **яко** следует прямая речь. Исследователи неоднократно обращали внимание на частотность указанной конструкции в старославянских текстах, рассматривая ее как синтаксическую кальку с греческого, ср. соответствия (цитируются по работам [Вайан 1952: 407; Collins 1996: 43]): **Вы глаголете ꙗко власнимъ лѣши** — греч. ὑμεῖς λέγετε ὅτι Βλασφημεῖς (Лк X: 36). Название *jako recitativum* закрепилось по аналогии с греческой конструкцией ὅτι *recitativum*, в которой после изъяснительного союза ὅτι также широко допускались элементы прямой речи [Вайан 1952: 407].

Поводом для дискуссии вокруг *jako recitativum* стало то, что примеры с **яко** при прямой речи в большом количестве встречаются не только в старославянских источниках, но и в непереводах древнерусских текстах, при этом сами контексты совершенно нейтральны в отношении признаков книжности, ср. некоторые примеры, обсуждаемые в работах [Истрина 1923: 40—41; Лопатина 1979: 434, 436]: **въ то же лѣто выиде князь Святославъ изъ Новгорода на Лѹкы, и присла въ Новѣгородѣ, яко не хоцю ꙗ васѣ княжити** (Новгородская первая летопись, 1167, л. 34); **рече же имъ Ольга яко гзѣ ꙗже мьстила есмь мѹжа своего** (Повесть временных лет, 946, л. 23).

В вопросе о функциях конструкции *jako recitativum* в оригинальных восточнославянских текстах в настоящий момент нет единого мнения. Некоторые исследователи считают эту конструкцию синтаксической чертой церковнославянских текстов, а **яко** исключительно книжным союзом [Обнорский 1946: 68—69; Борковский, Кузнецов 1963: 483; Collins 1996: 43]. Согласно другой точке зрения, **яко** был общеславянским союзом, а конструкция *jako recitativum*, представленная в старославянских и раннедревнерусских текстах, отражала начальный этап формирования косвенной речи, когда семантическая связь уже маркировалась союзом **яко**, однако грамматическое подчинение чужой речи было нерегулярным [Лопатина 1979: 434; Преображенская 1991: 102; Хабургаев 1986: 426; Daiber 2009: 379, 382—

383]. Высказывались также предположения о том, что **так**о в контекстах с чужой речью был не просто формальным маркером начала цитирования, но и модальным показателем, связанным с семантическим полем достоверности [Лопатина 1979: 435, 437]. Одним из аргументов исследователей в пользу указанной точки зрения является этимологическая близость **так**о современному модальному союзу *якобы*, до сих пор используемому в русском и польском языках [Perelmutter 2009: 119; Wiemer 2008: 19].

В настоящей статье поставлена задача уточнить существующие представления о функциях и семантике *jako* recitativum на материале русских летописей XI—XVI вв., в которых указанная конструкция широко представлена на протяжении всего рассматриваемого периода.

В качестве источников для исследования выбраны летописные памятники крупнейших центров Древней Руси: Повесть временных лет XI—XII вв. (ПВЛ), Киевская летопись за XII в. (КЛ), Суздальская летопись за XII—XIII вв. (СЛ), Новгородская первая летопись по Синодальному списку XIII—XIV вв. (НПЛ), а также летописание Галича и Владимира Волынского XIII в., представленное в так называемой Галицко-Волынской летописи (ГВЛ), которую ранее было принято исследовать как единый источник, описывающий события Юго-Западной Руси [СККДР]. В данной статье ГВЛ рассматривается как две летописи — Галицкая летопись за 1201—1260 гг. (ГЛ) и Волынская летопись за 1261—1292 гг. (ВЛ), поскольку между указанными частями установлены значительные грамматические и стилистические различия (см. работы [Ужанков 1989: 281; Юрьева 2013: 144]). Чтобы проследить преемственность в способах передачи чужой речи между древнерусским (XI—XIV вв.) и старовеликорусским (XIV—XVI вв.) периодами, в качестве позднего источника исследована заключительная часть Никоновской летописи (НЛ) с 1362 по 1558 гг. — официального свода Московского княжества.

Ключевым для данного исследования является представление о формировании в крупнейших центрах Древней Руси региональных летописных традиций, которые различаются по стилистическим и языковым признакам [Гиппиус 2009а: 182—185]. Лингвистические исследования летописных текстов выявили их сходство и преемственность по отношению друг к другу. Текст ПВЛ в языковом отношении неоднороден: в части, отражающей начальное летописание, наблюдается тенденция к синтаксическому «примитивизму», на участках с признаками более поздней редакции широко используются церковнославянские конструкции [Гиппиус 2001: 179]. Лингвистически близкие традиции представлены в КЛ, СЛ и ВЛ: перечисленные источники широко отражают элементы древнерусского узуса, при этом в СЛ книжный компонент также широко представлен [Шевелева 2010: 212—213; Юрьева 2013: 144]. НПЛ содержит довольно большое количество архаичных и некнижных черт, а также отражает влияние других традиций древнерусских центров [Гиппиус 2009: 72—73]. Характерная особенность ГЛ — последовательное использование маркированных книж-

ных конструкций на протяжении всего летописного повествования [Юрьева 2013: 149]. При анализе НЛ за 1362—1558 гг. важно учитывать ее компилятивный характер: составитель использовал несколько более ранних источников, отражающих разные региональные традиции, а также широко привлекал книжные тексты, особенно в части, совпадающей с периодом «второго южнославянского влияния» и отражающей интерес составителя к событиям церковной истории [Клосс 1980: 51].

Перечисленные свойства источников дают представление об использовании *jako recitativum* как в летописях, ориентированных на восточнославянский узус (НПЛ, КЛ, СЛ и ВЛ), так и в летописях, лингвистически близких книжной церковнославянской традиции (ПВЛ, ГЛ).

Древнерусский период

1. Типы контекстов с *jako recitativum* в древнерусских летописях XI—XIV вв.

В исследованных древнерусских летописях выявлено два типа употреблений *jako recitativum*:

— книжные цитаты из библейских и литургических текстов (Евангелия, Апостола, Псалтыри и др.), например: **свѣѣ сѧ над нимъ притча еѡаѡльскаѧ тако всакъ възносисѧ смѣритсѧ а смѣрагасѧ възнесетсѧ и пакы еѡже мѣроу мѣрите възмѣритсѧ вамъ** (СЛ, 1206, 144 об.);

— оригинальные цитации, то есть чужая речь действующих лиц повествования, ср.: **и малоу же времени минуѡвшоу присла Доброславъ на Григорѧ река тако невѣрентъ ти естъ** (ГЛ, 1240, 266 об.).

Количество употреблений *jako recitativum* в книжных цитатах и оригинальных цитациях представлено в Таблице 1:

Таблица 1

Книжные цитаты и оригинальные цитации с *jako recitativum* в древнерусских летописях

	ПВЛ	КЛ	ГЛ	ВЛ	СЛ	НПЛ	Всего	
Книжные цитаты	10	6	2	1	7	1	27	15%
Оригинальные цитации	64	15	53	0	7	16	155	85%
<i>всего</i>	74	21	55	1	14	17	182	100%

Таблица 1 содержит важные сведения о частотности *jako recitativum* и характере ее употреблений в летописном узусе. Как показывают данные, *jako recitativum* относится к широко используемым синтаксическим конструкциям: всего зафиксировано 182 употребления, причем в 85% случаев

конструкция используется для передачи чужой речи действующих лиц, вне книжных цитат.

Из Таблицы 1 видно, что *jako recitativum* используется в исследованных источниках неравномерно. В более книжных ПВЛ и ГЛ указанная конструкция является частотной — около 50—60 примеров. В КЛ и СЛ, а также в НПЛ, широко допускающих элементы живого узуса, *jako recitativum* используется регулярно (от 7 до 16 примеров), но значительно реже, чем в более книжных летописях. Интересно то, что в ВЛ, близкой КЛ, *jako recitativum* не используется вовсе, а союз **яко** отмечен только в составе книжной цитаты при причастной конструкции: **прведемъ ѡ тебе ѿ стѣхъ писани реное яковомъ апамъ яко вбративы грѣшника ѿ заблуженна** (ВЛ, 1288, 302 об.). Таким образом, отчетливо прослеживается связь указанной конструкции с параметром «книжность»: чем в большей степени летопись лингвистически ориентирована на книжный узус, тем шире используется *jako recitativum*.

2. *Jako recitativum* в системе способов передачи чужой речи

Летописные традиции различаются не только по количеству употреблений *jako recitativum*, но и по характеру функционирования и эволюции этой конструкции в летописном узусе. Далее описаны только оригинальные цитации действующих лиц летописной истории, книжные цитаты исключены из рассмотрения.

Исследование летописей XI—XIV вв. показывает, что ключевым процессом в истории формирования способов передачи чужой речи стала конкуренция двух синтаксических моделей с изъяснительной связью — *jako recitativum* и сложноподчиненного предложения с союзами **оже** и **аже** (далее используются термины *že*-модель и *že*-союзы, поскольку указанные союзы являются этимологически родственными современному западнославянскому союзу ‘что’).

С точки зрения развития грамматического подчинения *jako recitativum* как синтаксическая модель является более архаичной, поскольку отражает тот этап, когда в придаточной части еще не была обязательной замена элементов прямой речи (точка отсчета *я—ты*) на анафорические отсылки 3 лица [Преображенская 1991: 100—102]. К XII в. в древнерусских летописях получает распространение более прогрессивная модель с *že*-союзами и регулярными анафорическими отсылками в придаточной части — она используется главным образом при предикатах ментально-перцептивной семантики (**оу**)слышати / (**оу**)вѣдати / (**оу**)видѣти, а также при глаголах речи со значением ‘сообщить’ и некоторых других опорных словах, характеризующих цель сообщения (подробно указанный процесс описан на материале КЛ и СЛ в работе [Шевелева 2009]).

Синтаксические процессы живого древнерусского языка, такие как развитие синтаксического подчинения и анафорических связей, а также появ-

ление модели косвенной речи с *že*-союзами становятся стимулом для изменений в структуре и употреблении конструкции *jako recitativum*. Исследованные летописные источники отражают разные этапы конкуренции *jako recitativum* и косвенной речи с *že*-союзами в области передачи чужой речи.

1. В ПВЛ и ГЛ, ориентированных на книжную традицию, решительно преобладает *jako recitativum* — 64 примера в ПВЛ и 53 примера в ГЛ. Приведем некоторые из них:

- ... ркоша же послании **яко** **придохомъ** к нему и **въдахомъ** дары и не позрѣ на **на** (ПВЛ, 971, 28);
 ... и посла Блудъ къ Володимеру глаголю **яко** събыса мысль твою (ПВЛ, 980, 30 об.);
повѣдаша во ему **яко** хотѣтъ тѣ погубити (ПВЛ, 1015, 50);
 ... и прииде Мьстиславу **вѣсть** **яко** послаа тѣи ѡтць (ПВЛ, 1096, 87 об.);
 ... и посласта Кондратови **рекоуще** **яко** тебе дѣла изидоша на наю Лахове (ГЛ, 1249, 269 об.);
 ... богаре же пришедше падше на ногу его **просише** **мѣти** **яко** **согрѣшихомъ** тѣи инога князя **держакомъ** (ГЛ, 1235, 263).

В более книжных ПВЛ и ГЛ древнерусская модель с *že*-союзами для передачи чужой речи не используется, однако тенденция к развитию грамматического подчинения приводит к появлению анафорических отсылок в придаточной части после союза *яко* и трансформации *jako recitativum* в косвенную речь.

Первый пример с косвенной речью после *яко* в ПВЛ зафиксирован только в статье 1096 г.:

- ... прииде же **вѣсть** к Олгови **яко** сторожеве его **изоманѣ** (ПВЛ, 1096, 87).

Статьи 1095—1096 гг. имеют важное значение для текстологической структуры ПВЛ, поскольку они разделяют Начальное летописание и дополнения Киево-Печерского периода XI—XII вв. (подробнее см. [Гиппиус 2012: 42]). В случае с *jako recitativum* лингвистические данные согласуются с текстологическими исследованиями: в части ПВЛ до 1095 г., восходящей к начальному летописанию, широко используется более книжная и архаичная по структуре *jako recitativum*, в части после 1095 г. в ее структуре появляются инновации, отражающие живой процесс древнерусского языка — развитие анафорических средств синтаксической связности.

В ГЛ XIII в. также выявлено три примера трансформации *jako recitativum* в косвенную речь:

- ... тогда же Тевтилъ **привѣже** к Данилоу и Жемонть и **Гѣтвалъ** **река** **яко** **Мндовгъ** **оубѣди** **ѣ** **серевромъ** **многимъ** (ГЛ, 1253, 275);
 ... Ростислав же **показа** **правдоу** свою **яко** **не** **естъ** во **свѣтѣ** с **Миханломъ** (ГЛ, 1240, 266);
 ... и **похвалиша** **Ба** и **сѣго** **Дмитръ** **яко** **накорми** **ѣ** (ГЛ, 1213, 250).

Таким образом, более книжные летописи, такие как ПВЛ и ГЛ, показывают, что одним из направлений грамматической эволюции конструкции *jako recitativum* является ее трансформация в косвенную речь в результате появления анафорических отсылок 3 лица в придаточной части. Указанный процесс все же не получил широкого развития — примеры единичны даже в ГЛ XIII в.

2. НПЛ отражает ситуацию, близкую более книжным летописям: в НПЛ для передачи чужой речи не используется модель с *že*-союзами, несмотря на широкое отражение не книжных черт по другим грамматическим параметрам. По сравнению с более книжными летописями, *jako recitativum* используется в НПЛ значительно реже — всего зафиксировано 15 примеров, среди них 4 дейктически нейтральные, ср.:

... а жену его яша, рекуче, яко «ти на зло князя водять» (НПЛ, 1228, 106 об.)¹;

... И приде вѣсть въ Пльсковъ, яко взяша Нѣмци Изборьскъ (НПЛ, 1239, 127 об.).

В отличие от более книжных источников, примеров трансформации *jako recitativum* в косвенную речь в НПЛ не встретилось. Таким образом, НПЛ отражает промежуточную ситуацию в развитии способов передачи чужой речи: модель косвенной речи еще не сложилась, однако количество употреблений *jako recitativum* сокращается до уровня КЛ и СЛ, ориентированных в большей степени на восточнославянский узус.

3. Наиболее прогрессивная ситуация с точки зрения развития синтаксического подчинения представлена в КЛ и СЛ, в которых основным типом изъяснительного предложения становится модель с *že*-союзами. В указанных летописях конкуренция моделей с *že*-союзами и *jako recitativum* представлена во всех типах контекстов с чужой речью — см. данные в Таблице 2.

Данные КЛ и СЛ, представленные в Таблице 2, отражают следующие закономерности, значимые для эволюции *jako recitativum*.

1) Широкая экспансия *že*-модели косвенной речи — *že*-союзы распространяются также на большую часть дейктически нейтральных контекстов, в единичных случаях представлены также при прямой речи.

2) Употребления *jako recitativum* резко сокращаются, по сравнению с более книжными ПВЛ и ГЛ, однако эта конструкция еще регулярно встречается, несмотря на вытеснение ее на периферию способов передачи чужой речи.

¹ Примеры из НПЛ приводятся в упрощенной орфографии по изданию: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950 (Репринт: М., 2000).

Таблица 2

Конкуренция союзов *оже/аже* и *яко* в контекстах с чужой речью

<i>že</i> -модель	Союз <i>яко</i>
Союзная прямая речь	
КЛ — 2, СЛ — 0 ... Рюрикъ же посла к Романови повѣдаа емоу <u>аже</u> Всеволодъ просить подѣ тобою волости а жалоується на мене про тебе (КЛ, 1195, 236).	КЛ — 8, СЛ — 2 ... Изаславъ же и Ростиславъ приѣхаста къ Вячъславу <u>рекуча ако</u> то са сѣть воротили <u>поѣдемъ</u> по нѣхъ (КЛ, 1151, 156 об.).
Дейктически нейтральные контексты	
КЛ — 43, СЛ — 4 ... <u>бѣ</u> имъ <u>вѣсть</u> <u>уже</u> <u>вѣщеа</u> изъ Рязана Романъ Игоревичъ с полко ^м (СЛ, 1207, 146 об.).	КЛ — 8, СЛ — 7 ... И ни тако <u>молвахуть</u> <u>яко</u> съ утравы <u>вѣ</u> емоу <u>сѣть</u> (КЛ, 1162, 185 об.).
Косвенная речь	
КЛ — 30, СЛ — 4 ... повѣдаша емоу <u>уже</u> король <u>оуже</u> <u>идеть</u> на нь (КЛ, 1150, 147 об.).	КЛ — 1, СЛ — 0 ... и бѣ при вечерѣ <u>пришедъ</u> конюшни <u>повѣда</u> князю своему Игореви <u>яко</u> <u>ждеть</u> его Лаворъ (КЛ, 1185, 226 об.—227).

3) Тенденция к трансформации *jako* recitativum в косвенную речь, наблюдаемая в более книжных источниках, в КЛ и СЛ почти не представлена — *яко* при косвенной речи встретился всего в одном примере.

4) Контексты с *яко* оказываются противопоставлены косвенной речи по ряду грамматических признаков: союзы *яко* vs. *že*-союзы, типы отсылок в зависимой части — местоимения 1 и 2 лица при союзной прямой речи, местоимения 3 лица — при косвенной речи.

Таким образом, сопоставление разных систем цитирования, представленных в древнерусских летописях, выявило основное направление их развития: с распространением древнерусской *že*-модели и формированием косвенной речи употребление конструкции *jako* recitativum в летописном узусе на протяжении XI—XIV вв. неуклонно сокращается. Завершение указанной тенденции наблюдается в ВЛ второй половины XIII в.: *jako* recitativum вне книжных цитат уже не используется.

3. Лексико-семантические особенности употреблений *jako* recitativum

Из исторической грамматики известно, что в случае появления двух и более моделей с одинаковой функцией, наблюдается либо постепенная утрата одной из них и экспансия другой, либо распределение их функций и значений [Dahl 2004: 157—160]. В случае с *jako* recitativum и *že*-моделью, вытеснение первой из них на периферию могло сопровождаться развитием модальных значений у союза *яко*.

Следующим этапом исследования эволюции *jako* recitativum стал анализ ее употреблений в отношении субъективно-модальных признаков. К ана-

лизу привлекался материал КЛ, СЛ и НПЛ — источников, в большей степени ориентированных на восточнославянский узус и отражающих снижение частотности указанной конструкции.

Исследователи, предполагавшие, что конструкция *jako* recitativum использовалась в древнерусском языке как модально-осложненный способ передачи чужой речи, указывали на широкий спектр значений союза *яко*, используя формулировки «оттенок недостоверности, небуквальной передачи» [Лопатина 1979: 435, 437] и сравнивая *яко* с современными цитативными частицами *мол* и *де* [Срезн. I, II]. Предпринимались попытки рассматривать союз *яко* как показатель эвиденциальности — категории, характеризующей источник сообщения и отношение говорящего к нему [Perelmutter 2009].

В современных исследованиях по синтаксической семантике установлены следующие типы субъективно-модальных значений, связанных с передачей чужой речи:

— **недостоверность** или неуверенность повествователя в истинности цитируемого сообщения: союзы *будто*, *будто бы*, *якобы* [Козинцева 1994: 96; Плунгян 2011: 352];

— **дистанцирование**, которое сопровождается выражением более или менее сильного недоверия со стороны повествователя к содержанию передаваемого утверждения или прямого несогласия с тем, что он пересказывает [Арутюнова 1992: 45; Маслов 1981: 271];

— **пересказывательность** — тип ситуации, в которой источник сообщения неважен, неизвестен или неидентифицирован, информация передана с чужих слов; ср. использование в современном русском языке вводных слов *говорят*, *по слухам* и пр. [Козинцева 2007: 19];

— **непрямая засвидетельствованность** — тип ситуации, в которой сообщение передано со слов очевидцев, в русском языке обозначается с помощью вводных слов и конструкций (например, *по словам очевидцев*, *как сообщали очевидцы*), подробнее об этом значении см. [Козинцева 2007: 85].

Из перечисленных значений недостоверность и дистанцирование, как правило, связывают с областью эпистемической модальности, пересказывательность и непрямую засвидетельствованность относят к полю эвиденциальности (подробная библиография по данной проблематике приводится в работах [Козинцева 2007: 26—27, 85; Плунгян 2011: 358]).

Далее проанализированы лексико-семантические особенности примеров с *jako* recitativum с целью выявить, насколько широко перечисленные типы модальных значений представлены в контекстах с *яко* при чужой речи в КЛ, СЛ и НПЛ. Как признаки модальной семантики рассматривались следующие элементы контекста:

— лексические указания на недостоверность (слова, содержащие компонент значения ‘ложь, обман’);

— лексико-грамматические указания на цитирование слухов — неопределенно-личные местоимения (**нѣцни, друзни**) в опорной предикации, неопределенно-личные формы опорных предикатов речи (**глаголють тако...** ‘говорят, что’);

— ссылки на очевидцев в опорной предикации — тип **глаголють же бывшие тамо**;

— комментарии, мотивирующие дистанцирование повествователя от позиции цитируемого лица, использование негативно-окрашенной лексики.

Контексты, содержащие перечисленные признаки модальной семантики, далее называются оценочными. Контексты с *jako recitativum*, в которых модальные признаки отсутствуют, отнесены к семантически нейтральным. Для выводов о степени регулярности модальных значений *jako recitativum* решающее значение имеет количественное соотношение оценочных и семантически нейтральных контекстов.

При анализе модальных свойств контекстов с *jako recitativum* также оказались значимыми два типа употреблений, которые различаются грамматически и семантически:

— союзная прямая речь, или **так** при прямой речи, тип **рече Ольга яко азъ уже мьстила есмь**;

— действительно нейтральные контексты, в которых отсутствуют в зависимой части признаки прямой или косвенной речи, тип **и принде вѣсть яко Олегъ на Клязьмѣ**.

Таким образом, контексты с *jako recitativum* в КЛ, СЛ и НПЛ рассматриваются по трем критериям: устойчивые лексико-грамматические признаки, модальные признаки и тип контекста — союзная прямая речь или действительно нейтральная клауза. Модальные признаки выделены двойным подчеркиванием, опорный предикат одинарным.

Материал представлен в следующем порядке: для сравнения сначала исследуются данные НПЛ, близкой более книжным летописям по способам передачи чужой речи, далее анализуется материал КЛ и СЛ, в которых наблюдается тенденция к грамматическому противопоставлению *jako recitativum* и *že*-модели.

Новгородская первая летопись

В НПЛ выявлено 17 контекстов с *jako recitativum*, из них союзная прямая речь отмечена в девяти примерах при опорных предикатах **речи**, глаголах, производных от **сѣлати (посѣлати, присѣлати)** и устойчивом выражении **цѣловати крѣсть** ‘давать присягу, обещание’.

С опорными предикатом **речи** встретилось четыре примера, модальные признаки отмечены только в двух случаях. В одном из контекстов имеется указание на недостоверность чужой речи:

... и высылаху къ нимъ Югра, дѣстьбою рекуще тако, яко «копимъ сребро и соболи и ина узорочья, а не губите своихъ смьрдъ и свои дани», а дѣстяще ими, а вое копяче (НПЛ, 1193, 52 об.).

В другом примере наблюдается отстранение повествователя от позиции цитируемого лица. Дистанцирование выражено через использование негативно-окрашенной лексики в опорной предикации и сопровождающем контексте:

... Томъ же лѣтъ Глѣбъ, князь Рязаньскыи, Володимиричь, научень со-тоною на убиство, сдумавъ въ своемъ оканьнѣмъ помыслѣ, имѣя поспешника Костянтина, брата своего, и с нимъ диявола, юже и прѣлсти, помыслъ има выложи, рѣкшема има, яко избеже сихъ, а сама приимѣва власть всю (НПЛ, 1218, 88 об.— 89).

Указанные контексты являются единственными примерами союзной прямой речи с признаками субъективной модальности в НПЛ.

Два других примера с опорным словом **речи** являются семантически нейтральными — оба отмечены в статье 1228 г., ср.:

... И пришьдъ, створи вѣче въ владычни дворѣ и рече, яко «не мыслить есмь до плъсковичъ груба ничегоже; нъ везлъ есмь былъ въ коробьяхъ дары: паволоки и овощь, а они мя обѣщствовали» (НПЛ, 1228, 104); другой пример см. выше в разделе 2, адрес (НПЛ, 1228, 106 об.).

В двух случаях зафиксированы глаголы, производные от **слати**, которые в НПЛ используются как опорные предикаты группы *verba dicendi* в значении ‘послать с сообщением’. Признаков субъективной модальности в них также не отмечено:

... и потом Исакъ помысливъ, и въсхотѣ царства, и учяшеть сына, посылая потаи, яко «добро створихъ брату моему Олѣксѣ, от поганыхъ выкупихъ его, а онъ противу зло ми възда, слѣпивъ мя, царство мое възя (НПЛ, 1204, 64 об.);

... Въ то же лѣто выиде князь Святославъ из Новагорода на Луки, и при-сла въ Новъгородъ, яко «не хоцю у васъ княжити» (НПЛ, 1167, 34).

Отдельного внимания заслуживают три примера с опорным предикатом **цѣловати крѣсть** ‘давать присягу, обещание’:

Въ се же лѣто ходи Всѣволодъ въ Русь Переяславлю, повелениемъ Яропѣлцемъ, а целовавъ крѣсть къ новгородцемъ, яко хоцю у васъ умерети (НПЛ, 1132, 13 об.—14);

... Новгородци же цѣловавъше святую Богородицю, яко «не хоцѣмъ его», идоша прогнать его съ Лукъ (НПЛ, 1167, 34).

В эту же группу входит контекст с новгородским союзом **око**, который этимологически близок **яко** и используется в одинаковой синтаксической функции:

... и цѣловаша новгородци чѣстныи крѣсть, око «не хоцѣмъ у себе държати дѣтии Дмитровыхъ, ни Володислава, ни Бориса, ни Твърдислава Станиловица и Овъстрата Домажировица» (НПЛ, 1209, 75—75 об.).

Контексты при опорном предикате **цѣловати крѣстъ** не имеют лексических признаков субъективной модальности и рассмотрены в данной работе как семантически нейтральные примеры. Однако следует учитывать, что опорное слово **цѣловати крѣстъ** подразумевает модальные компоненты особого типа — перформативность и обязательство говорящего исполнить действие, заявленное в пропозиции высказывания. Указанный тип употребления **так** и его семантические особенности в данной статье специально не рассматриваются.

Таким образом, в группе примеров с **так** при союзной прямой речи признаки субъективной модальности представлены нерегулярно — всего в двух случаях из девяти.

Дейктически нейтральные контексты с **так** составляют примерно половину употреблений *jako* recitativum в НПЛ (8 случаев из 17) и отличаются от примеров с союзной прямой речью по составу опорных слов, ср.: **глаголати**, **творити** ‘считать; утверждать (ложно)’ и устойчивые сочетания со словом **вѣсть** (**приде вѣсть** и др.).

По лексическим и семантическим признакам дейктически нейтральные контексты делятся на две группы.

Первую группу примеров объединяет пересказывательная семантика — в опорной предикации используются неопределенно-личные местоимения **инии/друзии** для указания на неидентифицированный источник сообщения в ситуации, когда оно получено по слухам.

В двух примерах используется опорный предикат **глаголати**:

... **инии** же **мнози глаголаху** яко полупивъ святую Софию пошьль Цесарюграду; и много **глаголаху** на нь, нь себе на грѣхъ (НПЛ, 1156, 28 об.—29);

... **инии** же **глаголють**, яко се суть, о них же Мефодии, Патомьскый епископъ, свѣдѣтельствуеть (НПЛ, 1224, 95 об.—96).

В двух случаях в позиции опорного слова отмечен многозначный глагол **творити**, который в древненовгородских источниках фиксируется в значении *verba dicendi* с компонентом ‘утверждать (ложно)’ [Зализняк 2004: 260]:

... и новгородци **не вѣдаху**, кдѣ князь идетъ; **друзии творяху**, яко на Чюдь идетъ (НПЛ, 1256, 135), ср.: ‘новгородцы не знали, где князь, некоторые утверждали, что он идет на Чудь’;

... И ту убиень бысть воевода ихъ именемъ Спиридонъ а **инии творяху**, яко и пискупъ убиень бысть ту же (НПЛ, 1239, 126 об.—127).

Вторую группу дейктически неохарактеризованных примеров составляют четыре контекста с опорным словом **вѣсть**. Все они нейтральны в семантическом отношении, ср.:

... Приде бо вѣсть в Новѣгородъ яко Свѣи идуць къ Ладозѣ (НПЛ, 1239, 126 об.);

... Приде вѣсть изъ Руси зла яко хотять Татарове тамгы и десятины на Новѣгородѣ (НПЛ, 1257, 136).

Адреса других примеров со словом **вѣсть**: (НПЛ, 1228, 104), (НПЛ, 1240, 127 об.).

Таким образом, четыре примера с пересказывательным значением в дейктически нейтральных контекстах при **глаголати** и **творити** — это единственная группа контекстов, в которых модальное значение представлено регулярно. Остальные типы субъективно-модальных признаков маркируются в НПЛ непоследовательно. Большая часть употреблений *jako* recitativum в НПЛ семантически нейтральны — десять примеров из 17.

Таким образом, в НПЛ выявлены две тенденции, значимые для дальнейшей эволюции *jako* recitativum в летописном узусе:

1. Контексты с **яко** отличаются устойчивыми лексико-грамматическими признаками. Во-первых, *jako* recitativum встречается при ограниченном круге опорных предикатов. Во-вторых, выявлена корреляция между опорным словом и типом зависимой конструкции. При **речи**, **посѣлати** ‘отправить с сообщением’, **цѣловати кръсть** используется конструкция **яко** + прямая речь. Контексты с опорными словами **глаголати**, **творити** ‘утверждать’, **приде вѣсть** имеют структуру **яко** + дейктически нейтральный контекст. Устойчивость лексического наполнения конструкции *jako* recitativum и связанность ее компонентов можно рассматривать как признаки фразеологизации (подробнее о критериях см. [Баранов, Добровольский 2008: 15; Шмелев 1977: 313]).

2. Конструкция *jako* recitativum используется как семантически нейтральный способ передачи чужой речи, однако имеются признаки, указывающие на тенденцию к развитию у нее субъективно-модальных значений. Наиболее последовательно модальная семантика проявилась в дейктически нейтральных контекстах со значением пересказывательности ‘говорят, что...’, которая маркирована неопределенно-личными местоимениями **нѣции/друзни глаголють** **яко**.

Киевская и Суздальская летописи

Развитие тенденций, выявленных в НПЛ, наблюдается в КЛ и СЛ. В указанных источниках зафиксировано в общей сложности 22 контекста *jako* recitativum.

Союзная прямая речь с **яко** отмечена в 11 примерах при тех же опорных предикатах, что и в НПЛ.

В четырех примерах использован опорный предикат **цѣловати кръсть**, два из них представляют общее чтение в КЛ и СЛ:

... послаша по Ростислава Гмоленьскү вѣбаче и Киевү на столъ цѣлова-
ли во вѣхү к нему хрѣтъ преже яко товѣ его ицѣмѣ (КЛ, 1159, 180);

- ... на то^М бо цѣловали ваше хрѣтъ к нему яко ты на^М кнѣзь еси и дан нты Бѣ с тобою пожити (КЛ, 1159, 177);
- ... Дюрди же затвориса в Городци с дѣтьми своими бьющимъ же самъ из города на многы дни тажко бты ему зане не бты помочи ему ни ѡкоуду же и цѣлова к ним хрѣтъ яко иду оуже суждалю и ѡступн (в Хлеб. отступниша) ѡ него прочь (КЛ, 1151, 160 об.), ср. тот же контекст в (СЛ, 1152, 112 об.).

Опорный предикат *речи* используется в шести контекстах, из них только два являются семантически нейтральными и не содержат модальных признаков:

- ... он же не хоташе ити из Роускои земли река имъ яко не могу ити изъ вчнты своеѣ и со браткю своею розонтиса (КЛ, 1178, 214);
- ... Изаславъ же и Ростиславъ приѣхаста къ Вачьславу рекуча ако то самъ суть воротили поѣдемы по нихъ (КЛ, 1151, 156 об.).

В остальных четырех примерах с *речи* отмечены оценочные комментарии и негативно-окрашенная лексика, указывающая на дистанцирование говорящего от позиции цитируемого лица, ср.:

- ... и бты в томъ межи има пра велика злоба идаху слово рекоуче Олгови ни яко бты начали есте перво насъ гоувити (КЛ, 1135, 110 об.);
- ... Сбславъ располѣса гнѣвомъ и раждѣса гаростью и размысли во оумѣ своемъ река яко мьстилъса быхъ Всеволоду но не азѣ Ростиславичи а тѣ ми во всемъ пакостатъ в Роускои землѣ (КЛ, 1180, 215).

Как видно из примеров, дистанцирование наблюдается в тех случаях, когда описывается борьба за власть и княжеские междоусобицы, противоречащие этической позиции повествователя.

В двух примерах союзная прямая речь используется в контексте с литературным клише, основанном на представлении о том, что причиной княжеских раздоров являются происки дьявола:

- ... здумавъ в свое^М ѡканьнѣмъ помыслѣ имѣа поспѣшника брата свогю Костантина и с ни дьявола иже ею прельсти своимъ злорозньствомъ в помыслѣ има вложь рекшема има яко избѣвѣ сн а сами принимѣѣ едина всю власть (СЛ, 1217, 150 об.);
- ... только дьяволъ сѣтоваше вложи бо нѣкоторы^М муже^М кю в срѣце и начаша гнѣ кму рекуще яко Ростиславъ Гюргевичъ подмолви на та люди и Берендичи и Кианты а хотѣлъ сѣсти Кыевѣ а пѣсти и къ ѡцю то твоя ворогъ и ѡць кю держиши и на свою голову (КЛ, 1149, 106 об.).

Отдельно отметим пример из КЛ с опорным предикатом ментального типа *помыслити*, он также содержит признаки дистанцирования:

... и помысли во оумѣ своемъ яко Дѣда имоу а Рюрика възженоу изъ землѣ и примоу единѣ власть Роускою и с братьею и тогда мьщюса Всеволодоу швиды своѣ Бѣ бо не любитъ высокаго мысли нашна возносащаго смирает Стѣславъ же изъима дружиноу его и товары его и възворотиса и еха к Вышегородоу и грѣши Стѣславъ помысла своего (КЛ, 1180, 215 об.).

Важно, что в КЛ и СЛ, в отличие от НПЛ, все употребления союзной прямой речи с модальными признаками образуют семантически цельную группу — во всех примерах маркировано значение дистанцирования.

Таким образом, из 11 рассмотренных контекстов с яко при прямой речи семантически нейтральных примеров встретилось всего два. В четырех случаях отмечены контексты опорным предикатом цѣловати крѣстѣ, которые, судя по всему, следует рассматривать как особый фразеологизированный тип употребления яко. Оценочные контексты составляют почти половину употреблений союзной прямой речи — пять случаев из 11. Полученные данные свидетельствуют о последовательной тенденции к использованию союзной прямой речи с яко как средства дистанцирования повествователя от позиции цитируемого лица.

Развитие у *jako* recitativum субъективно-модальных значений наблюдается и в дейктически нейтральных контекстах с яко из КЛ и СЛ. По семантическим и лексико-синтаксическим признакам примеры делятся на три группы.

Первую группу образуют четыре примера с пересказывательной семантикой, подразумевающей цитирование слухов 'говорят, что'. В двух случаях, как и в НПЛ, употребляется опорный предикат глаголати:

... глаго бо тако яко Къпанъ одинѣ изгыбло на полку то. Г. ты | сачь. и бы плачь и туга в Русн и по всен земли (СЛ, 1223, 153 об.);
ини гють яко се сѣ w ни же Мефодии Патомьскыи еппѣ свѣдѣ тельствѣ (СЛ, 1223, 153).

Интересно, что оба примера с глаголати зафиксированы в СЛ, при этом последний из них является общим чтением с НПЛ. В КЛ при пересказывательных контекстах используются другие опорные предикаты. В 1 случае отмечен мѣлвити:

... и молвахуть яко дна есть подъступила ини же друго яко молъ влаху (КЛ, 1152, 166 об.).

В одном примере из КЛ используется опорное слово речи в составе инфинитивной конструкции со значением предопределенности. Речь идет про убийство киевлянами князя Игоря Ольговича, находившегося в плену в Киеве и постриженного в иноки. Повествователь описывает раскаяние князя Изяслава, не успевшего предотвратить кровопролитие:

... и рече ^чИзяславъ своеи дружинѣ то мнѣ есть порока всако ^ѣлюди не оуити ... и рѣша емоу моужи его безъ лѣпа шъ немь печаль имѣеши вже людемъ речн тако Изяславъ оуби или повѣлелъ оубити (КЛ, 1147, 130), ‘и сказал Изяслав своей дружине: «Мне не избежать упреков от людей» ... И сказали ему его дружинники: «Зря о нем [Игоре] печалишься и том, что люди [неизбежно] будут говорить, что это Изяслав убил или повелел убить’, порокъ — ‘порицание, упрек’.

В данном примере **так** также используется в контексте, содержащем указания на людскую молву: ‘люди будут говорить, что...’.

Таким образом, в КЛ и СЛ отмечено по два примера со значением пересказывательности. При этом в СЛ в указанных контекстах используется глаголати, как и в НПЛ, а в КЛ мѣлвити и речн.

Вторую группу образуют три контекста из КЛ. В них представлен особый тип эвиденциального значения — непрямая засвидетельствованность, которая подразумевает, что говорящий не был свидетелем ситуации и передает сообщение, полученное со слов очевидцев. Соответствующие указания выделены двойным подчеркиванием:

... чѣвци же блговѣрнии приходяще взимахоу ^ѣкрове его и ^ѣприкрова соущаго на немъ на тѣлѣ его на спъние себе и на исцѣление и покрывахоутъ наготу телесе его своими одежами и повѣдаша Володимироу так поверженъ есть на торговищи и посла тѣцьского и приѣха види повержена Игоря мртѣвого (КЛ, 1147, 129) — из рассказа об убийстве князя Игоря: ‘благодарные же люди, приходя [к его телу] взяли части покроя, бывшего на нем, и прикрыли наготу телес его своими одежами, и [эти очевидцы] рассказали Владимиру, что [Игорь] брошен на торговой площади...’;

... и оустрѣтоста гости идущъ противоу себе не Половецъ и повѣдаша имъ так Повци стоятъ на Хоролѣ (КЛ, 1184, 222 об.), ‘и встретили купцов, идущих им на встречу из Половецких земель, и [купцы] рассказали им, что Половцы стоят на реке Хорол’;

... Половцѣ которни оутгагли перенти вежами ссошася а которѣи не оутгагли а тѣхъ взаша рекоша же ако в тоу рать вежѣ и кони скоти мнози потопи соутъ в Хирии (КЛ, 1183, 220 об.), ‘половцы, которые успели перейти в повозках, спаслись, а те, которые не успели, тех взяли в плен, и рассказали [очевидцы], что в ту битву многие повозки, кони и скот утонули в Хирии’.

Из типологических исследований по эвиденциальности известно, что если в языке есть показатель, маркирующий пересказывательность, то он может использоваться и для указания на непрямую засвидетельствованность, поскольку в обоих случаях повествователь не может нести эпистемическую ответственность за ситуацию, свидетелем которой он не был [Козинцева 1994: 93, 101—103]. Как показывают примеры выше, указан-

ное направление семантического развития наблюдается у **яко** в дейктически нейтральных примерах из КЛ.

Третью группу примеров образуют контексты со словом **вѣсть** в опорной предикации, союз **яко** зафиксирован в четырех примерах, при этом три из них — из СЛ:

- ... **башеть во ему вѣсть яко оуже пошелъ естъ митрополитъ** (КЛ, 1156, 173 об.),
- ... **бывшю кму на Перепетовскомъ поли вѣи кму вѣсть яко не дождавъ Половци сонма ѳхали воеватъ и воюють** (СЛ, 1169, 119 об.—120 об.),
- ... **бы же и вѣсть яко идеть Гюрги с врато своимъ Вячеславо** (СЛ, 1149, 108 об.),
- ... **а не башеть кму вѣсти яко на Москвѣ полци Тотарьскни и Андрѣи кнзь** (СЛ, 1294, 171).

Указанные примеры, построенные по модели **бысть вѣсть яко**, представляют особый интерес, поскольку они являются отклонением от общей тенденции, характерной в КЛ и СЛ: при опорном слове **вѣсть** решительно преобладает модель с союзами **оже/аже** (47 примеров в КЛ и 6 в СЛ). Употребления **яко** представляют собой единичные случаи — 1 в КЛ и 3 в СЛ. Указанные контексты не содержат модальных признаков, поэтому нет оснований считать, что употребление **яко** при слове **вѣсть** может иметь семантическую мотивацию. Наиболее вероятным объяснением в данном случае является фактор традиции: **яко** при слове **вѣсть** наследуется в летописном узусе из локальных традиций, в которых *že*-модель не представлена или не получила распространения (см. данные НПЛ, ПВЛ и ГЛ). Примеры со словом **вѣсть яко** из КЛ и СЛ рассматриваются как семантически нейтральные.

Таким образом, среди дейктически неохарактеризованных контекстов в КЛ и СЛ преобладают модально-осложненные употребления **яко** со значением пересказывательности и непрямой засвидетельствованности — семь контекстов с модальными признаками против четырех семантически нейтральных примеров с оборотом **бысть вѣсть яко**.

Анализ примеров с *jako* recitativum из КЛ и СЛ показывает, что указанная конструкция имела два типа употреблений — фразеологизированные и субъективно-модальные.

К фразеологизированным контекстам относятся примеры с теми же опорными предикатами, что и в НПЛ, — обороты «**цѣловати крѣсть + яко + прямая речь**» и «**бысть вѣсть + яко + дейктически нейтральный контекст**». По всей видимости, указанные употребления **яко** закрепляются в древнерусской летописной традиции как устойчивые сочетания.

В области субъективно-модальных употреблений из КЛ и СЛ наблюдается развитие тенденций, выявленных в НПЛ:

1. Конструкция с **яко** при союзной прямой речи регулярно используется для выражения дистанцирования. Если не считать фразеологизированных употреблений при предикате **цѣловати кръстьъ**, соотношение оценочных и семантически нейтральных контекстов составляет 5:2.

2. Расширяется круг значений в дейктически нейтральных контекстах с **яко**: помимо пересказывательных контекстов ‘говорят, что’, в КЛ **яко** используется при передаче не прямой засвидетельствованности — сообщений, полученных со слов очевидцев.

Таким образом, в КЛ и СЛ наблюдается типологически известное направление грамматической эволюции, при котором наблюдается распределение функций между конкурирующими грамматическими моделями, занимавшими одну нишу [Dahl 2004: 157—160]: более архаичная модель с **яко** сохраняется в узусе как средство выражения субъективно-модальных значений дистанцирования и пересказывательности, в то время как модель с *že*-союзами распространяется как основной тип изъяснительного предложения с семантически нейтральной пропозицией.

Таким образом, в исследованных древнерусских летописях восстанавливаются следующие пути эволюции конструкции *jako recitativum*. В ПВЛ и ГЛ, ориентированных на книжную традицию, *jako recitativum* представлена широко, в единичных случаях наблюдаются примеры трансформации этой конструкции в косвенную речь.

Близкую книжным летописям систему гипотаксиса отражает и НПЛ, ориентированная по многим другим параметрам на живой узус. Как и в более книжных источниках, в НПЛ почти не встречается косвенной речи. При этом наблюдается тенденция к сокращению употреблений *jako recitativum* и фразеологизации некоторых из них — указанная конструкция используется при ограниченном круге опорных предикатов: **цѣловати кръстьъ яко**, **речи яко**, **приде вѣсть яко**, **глаголати яко**, а также специфически новгородских глаголах речи **посълати яко** и **творити яко**. Из субъективно-модальных значений наиболее регулярно представлена только пересказывательность, которая маркируется лексическими средствами (**нѣции глаголють яко**). В контекстах с союзной прямой речью регулярных модальных признаков не выявлено.

КЛ и СЛ отражают, с одной стороны, закрепление за конструкцией *jako recitativum* модальных значений дистанцирования и пересказывательности, а также развитие грамматического противопоставления между ней и древнерусской *že*-моделью. С другой стороны, в КЛ и СЛ сохраняются семантически нейтральные фразеологизированные употребления **яко** в составе устойчивых оборотов **цѣловати кръстьъ яко** + прямая речь, **вьсть вѣсть яко** + дейктически нейтральный контекст.

Другое направление эволюции наблюдается в ВЛ конца XIII в., близкой КЛ. Указанный источник отражает утрату *jako recitativum*, однако тенденция к маркированию пересказывательной семантики сохраняется и реализуется за счет использования модального показателя **бы** в рамках *že*-модели изъяснительного предложения, ср.:

... Телевоуга же еха вебзирать города Володимѣра а друзѣни
 молѣвать оже вы (sic! в Хлебниковском сп. — аже вы) и в городѣ
 былъ но то невѣдомо (ВЛ, 1280, 296).

Таким образом, древнерусские летописи отражают следующие направления развития конструкции *jako recitativum*: ее трансформацию в косвенную речь (ПВЛ и ГЛ), сужение и фразеологизацию ее употреблений (НПЛ), развитие модальных значений (КЛ и СЛ), полную утрату (ВЛ).

Старовеликорусский период

1. Типы контекстов с *jako recitativum* в старовеликорусский период

Материал НЛ исследован в рамках трех периодов, соответствующих публикации источника в XI—XIII тт. Полного собрания русских летописей: XI том (1362—1424), XII том (1425—1505), XIII том (1506—1558). Общие чтения из разных списков НЛ при подсчетах рассматривались как один пример.

Как и в древнерусский период, в НЛ за XIV—XVI вв. представлено два типа употреблений *jako recitativum*.

1. Книжные цитаты из священных и литургических текстов. Помимо собственно библейских цитат, в НЛ содержится большое количество цитат из Деяний Соборов и Апостольских правил, а также «Тактикона» Никона Черногорца, бо́льшая часть церковных цитат сосредоточена в статьях 1437 и 1443 гг., ср.:

... *Петръ нача же ротися и клятися яко не знаю челоуѣка* (НЛ, 1389, 106);
 ... *и се толкуя, божественный Златоустъ глаголетъ, яко тебѣ лѣпно
 есть научити и рѣци, мнѣ же лихву попустити* (НЛ, 1443, 49).

2. Оригинальные цитации, ср.: ... *и приде вѣсть къ великому князю Дмитрею, яко «Митяй твои вскоре преставися на мори»* (НЛ, 1378, 40).

Частотность употреблений *jako recitativum* в рамках рассматриваемых периодов представлена в Таблице 3:

Таблица 3

Книжные цитаты и оригинальные цитации с *jako recitativum*
 в НЛ за XIV—XVI вв.

Тип употребления	1362—1424	1425—1505	1505—1558	Всего
Книжные цитаты	12	38	0	50
Оригинальные цитации	24	20	6	50
<i>Всего</i>	<i>36</i>	<i>58</i>	<i>6</i>	<i>100</i>

Из Таблицы 3 видно, что большинство примеров с *jako recitativum* зафиксировано в XIV—XV вв. В указанный период НЛ широко отражает тенденции второго южнославянского влияния, которое в области лексики

и грамматики проявилось в последовательном использовании книжных церковнославянских лексем, форм и конструкций [Успенский 2002: 289]. По мере того как повествование НЛ за XVI в. становится более ориентированным на живую речь (подробнее см. [Шевелева 2010: 223]), частотность *jako recitativum* резко сокращается, а в книжных цитатах она и вовсе перестает использоваться. Таким образом, как в древнерусский, так и в старовеликорусский период употребления *jako recitativum* коррелируют с параметром «книжность».

2. *Jako recitativum* в системе способов передачи чужой речи в НЛ

НЛ за XIV—XVI вв. отражает тот этап развития грамматического подчинения, когда основным типом изъяснительного предложения становится модель современного типа с союзом *что*, который решительно преобладает в предложениях любой структуры. При этом союз *яко* по-прежнему регулярно используется в контекстах с чужой речью. Количественные данные об употреблении союзов *что* и *яко* в оригинальных цитациях представлены в Таблице 4.

Таблица 4

Соотношение союзов *что* и *яко* в контекстах с чужой речью

Союз <i>что</i>	Союз <i>яко</i>
Союзная прямая речь	
18	10
<i>... и сказаше ей <u>что</u> брата нашего крестное ѡблованіе къ намъ сложили</i> (НЛ, 1400, 183).	<i>... прииде Татаринъ изо Орды на Москву повѣдаа великому князю Василю Дмитреевичю, <u>яко</u> князь велики Ординьскіи Едигеи хоцетъ воевати землю <u>твою</u></i> (НЛ, 1408, 205).
Дейктически нейтральные контексты	
228	28
<i>... промчешя вѣсть въ городъ, <u>что</u> стоить князь великии Дмитрий ивановичъ со своею силоу у Жилутуга</i> (НЛ, 1386, 88).	<i>... и нѣци глаголаху о нихъ <u>яко</u> истопоша, <u>друзіи</u> же глаголаху <u>яко</u> отъ разбойникъ избіени суть</i> (НЛ, 1389, 101).
Косвенная речь	
239	12
<i>... А сторожи царевы сказали, <u>что</u> <u>тѣхъ</u> люди и <u>сами</u> видѣли, коли въ городъ вѣхали</i> (НЛ, 1541, 113).	<i>... сами бо глаголаху, <u>яко</u> было <u>ихъ</u> съ сорокъ тысячь на бою томъ</i> (НЛ, 1471, 135).

Приведенные данные показывают три важные закономерности, характеризующие функционирование *jako recitativum* в старовеликорусский период:

1. Употребления *яко* распространяется на все типы контекстов с чужой речью, в том числе при косвенной речи.

2. В НЛ больше не прослеживается корреляции между союзом и типом зависимой конструкции — ср. противопоставление конструкций, выявленное в киево-суздальской традиции *яко* + *прямая речь* vs. *же-союз* + *косвенная речь*. В НЛ оба союза *что* и *яко* представлены во всех типах контекстов с чужой речью, независимо от типа придаточной части.

3. В НЛ наблюдается распределение изъяснительных союзов по степени частотности: *что* является преобладающим изъяснительным союзом, *яко* используется регулярно, но значительно реже, чем *что*.

В отличие от киево-суздальской традиции, в которой наблюдалась конкуренция двух изъяснительных моделей — союзной прямой речи с *яко* и *же*-модели косвенной речи, в НЛ проявляется конкуренция двух изъяснительных союзов в контекстах с чужой речью — *что* и *яко*.

3. Лексико-семантические особенности употреблений *jako recitativum*

Как и при анализе древнерусского материала, отдельно исследованы лексико-семантические особенности контекстов с *яко* при чужой речи в НЛ за XIV—XVI вв. Контексты с *яко* разделены на две группы на основании структурной и семантической близости. Первую группу образуют примеры, в которых после *яко* используется прямая речь (*jako recitativum*). Вторая группа — примеры с союзом *яко* при косвенной речи, которая охватывает как собственно контексты с анафорическими отсылками 3 лица в зависимой части, так и дейктически нейтральные контексты. Между указанными типами придаточных клауз, в отличие от древнерусского периода, не выявлено структурных и семантических различий, что дает основание рассматривать их вместе как косвенную речь.

Яко при союзной прямой речи

В НЛ за XIV—XVI вв. зафиксировано 10 примеров с *яко* при союзной прямой речи, четыре из них содержат субъективно-модальные признаки, указывающие на дистанцирование, как в КЛ и СЛ.

В двух случаях комментарии, сопровождающие чужую речь, описывают несправедное поведение цитируемых лиц:

... Любляху же пѣанство зѣло, и егда гдѣ наѣзжаху пиво и медь и вино, упивахуся безъ мѣры, и ѣздяху пѣяни и глаголюще въ себѣ кождо ихъ яко «можетъ единъ от насъ на сто татариновъ ѣхати, по истиннѣ никто же можетъ противу насъ стати» (НЛ, 1377, 27);

... На пятый день послѣ великого пожара черные люди града Москвы отъ великіе скорби въсколебашася, яко юроди и пришедше въ градъ и на площади убиша каменіемъ царева великого князя боярина князя Юрья василіевича Глинского и дѣтеи боярьскихъ много побиша а людеи княже Юрьевыхъ безчислено побиша. И животъ княжеи розграбиша ркуще безуміемъ своимъ, яко вашимъ зажиганіемъ дворы наши и животы погорѣша (НЛ, 1547, 154).

В одном примере мотивацией для дистанцирования служат указания на неискренность цитируемого лица и недоверие к нему со стороны присутствующих и повествователя:

... *А князь великіи предъ нимъ смиряшеся, и во всемъ вину самъ на себя возлагая, яко «и не сіе мнѣ пострадати было, грѣхъ моихъ ради и безаконіи многихъ и преступленіи въ крестномъ цѣлованіи предъ вами...» Сія же и ина многа излагагола, имъже нѣсть числа и писати не мощно. Глаголющу же ему, слезамъ текущимъ отъ очію его, якоже быстринамъ, якоже всѣмъ сущимъ ту дивитися таковому смиренію и умиленію, и плакахуся вси смотрящеи его* (НЛ, 1447, 71).

В одном случае поводом для дистанцирования является несогласие говорящего с позицией адресата — говорящий воспроизводит чужую речь, чтобы ее опровергнуть, ср.:

... *Дионисей же епископъ Суждальскый, вѣставъ, иде къ нему, и пришедъ, рече ему: «присылалъ еси ко мнѣ глаголя яко власть имамъ на тебѣ; но убо не имаше власти на мнѣ никоеяже, и тебѣ убо подобало пріити ко мнѣ и поклонитися и благословитися отъ мене: азъ бо есмь епископъ, ты же попъ»* (НЛ, 1378, 38).

Датировки примеров свидетельствуют о том, что в НЛ тенденция использовать *яко* при прямой речи для обозначения дистанцирования сохраняется вплоть до середины XVI в., однако широкого распространения она не получила — модально-осложненные примеры единичны.

В шести из десяти примеров с союзной прямой речью контекстуальных субъективно-модальных признаков не выявлено, ср.:

... *Князь же великіи съ сыномъ и з братьею со всеми воеводами поидоша къ Боровску; глаголаша, яко «на тѣхъ полехъ бои съ ними поставимъ»* (НЛ, 1481, 201—202);

... *Тоя же вѣсны пріиде Исидоръ на Русьскую землю и идяше къ Москвѣ и глаголаше тако, яко соединилися есмѣ на семь великомъ соборѣ восточныа церкви съ западными* (НЛ, 1440, 40);

... *Тоя же осени ноября пріиде Татаринъ изо Орды на Москву повѣдаа великому князю Василію Дмитреевичю, яко князь велики Ординскіи Едигеи хоцетъ воевати землю твою* (НЛ, 1408, 205);

... *и пріиде вѣсть къ великому князю Дмитрею, яко «Митѣй твои вскоре представися на мори»* (НЛ, 1378, 40).

Отдельный интерес представляет состав опорных предикатов при союзной прямой речи в НЛ за XIV—XVI вв. Если в НПЛ и киево-суздальской традиции наблюдались признаки лексической связанности *jako recitativum* с некоторыми глаголами речи (*речи яко, цѣловати крѣстъ яко...*), то в НЛ указанная конструкция используется при разнообразных опорных предикатах — *глаголати яко, повѣдати яко* и *пріиде вѣсть яко*. Перечисленные

лексемы не отмечены при союзной прямой речи в КЛ и СЛ, зато представлены в ПВЛ и ГЛ, ориентированных на книжный узус (см. примеры в разделе 2).

Отдельного комментария заслуживают два примера с союзом *яко* при прямой речи в контексте торжественных речей, ср.:

- ... *Они же вси единомушно возопиша яко готови есмь по Христѣ пострадади за христьянскую вѣру и за твою обиду* (НЛ, 1380, 52);
 ... *Великии в благочестіи царь государь князь великии Иванъ Василевичъ всея Русіи видѣ убо христіанство поплѣнено и многы крови христіаньскыя проливаемы и многымъ церквамъ святымъ запусѣніе: от кого убо сіа бысть нестерпимыя бѣды? Глаголю же, яко* (в др. списках *якоже*) *вся сіа бысть злая отъ безбожныхъ Казаньскихъ Срацынь* (НЛ, 1551, 162).

Прагматическая установка торжественной речи предполагает ориентацию на стандартные церковнославянские тексты [Живов 2004: 49—50]. Приведенные примеры можно рассматривать как единичные случаи, в которых союзная прямая речь с *яко* используется в стилистических функциях — исключительно как маркер ориентации на более престижную книжную традицию.

Таким образом, в НЛ за XIV—XVI вв. употребления *яко* при союзной прямой речи неоднородны и отражают следование разным традициям древнерусского летописного узуса. В четырех случаях союзная прямая речь используется как показатель дистанцирования, как в КЛ и СЛ. В четырех семантически нейтральных контекстах состав опорных слов указывает на связь с более книжной летописной традицией, отраженной в ПВЛ и ГЛ. В двух случаях союзная прямая речь с *яко* используется как стилистический маркер книжности.

Яко при косвенной речи

Данные НЛ показывают, что косвенная речь является областью инноваций в употреблении и семантике союза *яко* в старовеликорусский период.

Употребления *яко* в косвенной речи в семантическом отношении близки киево-суздальской традиции: в НЛ широко представлены значения пересказывательности и не прямой засвидетельствованности, при этом количество контекстов резко возрастает, по сравнению с данными древнерусских летописей.

Значение пересказывательности зафиксировано в 19 примерах, при этом большая часть из них имеет фразеологизированную структуру. В 13 случаях из 17 используется опорный предикат *глаголати*, на цитирование слухов указывают неопределенно-личные местоимения *инии*, *нѣции*, реже встречается неопределенно-личная форма глагола 3 лица множественного числа, ср.:

- ... ини глаголаху о Митяе яко задушиша его, ини же глаголаху яко морской водою умориша его (НЛ, 1378, 40);
- ... и нѣци глаголаху о нихъ яко истопоша, друзи же глаголаху яко отъ разбойникъ избіени суть (НЛ, 1389, 101);
- ... и потомъ начяша нѣци глаголати яко естъ татарове в поле и царевичъ Арапиша крыется в нѣкихъ мѣстехъ (НЛ, 1377, 27);
- ... глаголютъ же яко то прѣваа церковь на Москвѣ, на томъ дѣ мѣстѣ боръ былъ, и та цѣрковь въ томъ лѣсу срублена (НЛ, 1461, 114);
- ... Глаголютъ же нѣци, яко въ Дорогомиловской той церкви отъ древнихъ лѣтъ были бяху священныя ризы чудотвориваго святителя Леонтіа (НЛ, 1522, 42).

Адреса других примеров с оборотом *глаголати* *яко* в НЛ: (1380, 49), (1389, 108), (1392, 134), (1392, 150), (1471, 142), (1473, 153), (1491, 229), (1534, 79).

В двух случаях в позиции опорного предиката встретился глагол *повѣдати*:

- ... повѣдаша нѣци яко исперва не царь бѣ, ни сынъ царевь, ни племяни царска, ни княжьска, ни боарска (НЛ, 1395, 158);
- ... Нѣци же повѣдаша яко корабль той стояше на единомъ мѣстѣ и не поступаа съ мѣста, ни сѣмо ни тамо (НЛ, 1378, 38).

В одном случае пересказывательный контекст зафиксирован при глаголе *сказати*, который почти не использовался при *jako* *recitativum* в древнерусский период. Пример встретился во вставной Повести о взятии Константинополя турками под 1453 г., использование глагола *сказати*, получившего распространение в XVI в., можно рассматривать как признак более поздней переработки этой повести:

- ... и нѣци сказаша, яко самъ царь въ сердци своемъ възнесеса (НЛ, 1453, 94).

Отдельный интерес представляет пример, в котором указание на то, что источником сообщения является людская молва, маркировано в значении опорного предиката — устойчивого сочетания *промчеса слово*:

- ... и промчеса слово то повсюду яко Витовтъ Кестутьевичъ со многими силами идетъ на Темиръ-аксака царя мимо Смоленскъ (НЛ, 1396, 162).

Более редкие опорные предикаты *сказати* и *промчеса слово* встречаются во вставных повестях, в собственно летописном повествовании используются архаичные глаголы речи *глаголати* и *повѣдати*.

Примеры со значением засвидетельствованности в НЛ встречаются при тех же опорных предикатах, что и пересказывательные контексты.

В пяти случаях отмечено опорное слово *глаголати*:

- ... прилучиша бо ся нѣции тамо въ то время неложные свидѣтели глаголюще яко егда Сергіи причастися Божественныхъ таинъ, тогда исполнися вся церкви благоуханія (НЛ, 1392, 132);
- ... Глаголаху же, иже тогда в плѣненіи томъ бывшеи и потомъ избѣжаша, сице сказаше глаголюще яко толикое множество богатства снесоша, порты драгіа и вещи многоцѣнныа (НЛ, 1411, 216);
- ... сами бо глаголаху, яко было ихъ съ сорокъ тысячь на бою томъ (НЛ, 1471, 135);
- ... Избѣено ихъ бысть многое множество: самимъ бо глаголющимъ имъ, яко дванадесять тысяць изгубе ихъ на боехъ тѣхъ, а изманныхъ руками болъ двою тысяць (НЛ, 1471, 135);
- ... глаголють бо бывшеи тамо, яко съ пять тысячь ихъ толко бѣ (НЛ, 1471, 135).

Как и в пересказывательных контекстах, в двух случаях сообщения от очевидцев вводятся посредством опорного предиката *повѣдати*:

- ... придоша ко мнѣ изъ Смоленска мои Смоленяне тайно послани отъ нѣкихъ моихъ доброхотовъ повѣдающе яко многи хотятъ мене видѣти на отчинѣ и дѣдинѣ моей (НЛ, 1400, 184);
- ... Тои же Никита да иніи отъ братьей, ученици Пафнотіевы, повѣдаша, яко ни пѣти ниже конархати (sic!), никтоже обрѣтесе надгробная, но единъ точію отъ ученикъ его Инокентей именовъ, той со многими же слезами надгробная проглагола (НЛ, 1477, 170).

В трех примерах используется глагол *сказати*, при этом оборот *сказати яко* встречается как в Повести о взятии Константинополя турками, так и на других участках текста:

- ... нѣции же въ нихъ добръ знающе градъ сказоваху ему величество града и пространство и яко не коснется имъ смрадь (НЛ, 1453, 87);
- ... паки о такомъ патріарсѣ сказаша ми и иніи нѣции, яже отай тѣмъ бываемая о мясохъ, яко не предъ всѣми ядяше мясо (НЛ, 1443, 48).

В указанных примерах интересно совмещение формальных признаков пересказывательности (*нѣции*, *иніи*) и непрямой засвидетельствованности ‘некоторые из очевидцев сказали, что...’.

Опорный предикат *сказати* отмечен также в наиболее позднем примере с признаками пересказывательности — он датирован серединой XVI в. Пример интересен тем, что содержит два предложения с чужой речью — при передаче сообщения от очевидцев (языков, захваченных в плен) используется *яко*, при чужой речи, не содержащей субъективно-модальных признаков, отмечен союз *что*:

- ... и сказаша языки, яко того ради поиде царь на Русь: сказали ему въ Крыму, что царь и великій князь съ всѣми людми въ Казани (НЛ, 1552, 190).

Таким образом, в НЛ за XIV—XVI вв., расширяется употребительность *яко* как показателя пересказывательности и не прямой засвидетельствованности в косвенной речи, наблюдается формальное и семантическое сближение контекстов указанного типа: они встречаются при одних и тех же опорных предикатах, появляется новый тип контекста с совмещенными признаками ‘некоторые из очевидцев’.

Другой инновацией в употреблении *яко* при косвенной речи является новый тип контекста, не представленный в древнерусских источниках. В трех примерах *яко* отмечен при глаголах со значением *не до ст о в е р н о с т и* — контексты датируются XIV—XV вв.:

... *нѣции же оклеветаша его яко *неправо и не вѣрно служитъ царю* (НЛ, 1389, 98);*

... *ему же завидяще клеветаху на нь яко *неправе служитъ ему* (НЛ, 1392, 149);*

... *Того же лѣта скоромолили промежь князя Андрея Углицкаго, слуга его Образец, яко *хочеть его князь великий поимати* (НЛ, 1489, 220).*

Приведенные примеры интересны тем, что в них значение не до ст о в е р н о с т и маркируется как грамматически (за счет показателя *яко*), так и лексически — посредством опорного предиката речи, содержащего компонент значения ‘обмануть’.

Таким образом, в НЛ наблюдается не только рост частотности модальных контекстов с союзом *яко*, но и расширение круга его значений. Хронология указанного процесса отражена в Таблице 5.

Таблица 5

Типы модальных значений в контекстах с *яко* при косвенной речи

Тип значения	(1362—1424)	(1425—1505)	(1506—1558)	Всего
пересказывательность	11	6	2	19
непрямая засвидетельствованность	2	6	1	9
недо ст о в е р н о с т ь	2	1	0	3
<i>Всего</i>	<i>15</i>	<i>13</i>	<i>3</i>	<i>31</i>

Как видно из Таблицы 5, *яко* как показатель субъективно-модальных значений при косвенной речи наиболее активно использовался со второй половины XIV до первой четверти XV в. К XVI вв. наблюдается сокращение модальных контекстов на фоне общей тенденции к утрате союза *яко*.

В отдельную группу объединены девять примеров из НЛ, в которых субъективно-модальные признаки отсутствуют или же являются ненадежными. Внутри этой группы выделяется несколько типов контекстов, имеющих общие лексические признаки.

Как и в древнерусских летописях, в НЛ встретилось два примера с опорным словом *вѣсть*, которое в старовеликорусский период используется во множественном числе:

- ... и се паки начяша поновлятися вѣсти яко Мамай неотложно хоцетъ ити на великаго князя (НЛ, 1380, 51);
 ... и се убо намъ вѣсти приходятъ яко не точію Московьскую силу взять, но и отъ иныхъ странъ многи силы пріать и готовится на тя (НЛ, 1402, 189—190).

Среди семантически нейтральных примеров отмечено четыре контекста с опорным словом *сказати*. Важно то, что все они зафиксированы во вставной повести о взятии Константинополя турками:

- ... днемъ же тріемъ минувшимъ, сказашиа океанному турку, яко пушка она веліа сляся добръ (НЛ, 1453, 88);
 ... сказашиа царю, яко уже турки въздоша на стѣну и одолгвають гражань (НЛ, 1453, 89);
 ... о царици же бывшу велику испытанію, сказашиа Салтану, яко великій дукасъ и великіи доместикъ и анактосъ и протостраторовъ сынъ Анрѣй и братаничъ его Асанъ Ѡма Палеологовъ и епархъ градскіи Николай отпустишиа царицю въ корабли (НЛ, 1453, 97).

Выше также приведены примеры употребления оборота *сказати яко* в эвиденциальных контекстах. Концентрация примеров с опорным словом *сказати*, получившим распространение в XVI в., в Повести о взятии Константинополя турками свидетельствует о том, что они представляют собой довольно позднюю индивидуально-авторскую особенность составителя / редактора.

Примеров, не попавших ни под одну из классификаций и не содержащих субъективно-модальных признаков, встретилось всего четыре:

- ... и нача испытывати отъ старыхъ исторіи яко царь Батый плѣнилъ Русскую землю и всеми князьми владѣлъ (НЛ, 1380, 46);
 ... и возвѣстишиа ему яко 100 и 10 шатровъ осташа пусти (НЛ, 1392, 152),
 ... того же лѣта приде вѣсть къ великому князю, яко дополна царь Ахматъ идетъ со всею Ордою (НЛ, 1480, 200);
 ... и того же дни придоша вѣстницы яко поганіи они Татарове и з безбожнымъ царемъ ихъ страхомъ велимъ объяти бывше и плещи вдаше, бегу ся яша (НЛ, 1522, 42).

Рассмотренные примеры показывают, что, помимо модальных употреблений *яко*, в НЛ имеется небольшое число нейтральных контекстов, в которых указанный союз используется без дополнительных семантических экспликаций исключительно как маркер книжной традиции.

Таким образом, оригинальные цитации с *яко* в НЛ за XIV—XVI вв. показывают, что только небольшое число употреблений *яко* при чужой речи

наследуется в летописном узусе исключительно как книжный признак. Большая часть примеров с *яко* отражает дальнейшее развитие у этого союза тенденций, появившихся еще в древнерусский период.

Как и в более ранних источниках, в НЛ наблюдается фразеологизация употреблений *яко*: этот союз используется по большей части при архаичных опорных предикатах *глаголати, повѣдаѹти*, а также некоторых других древнерусских глаголах речи (*речи, приде вѣсть* и пр.). Указанные опорные слова используются как при прямой речи, так и при косвенной, то есть утрачивается характерная для древнерусского периода корреляция между опорным предикатом и типом зависимой части (ср. данные НПЛ, КЛ и СЛ: *речи* + прямая речь, *глаголати, вѣсть* + нейтральный контекст).

Важным грамматическим процессом старовеликорусского периода является распространение союза *яко* при косвенной речи и закрепление противопоставления двух изъяснительных союзов *что vs. яко*, из которых *что* является частотным нейтральным показателем связи, а *яко* относится к области периферии и все шире используется как модальный союз.

Развитие у *яко* субъективно-модальной семантики наблюдается в области косвенной речи: отмечено значительное число примеров со значением пересказывательности и не прямой засвидетельствованности, появляется тип контекста, в котором совмещаются указанные семантические признаки: ‘некоторые из очевидцев говорили, что’. Расширяется круг значений *яко*: помимо указанных эвиденциальных контекстов, этот союз начинает использоваться при выражении эпистемической модальности — в контекстах со значением недоверности.

Интересно то, что контексты с *jako recitativum*, то есть употребления *яко* при прямой речи, в НЛ отражают следование более ранним летописным традициям и не содержат грамматических или семантических инноваций. Большая часть из них нейтральны в семантическом отношении, как в ПВЛ и ГЛ, и только в единичных случаях имеются признаки дистанцирования, как в киево-суздальской традиции.

Таким образом, НЛ показывает, что субъективно-модальные употребления у *яко* наиболее интенсивно развиваются при косвенной речи в XIV—XV вв., однако уже к XVI в. наблюдается затухание указанного процесса по мере того, как повествование НЛ становится все более не книжным.

Выводы

Богатый материал исследованных летописей XIV—XVI вв. позволил уточнить традиционные представления о функциях конструкции *jako recitativum* и семантике союза *яко* в древнерусских источниках. Получены ответы на многие спорные вопросы, которые невозможно было однозначно решить, исследуя материал отдельно взятых источников.

Исследованные летописи показали, что употребления *jako recitativum* отчетливо связаны с книжным компонентом летописания. На протяжении всего исследуемого периода прослеживается закономерность: чем больше источник ориентирован на книжную церковнославянскую традицию, тем шире в нем используется *jako recitativum*.

Одним из спорных вопросов в исследованиях, посвященных указанной конструкции, был вопрос о ее функциях и семантике союза *яко*. Материал летописей позволил проследить основные этапы и механизмы эволюции *jako recitativum* от маркированно-книжного способа передачи чужой речи до модально-осложненной конструкции, а также пути развития модальных значений у союза *яко*.

В летописях, лингвистически ориентированных на книжную церковнославянскую традицию, таких как ПВЛ и ГЛ, *jako recitativum* представлена широко и является одним из основных способов передачи чужой речи. Регулярных признаков модальной семантики у этой конструкции не выявлено.

В древнерусских летописях, ориентированных на восточнославянский узу, таких как КЛ, СЛ и НПЛ, наблюдается значительное сокращение количества примеров с *jako recitativum* в сравнении с более книжными источниками. Сужение употреблений *jako recitativum* в источниках XII—XIV вв. сопровождалось несколькими явлениями.

Первым важным процессом в эволюции указанной конструкции является фразеологизация некоторых ее употреблений и формирование лексико-грамматической связанности между опорным предикатом и типом подчинительной части. В КЛ, СЛ и НПЛ при предикатах **цѣловати крѣсть, речи, посылати** ‘послать с речью’ используется модель **яко** + прямая речь, при глаголати, (**приде/бысть**) **вѣсть** модель **яко** + дейктически нейтральные контексты.

Следующим этапом в эволюции *jako recitativum* становится появление у нее употреблений с субъективно-модальной семантикой. К наиболее ранним из них относится пересказывательный контекст с устойчивой синтаксической структурой ‘говорили, что...’, ‘некоторые говорили, что’. Указанные контексты наблюдаются уже в НПЛ, которая по способам передачи чужой речи наиболее близка более книжным ПВЛ и ГЛ. В указанных источниках не представлено косвенной речи, пересказывательные употребления **яко** не образуют грамматических противопоставлений.

Тенденция к грамматическому закреплению *jako recitativum* как модально-осложненной конструкции наблюдается в КЛ и СЛ на фоне ее конкуренции с *že*-моделью косвенной речи. В указанных источниках союзная прямая речь с **яко** регулярно используется при выражении дистанцирования, дейктически нейтральные контексты — для передачи эвиденциальных значений пересказывательности и непрямой засвидетельствованности.

Как показывает НЛ за XIV—XVI вв., в старовеликорусский период наблюдается распространение союза **яко** не только при дейктически нейтральных контекстах, но и при косвенной речи. Указанный процесс сопро-

вождается расширением модальных употреблений **яко** — он используется как при выражении пересказывательности и не прямой засвидетельствованности, так и при указании на недостоверность. Пик употреблений **яко** как субъективно-модального показателя при косвенной речи наблюдается в XIV—XV вв., однако уже в XVI в. число примеров сокращается и наблюдается тенденция к утрате указанной конструкции по мере того, как летописное повествование становится ориентированным на живой узус.

Источники

- ВЛ — Волынская летопись за 1261—1292 гг. (см. Ипат.)
ГЛ — Галицкая летопись за 1201—1260 гг. (см. Ипат.)
Ипат. — Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. СПб., 1908 (Репринт: М., 1998).
КЛ — Киевская летопись по Ипатьевскому списку (см. Ипат.).
Лавр. — Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М., 1997 (Репринт: М., 2001).
НЛ — Полное собрание русских летописей. Т. 11—13. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. СПб., 1897—1904 (Репринт: М., 2000).
НПЛ — Новгородская первая летопись по Синодальному списку // Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950 (Репринт: М., 2000).
ПВЛ — Повесть временных лет (см. Ипат.).
СЛ — Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку (см. Лавр.).

Литература

- Арутюнова 1992 — Н. Д. А р у т ю н о в а. Речеповеденческие акты в зеркале чужой речи // Человеческий фактор в языке. Коммуникация. Модальность. Дейк-сис. М., 1992.
Баранов, Добровольский 2008 — А. Н. Б а р а н о в, Д. О. Д о б р о в о л ь с к и й. Аспекты теории фразеологии. М., 2008.
Борковский, Кузнецов 1963 — В. И. Б о р к о в с к и й, П. Н. К у з н е ц о в. Историческая грамматика русского языка. М., 1963.
Вайан 1952 — А. В а й а н. Руководство по старославянскому языку. Перевод с французского / Под редакцией и с предисловием В. Н. Сидорова. М., 1952.
Гиппиус 2001 — А. А. Г и п п и у с. «Рекоша дружина Игорев...»: К лингвотекстологической стратификации Начальной летописи // Russian linguistics. 2001. Т. 25. С. 147—181.
Гиппиус 2009 — А. А. Г и п п и у с. К вопросу о контактах региональных традиций в русском летописании первой трети XIII века // Восточная Европа в древности и средневековье. XXI Чтения памяти В. Т. Пашуто. Автор и его источник: восприятие, Отношение, Интерпретация. Москва, 14—17 апреля 2009 г. М., 2009. С. 70—77.

Гиппиус 2009а — А. А. Г и п п и у с. Архиепископ Антоний, новгородское летописание и культ св. Софии // Хорошие дни: Сборник памяти А. С. Хорошева. М., 2009. С. 181—198.

Гиппиус 2012 — А. А. Г и п п и у с. До и после Начального свода: ранняя летописная история Руси как объект текстологической реконструкции // Русь в IX—X веках: археологическая панорама. М., 2012. С. 37—63.

Живов 2004 — В. М. Ж и в о в. Очерки исторической морфологии русского языка XVII—XVIII вв. М., 2004.

Зализняк 2004 — А. А. З а л и з н я к. Древненовгородский диалект. 2-е изд., переработанное. М., 2004.

Истрина 1923 — Е. С. И с т р и н а. Синтаксические явления Синодального списка I Новгородской летописи. Петроград, 1923.

Клосс 1980 — Б. М. К л о с с. Никоновская летопись и русские летописи XVI—XVII вв. М., 1980.

Козинцева 1994 — Н. А. К о з и н ц е в а. Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа // Вопросы языкознания. 1994. № 3. С. 93—103.

Козинцева 2007 — Н. А. К о з и н ц е в а. Косвенный источник информации в высказывании (на материале русского языка) // Эвиденциальность в языках Европы и Азии. Сборник статей памяти Наталии Андреевны Козинцевой / Отв. ред. В. С. Храковский. СПб., 2007.

Лопатина 1979 — Л. Е. Л о п а т и н а. Способы передачи чужой речи в рамках сложного предложения // Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Сложное предложение. М., 1979. С. 422—447.

Маслов 1981 — Ю. С. М а с л о в. Грамматика болгарского языка. М., 1981.

Обнорский 1946 — С. П. О б н о р с к и й. Русский литературный язык старшего периода: Лингвистический анализ памятников древнерусской словесности. М.; Л., 1946.

Плунгян 2011 — В. А. П л у н г я н. Введение в грамматическую семантику. Грамматические значения и грамматические системы языков мира. М., 2011.

Преображенская 1991 — М. Н. П р е о б р а ж е н с к а я. Служебные средства в истории синтаксического строя русского языка XI—XVII вв. (сложноподчинённое предложение). М., 1991.

СККДР — Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1 (XI — первая половина XIV в.). Л., 1987.

Срезн. — И. И. С р е з н е в с к и й. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1—3. СПб., 1893—1912.

Ужанков 1989 — А. Н. У ж а н к о в. Летописец Даниила Галицкого: редакции, время создания // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 1. М., 1989. С. 247—283.

Успенский 2002 — Б. А. У с п е н с к и й. История русского литературного языка (XI—XVII вв.). М., 2002.

Хабургаев 1986 — Г. А. Х а б у р г а е в. Старославянский язык. М., 1986.

Шевелева 2009 — М. Н. Ш е в е л е в а. «Согласование времен» в языке древнерусских летописей (к вопросу о формировании относительного употребления времен и косвенной речи в русском языке) // Русский язык в научном освещении. 2009. № 2 (18). С. 144—174.

Шевелева 2010 — М. Н. Ш е в е л е в а. Вторичные имперфективы с суффиксами *-ыва-/-ива-* в летописях XII—XVI вв. // Русский язык в научном освещении. 2010. № 2 (20). С. 200—242.

Шмелев 1977 — Д. Н. Ш м е л е в. Современный русский язык. Лексика: Учеб. пособие. М., 1977.

Юрьева 2013 — И. С. Ю р ь е в а. Некоторые особенности синтаксиса, морфологии и лексики так называемой Галицко-Волынской летописи // Лингвистическое источниковедение 2012—2013 гг. М., 2013. С. 135—151.

Collins 1996 — D. C o l l i n s. The Pragmatics of Indirect Speech in Old Church Slavonic and Other early Slavic Writings // Studies in South Slavic and Balkan Linguistics. Amsterdam, 1996. P. 21—77.

Dahl 2004 — O. D a h l. The growth and maintenance of linguistic complexity. Amsterdam, 2004.

Daiber 2009 — T. D a i b e r. Direkte Rede im Russisch-Kirchenslavischen (Zum pragmatischen Wert des *jako recitativum*) // Text — Sprache — Grammatik. Festschrift für Eckhard Weiher. München; Berlin, 2009. S. 363—386.

Perelmutter 2009 — R. P e r e l m u t t e r. Pragmatic functions of reported speech with *jako* in the Old Russian Primary Chronicle // Journal of Historical Pragmatics. 2009. (10:1). P. 108—131.

Wiener 2008 — B. W i e n e r. Lexikalische Markierungen evidenzieller Funktionen: zur Theoriebildung und empirischen Erforschung im Slavischen // Lexikalische Evidenzialitäts-Marker in slavischen Sprachen (Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 72.). München, 2008. P. 5—51.

Резюме

В статье рассматриваются исторические изменения в структуре и семантике конструкции *jako recitativum* — прямой речи, которой предшествует союз *яко* ‘что, как’. Указанная конструкция широко представлена в русских летописях на протяжении XI—XVI вв. В части летописей *jako recitativum* используется как семантически нейтральный способ передачи чужой речи, в то время как в других источниках эта конструкция выражает дистанцирование, а также эпистемические значения в ситуации, когда имеет место передача слухов или обман. Показано, что развитие модальной семантики у конструкции *jako recitativum* происходит в результате распределения функций между двумя способами передачи чужой речи — *jako recitativum* и косвенной речи, сформировавшейся по модели сложноподчиненного предложения.

Ключевые слова: *jako recitativum*, чужая речь, древнерусский синтаксис, сложноподчиненное предложение, эвиденциальность, эпистемическая модальность, летописи.

Статья получена 20.04.2015

EKATERINA A. VLASOVA

THE USE OF *JAKO RECITATIVUM* IN RUSSIAN CHRONICLES OF THE ELEVENTH-SIXTEENTH CENTURIES

This paper describes historical changes in the pattern and semantics of the syntactic structure with *jako recitativum*, i.e., direct speech introduced by the particle *jako* ‘that, how’. This construction occurs widely in Russian chronicles of the eleventh through six-

teenth centuries. In some chronicles *jako recitativum* is used as a semantically neutral model of the reported speech, while in other chronicles it expresses the narrator's distancing himself from the content of the reported utterance as well as epistemic modality in situations related to gossip or deceit. It is shown that the modal use of *jako recitativum* is a result of functional distribution between two patterns of reported speech such as *jako recitativum* and indirect speech formed on the basis of a subordinate clause.

Key words: *jako recitativum*, reported speech, Old Russian syntax, subordinate clause, evidentiality, epistemic modality, chronicles.

Received on 20.04.2015

М. Г. ШАРИХИНА

**ПЕРЕДАЧА ГРЕЧЕСКОГО СУБСТАНТИВИРОВАННОГО
ИНФИНИТИВА В СЛАВЯНСКОМ ПЕРЕВОДЕ
ЕВХОЛОГИЯ ВЕЛИКОЙ ЦЕРКВИ***

1. Вводные замечания

Евхологий Великой церкви (далее — ЕВЦ) представляет собой богослужебную книгу, которая использовалась в храме св. Софии в Константинополе в послеиконоборческий период. Славянский перевод Евхология сохранился в двух русских рукописях, датируемых рубежом XIV—XV вв.: ГИМ, Син. 675 и Син. 900. Точное время и место перевода до настоящего времени не было установлено. Однако, как показывает исследование Т. И. Афанасьевой, в языке перевода отмечается ряд признаков, соответствующих правленному в XIV в. редакциям, в частности переводам круга патриарха Евфимия Тырновского и митрополита Киприана [Афанасьева 2014: 237, 240—242].

Правленные редакции XIV в. характеризуются особым набором средств, используемых для перевода греческих конструкций с субстантивированным инфинитивом и отличающих данные редакции от переводов предшествующего периода [Пентковская 2009б: 199]. Связано это с тем, что славянский инфинитив, в отличие от греческого, не может субстантивироваться, присоединяя артикль или употребляясь в разных падежах. Поэтому при передаче греческого субстантивированного инфинитива переводчик руководствовался одной из двух установок: к сохранению славянских синтаксических моделей или к последовательному отражению особенностей греческого синтаксиса. В первом случае при переводе использовались функциональные эквиваленты греческих конструкций либо формально сходные конструкции, во втором — синтаксические кальки с местоимением **ѣже**, используемым для передачи греческого артикля.

Наиболее распространенными средствами передачи конструкций с субстантивированным инфинитивом в старославянских памятниках были следующие: обстоятельственные придаточные предложения, предложения с **да** и финитной формой глагола, предложно-падежные формы существитель-

---

* Статья написана при финансовой поддержке РГНФ, грант № 14-04-00150.

ного, инфинитив, дательный самостоятельный, оборот *dativus cum infinitivo*, супин [Милев 1962; Минчева 1978: 251—252; Афанасьева 2004: 104—105; Bláhová 2005; 2008]. Выбор того или иного способа перевода часто зависел от синтаксической функции субстантивированного инфинитива.

Реже в древних текстах употреблялись конструкции, образованные по модели «предлог/союз + инфинитив». Их можно отнести к разряду полукалек, так как греческий артикль в их составе не отражался, а греческий предлог мог передаваться с помощью союза. При этом конструкция нарушала нормы славянского синтаксиса. Например:

- ... раждаѡтъ бо **прѣжде** **даже не вниѡи** къ нимъ бабамъ — *πρὶν ἢ εἰσελθεῖν* πρὸς αὐτάς τὰς μαίας (цит. по: [Bláhová 2005: 162]);
- ... да **мѡстивъ боудеть** и **вѣрьнь стѡль таже** къ боу, **въ оцѣстити** грѣхы людьмъ — *ἵνα ἐλεήμων γένηται καὶ πιστὸς ἀρχιερεὺς τὰ πρὸς τὸν θεόν, εἰς τὸ ἰλάσκεσθαι τὰς ἁμαρτίας τοῦ λαοῦ* (цит. по: [Bláhová 2008: 57]);
- ... **зане имѣти** ми въ **срдци вы** — *διὰ τὸ ἔχειν* με ἐν τῇ καρδίᾳ ὑμᾶς (цит. по: [Там же: 61]).

Такие конструкции отмечаются в старославянских памятниках спорадически, обычно в отдельных списках. Особого внимания заслуживает конструкция **вънегда** + инфинитив на месте греческой конструкции *ἐν τῷ + infinitivus*. Она встречается в Псалтыри, Апостоле, Паримейнике и, по мнению исследователей, могла употребляться в первоначальном переводе ветхозаветных чтений. В связи с этим ее можно считать характерной для языка древнейших старославянских переводов [Bláhová 2005: 161—162, 165].

Калькирующая конструкция **еже** + инфинитив (на месте конструкции *τὸ + infinitivus*), в которой местоимение **еже** лишено относительной функции и является эквивалентом греческого артикля, в древних текстах использовалась в единичных случаях. Например:

- ... **намъ дарова са кже** о **хсѣ**, **не тькмо кже** въ нь **вѣровати**, **нъ и за нь** **страдати** — *ὅτι ὑμῖν ἐχαρίσθη τὸ ὑπὲρ Χριστοῦ, οὐ μόνον τὸ εἰς αὐτὸν πιστεῦειν, ἀλλὰ καὶ τὸ ὑπὲρ αὐτοῦ πάσχειν;*
- ... **воля бо прилежити** ми, **а кже творити** **доброю**, **се не обрѣтаю** — *τὸ γὰρ θέλειν παράκειται μοι, τὸ δὲ κατεργάζεσθαι τὸ καλὸν οὐ* (вар. доб. εὐρίσκω) (цит. по: [Bláhová 2008: 59]).

В переводах богослужебных книг XIV в. возрастает число калькирующих конструкций, образованных по модели «предлог (отсутствие предлога) + **еже** + инфинитив». Важно отметить, что в указанной модели влияние греческой конструкции отражалось только на выборе предлога и на лексическом наполнении инфинитива. Второй элемент (**еже**) оставался неизменным и не зависел от формы греческого артикля. Это было обусловлено превращением формы **еже** в неизменяемый элемент с функцией союзного средства, которое произошло уже в древнеболгарский период [Минчева 1978: 253]. Возможно, функциональное переосмысление местоимения **еже** способст-

вовало его закреплению в составе калькирующих конструкций, используемых для передачи греческого субстантивированного инфинитива с предлогом или без него и получивших широкое распространение в переводах XIV в.

В пределах каждой правленной редакции XIV в. (Афонской, редакции Евфимия Тырновского, редакции Киприана, Чудовской) формировались собственные переводческие установки, которые оказывали влияние на способ передачи греческих конструкций. При этом разные переводческие школы нередко использовали одинаковые приемы перевода. Так, например, последовательное калькирование греческих инфинитивных конструкций, характерное для «тырновской» нормы, обнаруживается в переводе сочинений Дионисия Ареопагита, выполненном сербским переводчиком Исией на Афоне [Афанасьева и др. 2015: 26, 29—30]. В целом же, по наблюдениям исследователей, более поздние переводы (с XIV в.) характеризуются стремлением к калькированию и к унификации способов перевода [Афанасьева 2004: 104—106; Пентковская 2009б: 28—282].

Цель исследования передачи инфинитивных конструкций в славянском переводе Евхология состоит в том, чтобы выявить переводческие установки, которым следовали составители текста, а также уточнить место перевода в кругу правленных редакций XIV в. В связи с этим в данной статье предлагается описание средств перевода изучаемых конструкций и последующее сравнение полученного материала с другими переводами XIV в. (по имеющимся исследованиям).

2.1. Основные способы передачи конструкций с субстантивированным инфинитивом в славянском переводе Евхология

В тексте Евхология¹ наблюдается достаточно последовательная передача греческих предложных и беспредложных конструкций с субстантивированным инфинитивом с помощью модели «предлог (отсутствие предлога) + **ЕЖЕ** + инфинитив». Соответствия славянских и греческих конструкций приведены в следующей таблице:

Конструкция в греческом тексте	Конструкция в славянском тексте	Примеры
τὸ + infinitivus	ЕЖЕ + инфинитив (5 ²)	ЕЖЕ ЖИТИ (113) — τὸ ζῆν; см. также л. 55, 100 об., 150 об., 224
ἐπὶ τὸ + infinitivus	ЕЖЕ + инфинитив (1)	ЕЖЕ УДЪТИ (98 об.) — ἐπὶ τὸ ἀναδῆσασθαι
διὰ τὸ + infinitivus	ЗА ЕЖЕ + инфинитив (3)	ЗА ЕЖЕ БЫТИ (57 об.) — διὰ τὸ εἶναι; см. также л. 145 об., 232 об.
	ЕЖЕ + инфинитив (1)	ЕЖЕ НЕ БЫТИ (136 об.) — διὰ τὸ μὴ εἶναι

¹ Исследование памятника проводилось по списку Син. 900.

² Цифра обозначает количество употреблений конструкции.

εἰς τὸ + infinitivus	ВЪ ЕЖЕ + инфинитив (20)	ВЪ ЕЖЕ ὩΚΛΟΝΗΤΗΣΑ (169—169 об.) — εἰς τὸ ἐκκλίνειν; см. также л. 35, 38 об., 60, 62, 62 об., 76об., 97, 102, 103, 133 об., 146 об., 162 об., 164, 266
	ЕЖЕ + инфинитив (3)	ВЪ ЕЖЕ БЫТИ (112) — εἰς τὸ εἶναι; см. также л. 38, 189 об., 214, 304 об.
	ВЪ + существительное (1)	В БЫТИЕ (л. 98) — εἰς τὸ εἶναι
τοῦ + infinitivus	ЕЖЕ + инфинитив (20)	ЕЖЕ ΠΟΔΑΤΙ (10) — τοῦ δοῦναι; см. также л. 9, 29 об., 81 об., 100, 100 об., 120, 138 об., 147 об., 155 об., 157 об., 161, 169, 170, 210 об., 213 об., 214 об., 216 об., 218 об., 269 об., 296.
	ВЪ ЕЖЕ + инфинитив (3)	ВЪ ЕЖЕ ἸΣΠΟΒ'ΕΔΑΤΗΣΑ (161) — τοῦ ἐξομολογεῖσθαι; см. также л. 172, 276 об.
	инфинитив (11)	ΜΙΛΟΒΑΤΙ и ΣΠΣΑΤΙ (20 об., 50, 119, 144 об., 161, 163, 170, 192, 192 об., 216 об., 218) — τοῦ ἐλεεῖν καὶ σώζειν
πρὸς τὸ + infinitivus	ВЪ ЕЖЕ + инфинитив (5)	ВЪ ЕЖЕ ΠΡΗΑΤΙ (140—140 об.) — πρὸς τὸ εἰσδέξασθαι; см. также л. 34 об., 159 об., 170, 170 об.
	ЕЖЕ + инфинитив (3)	ЕЖЕ ΕΛΥΖΗΤΙ (62) — πρὸς τὸ λειτουργεῖν; см. также л. 82, 188 об.
	КЪ + существительное (1)	К ПОЛЕΖΗΟΜΥ (л. 127) — πρὸς τὸ συμφέρεσθαι
ἐν τῷ + infinitivus	ВЪНЕГДА + инфинитив (4)	ВЪНЕГДА ΠΡΗΖΥΒΑΤΙ (10) — ἐν τῷ ἐπικαλεῖσθαι; см. также л. 58 об., 80 об., 106
	ВЪ ЕЖЕ + инфинитив (1)	ВЪ ЕЖЕ БЫТИ (39 об.) — ἐν τῷ εἶναι
μετὰ τὸ + infinitivus	ΠΟ ЕЖЕ + инфинитив (7)	ΠΟ ЕЖЕ Β'ΔΡΥΖΗΤΗΣΑ (38) — Μετὰ... τὸ καθιδруθῆναι; см. также л. 58 об., 83 об., 148, 150 об., 185 об., 200 об.
ἀντὶ τοῦ + infinitivus	ΖΑ ЕЖЕ + инфинитив (1)	ΖΑ ЕЖЕ ΡΕΨΙ (53 об.) — ἀντὶ τοῦ εἰπεῖν
ὕπὲρ τοῦ + infinitivus	Ο ЕЖЕ + инфинитив (19)	Ω ЕЖЕ... БЫТИ (84) — Ὑπὲρ τοῦ... διαφυλαχθῆναι; см. также л. 40 об., 70 об. (2), 148 об. (2), 156 (2), 179 об. (3), 261 об. (2), 262 (2), 294 (2), 302 об. (2)
	Ο + инфинитив (8)	Ω ὤΣΤΗΤΗΣΑ (148) — Ὑπὲρ τοῦ... διαφυλαχθῆναι; см. также л. 13 об. (2), 40 об., 70 об., 148 об. (2), 262
ἕως τοῦ + infinitivus	ΔΟ + существительное (1)	ΔΟ ἸΣΠΟΛΝΗΝΙΑ (л. 58 об.) — ἕως τοῦ πληρωθῆναι

Отступления от последовательного употребления калькированных конструкций в ЕВЦ редки. К ним относятся случаи употребления одиночного инфинитива, инфинитива с предлогом, а также три случая перевода инфинитивных конструкций с помощью существительного с предлогом.

Одиночные инфинитивы встречаются в ЕВЦ в формуле завершения молитвы, например:

... Ты бо еси бѣ нашъ бѣ милостивъ и спсати (119, 144 об., 161, 163, 170, 192, 192 об., 216 об., 218) — Σὺ γὰρ εἶ ὁ Θεὸς ἡμῶν Θεὸς τοῦ ἐλεεῖν καὶ σῶζειν.

Во всем тексте Евхология в составе данной формулы **еже** употребляется непоследовательно: фиксируется на листах 29 об., 81 об., 100, 100 об., 138 об., 147 об., 157 об., 269 об., 296; отсутствует на листах 20 об., 50, 119, 144 об., 161, 163, 170, 192, 192 об., 216 об., 218. То же свойственно и употреблению конструкции «предлог + инфинитив», которая отмечается только в составе устойчивых формул ектении, где в одном контексте используются оба варианта (с **еже** и без него), например:

... Ѡ всѣтисѧ водѣ си силоу и дѣнствомъ... Ѡ еже низпослатисѧ бл҃гати еи бл҃гати. избавлениѧ... Ѡ еже выти тѣмъ водѣ... Ѡ избавитисѧ тѣмъ же... (л. 148) — Ὑπὲρ τοῦ ἀγιασθῆναι τὸ ὕδωρ τοῦτο δι(νά)μει καὶ ἐν(ερ)γείᾳ... Ὑπὲρ τοῦ καταλεμφθῆναι αὐτ(ῶ) τῆν χάριν τῆς ἀπολυτρώσεως... Ὑπὲρ τοῦ γενέσθαι αὐτοῖς τὸ ὕδωρ... Ὑπὲρ τοῦ ῥυσθῆναι αὐτοῦς τε... (54).

Одиночный инфинитив, используемый для перевода греческого субстантивированного инфинитива, отмечается как в переводах более ранней эпохи, так и в переводах XIV в. Так, он выступает в качестве одного из главных средств при переводе греческой конструкции τοῦ + infinitivus в старославянском переводе Евангелия, Апостола, Псалтыри, Паримейника [Bláhová 2005: 158—159; 2008: 54]; в древнерусской и южнославянских редакциях Литургии Преждеосвященных даров [Афанасьева 2004: 104], в ранней редакции Жития Антония Великого, принадлежащей к кругу преславских переводов, а также в раннем южнославянском переводе Жития Феодора Студита [Димитрова 2012: 141, 158]. Сочетания, образованные по модели «предлог + инфинитив», также фиксируются уже в старославянских переводах, однако они достаточно редки (см. выше).

Возможно, употребление одиночного инфинитива, инфинитива с предлогом и предложно-падежных сочетаний в переводе Евхология обусловлено влиянием традиции предшествующего периода. Как отмечает Т. И. Афанасьева, новые редакции нередко сохраняют чтения прежних редакций, что приводит к употреблению в них старых средств перевода [Афанасьева 2004: 107].

Основная часть исследуемого материала отражает тенденцию к калькированию (полному либо неполному) греческих конструкций. За редкими

исключениями, указанными выше, греческий артикль в составе рассматриваемых конструкций последовательно передается с помощью местоимения **еже**. Такая же закономерность наблюдается, например, в Норовской и Киприановской псалтырях [Чешко 1982: 82].

Наиболее употребительной в славянском переводе Евхология является модель **еже** + инфинитив. Она отмечается уже в старославянских памятниках, но только на месте конструкции $t\bar{o} + \text{infinitivus}$. Возможно, в дальнейшем происходило ее функциональное расширение, благодаря чему она стала использоваться в соответствии с несколькими греческими конструкциями. Так, в ЕВЦ данная конструкция употребляется для передачи шести греческих конструкций.

В ЕВЦ встречается и другая конструкция, фиксируемая уже в старославянских памятниках, — **вънегда** + инфинитив. Она используется для передачи временной конструкции $\acute{\epsilon}\nu\ t\bar{\omega} + \text{infinitivus}$, например:

помани на(с̄) грѣшныхъ и недостойныхъ рабѣ твоихъ · вънегда призвати с̄тоє и покланяемое имя твое (10) — $\mu\eta\acute{\nu}\sigma\theta\eta\tau\iota\ \acute{\eta}\mu\bar{\omega}\nu\ \tau\bar{\omega}\nu\ \acute{\alpha}\mu\alpha\rho\tau\bar{\omega}\lambda\bar{\omega}\nu\ \kappa\alpha\iota\ \acute{\alpha}\chi\rho\epsilon\iota\bar{\omega}\nu\ \delta\omicron\upsilon\lambda\bar{\omega}\nu\ \sigma\omicron\upsilon\ \acute{\epsilon}\nu\ t\bar{\omega}\ \acute{\epsilon}\pi\iota\kappa\alpha\lambda\epsilon\iota\sigma\theta\alpha\iota\ \tau\bar{o}\ \acute{\alpha}\gamma\iota\omicron\nu\ \kappa\alpha\iota\ \pi\rho\sigma\kappa\upsilon\eta\eta\tau\bar{o}\nu\ \delta\nu\omicron\mu\acute{\alpha}\ \sigma\omicron\upsilon$ (5v); **вънегда ѿтрати лишнее воскомастичи и звирати г҃вою, поють** (58 об.) — $\acute{\epsilon}\nu\ t\bar{\omega}\ \xi\acute{\epsilon}\epsilon\sigma\theta\alpha\iota\ \tau\eta\nu\ \kappa\eta\rho\omicron\mu\alpha\sigma\tau\acute{\iota}\chi\eta\nu\ \kappa\alpha\iota\ \sigma\pi\omicron\nu\gamma\acute{\gamma}\acute{\iota}\zeta\epsilon\sigma\theta\alpha\iota\ \tau\eta\nu\ \theta\acute{\alpha}\lambda\alpha\sigma\sigma\alpha\nu\ \psi\acute{\alpha}\lambda\lambda\omicron\upsilon\sigma\iota$ (86v).

Как было указано выше, данная конструкция может рассматриваться в качестве характерной для древнейших старославянских переводов. Она также встречается в древнейшем переводе Жития Василия Нового конца XI в. [Пентковская 2009б: 221]. В дальнейшем она получает распространение и становится характерной для правленных редакций и переводов XIV в.: Норовской псалтыри, афонской, Евфимиевской и Киприановской редакций Литургии Преждеосвященных даров, Чудовской редакции Нового Завета, южнославянского перевода Жития Андрея Юродивого, Киприановской псалтыри и Диатаксиса Божественной Литургии в редакции Евфимия Тырновского, афонской редакции Ареопагитик и Лествицы [Чешко 1982: 85; Афанасьева 2004: 104; Пентковская 2009б: 221; Панова 2009: 154; Афанасьева и др. 2015: 21, 25, 29—30].

В одном случае конструкция $\acute{\epsilon}\nu\ t\bar{\omega} + \text{infinitivus}$ передается в ЕВЦ с помощью конструкции **въ еже** + инфинитив, выбор которой обусловлен, вероятно, тем, что она выражает целевое, а не временное значение:

оустави того... въ еже быти ѿчима твоима ѿверстыма на нь въ дне и в ноши (39 об.) — $\kappa\alpha\tau\acute{\alpha}\sigma\tau\eta\sigma\omicron\nu\ \acute{\alpha}\upsilon\tau\bar{o}\nu\ \dots\ \acute{\epsilon}\nu\ t\bar{\omega}\ \acute{\epsilon}\acute{\iota}\nu\alpha\iota\ \delta\phi\theta\alpha\lambda\mu\bar{o}\upsilon\varsigma\ \sigma\omicron\upsilon\ \acute{\alpha}\nu\epsilon\omega\gamma\mu\acute{\epsilon}\nu\omicron\upsilon\varsigma\ \acute{\epsilon}\pi\prime\ \acute{\alpha}\upsilon\tau\bar{o}\nu\ \acute{\eta}\mu\acute{\epsilon}\rho\alpha\varsigma\ \kappa\alpha\iota\ \nu\upsilon\kappa\tau\bar{o}\varsigma$.

Временное значение закрепляется за конструкцией **вънегда** + инфинитив, о чем свидетельствуют случаи ее употребления, независимого от греческого оригинала, на месте других частей речи — например, в заголовках молитв:

МАТѢВА БЫВАЕМАГА Ѡ СТЛА. ВЪНЕГДА ѠПУЩАТИ КЪ ПЛАВАНИЮ КОРАБЛЬ
(л. 86 об.) — Εὐχὴ γινόμενῃ ἐν τῷ δρόμῳ ὑπὸ τοῦ πατριάρχου; **МО(Л).**
ВЪНЕГДА НАЧАТИ ХРАМИНУ ЗДАТИ (л. 93) — Εὐχὴ ἐπὶ οἴκῳ κτιζομένῳ.

Другие модели, калькирующие греческие конструкции, в старославянских текстах не зафиксированы. Они появляются и получают широкое распространение в переводах XIII—XIV вв. Среди них в ЕВЦ однозначное соответствие имеет модель **по еже** + инфинитив, которая используется для передачи только одной греческой модели μετὰ τὸ + infinitivus. Конструкция **по еже** + инфинитив встречается также в афонской редакции Ареопагитик и Лествицы, Евфимиевской редакции Иерусалимского Типикона, в Евфимиевской и русской редакциях Диатаксиса Божественной Литургии [Панова 2009: 117, 155, 205; Пентковская 2009а: 339; Афанасьева и др. 2015: 21, 29—30]. Таким образом, употребление конструкции **по еже** + инфинитив сближает ЕВЦ с русской и Евфимиевскими редакциями богослужебных текстов.

Другие славянские модели используются для перевода двух или большего числа конструкций. Например, конструкция **за еже** + инфинитив соответствует конструкциям διὰ τὸ + infinitivus и ἀντὶ τοῦ + infinitivus. Последняя встретила единожды, поэтому выявление того, насколько закономерным является такой способ ее передачи, не представляется возможным. Что же касается первой из указанных греческих конструкций, то модель **за еже** + инфинитив, вероятно, была основным средством для ее перевода. Употребление конструкции **еже** + инфинитив (всего 1 случай), возможно, вызвано наличием отрицательной частицы и стремлением избежать скопления служебных слов.

Конструкция **за еже** + инфинитив, соответствующая греческой причинной конструкции διὰ τὸ + infinitivus, отмечается также в афонской редакции Апостола, в то время как в афонской редакции Евангелия она не встречается [Пентковская 2009б: 230]. Среди других текстов XIV в. рассматриваемая конструкция употребляется также в афонской редакции Диатаксиса Божественной Литургии, Ареопагитик и Лествицы [Панова 2009: 115—116; Афанасьева и др. 2015: 21, 29—30]. Между тем, она фиксируется в Евфимиевской редакции Иерусалимского Типикона, для которой в целом характерно калькирование на синтаксическом уровне [Пентковская 2009а: 340]. Конструкция **за еже** + инфинитив также обнаруживается в южнославянском переводе Жития Андрея Юродивого [Пентковская 2009б: 231].

При переводе целевых конструкций εἰς τὸ + infinitivus, τοῦ + infinitivus, πρὸς τὸ + infinitivus в ЕВЦ широко используются две конструкции: **еже** + инфинитив и **въ еже** + инфинитив. При этом конструкция без предлога **еже** + инфинитив чаще соответствует беспредложной конструкции τοῦ + infinitivus, а конструкция с предлогом **εἰς** передается с помощью предложной конструкции **въ еже** + инфинитив. Что же касается конструкции πρὸς τὸ + infinitivus, то варьирование средств, используемых для ее перевода, вызва-

но, по-видимому, тем, что обе славянские модели не отражают состава греческой конструкции и, вероятно, мотивированы только целевым значением, которое за ними закрепилось в силу их широкого употребления.

Употребление предложных и беспредложных славянских конструкций на месте соответствующих греческих целевых инфинитивных конструкций наблюдается в афонских переводах Лествицы и Ареопагитик [Афанасьева и др. 2015: 21, 29—30]. Перевод греческих моделей $\pi\rho\acute{o}s\ \tau\acute{o} + \text{infinitivus}$ и $\epsilon\iota\varsigma\ \tau\acute{o} + \text{infinitivus}$ с помощью конструкции **въ еже** + инфинитив отмечен в афонской редакции Апостола [Пентковская 2009б: 235, 243].

Выбор того или иного способа перевода целевой конструкции в тексте Евхология мог быть обусловлен контекстуальным фактором. В следующем примере употребление одной конструкции на месте двух разных конструкций греческого оригинала вызвано, по всей видимости, их положением в одном контексте:

Г(с̄)и щедрын и мл(с̄)т^нвыи... настави насъ на пѹть твои, еже шествовати въ истинѣ твои. възвесели срѣца наша, еже богатиса имени ст҃го твоего (9 об.) — Κύριε... ὁδηγήσον ἡμᾶς ἐν τῇ ὁδῷ σου τοῦ πορεύεσθαι ἐν τῇ ἀληθείᾳ σου εὐφρανὸν τὰς καρδίας ἡμῶν εἰς τὸ φοβεῖσθαι τὸ ὄνομα τὸ ἁγίον σου.

Особого внимания заслуживает тот факт, что конструкция $\pi\rho\acute{o}s\ \tau\acute{o} + \text{infinitivus}$ передается с помощью более распространенной модели целевой инфинитивной конструкции **въ еже** + инфинитив, а не калькирующей конструкции **къ еже** + инфинитив, которая встречается в одной из афонских редакций Евангелия [Пентковская 2009б: 233]. Возможно, в данном случае проявляется унификация способов перевода целевых конструкций с инфинитивом.

2.2. Способы перевода конструкций с субстантивированным инфинитивом в заключительной части Евхология

Среди двух сохранившихся списков славянского перевода Евхология наиболее полным является список Син. 900, так как в списке Син. 675 отсутствуют первые семь тетрадей, а также имеется отдельно вставленный текст молитвы, который в Син. 900 присутствовал изначально. Кроме того, в заключительной части Син. 900 приводится ряд служб, отсутствующих в Син. 675: последование святого масла (л. 243—295), на начало индикта (295—306 об.), последование обновления святого храма и молитва «на разрешение чада духовного» (306 об.—317 об.) [Афанасьева 2015: 12]. Особый интерес представляет установление связи указанных служб с остальной частью текста: входили ли они в первоначальный состав славянского перевода Евхология Великой церкви или были включены позднее? С этим

вопросом связана окончательная датировка перевода памятника [Там же: 38]. Исследование способов передачи субстантивированного инфинитива и установление тождества (или различий) переводческих приемов, используемых в языке заключительных служб и остальной части текста, возможно, позволит сделать предварительные выводы по данному вопросу.

В четырех последних службах Син. 900 употребляются те же конструкции, что и в остальной части списка, например:

ЕЖЕ ВЕРАТИТИСѦ И ЖИВУ БЫТИ (265, 285 об., 292) — τὸ ἐπιστρέψαι καὶ ζῆν;

ЕЖЕ МИЛОВАТИ И СПСАТИ (269 об.) — τὸ ἐλεεῖν καὶ σώζειν;

ВЪНЕГДА МАЗАТИ (247) — ἐν τῷ λιπαίνειν;

Ѡ ЕЖЕ БЛГ(С)ВТИСѦ (261 об.) — Ὑπὲρ τοῦ εὐλογηθῆναι;

Ѡ ЕЖЕ ПРИТИ (261 об.) — Ὑπὲρ τοῦ ἐλθεῖν;

ВЪ ЕЖЕ БЫТИ (266) — πρὸς τὸ γενέσθαι.

В целом различные модели конструкций, калькирующих греческие инфинитивные обороты, употребляются в данной части текста достаточно равномерно.

С одной стороны, выявленные факты употребления конструкций, калькирующих греческие модели субстантивированного инфинитива, в последовании святого масла, в чине на новолетие, в последовании обновления святого храма и молитве «на разрешение чада духовного» могут свидетельствовать о том, что эти службы входили в состав перевода Евхология Великой церкви изначально. С другой стороны, многие из используемых в ЕВЦ способов передачи конструкций с субстантивированным инфинитивом отмечаются в разных региональных переводческих школах — следовательно, эти же средства могли быть широко усвоены одной переводческой школой и использоваться на разных этапах ее деятельности. Необходимая полнота изучения поставленной проблемы может быть достигнута благодаря исследованию нескольких языковых явлений, в том числе симптоматичных для конкретных региональных переводов.

2.3. Сопоставительный анализ способов перевода субстантивированного инфинитива в славянском переводе Евхология и в Чудовском Новом Завете

Отдельный интерес представляет сопоставление конструкций с субстантивированным инфинитивом в тексте ЕВЦ с переводческими средствами, использованными при передаче тех же конструкций в Чудовском Новом Завете (по данным, приведенным в монографии Т. В. Пентковской [2009б]). Особое внимание к материалу указанного памятника обусловлено тем, что Чудовская редакция «представляет особую разновидность правленных редакций богослужебных книг, появляющихся у славян в к. XIII—XIV вв.» [Там же: 277]. Для нее характерны особые принципы нормализации, со-

стоящие в стремлении точно отразить греческий оригинал. Данный текст представляет собой одну из ранних правленных редакций, в которых широко применяется калькирование на разных языковых уровнях, в том числе и конструкций с субстантивированным инфинитивом [Там же: 280—282].

Сопоставительный материал представлен в следующей таблице.

Конструкция в греческом тексте	Способ передачи в славянском переводе Евхология Великой церкви	Способ передачи в Чудовской редакции Нового Завета		
		Чудовская редакция Евангелия	Чудовская редакция Апостола	
εἰς τὸ + infinitivus	ВЪ ЕЖЕ + инфинитив (18)	НА + сущ.	ВЪ ЕЖЕ + инфинитив (30) ЕЖЕ + инфинитив	
	ЕЖЕ + инфинитив (3)	ДА + личная форма глагола (1) инфинитив	КЪ + сущ. (1) ИДЕЖЕ + инфинитив	
	ВЪ + существительное (1)		ДА + личная форма глагола (1)	ДА + личная форма глагола (1) инфинитив
			инфинитив	ВЪНЕГДА + инфинитив (2)
τοῦ + infinitivus	ЕЖЕ + инфинитив (13)	инфинитив (14)	инфинитив (19)	
	ВЪ ЕЖЕ + инфинитив (2)	ЕЖЕ + инфинитив (4/2)	ЕЖЕ + инфинитив (17)	
	инфинитив (11)	супин (2)		
πρὸς τὸ + infinitivus	ВЪ ЕЖЕ + инфинитив (5)	ВЪ, НА, КЪ + сущ. (6)	ЕЖЕ + инфинитив (3)	
	ЕЖЕ + инфинитив (3)	КАКО + инфинитив	КЪ ЕЖЕ + инфинитив (1)	
	КЪ + сущ. (1)	ЕЖЕ + инфинитив	ЕЖЕ БЫ + инфинитив (1)	
μετὰ τὸ + infinitivus	ПО ЕЖЕ + инфинитив (7)	ПО + сущ. (5)	ПО + сущ. (6) ПО ВЪНЕГДА + инфинитив + Дат. п. (3)	
ἐν τῷ + infinitivus	ВЪНЕГДА + инфинитив (4)	ВЪНЕГДА + инфинитив (33 / 34)	ВЪНЕГДА + инфинитив	
	ВЪ ЕЖЕ + инфинитив (1)	ВЪНЕГДА + личная форма глагола (2/3) предложно-падежное сочетание (2)	ЕЖЕ + инфинитив (1)	
τὸ + infinitivus	ЕЖЕ + инфинитив (5)	ЕЖЕ + инфинитив	ЕЖЕ + инфинитив (21)	
		инфинитив	инфинитив (4)	
διὰ τὸ + infinitivus	ЗА ЕЖЕ + инфинитив (3)	ЗАНЕ + infinitivus + Дат. п. (12/6)	ЗАНЕ(ЖЕ) + infinitivus + Дат. п. (9)	
	ЕЖЕ + инфинитив (1)	ЗАНЕ + личная форма глагола (4/1)	ЗАНЕ(ЖЕ) + личная форма глагола (1)	
		ПОНЕЖЕ + личная форма глагола (2)	ПОНЕЖЕ + личная форма глагола (1)	
ЗА + сущ. (1)				

Приведенный материал демонстрирует разнообразие переводческих приемов, характерное для Чудовской редакции Нового Завета. В тексте же Евхология круг используемых средств заметно ограничен, среди них преобладают калькирующие конструкции, а также проявляется тенденция к устранению вариантов и к закреплению определенных моделей для передачи одного грамматического значения. Заслуживает внимания тот факт, что в Чудовской редакции кальки греческих предложных моделей чаще всего не включают местоимения **еже**: отсутствуют конструкции **за еже** + инфинитив, **по еже** + инфинитив. При этом в Чудовской редакции Нового Завета нередко используется и другое средство — предложно-падежное сочетание, — которое выступает в качестве основного при переводе конструкций $\pi\rho\acute{o}\varsigma\ \tau\omicron\ +\ \text{infinitivus}$ и $\mu\epsilon\tau\grave{\alpha}\ \tau\omicron\ +\ \text{infinitivus}$ [Пентковская 2009б: 281]. В то же время в сопоставляемых текстах употребляются и общие средства перевода: конструкция **вънегда** + инфинитив для перевода модели $\acute{\epsilon}\nu\ \tau\tilde{\omicron}\ +\ \text{infinitivus}$; **еже** + инфинитив в соответствии с конструкцией $\tau\omicron\ +\ \text{infinitivus}$. Большое число совпадений в выборе калькирующих конструкций обнаруживается между текстом Евхология и Чудовской редакцией Апостола, к ним относятся следующие: **въ еже** + инфинитив — $\acute{\epsilon}\iota\varsigma\ \tau\omicron\ +\ \text{infinitivus}$; **еже** + инфинитив — $\tau\omicron\tilde{\omicron}\ +\ \text{infinitivus}$; одиночный инфинитив — $\tau\omicron\tilde{\omicron}\ +\ \text{infinitivus}$; **еже** + инфинитив — $\pi\rho\acute{o}\varsigma\ \tau\omicron\ +\ \text{infinitivus}$. По наблюдениям Т. В. Пентковской, принципы правки в Чудовской редакции Апостола отличаются от Евангелия той же редакции большей буквальностью при передаче греческих синтаксических моделей. Это может объясняться относительной независимостью текстологической традиции Апостола, а также тем, что текст Евангелия воспринимался как более консервативный [Там же: 266—267]. В целом, для Чудовской редакции (особенно Евангелия) характерно использование тех же переводческих средств, которые отмечаются и в древних переводах (см. [Bláhová 2005; 2008]). Возможно, разнообразие способов передачи конструкций с субстантивированным инфинитивом, наблюдаемое в данной редакции, обусловлено тем, что она является переработкой древних переводов, откуда, вероятно, и заимствовались переводческие средства.

3. Заключение

Исследование способов передачи субстантивированного инфинитива в славянском переводе Евхология показало, что основным переводческим принципом при использовании синтаксических конструкций является калькирование. В то же время для перевода греческих моделей, имеющих одно грамматическое значение, употреблялись одинаковые конструкции. Это следствие процесса унификации переводческих приемов, ярко проявляющейся при сопоставлении ЕВЦ и Чудовской редакции Нового Завета, для которой свойственно разнообразие переводческих средств.

Л и т е р а т у р а

Афанасьева 2004 — Т. И. Афанасьева. Славянская литургия Преждеосвященных Даров XII—XV вв.: текстология и язык. СПб., 2004.

Афанасьева 2014 — Т. И. Афанасьева. К вопросу о месте и времени славянского перевода Евхология Великой церкви // Русский язык в научном освещении. № 27 (1). 2014. С. 237—251.

Афанасьева 2015 — Т. И. Афанасьева. Славянская версия Евхология Великой церкви и ее греческий оригинал // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. V. Лингвистическое источниковедение и история русского языка. 2014—2015. М., 2015. С. 9—43.

Афанасьева и др. 2015 — Т. И. Афанасьева, В. В. Козак, Г. А. Мольков, Е. Г. Соколов, М. Г. Шарихина. Языковые инновации в переводах, связанных с именем Киприана // Slověne. 2015. Т. 4. № 1, ч. 1. С. 13—38.

Димитрова 2012 — А. Димитрова. Синтактична структура на преводната агиография. София, 2012.

Милев 1962 — А. Милев. Членуваният гръцки инфинитив в евангелския текст и неговото предаване в старобългарския превод // Известия на Института за български език. Кн. VIII. В чест на К. Мирчев по случай шейсетгодишнината му. София, 1962. С. 75—91.

Минчева 1978 — А. Минчева. Традиционно-книжна норма и развойни тенденции в синтаксиса на среднебългарския литературен език през XIV в. // Славянска филология. № 15. 1978. С. 243—254.

Панова 2009 — С. И. Панова. Диатаксис патриарха Филофея Коккина в славянской книжной традиции XIV—XV вв.: лингвотекстологическое исследование. Дис. ... канд. филол. наук / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М., 2009.

Пентковская 2009а — Т. В. Пентковская. Восточнославянские и южнославянские переводы богослужебных книг XIII—XIV вв.: чудовская и афонская редакции Нового Завета и Иерусалимский Типикон. Дис. ... докт. филол. наук / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М., 2009.

Пентковская 2009б — Т. В. Пентковская. К истории исправления богослужебных книг в Древней Руси в XIV веке: Чудовская редакция Нового Завета. М., 2009.

Чешко 1982 — Е. В. Чешко. Об Афонской редакции славянского перевода Псалтыри в ее отношении к другим редакциям // Язык и письменность среднеболгарского периода. М., 1982. С. 60—93.

Bláhová 2005 — E. Bláhová. K překladu řeckých infinitivních konstrukcí v Grigorovičově parimejníku // Slavia. Roč. 74. 2005. Seš. 2—3. P. 157—166.

Bláhová 2008 — E. Bláhová. K překladu řeckých infinitivních konstrukcí v staroslověnském apoštolu // Varia Slavica. Sborník příspěvků k 80. narozeninám Radoslava Večerky. Praha, 2008. P. 53—64.

Резюме

В статье рассматриваются способы перевода греческого субстантивированного инфинитива в славянском переводе Евхология Великой церкви. Точное время и место перевода не установлено, однако по ряду лингвистических признаков памятник сближается с правленными редакциями XIV в., созданными в кругу патриарха Евфимия Тырновского и митрополита Киприана. Анализ способов передачи инфинитивных конструкций в тексте Евхология показал, что основным принципом их перевода

является калькирование. Отступления от указанного принципа зафиксированы в единичных случаях. В основном они возникают в устойчивых фрагментах текста и, вероятно, обусловлены влиянием предшествующей традиции. Сопоставление данных Евхология и Чудовского Нового Завета позволило установить в отношении языка исследуемого текста тенденцию к устранению вариантов и к закреплению определенных моделей для выражения одного грамматического значения. Употребление отдельных калькирующих конструкций сближает текст Евхология Великой церкви с различными правлеными редакциями XIV в.: болгаро-афонскими, болгарскими и русскими. Наибольшее сходство переводческих языковых средств обнаруживается в языке Евхология Великой церкви и в афонских переводах Лествицы и Ареопагитик.

Ключевые слова: славянские переводы, XIV век, Евхологий Великой церкви, субстантивированный инфинитив, синтаксическая калька, калькирование.

Статья получена 08.01.2016

MILIAUSHA G. SHARIKHINA

**THE RENDERING OF THE GREEK SUBSTANTIVIZED INFINITIVE
IN THE SLAVIC TRANSLATION
OF THE EUCHOLOGION OF THE GREAT CHURCH**

The paper investigates ways of translating the Greek substantivized infinitive in the Slavic translation of the Euchologion of the Great Church. The exact time and place of the translation has not been established, but in a number of linguistic features the text under study is similar to the corrected recensions produced in the fourteenth century under the direction of patriarch Euthymius of Turnovo and metropolitan Cyprian. Analysis of the ways of rendering the Greek infinitive constructions in the text of Euchologion indicate that the basic principle of translation is loan translation. Deviations from this principle are attested only in rare instances. Basically, deviations occur in recurring fragments of text, and are probably caused by the influence of the earlier tradition. Comparison of the data of the Euchologion and the Chudov New Testament indicates a tendency to eliminate variation and to fix certain models for the expression of certain grammatical meanings. The use of several calque constructions places the text of the Euchologion of the Great Church among a variety of corrected recensions of the fourteenth century: Athonian, Bulgarian and Russian. The greatest similarity of linguistic means used in the translation is observed in the language of the Euchologion of the Great Church and in the Mount-Athos translations of The Ladder of Divine Ascent and of the Corpus Areopagiticum.

Key words: Slavonic translations of the 14th century, Euchologion of the Great Church, substantivized infinitive, syntactic calque, loan translation.

Received on 08.01.2016

В. С. КУЧКО

**К ЭТИМОЛОГИЗАЦИИ ДИАЛЕКТНЫХ ОМОНИМОВ:
ВОЛОГ. КАЛАУШКА***

В статье речь пойдет об одном севернорусском лексическом множестве, объединенном по формальному признаку: входящие в него слова имеют основу *калауш-/колоуш-*. Эти слова слабо засвидетельствованы опубликованными диалектными словарями. Комплекс присущих данному множеству значений наиболее полно записан Топонимической экспедицией Уральского федерального университета (УрФУ) — и привлекает внимание своей обширностью и разнородностью: он включает предметные, поведенческие, акциональные (в том числе речевые) и некоторые другие значения. Слова рассматриваемого множества имеют узкую территорию бытования: все лексико-семантические варианты функционируют в пределах нескольких районов Вологодской области — за исключением немногих слов, зафиксированных шире.

Чаще всего носителем разных значений, представленных в этом множестве лексических единиц, становится существительное *калаушка* (*колоушка*). Кратко представим семантико-словообразовательную наполненность данной группы, обозначив главные линии семантического развития внутри нее¹:

♦ слова, называющие головной убор и его часть — *калаушка/колоушка/колаушка/калавушка* ‘шапка-ушанка’ (Влг.: Бабуш., Ньюкс., Тот.); *калаушка* ‘изношенная шапка’ (Влг.: Бабуш.); *калаушка, калаушечка, колоушек* ‘пришивное ухо у зимней шапки’ (Влг.: Ньюкс., Тот.);

♦ значения, связанные с легкомысленным и развратным поведением — *калаушка* ‘девушка легкого поведения’; *калаушку гулять* ‘о легкомысленном поведении’; *калаушка* и *калаушка* ‘легкомысленный, развязный человек’ (Влг.: Бабуш.);

---

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02075 «Русский социум в зеркале лексической семантики»).

Автор сердечно благодарит А. Е. Аникина, А. Ф. Журавлева, Н. В. Кабинину, О. В. Мищенко и С. М. Толстую за ценные замечания и консультации.

¹ Здесь материал представляется без указания на источник, лишь с географической пометой; далее при подробном рассмотрении лексем они будут сопровождаться паспортизацией.

- ♦ семантика причинения физического вреда — *калаушить* ‘бить, избивать кого-л.’; *накалаушить* ‘побить’ (Влг.: Бабуш.);
- ♦ семантика ментальных аномалий — *калаушка/колоушка* ‘глупый, бестолковый человек’ (Влг.: Бабуш.);
- ♦ слова, обозначающие негативно оцениваемое речевое поведение — *калаушка, калаушник* ‘болтун, вран’ (Влг.: Кад.); *колоушник* ‘сплетник, наушник’ (Новг.; Пск.; Твер.); *колоушничать* ‘болтать, говорить без дела; сплетничать’ (Влг.: Кад.; Вят.; Новг.; Пск.; Твер.);
- ♦ семантика негативно оцениваемого пищевого поведения — *калаушник/колоушник* ‘тот, кто привередлив в еде’, ‘тот, кто выпрашивает лакомство’, ‘тот, кто стремится незаметно утащить лакомство’, ‘попрошайка, тот, кто клянчит еду’; *калаушить* ‘выпрашивать еду’, *калаушничать/колоушничать* ‘сидеть или стоять у стола, за спинами тех, кто ест, молчаливо выпрашивая еду’, ‘выискивать, выпрашивать еду’, ‘быть привередливым в еде’, ‘есть скоромную пищу’; *колоушное* ‘скоромная пища’ (Влг.: Кад.).

Таким образом, лишь значения ‘сплетник’ и ‘сплетничать’ фиксируются не только в вологодских, но и в вятских, новгородских, псковских и тверских говорах.

Рассматриваемая лексическая группа, как нам представляется, является гетерогенной — разнородной по происхождению своих элементов. Интерпретировать представленный набор значений не как развитие многозначного слова, а как возможное взаимодействие нескольких этимологических омонимов и их дериватов заставляют две причины — семантическая и лингвогеографическая. Первая — значительные семантические расстояния между отдельными блоками значений. Вторая причина подразумевает строгую «привязку» отдельных блоков значений к разным ареалам. Противопоставленными оказываются юго-запад и северо-восток Вологодской области: значения ‘шапка-ушанка’, ‘легкомысленный человек’, ‘глупый человек’ фиксируются в Бабушкинском, Нюксенском и Тотемском районах, находящихся в восточной и северо-восточной части области; значения, связанные с отрицательным пищевым поведением, записаны только в Кадуйском районе, расположенном на юго-западе области. Все это позволяет предполагать, что деривация лексем внутри разных смысловых блоков осуществляется от основ *калауш-/колоуш-*, имеющих разное происхождение.

Первый взгляд на слово *калаушка* и его производные или слова с той же основой наводит на мысль об их заимствованном тюркском происхождении. На это указывает как фонетический облик слов — гармония гласных, так и их принадлежность к бытовому пласту лексики — в первую очередь это касается наименований головного убора, но и слова, называющие разного рода «пищевые девиации», являются конкретными существительными или глаголами конкретного действия из сферы повседневной жизни.

Однако в настоящей статье мы попробуем доказать, что тюркский по происхождению этимон можно предполагать только для одного из не-

скольких рядов омонимичных единиц, составляющих изучаемое множество слов. Остальные, на наш взгляд, можно этимологизировать на славянской почве. Тем не менее, доказательство исконного происхождения *калаушки* и ее семантико-словообразовательных дериватов требует, помимо прочего, доводов «от противного» — опровержения гипотезы о том, что *калаушка* во всех своих лексико-семантических вариантах является тюркизмом, проникнувшим в вологодские говоры (такое мнение — без подробного анализа этих слов — можно обнаружить, в частности, в работе, посвященной тюркским заимствованиям на территории Русского Севера, см. [Николаева 1997]).

Таким образом, решение вопроса о происхождении изучаемых лексем подразумевает столкновение с несколькими проблемами, выходящими за рамки частного случая: это, в первую очередь, проблема выявления и разграничения омонимов в диалектной лексике и проблема верификации данных о происхождении «потенциального» или «гипотетического» тюркизма (по выражению В. А. Меркуловой [1985]).

Существует еще один фактор, который придает «пестроту» рассматриваемому семантическому спектру: вне зависимости от производящей основы на семантическое развитие анализируемых слов влияет ряд аттракций к сходным по фонетическому облику лексемам.

Ниже будут описаны возможные пути происхождения изучаемой основы, каждый из которых связан с отдельными линиями семантического развития внутри гнезда, а также определены некоторые стимулы, мотивирующие появление ряда значений у данной группы слов.

1. *Калаушка/колоушка* ‘шапка-ушанка’

Слова *калаушка/колоушка/колаушка* в значении ‘шапка-ушанка’ многократно записывались Топонимической экспедицией УрФУ в Бабушкинском и Нюксенском районах Вологодской области; лексема *калаушка* в том же значении отмечена также «Словарем вологодских говоров» в соседствующем с ними на востоке области Тотемском районе [СВГ 3: 33].

Представляется, что эти слова и производные от них могут быть образованы сложносуффиксальным способом на базе слов *коло* + *уши*. Существуют две мотивационные возможности для появления слов и, соответственно, для интерпретации предполагаемого исходного сочетания.

Во-первых, внутреннюю форму слов можно «прочитать» как «что-то, находящееся возле ушей» — речь идет о шапке, прилегающей к ушам того, кто ее носит. Первая часть сложного слова, таким образом, восходит к диал. шир. распр. предлогу *коло* ‘около’ [СРНГ 14: 139]. Аргументом в пользу такой трактовки служит сама реалья — зимняя шапка, считая специально так, чтобы находиться «около ушей» — закрывать уши. Живую связь между словом и вещью ощущают диалектоносители: «На уши наде-

нут, вот и зовут калаушкой»; «С ушами шапка — калаушка, деревенско слово»; «Колаушка — шапка така с ушам» [СГРС 5: 28, 236]. Кроме того, *калаушкой* или *калаушечкой* называют собственно прилегающую к уху боковую, опускающуюся часть шапки: «Зимой калаушки завяжешь и уши прикрываешь»; «Расправь, говорят, калаушки-то или завяжи калаушки»; «Эки калаушечки торчат» [Там же: 28].

Словообразование на базе сочетаний предлога *коло* ‘около, вокруг’ и обозначения предмета, в которых отражается местонахождение чего-либо, отмечается в говорах, ср., например, обозначения предметов одежды (в широком смысле): свердл. *колонóжки* ‘ремешки у обуви’ [СРГСУ 2: 40], смол. *колошэйник* ‘шарф’ [ССГ 5: 59]².

Во-вторых, нельзя исключать того, что первый корень в составе рассматриваемых лексем можно отождествить с *коло* ‘колесо, круг’³; в этом случае слова содержат указание на круглую форму ушей самой шапки.

Что касается второй части изучаемых слов, то она в одной с ними форме присутствует в лексемах, называющих в вологодских говорах шапку: *наушка* ‘вид головного убора’ [СРНГ 20: 252], *долгоушка* ‘шапка-ушанка’ [СРНГ 8: 108], причем номинации сохраняют прозрачность связи с компонентом *уши*⁴. Возможно, к этому же ряду относится влг. *оплеушка* ‘шапка-ушанка’ [СРНГ 23: 265], если предположить, что лексема образовалась в результате трансформации словосочетания *облоухая шапка*, ср. диал. шир. распр. *облоухий* ‘ушастый’ [СРНГ 22: 110], ср. также *облоухая собака* ‘шапка’ [Даль 2: 1532].

Данный ряд, кроме того, показывает, что второй корень слов может обозначать как уши самой шапки, то есть боковые удлиненные ее части, так и уши того, кто ее носит, ср. разницу между *наушкой* и *долгоушкой*: шапкой, которая надевается «на уши», и шапкой «с долгими ушами». Таким образом, существуют две возможности для интерпретации слов *коло* и *уши* в составе обозначений шапки.

---

² Предлог *коло* ‘около’ становится первой частью сложных слов весьма часто, ср. арх. *колобрежцы* ‘жители морского побережья’ [СРНГ 14: 146], без указ. места *колоречная трава* [Там же: 173], без указ. места *кологлесный* ‘находящийся около, у леса’ [Даль 2: 348], *кологородица* ‘люди, живущие в пригороде’ (Влг.: Бабуш.) [СГРС 5: 251] и мн. др.

³ Среди примеров словосложения, при котором одним из компонентов выступает *коло* ‘круг, колесо’, представлены, например, без указ. места *кологрудый*, *колобровый* [Даль 2: 348], диал. шир. распр. *коломазь* ‘колесная мазь’ [СРНГ 14: 169], влг. *коловертъ* ‘вихрь’ [Там же: 150], литер. *коловорот* ‘водоворот’ [ССРЛЯ 5: 1170].

⁴ В русских говорах обнаруживается значительное количество лексем на *-ушка*, где данный компонент является не суффиксальным, а корневым в составе сложного слова (восходящим к слову *уши*): ср., к примеру, диал. *карнаушка* и *корноушка* ‘человек без уха или с изуродованным ухом’ [СРНГ 13: 95], олон. *одноушка* ‘корзина с одним ушком для переноски травы, сена’ [СРНГ 23: 55], твер. *вертоушка* ‘ухочистка’ [СРНГ 4: 154].

Однако, если принять версию о происхождении названия головного убора от сочетания названных слов, надо остановиться на фонетическом облике слов — обращает на себя внимание сосуществование начальных *кала-* и *коло-* в говорах Русского Севера, характеризующихся оканьем. Закономерно возникает вопрос о возможности «акающего» произношения исконных слов на этой территории. Подобные примеры регистрируются словарями и являются, по-видимому, устойчиво фиксируемыми языковыми фактами. В частности, в Вологодской области соседствуют пары *калабáшка* (*калабáшечка*) и *колобáшка* ‘грубо выделанная деревянная посуда’, ‘деревянная чурка; миска, плошка’, *калабу́шка* ‘ком из теста’, ‘род пирога’ и *колобу́шка* ‘ватрушка’, производные от *колоб-* и отражающие круглую форму обозначаемых ими предметов (см. [СВГ 3: 33, 84; СГРС 5: 26, 248; СРНГ 14: 148]). Дезтимологизации и последующему «акающему» произнесению может подвергаться и предлог *коло* ‘около’, ср. пары олон. *калабрóд* и арх., влг. *колобрóд* ‘бездельник, бродяга’ [СРНГ 12: 332; 14: 146], влг. *калабрóда* и *колобрóда* ‘тот, кто колобродит; частый и назойливый гость’ [Там же] (*калабродить* «от *коло* ‘около, вокруг’ и *бродить*» [Фасмер 2: 164])⁵.

Таким образом, признание лексем *калау́шка/колоу́шка* ‘шапка-ушанка’ исконным образованием на базе сочетания слов *коло* и *уши* не встречает, на наш взгляд, противоречий в языковой системе, но, напротив, имеет семантическую и словообразовательную поддержку, подкрепленную к тому же мотивационными параллелями (такими словами, как *долгоушка*, *колошейник* и др.).

Тем не менее, проверки требует возможность тюркского происхождения лексем со значением ‘шапка-ушанка’ — как говорилось выше, сомнения вызывают и фонетический облик слов, и их принадлежность к наименованиям одежды, среди которых обнаруживается значительное число заимствований, включая заимствования из тюркских языков (ср. обозначения шапок, широко распространенные в диалектах, в том числе в севернорусских говорах: *малахай*, *чабак* (*чебак*), *бухарка* и др.).

В претензии на роль этимонов могут подозреваться слова *kälän'yu* ‘тюбетейка’ (Казанское наречие), *käläbäç* ‘женская шапочка’ (Тобольское наречие) (речь, по-видимому, идет о наречиях татарского языка) [Радлов 1/2: 1115] в силу того, что они обозначают головные уборы. Сопrotивление такому решению оказывают в первую очередь семантика и лингвогеография. Предполагаемые этимоны называют традиционные головные уборы, имеющие черты явной этническо-конфессиональной принадлежности.

⁵ В окающих говорах переход *o > a* может осуществляться и под ударением, ср., к примеру, арх. *каравáд* ‘хоровод’, карел. *káли* ‘около’ [Михайлова 2013: 169, 171]; это явление, представленное большой группой лексики не только на севернорусской, но и на других территориях, освещается, в частности, в [Михайлова 2014]; ряд примеров приведен в [Журавлев 2003: 144].

Специфичность называемых ими реалий затрудняет их заимствование в качестве обозначений традиционной севернорусской шапки (при отсутствии в татарско- и чувашско-русских словарях, то есть в словарях языков тюркских народов Поволжья — зоны, пограничной с севернорусской, — семантического звена, которое можно было бы считать переходным). Кроме того, в лексикографических источниках, фиксирующих южнорусские диалекты и русские диалекты Поволжья и Сибири (то есть говоры контактных славянско-тюркских территорий), не нашли отражения какие-либо следы заимствованных обозначений головных уборов, имеющих сколь угодно близкий *калаушке* фонетический облик.

Попадание тюркского слова в далекий от территории первоначального бытования ограниченный ареал, которое произошло, минуя говоры территорий, находящихся в «переходной» зоне между исторической территорией проживания тюркоязычных народов и Русским Севером (в первую очередь, вятские и костромские говоры), представляется маловероятным.

2. Развитие семантики ментальных и поведенческих аномалий

Несколько пейоративных значений, отмеченных у слова *калаушка* в Бабушкинском районе Вологодской области, являются переносными по отношению к значению ‘шапка-ушанка’⁶, которое фиксируется на той же территории.

Главный признак шапки-ушанки — длинные, болтающиеся уши — в силу разных причин мотивирует значения, связанные с ментальными отклонениями и отрицательно оцениваемым поведением.

Глупого, бестолкового или чудаковатого человека могли называть *калаушкой* (*колоушкой*): «Да колоушка он какой-то, толку-то от него» [СГРС 5: 271]. Причины такого семантического переноса кроются в представлениях о «лопоухости» дурака, закрепленных в таких лексемах, как арх. *вислоухий* ‘невнимательный, нерасторопный, недогадливый’ [СРНГ 4: 296], *лопоух* влг. ‘бестолковый человек’, влг., новг. ‘олух, дуралей’ [СРНГ 17: 143], костр., сев.-двин. *лопоухий* ‘недогадливый, невнимательный’ [Там же], жарг. *ушатый* ‘глупый, несообразительный человек’ [БСЖ: 617] и др. В силу этих ассоциаций обозначения шапок с висящими ушами развивают переносное значение ‘глупый человек’. Т. В. Леонтьева, выделяя данный перенос в числе тех, по которым образуются обозначения дураков, приво-

---

⁶ В своем прямом значении *калаушка* еще употребляется в составе формулы отказа жениху невестой во время сватовства: *калаушку навесить* (*повесить, построить*) ‘отказать при сватанье’: «Калаушку повесила, замуж не пошла дак» (Влг.: Бабуш.) [СГРС 5: 28]. О символическом потенциале шапки в свадебном обряде на фоне других «отказных» фразеологизмов с участием предметных символов см. [Березович 2007: 261—262].

дит следующие примеры: простореч. *тумák* ‘о глупом, малознающем, малосообразующем человеке’ и обл. *тумák* ‘ меховая шапка-ушанка’, арх. *махалáй*, *махлáй* и *махлák* ‘о глупом, неповоротливом человеке’ и ‘шапка малахай’, диал. *малахáйник* ‘невежа, неуч’ и литер. *малахай* ‘род старинного крестьянского головного убора — большая шапка на меху с наушниками’ [Леонтьева 2008: 198]⁷. Слова *калаушка* и *колоушка* ‘глупый, бестолковый человек’, таким образом, также транслируют представление о больших висящих ушах дурака.

Наличие болтающихся, разлетающихся ушей у калаушки мотивирует появление значений ‘легкомысленный, развязный человек’: «Калаушка — человек немножко легкомысленный», ‘гулящая девушка’: «Калаушка зимняя, уши закрывать; девку гуляша тоже почто-то калаушка», а также выражения *калаушку гулять* ‘о легкомысленном поведении’: «Калаушку она, может быть, гуляет» [СГРС 5: 28]. *Калаушкой* или *колоушкой*, напомним, может называться не вся шапка целиком, а только болтающаяся ее часть — пришивные уши: «К шапке калаушки пришивали, финка — шапка без калаушек», «Расправь, говорят, калаушки-то или завязи калаушки» [Там же], «Шапка с колоушком, завязывали уши-те» [Там же: 271]. Ведущий развратный образ жизни или просто развязно себя ведущий человек, таким образом, сопоставляется с болтающимся туда-сюда предметом (ср. еще внутреннюю форму слов *развязный*, *отвязный*).

Заметим, что предметное значение слова не вступает в семантический конфликт с негативно-оценочными значениями. Контексты указывают на то, что калаушка представляет собой самый обычный и даже неприглядный головной убор («Зима, так все — и девки, и парни — носят калаушки», «Калаушка — шапка худая», «Калаушка — невзрачная шапчонка, уши торчат»). *Калаушкой* называли также старую, поношенную шапку (см. [Там же: 28]). Вектор движения в сторону отрицательных значений отчасти задается наличием у слова в предметном значении коннотаций заурядности, затрапезности, негодности. В связи с этим отметим следующую семантическую параллель: обозначения простой, повседневной, в некоторых случаях — «деревенской» или изношенной одежды и обуви развивают переносное значение ‘бестолковый человек’, ср. общенар. *лапоть* ‘о глупом, невежественном человеке’, прост. *сапог* ‘то же’, прост. *глупый как валенок* ‘то же’, иркут. *отопки* (изношенные лапти) ‘о темных, неграмотных, необразованных людях’ [СРНГ 24: 258], ср.-урал. *армяк* ‘человек рассеянный, неловкий, несообразительный’ [СРГСУ 1: 28], ворон. *варежка* ‘нерасторопный человек, разиня’ [СРНГ 4: 49], влг., перм., вят. *вáрега* ‘глупый, несообразительный человек’ [Там же] и др.

⁷ Акты номинации шапки с длинными ушами и дурака (простака) могут, очевидно, осуществляться и параллельно (независимо от переноса «ушанка» → «глупый человек») — на основании признака «вислоухости», ср. пск., смол. *лопоўх* ‘шапка-ушанка’ («Надел свой лопоух») и *лопоўх* пск. ‘невнимательный человек’, влг. ‘олух, дуралей’, калуж. ‘нерасторопный человек’ [СРНГ 17: 143].

Любопытно, что как пейоративный экспрессив *калаушка* нашла употребление в художественном тексте, ср. отрывок из повести Л. И. Воробьева «В Песково за библией» (написанной приблизительно в 60-е гг. XX в.): «Змей ты раззмей! — звонко выговаривала бабка Настя. — Полумоток ты лешев, **калаушка** ты окаянная! К сватье он пойдет! Харя ты неумытая! Рожа берестяная! Совсем на старости совесть потерял. (...) Вот я тебе ужоть покажу, **калаушке!**» [Воробьев]. Трудно с точностью установить географию слова: героиня повести, которой принадлежит эта реплика, — жительница костромской деревни, писатель же издал ее, живя в Новгородской области, куда переехал из Костромской. Так или иначе, этот отрывок показывает, что в негативно-оценочном значении слово *калаушка* известно и за пределами Вологодской области — вероятно, в ряду лексем, которые мы рассмотрим в следующем параграфе.

3. Семантика болтовни, вранья и распространения сплетен

Единственный блок значений слов с основой *калауш-/колоуш-*, который, судя по данным лексикографических источников, бытует не только на вологодской территории, но и в других зонах (вятской, новгородской, псковской и тверской), связан с отрицательно оцениваемым речевым поведением. Его формируют слова *калаушка*, *колоушка* ‘о болтливом человеке’ (Влг.: Бабуш.): «Калаушка какой-то такой развесёлой, болтает ерунду, кто-то болтушкой, кто-то калаушкой и зовёт»; «Ну и колоушка ты!» [КСГРС], *калаушник* ‘болтун, вун’, *калаушничать* ‘болтать, говорить без дела’ (Влг.: Кад.): «Калаушником иногда называют человека, баламута-то, болтает много, как болтун, калаушничает. Идут два старика всю дорогу и врут, приходят домой, друг другу правды не сказали, много говорят не по делу, калаушничают» [СГРС 5: 29], пск., твер., новг. *колоушник* ‘сплетник, наушник’ [ПОС 15: 99; СРНГ 14: 190; ТТС 4: 54], *колоушничать* пск., твер., новг. ‘сплетничать, наушничать’ [ПОС 15: 99; СРНГ 14: 190], ‘сплетничать, переносить, наушничать’ [Даль 2: 360], вят. ‘сплетничать’: «Нехорошо колоушничать. Поди, еще к тебе вернется неправда-то» [ОСВГ 5: 77].

Представляется, что слова с речевыми значениями, распространенные на указанной территории, появились независимо от обозначения шапки-ушанки, бытующего только в нескольких районах Вологодской области. Однако так же, как и название шапки, они являются, вероятно, исконными образованиями на базе сочетания *коло* + *уши* и возникли с опорой на рисуемую их внутренней формой деталь картины распространения слухов — их устную передачу «в уши» следующим участникам цепочки.

Образ ушей нередко участвует в изображении процесса распространения сплетен (ср., например, *дуть в уши* ‘сплетничать’ [Даль 4: 1111], иркут. *надувать уши ветром* ‘то же’ [ФСРГС: 117], морд. *настрекать в уши* ‘насплетничать’ [БСРП: 694]) или ложится в основу номинаций этого процесса и его участников (ср. без указ. места *ушник* ‘сплетник’, *ушничать* ‘на-

ушничать' [Даль 4: 1124]). Мотив воздействия на уши воспроизводится в ряде выражений с семантикой передачи ложных слухов и — шире — речевого обмана (ср., к примеру, волгоград. *натарахтеть в уши* 'очернить кого-л.' [БСРП: 694], омск. *залезть в ухо* 'обмануть' [ФСРС: 78], жарг. *тереть/втирать/причесывать/шлифовать уши* 'лгать' [БСРП: 695]). Это делает закономерным использование образа ушей в словах данного семантического блока вне связей с номинацией головного убора.

Показательно, что в ряде словарей (в [Даль; ПОС; СРНГ]) дефиниции глагола *калаушничать* (*колоушничать*) даются с помощью лексемы *наушничать* 'клеветать, сплетничать', актуализируя сходство внутренней формы глагола и «оживляя» некоторые аспекты ситуации передачи сплетен. Аттракцию к слову *наушничать* можно считать существенным стимулом к формированию внешнего облика изучаемого речевого глагола.

Речевые значения записаны на вологодской, псковской и новгородской территориях, где также фиксируются обозначения болтающей попусту, занимающейся сплетнями женщины, образованные от глагола *колотить* по широко распространенной семантической модели «стучать, хлопать, колотить» → «пустословить, сплетничать»: влг. *колотушка* 'болтливая женщина' [СВГ 3: 91], новг. *колотуша* 'сплетница' [СРНГ 14: 185], пск., новг. *колотуха* 'болтуня, сплетница' [Там же: 184], пск. *колотушка* 'выдумщица' [ПОС 15: 95]. Сближения на основании фонетической и семантической близости между двумя группами слов вполне вероятны.

Можно предположить, что ареальную широту лексемам обеспечивает совокупность факторов: легкость интерпретации слов в русле семантики распространения сплетен (использование «популярного» в описании процесса передачи сплетен образа ушей); аттракция со стороны нескольких сходных по фонетическому облику слов, влияющая на устойчивость «речевой» семантики.

Таким образом, обозначения сплетника могли возникнуть вне связи с обозначением шапки-ушанки, однако иметь в основе ту же модель — иначе говоря, эти группы лексем являются гомогенными омонимами.

4. Семантика причинения физического вреда

Основа *калауш-* присутствует в лексемах *калаушить* 'бить, избивать кого-л.', *накалаушить* 'побить' (Влг.: Бабуш.): «Пойдем отсюда, говорю, не то и нас накалаушат» [КСГРС]. Можно предположить, что в их основе лежит глагол *оглоушить*, подвергшийся фонетическим изменениям вследствие притяжения к *калаушка* 'шапка'. Представим диалектные фонетические варианты литер. *оглоушить*: ворон. *оголовушить* 'сильно ударить по голове, оглоушить', карел. *оголоушить* 'то же' [СРНГ 22: 335, 336]. Результатом деэтимологизации этого глагола явилось также, вероятно, оренб. *околоушить* 'сильно ударить по голове, лишив сознания' [Малеча 3: 64].

Поддержка семантике битья со стороны значения *калаушка* 'шапка-ушанка' связана с тем, что образ шапки и вообще головного убора может использоваться в образовании выражений со значением 'бить кого-л.', ср. простореч. *дать по шапке* 'ударить', *по шапке хлестнуть* 'огреть, ударить' [Даль ПРН 1: 312], яросл. *накласть в шапку*, *шляпу* 'избить кого-л.' [ЯОС 6: 97], пск., твер. *насорить в шапку* 'побить' [СРНГ 20: 182], олон. *надавать колпаков* 'надавать тумаков, колотушек' [СРНГ 14: 193] и др. (подробнее о мотиве удара, реализующемся во фразеологических единицах с компонентом *шапка*, см. [Тихомирова 2013]).

5. «Пищевая» семантика

Основа *калауш-/колоуш-* входит в состав слов, семантика которых охватывает несколько моделей негативно оцениваемого пищевого поведения. Эти значения записаны Топонимической экспедицией УрФУ на территории Кадуйского района (на юго-западе Вологодской области), тогда как значения 'шапка-ушанка', производные от него 'о глупом человеке', 'о легкомысленном человеке', а также слова с семантикой битья фиксировались на территориях Бабушкинского, Нюксенского и Тотемского районов (на северо-востоке Вологодской области). Такое строгое ареальное распределение семантики заставляет искать дополнительные мотивационные стимулы для появления «пищевых» лексем и предполагать для них иную этимологию.

Опишем подробнее комплекс «пищевых» смыслов слов *калаушник* (*колоушник*), *калаушить* и *калаушничать* (*колоушничать*).

Выделяется идеограмма 'сидеть или стоять у стола, за спинами тех, кто ест, молчаливо выпрашивая еду': «Обедают, и стоят пацаны у стола и смотрят, еды-то мало было, от зависти, пришёл, стоит у стола, калаушничает» [СГРС 5: 29] (такая специфическая ситуация, очевидно, имела распространение в деревенском социуме в голодные годы, поскольку данная идеограмма имеет не единственное языковое воплощение, ср. еще *камёт* 'то же': «Встанет и стоит, когда ешь. Это камеет» (Влг.: Кад.) [Там же 5: 49]).

К менее специфическим (отвлеченным от социально-исторического фона и распространенным и в городской среде) нарушениям общепринятых норм пищевого поведения, называемым рассматриваемыми лексемами, относятся: ♦ *излишняя привередливость в еде* («Колоушник: этого не хочу, этого не хочу, а этого поем»; «Калаушники любят хорошенько съесть, сметанку-то слизать, а плохое не любят»; «Ну и калаушник, любит покалаушничать что-нибудь вкусное»; «Калаушничает, выбивает, что хорошего съесть»); ♦ *стремление найти какое-нибудь лакомство и незаметно, без разрешения, его съесть, нередко в неурочный час* («Калаушник блудит — где молока выпить, где на куфне чего взять»; «Калаушник любит что-то таскать, кто брал самостоятельно без разрешения, кринку ли облизал, сметанку ли»);

«Дедку ругаю: чего, дедка, в буфете калаушничаешь»; «Бабушка поставит молоко, а он сверху выпивает. Ищет украсть. Это колоушник»; «Раньше мама говорила “колоушничать”, а не “куски хватать”»; «Ребёночек чего съел, пока не видят — это колоушник»; «Ест один, без всех, значит колоушник»; ♦ выпрашивание еды, попрошайничество («Я еще маленька была, побежала к дядюшке на футор, а мамка говорит: “Чего пошла калаушить?”»); «Калаушничают, выбивают, что хорошего съест») (см. [Там же: 28—29, 271—272]).

Тот факт, что калаушник (‘привередливый человек’) выискивает, как правило, не любую еду, а именно лакомство, а от плохой пищи отказывается, отразился на появлении лексем *калаушное* ‘скоромное’, *калаушничать* ‘есть скоромную пищу’, то есть пищу более вкусную, разнообразную, доступную только в регламентированное время: «Пост-от кончилси, дак покалаушничала; калаушничала — сметаны поела, масла да — калаушного всего» [Там же: 29].

Слова *калаушник*, *калаушничать* (*колоушник*, *колоушничать*) с семантикой выпрашивания еды (всеми упомянутыми выше способами), как кажется, могли быть производными от *калауш* ‘мешок, котомка’, которое формально совпадает с корневым элементом слов изучаемого множества. Слово *калáуш* (с вариантами *колоуш*, *калáуз*, *калау́з*, *калáус*, *калáгуз*, *каляуз*, *колоу́з* и др.) довольно широко распространено в говорах Русского Севера и Сибири; оно считается тюркским заимствованием (ср. тат. *qalauz* ~ *qalauyuz* ‘котомка’, *qalaus* ‘сумочка’ [Аникин ЭСС: 238]). Приведем только фиксации, относящиеся к вологодским говорам: влг. *калáуш* ‘небольшая холщовая сумка’: «Калауш — мешок вот заплечник», «Кто называл котомкой, кто калауш» [СГРС 5: 27], ‘небольшой мешок, котомка’ [СРНГ 12: 337], влг. *калáус*, *калáуз* ‘узел с поклажей’ [Там же: 336], влг. *колоуш* ‘небольшой дорожный мешок, котомка’ [Там же], влг. *колоуш* (удар.?) ‘кожаный или суконный мешок, затягивающийся шнурами, киса’ [СРНГ 14: 190], сев.-двин. *калау́шек* ‘сума, мешок из холста’ [СРНГ 12: 337] (последняя форма записана в Северо-Двинской губернии, сформированной из ряда уездов Вологодской губернии; ныне это в основном территория Архангельской и Вологодской областей). Отметим, что варианты *колоуш* и *калау́шек* свидетельствуют о возможной постановке ударения в слове, обозначающем сумку, на третий слог, так же, как в «пищевых» лексемах.

Калаушем (*колоушем*, *калаушком*) называется, таким образом, небольшая котомка, которая, судя по контекстам, использовалась не для хранения вещей, а для ношения с собой еды (на покос или в лес) или ношения поклажи. С калаушем, вероятно, могли ходить выпрашивающие еду люди. Слова *калаушник* и *калаушничать*, производные от обозначения дорожного мешка, отразили картину хождения с сумой, вполне способную лечь в основу номинаций, обозначающих выпрашивание кусков, нищенство и под., ср. пск., твер. *набируха* ‘берестяной короб’ и *набирóшничать* ‘выпрашивать’ [СРНГ 19: 118], диал. шир. распр. *кошель* ‘разного рода не-

большая котомка или мешок' и вят., костр. *кошельничать* 'нищенствовать, просить милостыню' [СРНГ 15: 146], костр. *кошелять* 'то же' [Там же: 147], диал. шир. распр. *кисá* 'кожаный или суконный мешок' и иван. *кисáн* 'босаяк, шпана' [СРНГ 13: 225] (то есть «тот, кто ходит с кисой»). Перенос «сумка, сума» → «тот, кто ходит с сумой», вероятно, обусловил появление влг. *калитá* 'попрошайка': «Просит и просит без конца, приступился как калита» [СГРС 5: 34], ср. влг. *калитá* 'кошелек; сума; карман' [СРНГ 12: 358]. Сумка упоминается также в ряде выражений со значением 'обеднеть, побираться' — вроде смол. *повесить на шею котомку* [СРНГ 15: 110], ряз. *по кошелкам ходить* 'побираться' [Там же: 144] и под.

Кажется вероятным, что по модели, разрабатываемой словами *наби-рошничать* < *наби́роха*, *кошельничать* < *кошель*, осуществилась и деривация *калау́шничать* (*колоу́шничать*) < *калауш/колоуш*.

В таком случае «отправной точкой» для развития многообразных значений, связанных с пищей, стали значения 'попрошайничать, выпрашивать еду' и 'попрошайка'. Следующая ступень развития семантики, очевидно, затрагивает выпрашивание и выискивание уже не всякого куска, а лакомства или чего-то запретного (ср., к примеру, упоминание в контексте конкретного «запретного» продукта: «Свашить — то же, что колоушничать. Бабка водку спрячет, а он всё свашит» [СГРС 5: 272]). В свою очередь, значения 'выискивать лакомство' и 'тот, кто выискивает лакомство, стремится незаметно утащить лакомый кусочек' влекут за собой появление в «пищевом» семантическом комплексе значений, отражающих представления о чрезмерной капризности, привередливости в еде.

Заметим еще, что некоторые из рассмотренных слов могут переосмыслиться на русской почве: глагол *калаушничать* (*колоушничать*) 'сидеть или стоять за спинами тех, кто ест, молчаливо выпрашивая еду' может испытывать влияние «прочтения» как слова, указывающего на пространственное положение таких просителей — над ушами (около ушей) тех, у кого они просят. Местонахождение незваных гостей или людей, рассчитывающих на даровое угощение, может ложиться в основу их номинаций, ср. диал. *захребетник*: «в одних диалектах термин относится к непрошеному гостю, “который приходит не в урочное время, уже после праздника” (вят.), в других — к человеку, использующему свои связи, чтобы проникнуть туда, куда его не звали. (...) Иногда речь идет об участниках «помочей» (...). Термин отражает местоположение таких участников: *захребетники* остаются за спиной у приглашенных, которые передают им закуску и выпивку (волог.)» [Кабакова 2015: 81].

6. Об одном мордовском слове с основой *колоуш-*

К сожалению, не все семантические «повороты» в истории с *калаушкой* и другими словами с данной основой кажется возможным объяснить, вла-

дея представленным в статье материалом. Обратимся к любопытному случаю, отмеченному в ареале, удаленном от места записи основных фигурантов анализа.

В русских говорах Мордовии зафиксировано слово *колоушка* ‘маленькое, тесное помещение, клетушка’ и его уменьшительная форма *колоушечка*: «Купили оне там каку-ту кьлоушку, как скворешницу, и без малтъвь два годь в ней жыли, пока строились»; «И ушол к ней в эту кьлоушычку» [СРГМ 1: 396]. Слово представляется этимологически неясным. Можно допустить, что в мордовском языке существует некоторая языковая единица, притяжение к которой повлекло за собой семантическое развитие от ‘сумки’ к ‘помещению’ (поиск в словарях мордовского языка не дал результатов; ср. единственную обнаруженную нами финно-угорскую семантическую параллель к этой гипотетической единице, впрочем, весьма далекую — коми-зыр. *кола* ‘шалаш, лесная избушка’ [КРС: 297]). Можно предположить сдвиг семантики от значения ‘сумка’ (ср. диал. шир. распр. *калауш* ‘сумка’) до значения ‘тесное помещение’ на основании компонента ‘вместилище; небольшое закрытое пространство’. В русских говорах регистрируется совмещение значений ‘сумка’ и ‘помещение’ для одной языковой формы, ср. *пестерь* диал. шир. распр. ‘короб, корзина, мешок’ и забайк. ‘сусек в подполе’ [СРНГ 26: 312]; *кошель* общенар. ‘сумка’ и кубан. ‘помещение для половы’ [СРНГ 15: 145]; *кромá* без указ. места ‘сумка нищего’ и арх. *кром* ‘отгороженное место в амбаре для ссыпки зерна’ [Там же: 274]; влг. *задня́* ‘сума, сумка для попрошайничества’ и арх. *заднюха, заднюшка* арх., ср.-урал. ‘пристройка к избе’, ‘задняя изба’, ‘скотная изба’ [СРНГ 10: 60]. Версия о развитии семантики (на русской почве?) на базе значения ‘сумка’ представляется более вероятной.

* * *

Итак, слова, включающие в свой состав основу *калауш-/колоуш-*, формируют в пространстве вологодских говоров значительное лексическое объединение, обладающее широким семантическим спектром, отдельные участки которого формировались на базе различных основ и под влиянием разных стимулов. Для единиц, входящих в данное объединение, можно предполагать по крайней мере два этимологических решения: сложение лексем *коло* + *уши* с суффиксацией (легшее в основу слов *калаушка/колоушка* ‘шапка-ушанка’ и ‘пришивное ухо у шапки’, а также лексем *калаушничать/колоушничать* ‘сплетничать’ и *калаушник/колоушник* ‘сплетник; болтун, врун’) и образование от бытующего в том числе в вологодских говорах слова *калáуш (колоу́ш)* ‘дорожный мешок, сумка’ (в результате которого появились слова *колоушить, колоушничать* ‘выпрашивать еду’). Таким образом, изучаемые языковые единицы в различных значениях признаются гетерогенными омонимами. Однако наблюдать их семантическое развитие представляется более продуктивным, объединяя их в одно лексическое множество.

Диалектная среда бытования слов способствует их деэтимологизации и разрастанию семантики, особенно негативно-оценочной, за счет активных деривационных процессов. Линии семантического развития в пространстве лексического объединения могут направляться вторичными сближениями основы с рядом лексем (например, словом *наушничать*) вне зависимости от предполагаемого происхождения основы.

Даже в случае заимствованного происхождения основы поддержку семантике «неправильного» пищевого поведения может оказывать переосмысление компонентов слова на русской почве (в частности, об этом говорилось по отношению к глаголу *калаушничать/колоушничать*).

Причины семантического развития кроются не только в собственном потенциале лексем (внутренней форме, контаминациях с другими словами), но и в логике «притяжения» друг к другу некоторых смыслов. Семантический комплекс данного гнезда в отдельных своих участках и даже целиком — в своей негативно-оценочной части — воспроизводится в пространстве языка в других семантико-словообразовательных гнездах. В частности, регулярно соединяются значения ‘болтать, врать’, ‘сплетничать, клеветать’ и ‘выпрашивать еду’ (например, в спектрах значений диал. *свашиить* [СРНГ 36: 222], *колотырить* [СРНГ 14: 186—187] и др.); соединяются значения ‘болтать, врать, переговаривать’, ‘бить, колотить’, ‘выпрашивать’ (например, в спектре значений диал. *ляскать* [СРНГ 17: 283]).

В заключение представим в схематичном виде, как, на наш взгляд, формируется и развивается семантика, присущая анализируемому лексическому множеству:

- 1) *калаушка/колоушка* ‘шапка-ушанка’
     < *коло* ‘около’ + *уши*
     или *коло* ‘круглый’ + *уши*

     ‘легкомысленный, развратный человек’
     ‘глупый, бестолковый человек’
- 2) *калаушничать/колоушничать* ‘сплетничать’, *калаушник/колоушник* ‘сплетник’
     < *коло* ‘около’ *ушей*
- 3) *колоушить* ‘бить’
     < *оглоушить* + притяжение к *калаушка* ‘шапка’
- 4) *калаушить, калаушничать/колоушничать* ‘выпрашивать еду’ →
     ‘выискивать лакомство’ → ‘быть привередливым в еде’ → ‘есть скоромную пищу’
     < *калауш (колоуш)* ‘сума’

В составе формирующейся вокруг основы *калауш-/колоуш-* группы лексем можно выделить четыре омонимичных семантико-словообразовательных ряда, каждый из которых, как представляется, образовался независимо от других, однако впоследствии мог вступать с ними в формально-семантические связи.

Литература и источники

Аникин ЭСС — А. Е. Аникин. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. 2-е изд., испр. и доп. М.; Новосибирск, 2000.

Березович 2007 — Е. Л. Березович. Язык и традиционная культура. Этнолингвистические исследования. М., 2007.

БСЖ — В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. Большой словарь русского жаргона. СПб., 2000.

БСРП — В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. Большой словарь русских поговорок. М., 2008.

Воробьев — Л. И. Воробьев. В Песково за библией (маленькая повесть) [Электронный ресурс]. URL: <http://profilib.com/chtenie/41325/leonid-vorobev-nedometannyy-stog-rasskazy-i-povesti-96.php>.

Даль 1—4 — В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. 3-е изд. СПб.; М., 1903—1909. Т. 1—4.

Даль ПРН 1—2 — В. И. Даль. Пословицы русского народа. СПб.; М., 1879. Т. 1—2.

Журавлев 2003 — А. Ф. Журавлев. Восточнославянские этимологии // *Studia etymologica Brunensia*. 2. Praha, 2003. S. 137—151.

Кабакова 2015 — Г. И. Кабакова. Русские традиции застолья и гостеприимства. М., 2015.

КРС — Коми-русский словарь / Под ред. В. И. Лыткина. М., 1961.

КСГРС — картотека Словаря говоров Русского Севера (кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург).

Леонтьева 2008 — Т. В. Леонтьева. Интеллект человека в русской языковой картине мира. Екатеринбург, 2008.

Малеча 1—4 — Н. М. Малеча. Словарь говоров уральских (яицких) казаков. Оренбург, 2002—2003. Т. 1—4.

Меркулова 1985 — В. А. Меркулова. К проблеме потенциального тюркизма // *Этимология*. 1985/Отв. ред. О. Н. Трубачев. М., 1985. С. 81—86.

Михайлова 2013 — Л. П. Михайлова. Словарь экстенциональных лексических единиц в русских говорах. Петрозаводск; М., 2013.

Михайлова 2014 — Л. П. Михайлова. Лексикализация перехода [ó] > [á] в русских говорах // *Севернорусские говоры*. Вып. 13 / Отв. ред. А. С. Герд. СПб., 2014. С. 118—136.

Николаева 1997 — Е. С. Николаева. Тюркизмы в говорах Русского Севера. Дипломная работа. Урал. гос. ун-т. Екатеринбург, 1997.

ОСВГ — Областной словарь вятских говоров. Киров, 1996—. Вып. 1—.

ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. Л.; СПб., 1967—. Вып. 1—.

Радлов 1—2 — В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1983—1899.

СВГ — Словарь вологодских говоров/Под ред. Т. Г. Паникаровской. Вологда, 1983—2007. Вып. 1—12.

СГРС — Словарь говоров Русского Севера/Под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург, 2001—. Т. 1—.

СРГМ — Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия. СПб., 2013. Ч. 1—2.

СРГСУ — Словарь русских говоров Среднего Урала / Под ред. А. К. Матвеева. Свердловск, 1964—1988. Т. 1—7.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1—22), Ф. П. Сороколетов (вып. 23—42), С. А. Мызников (вып. 43—). М.; Л.; СПб., 1965—. Вып. 1—.

ССГ — Словарь смоленских говоров / Под ред. Л. З. Бояриновой, А. И. Ивановой. Смоленск, 1974—2005. Вып. 1—11.

ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. М.; Л., 1948—1965.

Тихомирова 2013 — А. В. Т и х о м и р о в а. Ассоциативно-деривационная и фразеологическая семантика наименований одежды в русской языковой традиции. Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2013.

ТТС — Тематический словарь говоров Тверской области / Под ред. Т. В. Кирилловой, Л. Н. Новиковой. Тверь, 2003—2006. Вып. 1—5.

Фасмер 1—4 — М. Ф а с м е р. Этимологический словарь русского языка. М., 1964—1973. Т. 1—4.

ФСРГС — Фразеологический словарь русских говоров Сибири / Под ред. А. И. Федорова. Новосибирск, 1983.

ЯОС — Ярославский областной словарь / Отв. ред. Г. Г. Мельниченко. Ярославль, 1981—1991. Вып. 1—10.

Сокращения

арх. — архангельские говоры
Бабуш. — Бабушкинский район Вологодской области
Влг. — Вологодская область
влг. — вологодские говоры
волгоград. — волгоградские говоры
ворон. — воронежские говоры
вят. — вятские говоры
диал. шир. распр. — диалектное широкого распространения
забайк. — забайкальские говоры
иркут. — иркутские говоры
Кад. — Кадуйский район Вологодской области
калуж. — калужские говоры
карел. — карельские говоры
коми-зыр. — коми-зырянский язык
костр. — костромские говоры
морд. — мордовские говоры
новг. — новгородские говоры
Нюкс. — Нюксенский район Вологодской области
общенар. — общенародное
олон. — олонечские говоры
омск. — омские говоры
оренб. — оренбургские говоры
пск. — псковские говоры

ряз. — рязанские говоры
 свердл. — свердловские говоры
 сев.-двин. — северодвинские говоры
 смол. — смоленские говоры
 ср.-урал. — среднеуральские говоры
 твер. — тверские говоры
 Тот. — Тотемский район Вологодской области
 яросл. — ярославские говоры

Резюме

Статья посвящена проблеме разграничения диалектных омонимов внутри группы слов с основой *калауш-/колоуш-*, зафиксированных, в большинстве своем, только на территории нескольких районов Вологодской области. Рассматриваемое лексическое множество обладает широкой семантикой: его можно разделить на блоки слов, называющих зимнюю шапку и ее пришивные «уши»; человека развязного и развратного поведения; глупого человека; болтуна и сплетника; действия по причинению физического вреда; наконец, человека, привередливого в еде, и действия по выпрашиванию еды. Ввиду значительного семантического расстояния между этими блоками и их географической привязки к разным ареалам (в частности, значения «шапка-ушанка», «легкомысленный/глупый человек» фиксируются на северо-востоке, а все «пищевые» значения — на юго-западе Вологодской области) предполагается, что деривация внутри рассматриваемого лексического множества осуществляется от основ разного происхождения. Для единиц, входящих в изучаемое множество, можно предполагать по крайней мере два этимологических решения: сложение лексем *коло* + *уши* с суффиксацией (легшее в основу слов *калаушка/колоушка* «шапка-ушанка» и «пришивное ухо у шапки» и их семантических дериватов, а также лексем *калаушничать/колоушничать* «сплетничать» и *калаушник/колоушник* «сплетник; болтун, врун») и образование от бытующего в том числе в вологодских говорах слова *калауш (колоуш)* «дорожный мешок, сумка» (в результате которого появились слова *колоушить, колоушничать* «выпрашивать еду»). Кроме того, на развитие значений внутри каждого из омонимичных семантико-словообразовательных рядов влияют аттракции основы к фонетически сходным с ней лексемам.

Ключевые слова: русская диалектная лексика, вологодские говоры, диалектная омонимия, этимология, семантическая реконструкция, лингвогеография, лексическая аттракция.

Статья получена 01.03.2016

VALERIA S. KUCHKO

ON THE ETYMOLOGY OF DIALECT HOMONYMS: VOLOGDA WORD *KALAUSHKA*

The article is devoted to the problem of differentiating dialect homonyms within the group of words with the stem *kalaush-/koloush-*, most of which have been attested only in several districts of the Vologda region. This lexical group is of broad semantics. It can

be divided into blocks of words naming: a winter hat and its sewn-on “ears”; behaviour of a dissolute person; a stupid person; a chatterer and a gossip; actions causing physical harm; finally, a man fastidious in eating and the action of begging for food. Because of the considerable semantic distance between these blocks and their functioning in different areas (in particular, the meanings ‘hat’, ‘careless/stupid person’ were recorded in the Northeast of Vologda region, and all the “food” meanings — in its Southwest) it is argued that the words in this lexical group are derived from stems of different origin. For units included in the studied group there are at least two etymological solutions: composition of *kolo* ‘wheel’ or ‘near’ + *ushi* ‘ears’ with suffixation (which formed the words *kalauska/kolouska* ‘hat’ and ‘hats with sewn ear’ and their semantic derivatives, as well as the lexemes *kalaushnichat’/koloushnichat’* ‘to gossip’ and *kalashnik/koloshnik* ‘gossip, liar’) and derivation from the widely recorded words *kalaush (koloush)* ‘bag’ (resulted in the words *koloushit’, koloushnichat’* ‘to beg for food’). In addition, the semantic development within each of the homonymic semantic-derivational series is influenced by attraction of the stem to phonetically similar lexemes.

Key words: Russian dialect lexis, Vologda dialects, dialectal homonymy, etymology, semantic reconstruction, linguistic geography, lexical attraction.

Received on 01.03.2016

А. А. ПЛЕТНЕВА

**ЛУБОЧНЫЕ ПЕРЕПЕЧАТКИ ГАЗЕТ:
К ВОПРОСУ ОБ ОРФОГРАФИЧЕСКОМ ЕДИНСТВЕ
ЛУБОЧНОЙ ПИСЬМЕННОСТИ**

Лубочная письменность представляет собой конгломерат текстов, относящихся к разным жанрам. Она вбирает в себя и фрагменты Священного писания, и молитвы, и исторические хроники, и паломническую литературу, и отрывки произведений художественной литературы XVIII в., и газетные заметки, и многое другое. Усваиваемые лубочной традицией тексты подвергаются определенной адаптации, и, соответственно, встает вопрос, в какой степени механизмы подобной адаптации являются универсальными. В свое время эта проблема рассматривалась нами на материале ветхозаветных текстов [Плетнева 2013]. Но для корректного анализа следует учитывать и тексты, принадлежащие к другим жанрам. Лубочные воспроизведения газет дают важный материал для выяснения языковой специфики лубка. Интересны они по двум причинам. Во-первых, для таких лубков сравнительно легко найти источник, что позволяет достаточно точно установить, какие изменения вносятся в лубочную версию. Во-вторых, язык газет — это тот язык, на котором государство ведет диалог со своими подданными, то есть это, так сказать, официальная версия литературного языка периода активного формирования стандартной орфографической системы. Сравнение лубочной орфографии с газетной дает возможность рассмотреть лубочную орфографию в более широком контексте русской орфографии XVIII века.

Очевидно, что не все газетные заметки привлекали внимание лубочного издателя. Сама специфика лубка как коммерческой продукции предполагает такой подбор информации, который будет интересен читателю. А читателями лубка в XVIII в. были в первую очередь горожане (мещане, дворовые люди, купцы) и отчасти крестьяне, то есть те, кто не принадлежал к новому, ориентированному на европейские ценности социуму [Рейтблат 2001: 157; Гриц и др. 2001: 13—20]. Поэтому из газетного репертуара выбирались фрагменты, которые отвечали вкусам и интересам представителей традиционной культуры, то есть тех, кто покупал лубочную продукцию, читал ее и развешивал по стенам.

Тематически лубки, восходящие к газетам, можно разделить на две группы¹.

1. К первой группе относятся лубки, содержание которых определяется исключительно их коммерческим характером. Речь идет об описаниях экзотических и необычных событий². В этой группе выделяется 3 подгруппы:

— *Природные катаклизмы*. Это, прежде всего, лубки о землетрясениях и извержениях вулканов: Ров 323 «Известие о землетрясении, бывшем на острове Терцере 9 октября 1761 года», Ров 328 «Извержение огнедышащей горы близ города Туксклы в Америке в 1765 году» и др. Сюда же относятся воспроизведения текстов, в которых говорится о необычных небесных явлениях: Ров 311 «О знамении, бывшем над градомъ Шлонским въ 1736 году», Ров 335 «Изображение кометы 16 августа 1769 года» и др.

— *Люди или животные, имеющие какие-либо отклонения во внешности*: Ров 308 «Изображение мужика с птичьей головой, пойманного в Испании в 1721 году», Ров 310 «О рождении урода в Нижнем Новгороде в 1730 г.», Ров 326 «Английский мясник Бернард» и др.

— *Необычные зрелища*: Ров 325 «Объявление о прибытии английской компании комедиантов», Ров 357 «Персидский слон, приведенный в Москву в 1796 году» и др.

2. Вторая группа лубков, восходящих к газетным заметкам, сообщает о военных событиях или светской хронике³. Лубки на военные темы решали одновременно две задачи: с одной стороны, они информировали население о произошедших битвах, наступлениях или отступлениях, с другой — бы-

---

¹ Подробное библиографическое описание лубков и газет приведено в разделе *Список источников*.

² Анализ содержательной стороны лубочных листов, опирающихся на газетные статьи, находится за пределами нашей сегодняшней задачи, поэтому скажем об этом кратко. Бросается в глаза, что все аномальные явления и природные катаклизмы происходят где-то вне России. Наиболее экзотические монстры обитают на юге Европы: в Испании и отчасти во Франции (Ров 308, 309, 321). В России же монстры могут оказаться просто очень большими китами (Ров 320) [Ровинский II: 55—57; 67—68; 120]. То же можно сказать и про аномальные явления. Если видения в небе Силезии или Турции описываются как сложные мистические знаки (Ров 311, 333), то кометы над Россией описываются просто как редкое природное явление (Ров 335) [Ровинский II: 80—82]. Подробнее об этом см. [Плетнева 2001]. При этом надо помнить, что лубок не создает текст, а лишь копирует его из газеты, но выбор текста для воспроизведения — это, безусловно, прерогатива лубочного издателя, ориентированного на представления о жизни и вкусы потребителя.

³ В этих листах рассказывается о взятии турецких крепостей, об удали солдат, о лихих казаках, воспроизводится «письмо турецкому султану» и т. д. Русский военный лубок до 1812 года внимания исследователей практически не привлекал. Более или менее активно изучается лубок и политическая карикатура, связанные с войной 1812 года [Норрис 2006]. Имеются каталоги военного лубка конца XIX — начала XX века [Лебедева I—III].

ли средством агитации, пробуждающим патриотические чувства и формирующим негативный образ военного противника. В этой группе находятся лубки, посвященные следующим событиям:

— *Семилетняя война*: Ров 313 «Разговор прусского короля с фельд-маршалом Венделем 30 июля 1759 года», Ров 315 «Победа генерал-фельд-маршала графа Салтыкова над пруссаками при Франкфурте 12 августа 1759 года» и др.

— *Русско-турецкая война 1768—1774*: Ров 338 «Конечное истребление турецкого флота при Чесме», Ров 339 «Реляция о взятии Бендер» и др.

— *Русско-турецкая война 1787—1792*: Ров 355 «Взятие Очакова и солдатская песня на этот случай».

— *Русско-шведская война 1808—1809*: Ров 359 «Поединок волонтера Веделя с английским офицером 11 января 1808 года», Ров 360 «Взятие крепости Свеаборга».

— *Наполеоновские войны 1805—1815*: Ров 361 «Битва под местечком Либштадт и дер. Лангение», Ров 362 «Битва у местечка Пултуска» и др.

Лубки, которые можно квалифицировать как светскую хронику, имеют не совсем очевидного адресата. Учитывая коммерческий характер этих изданий, неясно, чем они могли привлечь читателя, не относящего к русской знати того времени. Таких текстов не очень много, но тем не менее они есть. Например, Ров 347 «Описание торжественного въезда в Москву турецкого посла Беглербея в 1775 году», Ров 374 «Въезд Императора Александра I в Лондон» и др.⁴

Для выявления специфики газетных лубков были проанализированы 13 текстов, которые рассматривались параллельно с их газетным оригиналом. Это Ров 321, 322, 327, 329, 330, 339, 340, 341, 349—352⁵, 358. Газеты,

⁴ В публикации Ровинского в разделе «Известия из Ведомостей» находятся также несколько текстов, которые не укладываются в приведенную классификацию. Это военные песни (Ров 365, 366) и стихи, посвященные тем или иным историческим событиям (Ров 368, 375) [Ровинский II: 145—152]. Сюда относится также лубок о всенародном покаянии убийц Жуковых (Ров 332), а также нравоучительная история «Поступок дровосека с доктором» (Ров 353) [Ровинский II: 78—80, 127—129].

⁵ О текстах 349—352 надо сказать отдельно. Эти четыре лубочные картинки стоят несколько особняком. Они являются воспроизведением 4 заметок, размещенных в идущих подряд номерах «Московских ведомостей», и представляют собой единый текст. Лубки вслед за газетами говорят о путешествии императора Павла Петровича в Берлин летом 1776 г. Это жанр официальной хроники, изобилующей подробностями придворной жизни, именами европейских политических деятелей и географическими названиями. Структура текста подчинена этикету и достаточно сложна. Трудно представить себе читателя, которому были адресованы эти тексты. Остается только предположить, что интерес городских обывателей к придворной жизни был высоким и стилистические трудности читатель преодолел, чтобы приобщиться к жизни двора. Все четыре лубочных текста, представляющие единый цикл, по всей вероятности, были изготовлены одним человеком.

заметки из которых воспроизводятся в интересующих нас лубках, относятся к временному промежутку 1760—1805 гг.

Надо отметить, что лубочные перепечатки газет оказываются гораздо ближе к оригиналу, чем тексты других жанров. Газетный текст воспроизводится почти без пропусков и достаточно точно. Однако в ряде случаев все же встречаются пропуски отдельных слов, дополнения, комментарии или же изменения текста. Рассмотрим эти случаи. В качестве примера того, как сокращается текст, можно привести отрывок из лубка Ров 340 («Известие о бунте янычар в Турции и о постановлении дивана»). Следует отметить, что этот фрагмент находится в конце лубка и гравер был ограничен местом, с чем и могут быть связаны пропуски⁶.

МВ⁷ 1770 № 93

...Однако прочіе всѣ согласно требовали мира угрожая, что они почтуть всѣхъ тѣхъ непріятелями отечеству, которые противятся ихъ желанію, и предадутъ ихъ безъ всякаго милосердія на казнь; и сей поднявшійся со всѣхъ сторонъ ужасный крикъ принудилъ первыхъ къ молчанію. Султанъ видя, что невозможно переменить принятаго въ собраніи намѣренія, общалъ исполнить по ихъ волѣ, съ тѣмъ однако договоромъ, чтобы они послѣ не возлагали на его вины. На что отвѣтствовали они, пребывавъ бы Султанъ только спокойно на своемъ престолѣ, а договоры сдѣлать берутъ они на себя.

Ров 340

Однако все согласно требовали мира угрожаа что ѳни почту^т ихъ не прилтелами ѳтечеству которые противатса ихъ желанію предадѣтъ ихъ на казнь и все поднавшиса ужасно крикъ принудилъ первыхъ кмолчанию султанъ вида что невѣможно переменить ихъ намѣрениа ѳбещалъ исполнить поихъ воли, стемъ договором^м чтобы ѳни после не возлагали нанего вины начто ѳвѣтствовали ѳни, пребывавъ бы султанъ спокойно на престолѣ свое^м, ѳдоговоры здела^т беру^т ѳни насеба.

Другой тип исправлений — пояснение. В МВ 1760 №55 говорится: *Нѣкоторой иностранной челоѣкъ привезъ съ собою въ барцелону Сатира, котораго уродливая фигура привлекаетъ много зрителей.* В лубке Ров 321, который воспроизводит газетное сообщение, имеется пояснение к незнакомому слову: *въбарцелонѣ градъ* [Ровинский II: 68]. Это исправление

Об этом свидетельствует не только единство источника, но и общность начертания букв, а также общность орфографической системы. Перед нами уникальный случай, когда орфография четьрех листов полностью идентична. Единственное исключение — начало текста Ров 349, помещенное в рамку. Вероятно, этот фрагмент написан другим человеком. Об этом говорит и другой начерк букв (они несколько шире), и вариативное написание у // ѳ.

⁶ В таблице лубочный текст воспроизводится параллельно с газетным оригиналом, опущенные в лубке слова в оригинале выделены подчеркиванием.

⁷ МВ — сокращение названия газеты «Московские ведомости», ПМВ — «Прибавление к Московским ведомостям». См. раздел *Список источников*.

весьма показательно и свидетельствует о том, что образовательный уровень читателей лубков был более низким, чем образовательный уровень читателей газет, и название европейского города нужно было комментировать.

В тексте Ров 352 существенно изменена заключительная часть:

МВ 1776 №77

И когда Ихъ Высочества ѳхали по мосту, то заводили они пляски отъ части на крышкахъ, а отъ части на топштангахъ, и при бiеніи въ литавры, играніи на трубахъ, и производимой изъ оружія ихъ пальбѣ, слышно было радостное ихъ восклицаніе, къ коему и рыболовы тамошнихъ рыбачьихъ деревень, разъѣжая по той же рѣкѣ на лодкахъ, присовокупляли веселые свои крики.

Ров 352

Икогда Ихъ Высочества ѳхали по мосту то заводили они пляски отчасти накрывкахъ аотчасти натопштангахъ иприбиеніи влитавры играніи натрубахъ ипроизводимой изъоружія ихъ палбе. Стечение народа въсемъ случае было столь велико что все улицы отвыезда изъ города были онымъ покрыты итолпы людеи теснявшися вкругъ Кареты Ихъ высочествъ замедлили путь все знатныя особы имели щастие. Нарочно въустроенныхъ местахъ смотреть задрагость цены. овсеиже радости тамошнихъ жителей иудовольствія ихъ очеи зрѣниемъ Его императорскаго Высочества въроды ихъописать никакъ неможно

Объяснений такого изменения может быть несколько. Мы не знаем, копировался ли непосредственно газетный текст или имелся источник-посредник. Упоминания о рыбаках рядом с царственными особами могло смутить составителя текста или лубочного издателя. Возможно еще и такое объяснение: на листе оставалось лишнее место, и надо было увеличить исходный текст, чтобы заполнить лист.

В целом можно сказать, что газетные лубки отличаются от оригинала намного меньше, чем другие лубки, воспроизводящие печатный текст. И все-таки, хотя лубок почти дословно повторяет газету, в отдельных случаях мы видим желание создателя лубка упростить оригинал, приблизить его структуру и поэтику к лубочному стандарту. Рассмотрим пример того, как достаточно легкий для восприятия газетный оригинал, перепечатывается в измененной орфографии, а затем на его основе создается упрощенный вариант, написанный знакомым читателю лубка рашным стихом.

МВ 1805 № 97

Одинъ анекдотъ достоинъ любопытства: Гренадирь Фанагорійскаго полку — проснись Суворовъ! — отставшій отъ своихъ товарищей, увидѣль себя окруженнымъ четырьмя Французами, въ томъ числѣ одинъ былъ Офицеръ, которые закричали ему: пардонъ! и шли

Ров 358

Одинъ анекдотъ достоинъ любопытства гренадирь фанагоріискаго полку проснись суворовъ оставши отъ своихъ товарищеи увидѣль себя окрѣженнымъ четырьмя французоми вътомъ числе одинъ былъ офицеръ которыи закричалъ емѣ пардонъ ишли прямо нанего

прямо на него; но онъ, вмѣсто пардона, прицѣлясь хорошенько, отвѣчалъ имъ пулею, двухъ повалилъ однимъ выстреломъ, одного штыкомъ, а четвертый бѣжалъ. — ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ приказалъ сего неизвѣстнаго рыцаря, который безъ хвастовства сталъ въ рядъ съ другими и не думалъ, чтобъ онъ отличился

но онъ въ мѣсто пардона прицѣлясь хороше^нко о^твечалъ имъ пулею двѣхъ повалилъ однимъ выстреломъ одного штыкомъ а четвертый бѣжалъ госѣдарь ИМПЕРАТОРЪ приказалъ отыскать сего неизвестнаго рыцаря который безъ хвастовства сталъ въ рядъ съ другими инедумалъ чтобъ онъ о^тличился
Россійскои гранадеръ отсталъ и начетырехъ французофъ попалъ одной пулею двоихъ прострелилъ атретьяго наштыкъ посадилъ а четверта^н убежалъ
ифранцузамъ такъ сказалъ лутчи намъ братцы отъстать чемъ наштыкахъ отрѣскихъ умирать⁸

Кроме раешного стиха тот же газетный лист содержит еще один текст, которого не было в оригинале. Это помещенная в конце лубка солдатская песня:

Нутко рускія салдаты станемъ немцофъ выручать
Они не много трусоваты мы станемъ за нихъ отвечать
Неробеемъ мы французофъ всегда герои есть унасъ,
Лишь бы батюшка кутѣзовъ отдалъ намъ приказъ,
разщелкаемъ эту сволочь за воюемъ ихъ полкіи,
намъ не очень нужна помощь не очень нужны прусаки
По полдюжины на брата мы къ себе ихъ поведемъ
вить для рускаго салдата воевать славно мечемъ
Банопартъ хотя храбрится но на пляшется и онъ
какъ удастся намъ сразится где нашъ князь багратіонъ
и т. д.

Таким образом, газетный текст обрастает контекстом, имеющим отношение не к письменным источникам, а к фольклору. Обращает на себя внимание тот факт, что пересказ газетного «анекдота» раешным стихом и солдатская песня представляют собой классические лубочные тексты, избыточные не только отступлениями от грамматической и орфографической нормы, но и просторечными словами. Таким образом газетное сообщение вводится в круг низовой массовой литературы.

Основные изменения, которые происходят при трансформации газетного текста в лубочный, касаются орфографии, на ней мы и сосредоточим наше внимание. Особенности лубочной орфографии во многом объясня-

⁸ В оригинале разделение на строки отсутствует. Рифмованным в газетном лубке может быть не только сам текст, но и заголовок: Изъ гишпани газѣтаю уведамлеть / осеи фигѣре всемъ объявлеть (Ров 321 [Ровинский II: 67—68]). О раешном стихе и его связи с театрализованными представлениями см. [Плетнева 2016].

ются уровнем языковой компетенции читателей лубочных текстов. Создатели гравированных картинок принадлежали к той же культурной среде, что и их читатели. И читатели, и создатели лубка изучали грамоту по церковнославянскому Букварю, Часослову и Псалтири, и часто их языковое образование на этом и заканчивалось. Особенности учебной литературы определяют некоторые орфографические черты лубков. Так, в славянских букварях отсутствовала особая буква *й* (ее не было ни в разделе «алфавит», ни в разделе «слоги»). Была только буква *и* (*иже*) и надстрочный знак «краткая». Поскольку в рукописной и лубочной орфографии все надстрочные знаки факультативны, эта факультативность распространилась и на знак «краткая» над *иже*. Другой пример: в церковнославянских текстах есть две графемы для обозначения [u]. Бывает так, что в лубочных текстах тоже появляются два знака для [u]. Их распределение (обычно у — в начале слова, Ѹ — не в начале слова) объясняется попыткой воспроизвести правила орфографии церковных книг.

Особенности орфографии лубочных текстов объясняются не только влиянием церковнославянского Букваря, но и орфографической традицией предшествующих веков. Так, например, в печатных церковнославянских книгах уже с конца XVII в. *ъ* в середине слова не ставится (в некоторых случаях его заменяет паерок), рукописи же часто сохраняют предшествующую практику. *Ер* в них ставится, но не с опорой на этимологию, а в местах скопления согласных [Осипов 2010: 142]. Постановка *ера* в местах скопления согласных встречается и в лубочных текстах.

Систематизировав материал по отдельным лубочным листам, получаем следующую картину орфографических исправлений, осуществленных создателями лубочных текстов.

Надстрочные знаки и выносные буквы

В ряде рассмотренных нами текстов используются надстрочные знаки и выносные буквы, которых, естественно, не было в газетах, что связано как с влиянием церковнославянской орфографии, так и со скорописной традицией.

В ы н о с н ы е б у к в ы

В рукописных текстах XVIII в. выносные буквы были не редкостью. Б. И. Осипов отмечает, что у Ломоносова, Кантемира и даже Крылова в рукописях встречаются выносные начертания букв [Осипов 2010: 184]. Однако газетные тексты середины XVIII в. уже не знают ни знаков придыхания и титла, ни выносных букв. В лубках же выносные буквы появляются достаточно часто, особенно на конце слова. При вынесении конечного согласного стоящий после него *ъ* опускается: *ужасны^x, громовы^x, ударо⁶, которы^m, безчисленны^a* (Ров 322), *всамо^m, немогу^m* (Ров 340), *поблагополучно^m, трубящи^x* (Ров 349), *съ Его Королеѳвски^m Высочество^m* (Ров 350) *изображеⁿ* (Ров 352), *рыцар^a* (Ров 358) и др. Возможно появление выносных букв и в середине слова, прежде всего на стыке приставки и корня и

при слитном написании предлога: *ѡдѣшише^м*, *ѡнихъ*, *назираніи* (Ров 340), *прои³ведена* (Ров 350) и др. Вне зависимости от позиции в слове выносятся буква т: *выбрасыва^мь* (Ров 327), *подпредводителс^мво^м* (349), *два^мца^м* (350), *о^мвечаль*, *о^мличился* (358). Выносная появляется над строкой и в том случае, если буква в строке была попросту пропущена. В этом случае она отличается от строчной буквы только размером, но не отличается начертанием: *гор^оды* (Ров 322), *искре^ннѣ* (Ров 340), *впарад^ную карету* (Ров 350), *хороше^нко* (Ров 358). Есть несколько случаев, когда выносная буква соединена со знаком титла: *та^к* (Ров 327 — в данном случае это совпадает с позицией конца строки), *до^лжнаго* (Ров 340).

Па ерок

В рукописных текстах паерок сохраняется на протяжении всего XVIII в. В петровских «Ведомостях» он встречается только до 1710 г., т. е. до того времени, когда церковная кириллица в газете была заменена гражданским шрифтом [Каверина 2010: 23]. В лубочных перепечатках газет паерок хотя и редко, но все же встречается: *бит^са*, *в^л великомъ* (Ров 340), *в^россию* (Ров 349), *въгородъ Элбингъ* (Ров 352).

Знак придыхания

Знак придыхания в церковнославянских текстах ставится в том случае, если слово начинается с гласной. В лубочных текстах эпизодически проявляется практика постановки знака придыхания над гласным. Прежде всего это касается начального *о*, а также (довольно редко) *а* и *и*: *ѡрдена* (Ров 322), *ѡбыватели*, *и^л* [союз], *иѡблака* (Ров 327), *ѡ^л взати* || ПМВ — *ѡ^л взати* (Ров 339) и др.

Кроме знака придыхания встречается еще знак *исо*, являющийся комбинацией придыхания и ударения. В рассматриваемых текстах этот знак не связан с местом ударения слова, а является лишь обозначением начального гласного. Такое употребление *исо* характерно для рукописной традиции XVII в. [Зализняк 1985: 200—205]. Вот примеры из рассматриваемых лубочных текстов: *ѡстава* (Ров 329), *ѡписаниемъ*, *ѡнынъ*, *ѡсады* (Ров 339), *ѡроссиана^х*, *ѡсталное*, *ѡхоты*, *ѡгна*, *ѡбстоателства*, *ѡни*, *къѡкончанію*, *ноѡни* || МВ — *но они* (Ров 340) и др.⁹. В некоторых случаях знак *исо* заменяет выносную букву *т* в диграфе ѡ: *ѡробости*, *ѡставить* (Ров 340).

Знак титла

В скорописных текстах XVII в. знак титла встречается достаточно регулярно. Эпизодически он появляется и в скорописи XVIII в. [Осипов 2010: 184]. В лубочном тексте Ров 340 также встретилось несколько слов, написанных

⁹ Постановка знака *исо* над буквами *о-широкое* и *омега* характерна для рукописной традиции второй половины XVI — первой половины XVII вв.

под знаком титла: *члѣкъ, нѣму, противъ воли бжѣи*. В лубке Ров 322 встречается написание с прописной буквы и под титлом: *Бѣѣ*. Столь небольшое количество примеров не позволило бы говорить о каких-либо закономерностях, если бы они были единственными в своем роде. Но подобные примеры встречаются и в других лубках, основывающихся на текстах, напечатанных гражданским шрифтом. Так, например, в «Истории об Иосифе Прекрасном» (Ров 833 [Ровинский III: 291—305]), которая является перепечаткой в иной орфографической системе «Краткой истории Ветхого и Нового Завета в назидание детей» Андрея Пеше, находим такие написания: *Бѣѣ, Бѣѣ, Бѣѣ, днѣ, кѣѣ бы, бѣѣтѣи, тѣѣже* и др. [Плетнева 2013: 341] Таким образом, можно заключить, что во второй половине XVIII — начале XIX в. при переходе текста из наборного варианта (предполагавшего наличие контроля за орфографической правильностью) в рукописный или гравированный, где система контроля отсутствовала, может появляться знак титла.

Церковнославянские буквы

О несомненном влиянии церковнославянской письменности, а также об ориентации на рукописную орфографическую традицию предшествующего столетия говорит не только постановка надстрочных знаков, но и употребление лубочной письменностью букв, исключенных из гражданского алфавита.

Буква Ѧ

В большинстве текстов буква Ѧ регулярно появляется на месте я: *котораѦ, пасть* (Ров 321); *мѣсаѦ, миѣнѦ, Ѧ || МВ — я* (Ров 322); *учинивѣиѣѦ, объѦты* (Ров 327); *Ѧсномѣ, перпендикулярноѦ* (Ров 329); *огнѦ, ОттоѦнскую* (Ров 330); *рѣѦциѦ, еѦ* (Ров 339); *говораѦ^м, Ѧвно* (Ров 340); *румѦнцова, передовыѦ* (Ров 341); *рыѦцарѦ^а* (Ров 358) и др. В некоторых текстах Ѧ чередуются с я. Есть и такие тексты, где используется только я из гражданской азбуки.

Буквы ѿ, ѿ̄, ѿ̇

Если в лубочных текстах встречаются буквы ѿ и ѿ̄, то они употребляются в предлогах и приставках (как и в церковнославянских текстах): *ѿправленноѦ рѣѦциѦ, ѿглавноѦкамандующаѦго, ѿнѣѦго, ѿдаѦть, ѿѦчаеннаѦго* (Ров 339), *ѿѦтаѦкого, ѿѦветѣ, ѿѦробѦости, ѿѦставиѦть* (Ров 340) и др. В рукописных текстах ѿ и ѿ̄ встречаются вплоть до конца XVIII в. [Каверина 2010: 16—17]. Если начало слова в церковнославянских текстах маркируется либо буквой ѿ (как вариант ѿ̄), либо буквой ѿ̇ (о-широкое), то в скорописных текстах о-широкое встречается редко¹⁰. О-широкое почти никогда не встречается и в лубках, на его месте, как правило, появляется о, из-

¹⁰ В тексте Соборного уложения 1649 года ѿ̇ (о-широкое) встречается в начале слова и в предлоге о. [Черных 1953: 150—151].

редка может появиться омега: *ноѡни* (Ров 340). Иногда вместо буквы ѿ пишется обычное *о*, но с *т*-выносным: *о^тчасу*, *о^т 30 сентлбра*, *о^т анычарь* (Ров 340). В некоторых случаях вместо *т*-выносного над *о* могут появляться диакритические знаки (например, *исо*). Очевидно, что такое правописание объясняется, с одной стороны, знакомством с церковной книжностью, с другой — писцовой выучкой, которая менялась медленно.

Буква *ѣ* в рассматриваемых текстах встретилась один раз в имени: *алеѣандрь*.

Буква *у* (ѣ)

В церковнославянской орфографии для обозначения звука [u] используются два знака. Это диграф *оу*, который пишется в начале слова, и *ѣ*-лигатурное, которое пишется в середине и конце слова. Такая норма закрепилась в книгах церковной печати с середины XVII в.¹¹ В лубочных текстах возможны разные варианты для обозначения [u]. В ряде текстов встречается только одна буква *у* из гражданской азбуки. В других текстах представлены две буквы: *у* и *ѣ*, что было также характерно для скорописной традиции. Обычно строгих правил распределения букв в зависимости от позиции в слове не наблюдается: *къ высочайшему, дворѣ* (Ров 339), *немогутъ, сумнениа, великодушныѣ, вредѣ, адрѣгие, хѣже, свергнѣть* (Ров 340), *французоми, Госѣдарь* (Ров 358) и др. Но бывают и исключения. Так, для текста Ров 321 можно говорить о тенденции написания *у* в начале слова, а *ѣ* — не в начале слова по аналогии с орфографическим правилом церковнославянского языка: *въбарцелонѣ, фигѣра, бородѣ, зѣбовѣ, рѣки, самѣю, по всемѣ телѣ, уведомляетъ, уродливаа, уши, усы*. Однако и тут есть несколько случаев написания *с у* в конце и середине слова: *головеу, футавѣ*. В Ров 341 имеется три графемы для обозначения [u]: *ѣ*, *у*, *оу*, которые употребляются без системы: *въ минувиую, средѣ, ко дворѣ, оружию, журжу, трѣбецкои, оучинѣни, порученнаго, емѣ*.

Орфографические особенности, связанные с меной букв, их пропуском или добавлением

Распределение букв *и / i*¹²

Церковнославянская и дореформенная русская орфография предписывали в позиции перед гласным писать *и*-десятеричное, а перед согласны-

¹¹ В Соборном уложении 1649 распределение этих букв иное: *оу* встречается не только в начале слова, но и в середине под ударением [Черных 1953: 152—156]. В 40-х годах XVII в. диграф *оу* стал писаться под ударением и в изданиях богослужебных книг [Кусмауль 2014: 85]. В скорописных текстах в позиции начала слова было предпочтительно написание с *ѣ* [Каверина 2010: 19].

¹² В лубочных текстах *и*-десятеричное встречается как с одной точкой наверху, так и с двумя.

ми — и-восьмеричное. В большинстве лубочных текстов это правило нарушается. Случаев, когда на месте сочетаний *ie, ia, iu, iу* пишутся сочетания *ie, ia (иа), iу, iу* очень много: *сие* (Ров 321); *другиа, сиа* (Ров 327); *известия, россию* (Ров 349); *шествие* (Ров 350); *сумнениа, сражениа*, (Ров 340) и др. Сочетание *iu* при этом сохраняется: *попрошествиу, возвращениу* (Ров 349), *вечерниу* (Ров 351) и др. Иногда при этом буквы *i/u* меняются местами: *сиі* (Ров 327)¹³. Видимо, правилом является не писать две буквы *u* подряд. Написание *iu* сохраняется даже тогда, когда перед словом, начинающимся с *u*, стоит союз *и*, написанный слитно: *изъявиль* || МВ — *и изъявиль* (Ров 351), *играниу* (Ров 352) и др. В некоторых случаях и-восьмеричное газетного оригинала правится в лубке на и-десятеричное: *иптицы* (Ров 327), *ноівсамо^м, іквеликому, віда, прішель, требовалі* (Ров 340) и др.

Мена ѣ — е

В скорописных текстах бытового характера существовала тенденция вытеснения буквы *ѣ* буквой *е*¹⁴. Однако уже в «Ведомостях» 1702—1727 гг. *ѣ* употребляется правильно в соответствии с церковнославянской нормой [Каверина 2010: 22]. Лубок игнорирует нормативное правописание, характерное как для церковнославянских текстов, так и для газет XVIII в., и продолжает традиции скорописных текстов XVII в. Для орфографии лубочных текстов характерны замена *ѣ* на *е*, а также постановка *ѣ* в этимологически неверных позициях.

Большинство лубков с текстами из газет знает замену *ѣ* на *е*¹⁵ (особенно часто такая замена происходит в падежных окончаниях): *человекъ, человецьи, по телѣ, естъ* || МВ — *ѣстъ* (Ров 321); *реки, намерение, въ понедельник* (Ров 330); *вследствие, всеподаннейшии* (Ров 339); *неимею, после, разбежавшихъса, более* (Ров 340); *въполанге* || МВ — *въ Поланѣ, въ замке* (Ров 350); *вътамошнемъ дворце, втомъ кабинете, въ Кенигсберге* (Ров 351) и др. В то же время *ѣ* на месте *е* встречается реже. Такое написание характерно всего для трех текстов из рассматриваемых тринадцати (Ров 339, 341, 351): *ѣнѣго* || МВ — *отъ него, всемилостивейшѣ* || МВ — *всемилоствѣйше, офицѣрами* || МВ — *офицерами* (Ров 339); *следуюцѣе* || МВ — *слѣдующее, опокорѣниі* || МВ *о покореніи, оучинѣниі* || МВ — *учиненіи* (Ров 341); *освецѣнныя* || МВ — *освѣщенныя* (Ров 351). Гиперкорректное правописание в этих текстах чередуется с правильным, следующим за оригиналом употреблением.

¹³ Такое правописание было характерно для скорописных текстов [Каверина 2010: 14].

¹⁴ Замена *ѣ* на *е* в первую очередь в безударной позиции характерна, например, для орфографии Соборного уложения 1649 г. [Черных 1953: 156, 201—209].

¹⁵ В тексте Ров 327 *ѣ* меняется на *е* всего два раза: *въ реку, прибежали*. В тексте Ров 322 нет ошибок в употреблении *ѣ*.

Замена *й* на *и*

Замена *й* на *и* является характерной чертой лубочной письменности. В ряде текстов эта замена носит регулярный характер: буква *й* в них отсутствует, вместо нее, как правило, появляется *и*, реже — *і*: *некоторои ино-странои человекъ, костънои обадь* (Ров 321); *всеподаннейшии* || МВ — *всеподаннейшей* (Ров 339); *несправедливои воины, неприятелеи, накоторои, въ воиске, сходственної* (Ров 340); *изпервои, присланної* (Ров 341); *обеденной столъ* (Ров 350); *великолепныи, онои, смотрителеи* (Ров 351); *насеи* || МВ — *на сей* (Ров 352); *фанагорійскаго, товарищеи* (Ров 358) и др. В некоторых текстах *й* сохраняется, но при этом эпизодически меняется на *и*: *нималтейшей, чрезвычайнаго, оной, наней, каменной, зной*, но при этом: *кото-рои, надругои, сеи* || МВ — *сей, несносной* (Ров 327); *прежней, приатнейшимъ*, но при этом: *въ которои, своеи* (Ров 322); *огненной*, но при этом: *долгои, свѣтлои* (Ров 329).

Правописание *ь* и *ъ*

Для скорописных текстов XVII в. характерно отсутствие *ь* для обозначения мягкости в середине слова¹⁶. В «Ведомостях», издававшихся с 1702 по 1727 г. также не ставится *ь* в середине слова [Каверина 2010: 26]. Однако в «Московских ведомостях» второй половины XVIII в. мягкость согласного перед другим согласным последовательно отмечается с помощью буквы *ь*. Лубочные тексты в этом вопросе возвращаются к норме предшествующей эпохи. Пропуски *ь* непоследовательны, но встречаются часто. Прежде всего пропуск *ь* встречается после буквы *л*, которая обозначает [л'] перед согласным: *нетолко, ѳсталное, сколко* (Ров 340); *впредводителство* (Ров 341); *палба* || МВ — *пальба* (Ров 350); *несколкими, сколко* (Ров 351); *несколко, нареке Эльбинге* || МВ — *Эльбингъ, палбе* || МВ — *пальбъ, триумфалныя* || МВ — *триумфальныя, накорабелныхъ* (Ров 352); *силнея* || МВ — *сильнѣе, волности* (Ров 358). Есть три примера пропуска *ь* после *с*: *осмагоже числа* (Ров 349), *весма* (Ров 339, 351) и один после *р*: *четырма* || МВ — *четырьмя* (Ров 358).

В ряде случаев наблюдается постановка *ь* в середине слова при скоплении согласных или на стыке морфем: *не отважитъся* (Ров 322); *разбежавшихъся* (Ров 340); *отъправилъся* (Ров 341); *Короля Прусскаго, Императорскаго, отъсюда, отътуда* (350).

Постановка *ера* в исторически не обусловленных позициях при скоплении согласных встречается в многочисленных рукописях с XV по XVIII век [Осипов 2010: 139, 142, 175], в том числе и в Уложении 1649 г. [Черных 1953: 163—164].

¹⁶ В Соборном уложении 1649 г. после *л* в положении перед согласными буква *ь* по большей части отсутствует. После согласных *д, с, з, н, р* перед другими согласными *ь* также может опускаться, но происходит это нерегулярно [Черных 1953: 164—165].

*Другие орфографические и пунктуационные особенности
лубочных текстов*

Слитное написание предлогов, союзов и частиц

Слитное написание служебных слов характерно для рукописной традиции XVII—XVIII вв., в то время как в печатных изданиях XVIII в. практикуется их раздельное написание [Осипов 2010: 261—263]. В вопросе слитного/раздельного написания предлогов, союзов и частиц лубочные издания примыкают не к печатным, а к рукописным текстам. В рассмотренных лубках мы находим такие написания, как: *нетолько, ибблака* (Ров 327), *исключачи || МВ — и съ ключачи* (Ров 339), *нехотам*¹⁷ (Ров 340) *занею, кьчечему, вроды* (Ров 349), *асостороны, инапитки* (Ров 350) и др. Если предлог заканчивается на согласный, возможно написание как с *ером*, так и без него: *вкоемь* (Ров 321), *въдолину* (Ров 330), *отъсамои* (Ров 349), *изъгорода, изсихъ* (Ров 352), *къбкончанію* (Ров 340). Слитное написание возможно даже в том случае, когда после предлога стоит имя собственное, которое пишется с прописной буквы: *въКенигсберге* (Ров 351). Однако слитное написание не является единственно возможным. В Ров 322 почти нет слитного правописания предлогов и союзов с последующим словом. А в Ров 358 наряду со слитным написанием предлогов (*унас, занихъ*) появляются гиперкорректные написания с отделением приставок: *за воюемъ, на пляшется, отъ ступать*.

Строчные и прописные буквы

В рукописных текстах XVI—XVII вв. прописные буквы не характерны в начале предложений и в именах собственных. Инициал писался только в начале фрагмента¹⁷. В церковных книгах XVII в. прописные буквы также использовались только в начале текстового фрагмента, а в XVIII в. под влиянием гражданской орфографии прописные буквы начали использовать для обозначения имен собственных¹⁸.

Для лубочной письменности характерно минимальное количество прописных букв. Обычно прописные ставятся только в начале фрагмента. Ожидалось, что в текстах, для которых есть оригиналы, где имена собственные (и ряд других слов) пишутся с прописной буквы, ситуация будет все-таки другая. Но это не так. В ряде текстов (Ров 321, 330, 339 и др.) прописные буквы отсутствуют везде, кроме начальной позиции. Приведем лишь один пример:

¹⁷ В Соборном уложении 1649 г. прописные буквы употребляются только в начале каждой статьи. Имена собственные не после точки пишутся со строчной буквы [Черных 1953: 168—169].

¹⁸ Такое правописание характерно прежде всего для четиих книг, таких как Елизаветинская Библия и Четии Минеи Димитрия Ростовского. В богослужебных книгах сохраняется старая норма [Кравецкий 2015: 150].

МВ 1770 № 93

Верховный Визирь видя сіе ихъ
намѣрене пришелъ въ превеликой
страхъ, и искалъ помощи у Рущнамендги
Ефенди, который имѣя въ своемъ
надзираніи военную казну, находится
у Янычаръ въ великомъ почтеніи

Ров 340

Верховной визирь відл сіе ихъ
намѣрене прішелъ впривеликой
страхъ искалъ помощи у рѣцнамендги
ефенди которыи имеа всвое^м назираніи
военную казну находилса уанычаръ в
великомъ подчтеніи

В других текстах прописные буквы иногда сохраняются: *Генераль маиоръ князь трѣбецкой* || ПМВ — *Генераль-Маіоръ Князь Грубецкой* (Ров 341). Встречаются и случаи гиперкорректного написания прописных букв: *Карета, Шатер* (Ров 350); *въ Доме Купца Грубнау* || МВ — *въ домѣ купца Грубнау, напечатанную Оду* || МВ — *оду* (Ров 352) и др.

Любопытной в отношении правописания строчных и прописных является содержащаяся в Ров 358 солдатская песня, которая сопровождает перепечатку «анекдота» из «Московских ведомостей». Имя собственное *Банопартъ* (sic!) пишется с прописной буквы, потому что занимает позицию начала строки, при этом тут же рядом встречаются написания, где имя собственное пишется со строчной: *кѣтузовъ, багратіонъ, суворовъ*, поскольку эти слова стоят не в начале строки. Из этого правила выбивается, на первый взгляд, слово «император», которое все состоит из прописных букв: *волности мы не желаемъ ИМПЕРАТОРА любимъ какъ отца*. Однако такое написание как раз является нормативным в церковнославянской письменности. В выходных данных книг церковной печати имена членов царствующего дома набирались именно таким образом¹⁹.

Знаки препинания

Для лубочных текстов характерно игнорирование знаков препинания²⁰. В некоторых текстах они принципиально отсутствуют. Вот, например, как выглядят отдельные предложения из газетного текста и их лубочная перепечатка.

МВ 1765 №22

Отсюда слышанъ былъ крикъ и
воплъ; малые ребята, скотъ и птицы
бѣгали взадъ и впередъ по улицамъ,
гдѣ разныя какъ Индѣйскія такъ и

Ров 327

отсюда слышанъ былъ крикъ и
воплъ малые ребята скотъ и птицы
бегали взадъ ивпередъ по улицамъ
гдѣ разныя какъ индѣйскія такъ и

¹⁹ Эта норма была отменена Синодом лишь в 1888 году в связи с утверждением новых правил употребления прописных букв в книгах церковной печати. Теперь имена членов царствующего дома стали печататься строчными буквами, но вразрядку [Кравецкий 2015: 181—182].

²⁰ Подробнее о лубочной пунктуации см. [Плетнева 2013: 109, 165, 193, 213, 233, 254, 263, 344, 351, 360; Осипов 2010: 247—248].

Гишпанскія жены преждевременно разрѣшались отъ бремени, которымъ нималѣйшей не можно было учинить помощи.

МВ 1770 №93

Они овладѣвъ Магометовымъ знаменемъ, Санджакъ Шерифъ называемымъ, явно начали кричать, что не могутъ болѣе терпѣть, видя своихъ товарищей въ сей несправедливой войнѣ столь неблагополучно погибающихъ; послѣ чего бросивъ свое оружіе объявили, что они не хотятъ болѣе употреблять оное противъ такого народа, которой признавають они за великихъ своихъ пріятелей.

гишпанскія жены преждевременно разрѣшались отъ бремени которымъ нималѣйшей не можно было учинить помощи

Ров 340

Ѣни ѡвладевъ магометовымъ знаменемъ санджанъ шерифъ называемымъ явно начали кричать что немогутъ болѣе терпеть вида своихъ товарищей всеи несправедливой войне столь неблагополучно погибающихъ послѣ чего бросивъ свое ѡрѣжіе ѡбъявили что Ѣни нехота^Т болѣе употреб^Лать оное противъ таковаго народа которой признаваю^Т Ѣни за велики^Т своихъ пріятелей.

Один из рассматриваемых текстов (Ров 327) достаточно близок по орфографии оригиналу, тем не менее знаки препинания не ставятся и в нем. Точка в лубочном тексте может ставиться после цифры, что связано, видимо, с церковнославянской традицией выделять буквы в цифровом значении точками: *Прошедшею ночью во2.часу имѣли мы слѣдующее весьма Рѣдкое воздушное явленіе* (Ров 329).

Все вышеперечисленные орфографические особенности присущи и библейскому лубку, и лубку, основой которого были фольклорные тексты [Плетнева 2013: 78—94; 105—110; Плетнева 2016]. При этом следует помнить, что степень влияния источника для разных видов лубка оказывается разной. В случае лубочного воспроизведения фольклорных текстов печатный текст вообще отсутствует. При изготовлении библейских лубков оригинал воспроизводился не полностью, источник подвергался текстовому редактированию и сокращению, поэтому говорить о прямом копировании здесь нельзя. Газетный же лубок воспроизводит оригинал полностью, без существенных сокращений и исправлений. В связи с этим встает вопрос о том, почему при копировании происходят такие значительные изменения в орфографическом облике текста, как проникают в лубок церковнославянские буквы, надстрочные знаки и др.

Здесь можно предположить следующее: изготовитель лубка старался не нарушать жанрового канона. Он прилагал усилия для того, чтобы его текст внешне походил на лубочный²¹. Покупатель лубочных картинок безоши-

²¹ В качестве параллели можно указать на комиксы. В комиксах прямая речь персонажей помещается в специальные пузыри-баблы, а шрифт надписей напоминает рукописный шрифт. Этот шрифт является отличительной чертой комикса, частью его поэтики.

бочно опознавал жанровые границы, и выходить за их пределы издателям было нельзя²². Именно поэтому графический облик лубка всегда отличается от графического облика книг и газет. Диакритика и церковнославянские буквы в русских текстах несут функцию визуальной отсылки к церковнославянской книжной традиции.

Стремлением следовать жанру удается объяснить далеко не все особенности лубочной орфографии. К числу таких явлений относится, например, мена *ѣ* — *е* или *и* — *і*. Эти случаи, по всей видимости, объясняются особенностями языковой компетенции создателей лубочных картинок. Они учились грамоте по церковным книгам, не знали правил русского правописания и, более того, считали их необязательными и второстепенными. При этом, вполне вероятно, они имели определенную писцовую выучку и были знакомы со скорописной традицией, для которой характерны такие мены букв.

Возможно, что создатели лубочных листов не копировали газетный текст, а писали под диктовку. В пользу этого говорят ошибки в правописании заимствований, прежде всего собственных имен: *Визувіи* || МВ — *Везувій* (Ров 330), *и ѓману рекъ ефендію* || МВ — *Осману Рейсь Ефендію, ѓтаманскои порте* || МВ — *Оттоманскои Портѣ* (Ров 340), *господинъ камеръ юнкоръ* || ПМВ — *Камеръ-Юнкеръ* (Ров 339) *отъ генерала фельтмар^{ша}ла* || МВ — *отъ Генераль-Фелдмаршала* (Ров 341), *въмебель* || МВ — *въ Мемель* (Ров 349), *Графу Шлебену* || МВ — *Графу Шлибену* (Ров 350). Мы видим, что текст кем-то — неважно кем, возможно, самим переписчиком — произносился вслух, вследствие чего в нем появляются фонетические и, наоборот, гиперкорректные написания. Эти написания касаются оглушения согласных, ассимиляции согласных по месту образования и редукции гласных: *газѣтаю, уведамлѣть, привесь* || МВ — *привезъ, обадѣ* || МВ — *ободѣ, футавѣ* || МВ — *футовѣ* (Ров 321), *что нибуть* (Ров 322), *впривеликои страхѣ* || МВ — *въ превеликой страхѣ* (Ров 340), *анегдотѣ*

²² О сходном явлении (о том, что читатель должен считывать сигналы, посылаемые ему создателем текста) пишет Ю. М. Лотман в статье «О содержании и структуре понятия «художественная литература». В частности, он останавливается на проблеме коммуникации создателя художественного текста и его читателя. С точки зрения Лотмана, важнейшей оказывается коммуникативная установка (писатель создает свой текст как художественный, читатель относится к тексту как к художественному и старается вычитать из него систему художественных кодировок): «Получатель должен знать, что текст, к которому он обращается, следует рассматривать как художественный. Следовательно, текст должен быть определенным образом семантически организован и содержать сигналы, обращающие внимание на эту организацию» [Лотман 1973: 22—23]. Лубочная перепечатка газет не является художественным текстом, однако лубочная картинка, безусловно, находится в русле определенной эстетики и сама по себе является текстом в терминах семиотики. То есть читатель лубка опознает жанр по определенным сигналам, к числу которых относится графика, определяющая элементы внешнего вида картинки.

(Ров 358), *в' великомъ подчтении* || МВ — *въ великомъ почтении, сїи притчины* || МВ — *причины, лутчше* || *лучше* (Ров 340), *французоми* (Ров 358).

В любом случае, очевидно, что создатель лубочного текста воспринимает лубок не как печатный текст, а как рукописный, ведь именно в рукописных текстах XVIII в. были возможны те явления орфографии, которые характерны и для лубка. И все эти черты, в свою очередь, восходят к рукописной орфографической традиции XVII в.²³

В лубках описанные выше явления сохраняются и в XIX в. По всей видимости, они были присущи не только лубкам, но и другим видам народной письменности, причем не только для периода XVIII — нач. XIX в., но и для конца XIX в., и даже для XX в. Так, например, в опубликованных О. Йокоямой крестьянских письмах конца XIX в. отмечаются такие черты, как слитное написание клитик, сравнительно редкое употребление пунктуационных знаков, правописание имен собственных со строчной буквы, мена *ѣ — е, и — i* фонетические написания, sporадическое употребление знака титла и др. [Йокояма II: 305—330]. Другой пример — письма отшельницы, происходящей из семьи старообрядцев-беспоповцев, Агафьи Лыковой [Толстова 2011]. В ее написанных на русском языке письмах сохраняются церковнославянские буквы ѿ, ѡ, Ѡ, лигатурное написание Ѹ, хотя при этом Ѣ практически отсутствует. Для писем характерна постановка знака придыхания на первой гласной слова, нерегулярная постановка знака титла, выносные буквы на конце строки, слитное правописание клитик, отсутствие прописных букв и знаков препинания, написание *и* вместо *й*, многочисленные фонетические написания. Все это указывает на то, что при первичной церковнославянской грамотности пишущего его русские тексты характеризуются некоторыми универсальными, общими для различных языковых жанров особенностями графики и орфографии, которые в конечном счете восходят к скорописным текстам допетровского времени.

²³ Б. И. Осипов отмечает связь орфографических подходов к тексту, характерных для рукописных текстов XVII и XVIII в. Анализируя орфографию рукописных сборников литературного характера XVII в. и памятников делового содержания, он прослеживает основные тенденции, характерные для допетровской эпохи. Это мена *ѣ — е*, отсутствие еров внутри слова, исключение дублетных букв, слитное написание предлогов. Особое внимание автор уделяет вопросу фонетических и гиперкорректных написаний, связанных с редукцией гласных и ассимиляцией согласных. Поскольку эта тенденция в последующие века не развилась в преобладание фонетического написания, а наоборот была вытеснена фонематическим принципом (в понимании московской фонологической школы), весьма показательным является, что она сохранялась в рукописных текстах и в следующее столетие. Автор отмечает, что рукописные тексты XVIII в. не меняют свою орфографию в соответствии с нормами печатной продукции. «Рукописная традиция оказалась очень живой, перестройка рукописной орфографии происходит медленно, и практически весь XVIII век должен быть охарактеризован как век орфографического дуализма, как время двух значительно различавшихся орфографий: печатной и рукописной» [Осипов 2010: 162—184].

Источники

Ров 321 — Изображение сатира, показывавшегося в Испании в 1760 году [Ровинский П: 67—68]. Цитируется по РГБ, Олс. 6 1136 (Московскія вѣдомости во вторникъ іюля 11 дня 1760 года № 55). Источник: «Московские ведомости» (МВ) №55 от 11 июля 1760

Ров 322 — Известия о бедствиях, постигших Македонию в 1761 году. [Ровинский П: 68—69] Цитируется по РГБ, Олс. 6 1122 (Московскія вѣдомости № 62 из Марсела отъ 23 іюня 1761 года). Источник: «Московские ведомости» (МВ) № 62 от 3 августа 1761 года

Ров 327 — Извержение огнедышащей горы близ города Тукслы, в Америке, в 1765 году. [Ровинский П: 74—75]. Цитируется по РГБ, Олс. 6 1195 а (Московскія вѣдомости въ пятницу марта 18 дня 1765 года Америка Изъ лежащаго въ Америкѣ въ 50 милахъ ѿ Веракукса города Тукстлы). Источник: «Московские ведомости» (МВ) № 22 от 18 марта 1765

Ров 329 — Небесное явление в Вейсенбурге 20 июня 1765 года [Ровинский П: 76]. Цитируется по РГБ, Олс. 7 1398 (Изъ Вейсенбурга отъ 20 іюня). Источник: «Московские ведомости» (МВ) № 57 от 19 июля 1765

Ров 330 — Известие об извержении Везувия 4 апреля 1766 года [Ровинский П: 76—77]. Цитируется по РГБ, Олс. 6 1121 (Изъ Московскія вѣдомости. №.40. въ пятницу Маиа .19. дня 1766 Года ИТАЛІА Изъ Неапола отъ .4. апрѣла). Источник: «Московские ведомости» (МВ) № 40 от 19 мая 1766

Ров 339 — Реляция о взятии Бендер [Ровинский П: 90—93]. Цитируется по РГБ, Олс 7 1330 (Краткое ѡписание овзатїи города Бендѣръ вмосковскихъ ведомостахъ напечатано ѡктявря 15 дня 1770 Году). Источник: Прибавление к № 85 «Московскихъ ведомостей» (ПМВ) от 22 октября 1770

Ров 340 — Известие о бунте янычар в Турции и о постановлении дивана [Ровинский П: 93—95]. Цитируется по РГБ, Олс. 6 1203 (Московскія вѣдомости № 93 в пятницу ноября 19 дня 1770 года Турція изъ константинопа отъ 17 сентабра). Источник: «Московские ведомости» (МВ) № 93 от 19 ноября 1770

Ров 341 — Взятие крепости Журжи в феврале 1771 года [Ровинский П: 96-99]. Цитируется по РГБ, Олс. 7 1328 (Описание краткое овзатїи города изамка Жѣржи измосковскихъ ведомостей марта 22 дня 1771 года). Источник: Прибавление к «Московскимъ ведомостямъ» (ПМВ) № 26 от 1 апреля 1771

Ров 349 — 352 Описание путешествия В.К. Павла Петровича

349 [Ровинский П: 121—122]. Цитируется по РГБ, Олс. 12 2498 (Московскія вѣдомости №74 во вторникъ Сентября 13 дня 1776 года изъ Санктпетербурга отъ 30 Августа). Источник: «Московские ведомости» (МВ) № 74 от 13 сентября 1776

350 [Ровинский П: 122—124]. Цитируется по РГБ, Олс. 12 2499 (№ 75 в пятницу Сентября 16 дня 1776 года, изъ Санктпетербурга отъ 2 Сентября Продолжение описания путешествия въ Берлинъ Его Императорскаго Высочества Государя Цесаревича и Великаго Князя Павла Петровича). Источник: «Московские ведомости» (МВ) № 75 от 16 сентября 1776

351 [Ровинский П: 124—126]. Цитируется по РГБ, Олс. 12 2500 (№ 76 Во вторникъ Сентября 20 Дня 1776 Года изъ Санктпетербурга отъ 6 Сентября Продолжение описания путешествия въ берлинъ Его Императорскаго Высочества Государя Цесаревича и Великаго Князя ПАВЛА ПЕТРОВИЧА). Источник: «Московские ведомости» (МВ) № 76 от 20 сентября 1776

352 [Ровинский П: 126—127]. Цитируется по РГБ, Олс. 12 2501 (№ 77 въ пятницу Сентября 23 дня 1776 года, изъ Санктпетербурга отъ 9 Сентября Описание путешествия въ берлинъ Его Императорскаго Высочества Государя Цесаревича и Великаго Князя ПАВЛА ПЕТРОВИЧА). Источник: «Московские ведомости» (МВ) № 77 от 23 сентября 1776

Ров 358 — Подвиг гренадера фанагорийскаго полка в 1805 году [Ровинский П: 136—137]. Цитируется по РГБ, Даль Ш. 76 (Московскія ведомости 1805 Году № 97 декабря 6 дня). Источник: «Московские ведомости» (МВ) № 97 от 6 декабря 1805

Л и т е р а т у р а

Гриц и др. 2001 — Т. Гриц, В. Тренин, М. Никитин. Словесность и коммерция. Книжная лавка А. Ф. Смирдина. М., 2001.

Зализняк 1985 — А. А. Зализняк От праславянской акцентуации к русской М., 1985.

Йокояма I—II — О. Йокояма. Письма русских святых. Тексты и контексты. Том I—II. М., 2014.

Каверина 2010 — В. В. Каверина. Становление русской орфографии в XVII—XIX вв.: правописный узус и кодификация. Автореферат дис. ... д-ра филол. наук. М., 2010.

Кравецкий 2015 — А. Г. Кравецкий. Материалы дискуссии об употреблении прописных букв в книгах церковной печати (1876—1892) // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 5. Лингвистическое источниковедение и история русского литературного языка. М., 2015.

Кусмауль 2014 — С. М. Кусмауль. Книжная справа 40-х годов XVII века // Slověne. 2014. №1. С. 72—101.

Лебедева I—III — И. В. Лебедева. Русский военный лубок. Часть 1. Первая мировая война; Часть 2. Русско-японская война; Часть 3. Крымская война. Русско-турецкая война. М., 1994—1995.

Лотман 1973 — Ю. М. Лотман. О содержании и структуре понятия «художественная литература» // Проблемы поэтики и истории литературы. Саранск, 1973.

Норрис 2006 — M. Norris Stephen. A war of images: russian popular prints, wartime culture, and national identity, 1812—1945. — DeKalb, Illinois, 2006.

Осипов 2010 — Б. И. Осипов. Судьбы русского письма. История русской графики, орфографии и пунктуации. М.; Омск, 2010.

Плетнева 2001 — А. А. Плетнева. Образ России в лубочной традиции. // Образы России в научном, художественном и публицистическом дискурсе. Материалы международной научной конференции. Петрозаводск, 2001. С. 50—57.

Плетнева 2013 — А. А. Плетнева. Лубочная библия: язык и текст. М., 2013.

Плетнева 2016 — А. А. Плетнева. Ярмарочные развлечения и лубочная письменность // Карнавал в языке и коммуникации. М., 2016. С. 275—290.

Рейтблат 2001 — А. И. Рейтблат. Как Пушкин вышел в гении. М., 2001.

Ровинский I—V — Д. А. Ровинский. Русские народные картинки. Т. I—V. СПб., 1881.

Толстова 2011 — Г. А. Толстова. Полуустав в XXI веке (письма Агафьи Лыковой в собрании Красноярского краевого краеведческого музея). Красноярск, 2011.

Черных 1953 — П. Я. Черных. Язык Уложения 1649 г. М., 1953.

Резюме

Статья посвящена перепечаткам газетных текстов второй половины XVIII века в гравированных листах для народа (лубках). Газетные лубки интересны тем, что позволяют сопоставить две версии русской орфографии — стандартную, нормам которой следует газетный текст, и народную, представленную в лубке. Такое сопоставление позволяет выделить позиции, в которых лубочная орфография отличается от стандартной орфографии печатных изданий. Среди особенностей лубочной орфографии можно отметить наличие в текстах церковнославянских букв, выносных букв и надстрочных знаков, хотя в газетном оригинале их, естественно, нет. В лубочных перепечатках газет опускаются знаки препинания, прописные буквы заменяются на строчные. Также наблюдается тенденция замены буквы «Ѣ» на «е», «і» на «и», в ряде лубочных листов отсутствует буква «й» и т. д. Материал позволяет говорить о единстве лубочной орфографии. Выясняется, что адаптация газетного текста для лубочного издания производится по тем же принципам, по которым адаптировались в лубке церковнославянские библейские тексты. То есть лубочную орфографию можно рассматривать как некоторое единство, а не как хаотичный набор признаков, возникших в результате безграмотного копирования. Набор орфографических особенностей, который мы наблюдаем в лубочных обработках газетных текстов, присущ не только лубкам, но и другим типам народной письменности (крестьянским письмам, рукописным сборникам и т. д.).

Ключевые слова: народная письменность, лубок, русская литература XIX века, русский литературный язык, орфография.

Статья получена 07.04.2016

ALEXANDRA A. PLETNEVA

CHEAP POPULAR REPRINTS OF NEWSPAPER TEXTS (LUBOK): ADDRESSING ORTHOGRAPHIC CONSISTENCY OF LUBOK

The article deals with reprints of newspaper texts of the second half of the 18th century on engraved plates for the commonfolk (cheap popular print). Newspaper popular print is interesting because it allows us to compare two versions of Russian orthography — the standard, which newspapers follow, and the popular, presented in cheap popular print. Such comparison allows to make it possible to determine the positions in which cheap popular orthography differs from standard orthography of publications. Among the features of cheap popular orthography one can note the presence of Church Slavonic letters, supralinear letters and accent marks in the texts, although the original newspaper certainly does not have them. In the cheap popular reprints of newspapers, punctuation marks are omitted; upper-case letters are replaced with lower-case ones. Also, there is a tendency to replace “Ѣ” with “е”, “і” with “и”; a number of cheap popular sheets lack the letter “й”, etc. The material makes it possible to speak of a certain degree of unity of popular orthography. It turns out that the adaptation of the newspaper text for cheap popular publications complies with the same principles, according to which Church Slavonic Bible texts were adapted in cheap popular print. That is, cheap popular orthography can be seen as a unity, not as a chaotic set of features resulting from

illiterate copying. The set of orthography peculiarities, which we observe in cheap popular adaptations of newspaper texts, is inherent not only in cheap popular print but also in other types of popular writing (peasant letters, manuscript collections, etc.).

Key words: popular writing, cheap popular print, Russian literature of the 19th century, Russian literary language, orthography.

Received on 07.04.2016

А. Е. АНИКИН

СТРАНИЧКА ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЭТИМОЛОГИИ НА РУБЕЖЕ XX И XXI ВЕКОВ

В 1986—1987 гг. появилось второе, стереотипное издание четырехтомного Этимологического словаря русского языка М. Фасмера в переводе и с дополнениями О. Н. Трубачева. Впервые «русский Фасмер» был опубликован в 1964—1973 гг. Как писал О. Н. Трубачев в Послесловии ко второму изданию, мысль о том, чтобы сделать его «исправленным и дополненным», отпала с самого начала [Трубачев 1986: 564]. Правда, новые дополнения и уточнения к словарю Фасмера во втором издании все же содержатся — в упомянутом Послесловии, а также в специальных главках в конце III и IV томов. Вместе с тем второе издание неявным образом обозначило назревающую потребность в новом этимологическом словаре русского языка, которую, видимо, нельзя удовлетворить очередными дополнениями к Фасмеру.

Одна из главных причин, создавших такую потребность, состоит в необходимости проработать огромные массивы русского лексического материала, содержащиеся в опубликованных за последние десятилетия диалектологических и исторических словарях (атласах, монографиях и т. п.). Подобный материал может рассматриваться также в диалектных и иных специальных этимологических словарях, но необходимости его привлечения в «новом Фасмере» или ином «общерусском» этимологическом словаре это не отменяет.

Другая причина, которую здесь стоит назвать, — необходимость систематически отразить при этимологическом описании русской лексики значительные новые достижения русистики и славистики, в частности, науки о праславянском языке и его диалектах, интенсивно развивающейся в послефасмеровскую эпоху. Речь идет прежде всего о той ее отрасли, которую О. Н. Трубачев назвал праславянской лексикографией¹. Пример широкого и успешного использования ее достижений дают новейшие этимологические словари отдельных славянских языков, опыт которых также важен для русской этимологии.

---

¹ Здесь затруднительно (и едва ли необходимо) пытаться перечислить все хорошо известные достижения славистики последних десятилетий, имеющие значение для славянской этимологии.

Потребность в новом этимологическом словаре русского языка во второй половине 1980-х довольно неожиданно получила возможность реализации на практике. Дирекции Института русского языка АН СССР (ИРЯ) под руководством Ю. Н. Караулова даже пришлось оперативно решать эту задачу.

В эти годы в некоторых советских периодических изданиях появлялись публикации В. Ф. Мещерякова², посвященные происхождению русских слов, главным образом музыкальных терминов. Они содержали критику в адрес «Этимологического словаря русского языка» под ред. Н. М. Шанского [ЭСРЯ МГУ]³. К сожалению, эта критика, содержащая немало справедливых замечаний, была выдержана в злопыхательском, ёрническом тоне⁴. Примером может служить статья в журнале «Москва» [Мещеряков 1989: 199—204]⁵, итогом которой становятся неутешительные выводы о работе ЭСРЯ МГУ. В той же публикации Мещеряков пишет о царившей в годы застоя «... в среде наших лингвистов атмосфере взаимного амнистирования... писания бесхребетных рецензий и умильных статей», что способствовало неудачам словаря («никто даже пальцем не погрозил»).

О неблагополучии в советской этимологической науке было доложено и в «верха», где появилось письмо⁶, в котором, кроме прочего, говорилось, что в ИРЯ создается непрофильный для института Этимологический словарь славянских языков [ЭССЯ], а русский язык остается в небрежении. Ставился вопрос о необходимости исправлять ситуацию.

Следствием стало выделение Институту нескольких целевых ставок научных сотрудников. В 1986 г. в ИРЯ был создан коллектив (Группа) под руководством И. С. Улукханова, в который на правах постоянных сотрудников вошли, а отчасти были переведены из других подразделений И. А. Корнилаева, О. М. Младенова, А. А. Пичхадзе, А. М. Сабенина, А. А. Уткин⁷. Название коллектива отражало цель, к которой он должен был стремиться:

² О себе этот автор писал как о «русском человеке» с техническим образованием, «дилетанте», интересующемся проблемами языка. Публикациям Мещерякова нельзя отказать в природной филологической зоркости, дотошном стремлении вывести все и вся «на чистую воду».

³ Словарь издается с 1963 г. по настоящее время. С 1999 г. редактором ЭСРЯ МГУ стал А. Ф. Журавлев.

⁴ Ср. вполне благожелательный отзыв на первые выпуски ЭСРЯ МГУ, принадлежащий профессиональному лингвисту, известному строгостью в оценках: [Откупщиков 1966: 117—122 = Откупщиков 2001: 360—371].

⁵ Личину «дилетанта» автор здесь по существу отбрасывает, уверенно излагая разные сведения из истории русского языка.

⁶ Оно могло быть отправлено в Президиум АН СССР, Минвуз СССР и ЦК КПСС.

⁷ В коллектив мог войти А. Б. Страхов, за которого ходатайствовал В. Н. Топоров. Однако этого не случилось. Позднее Страхов уехал в США, где издает журнал «Palaeoslavica».

Группа этимологического словаря русского языка, — собственно, современного русского литературного языка. Правда, не было вполне ясно, в чем специфика нового словаря и чем он должен отличаться от ЭСРЯ МГУ или словаря [Черных 1994]. Подобные неясности должны были решаться по ходу дела.

Руководство Группой стало для И. С. Улуханова дополнением к другим, весьма обширным его обязанностям, что затрудняло его работу с Группой. Текущие проблемы решались ее сотрудниками по большей части самостоятельно, главным образом с участием А. А. Пичхадзе.

Группа трудилась весьма интенсивно. В последние месяцы существования СССР, осенью 1990 г., она почти в полном составе была командирована в Вильнюс (Институт литовского языка, Вильнюсский университет) для повышения квалификации. Слушали лекции ведущих языковедов, в частности, З. Зинкявичюса.

На основании известного 17-томного Словаря современного русского литературного языка был составлен словник будущего этимологического словаря.

Задачей первостепенной важности для коллектива стало создание этимологической картотеки. Для этой цели помимо штатных сотрудников привлекались на договорной основе временные. За несколько лет удалось расписать широкий круг отечественных и зарубежных изданий с этимологической информацией, включая журналы по сравнительно-историческому языкознанию, *Fest-* и *Gedenkschrift*'ы, другие сборники и некоторые этимологические словари (например, прусский В. Н. Топорова, ностратический В. М. Иллича-Свитыча). Эта важная работа, имеющая самостоятельную ценность, в начале 1990-х, к сожалению, стала сходить на нет, с 1994 г. вовсе прекратилась. Таким образом, картотека почти не содержит литературу позднее 1990-х гг.

Судьба самой Группы оказалась драматичной. Успешно завершив предварительный этап, она начала переходить к работе более творческой: писанию и коллективному обсуждению словарных статей. Их было написано несколько сот⁸, многие были полностью готовы к печати. Правда, единообразия в них было явно недостаточно, что позднее и отметили рецензенты.

В тяжелых условиях начала 1990-х деятельность Группы приостановилась, в коллективе возникли трения и несогласия. Все шло к его распаду. В конце 1992 г. автор этих строк обратился в дирекцию ИРЯ с письмом, в котором излагались некоторые возможные меры по спасению Группы и ее темы. Вопрос обсуждался дирекцией, однако положительного решения не нашлось. Наконец, в 1994 г. Группа была расформирована, а тема Этимологического словаря русского языка закрыта. В череде внушавших постоянную тревогу событий начала 1990-х гг., безденежья, а порой и недоедания, это событие прошло незаметно.

---

⁸ В частности, И. А. Корнилаевой написана или подготовлена к написанию большая часть статей на букву *ф*- (материал хранится в ИРЯ РАН).

Из написанных статей в 1992 г. были составлены две книги: «Материалы для этимологического словаря русского языка. Вып. 1» и небольшая научно-популярная «Из истории русских слов. Словарь-пособие». На задней обложке научно-популярной книги был помещен отрывок из стихотворной части «Речи о вольности слова» (1869) польского поэта Циприана Норвида в переводе О. Н. Трубачева:

И хоть все говорим, но не все мы готовы,
 Чтоб спросить себя, как же читается слово
 Изнутри, и судьбы его дальний полет
 Разглядеть, полюбить только редкий дерзнет⁹.

Этот текст присутствует в качестве эпиграфа в польском этимологическом словаре А. Брюкнера [Brückner 1927/1957]. О. Н. Трубачев ценил его чрезвычайно высоко — и за исключительную этимологическую проницательность и за труды, не в последнюю очередь за разыскания о славизмах в литовском¹⁰, традицию которых О. Н. Трубачев в определенной мере продолжал в ЭССЯ и других публикациях.

Тезис о семантической реконструкции как «углубленном понимании значения» [Трубачев 1988: 198]¹¹ по своему содержанию очень близок его переводу норвидовского *słowo się czyta / W sobie samem*. Выраженные в стихах Норвида мысли, по признанию Трубачева, были очень ему близки, эпиграф не раз им цитировался, иной раз и устно.

Помещенные на обложке книги стихи Норвида в переводе О. Н. Трубачева удачно соответствовали ее содержанию и, кроме того, были для нее эффективной рекламой. В то же время их цитирование было своего рода реверансом в адрес О. Н. Трубачева как потенциального рецензента. Однако этот шаг, как вскоре выяснилось, не помог.

Помимо постоянных сотрудников Группы, в книгах участвовали в качестве авторов А. В. Дыбо, И. И. Чельшева, М. С. Мушинская, Т. В. Невская и автор этих строк.

Научно-популярная книга была опубликована уже в 1993 году (236 стр., тираж 100 000!), судьба же другой оказалась трудной. «Материалы для этимологического словаря русского языка. Вып. 1» на стадии рукописи были прорецензированы тремя авторитетными специалистами в области

⁹ I gdy wciąż wszyscy mówią, mało kto się spyta, / Jaki też jest cel słowa, jak słowo się czyta / W sobie samem? I dziejów jego promień cały / Rozejrzeć mało kto jest ciekawy, zuchwały! (Norwid. «Rzecz o wolności słowa»).

¹⁰ [Brückner 1877] и др. Автору этих строк довелось услышать от В. Н. Топорова характеристику упомянутых разысканий Брюкнера как «медвежьей услуги» для славянской этимологии. Сказались противоположные взгляды О. Н. Трубачева и В. Н. Топорова на балто-славянскую проблему.

¹¹ Следует заметить, что такое понимание семантической реконструкции не согласуется с обычной практикой, отразившейся, например, в русском этимологическом словаре М. Фасмера. См. замечания Е. А. Хелимского [1990: 144].

этимологии: О. Н. Трубачевым, а также В. Н. Топоровым и А. Ф. Журавлевым. Рецензия Трубачева оказалась отрицательной, и это сказалось на судьбе рукописи. Она была готова к печати в конце 1992 г., но осталась неопубликованной, а через некоторое время повторила печальную судьбу Группы. Макет книги, выполненный в ныне подзабытом редакторе Chi-Writer, угас вместе со старым компьютером, и получалось, что, кроме картотеки и небольшой научно-популярной книжки, Группа ничего после себя не оставила.

Однако в 1998 году, когда директором Института русского языка РАН был уже А. М. Молдован, рукопись удалось восстановить и в 2003 г., спустя больше 10 лет после ее создания, опубликовать, с учетом замечаний рецензентов и другими уточнениями, под иным названием — «Новое в русской этимологии. Вып. 1» (НРЭ, 280 стр., тираж 500). Предполагалось, что книга станет началом периодического издания, но первый выпуск НРЭ пока остается последним. На него появился отклик в известном научном журнале, принадлежащий перу сурового и уважаемого рецензента, литовского этимолога В. Урбутиса (1929—2015), и при этом весьма положительный. Он расценил НРЭ как продолжение традиции Фасмера и поддержал книгу итоговым утверждением о том, что она обогащает не только русскую, но и балтийскую этимологию [Urbutis 2002: 369—372 = Urbutis 2010: 452—457]¹². В рецензии почти нет конкретных замечаний. Урбутис отметил слишком большой, по его мнению, интерес авторов НРЭ к заимствованиям разного рода.

НРЭ представляет собой, по существу, этимологический мини-вокабулярный со словарными статьями, содержащими, по представлению авторов, более или менее очевидный «прибыток» в сравнении с Фасмером, включая статьи, отсутствовавшие в его словаре. В книгу вошли статьи, посвященные исконной лексике (А. Е. Аникин, О. М. Младенова, Т. В. Невская, А. А. Пичхадзе), западноевропейским заимствованиям (И. А. Корнилаева, А. М. Сабенина), латинизмам и грецизмам (А. А. Пичхадзе), тюркизмам (А. В. Дыбо), заимствованиям из сибирских языков (А. Е. Аникин), из древнееврейского языка и другим (М. С. Мушинская, А. А. Уткин).

Подобным образом распределялись роли и в книге «Из истории русских слов», где не было статей А. В. Дыбо, но участвовала И. И. Чельшева (заимствования из романских языков). Научно-популярному характеру книги соответствует весьма обширное цитирование в ней текстов, иллюстрирующих объясняемые слова, главным образом, стихотворных. Эта особенность, хотя и в гораздо меньшей степени, сохранена в НРЭ и (позднее) в «Русском этимологическом словаре» (РЭС), о котором будет сказано ниже.

---

¹² В рецензии Урбутиса можно найти также характеристику ЭСРЯ МГУ и словаря П. Я. Черных (утверждается, что в последнем преобладает история слов, а не этимология).

В Предисловии к НРЭ (А. Е. Аникин) говорится несколько слов о русской этимологической лексикографии. Выделяются два ее возможных компонента:

1) относительно компактный (предпочтительнее однотомный) справочник, описывающий основной словарный фонд;

2) словари, посвященные отдельным частям всего корпуса русской лексики, например тюркизмам (ориентализмам); диалектные этимологические словари.

Разумеется, эти два пункта легко пополнить и детализировать. Можно добавить, в частности, не упомянутые в НРЭ

2а) словари тематических групп лексики;

3) словари, посвященные топо-, гидро- и антропонимическому материалу. Он может в том или ином объеме присутствовать и в словарях типа 1) и 2).

Русская этимологическая лексикография несомненно нуждается в однотомнике¹³, выполненном на основе современных представлений об этимологии и реконструкции, примерно соответствующем по объему таким трудам, как например, известные словари чешского (В. Махек), немецкого (многочисленные переиздания словаря Ф. Клюге) и английского¹⁴ языков или относительно недавно опубликованные этимологические словари словенского, польского и литовского (М. Сной, В. Борысь, В. Смочинский). Известный труд П. Я. Черных на роль такого словаря не подходит из-за относительной бедности этимологической части и недостаточно полного словника, а недавний двухтомник [Шапошников 2010] написан как облегченно-популярный справочник. ЭСРЯ МГУ велик по объему и пока далек от завершения.

Полезным было бы, по-видимому, создание нового словаря тюркизмов или, шире, ориентализмов русской лексики — наподобие недавно изданного словаря тюркизмов в польском языке Ст. Стаховского. Продолжает оставаться актуальной тема балтизмов в русском языке (славянских языках), далеко не исчерпываемая (особенно с учетом топонимического материала, см. труды В. Л. Васильева) словарями Ю. Лаучюте и А. Е. Аникина. Перспективной может быть лексикографическая разработка полонизмов, не говоря о других пластах заимствованной лексики русского словаря.

Имеющиеся на сегодняшний день русские диалектные этимологические словари («Материалы для этимологического словаря севернорусских говоров» А. С. Герда, «Материалы для словаря финно-угро-самодийских заим-

---

¹³ Такое название условно: более или менее компактный словарь того или иного языка может состоять и из нескольких выпусков (томов). Однотомник лишь удобнее при пользовании.

¹⁴ Здесь имеется в виду [ODEE]. Этот словарь представляется одним из наиболее удачных из всех существующих для европейских языков. Он успешно соединяет большую полноту словника, точность, информативность и компактность (1025 стр.), очень высокое качество полиграфии.

ствований в говорах Русского Севера»¹⁵, монографии С. А. Мызникова¹⁶, «Этимологический словарь русских диалектов Сибири» А. Е. Аникина, «Историко-этимологический словарь русских говоров Алтая» под ред. Л. И. Шелеповой), разумеется, далеко не исчерпывают весь соответствующий материал. Желательны новые труды этого рода.

Этимологические исследования тематических групп лексики, некогда практиковавшиеся весьма часто (достаточно вспомнить труды О. Н. Трубачева), в последнее время редки, что обусловлено и общим снижением интереса к этимологии.

В целом, развитие русской этимологической лексикографии идет отнюдь не в соответствии с картиной, намеченной в НРЭ.

По прошествии нескольких лет после роспуска Группы этимологического словаря русского языка директор ИРЯ А. М. Молдован предложил автору этих строк возобновить работу над новым этимологическим словарем, опираясь на собранную Группой картотеку. Он имел в виду как раз компактный его вариант. В ответ был предложен более широкий замысел словаря, охватывающего общерусскую лексику. Однако в процессе подготовки первого выпуска этот замысел отпал, как и намерение осуществить замысел О. Н. Трубачева относительно новой серии дополнений к словарю Фасмера. Начиная с 2003—2004 гг. пишется и с 2007 г. издается уже упомянутый «Русский этимологический словарь» [РЭС], который, как недавно было отмечено [Добродомов 2015: 392], тяготеет по охвату лексики (с широким привлечением диалектной и исторической, а также избранной топониматики) к тезаурусу с подробным рассмотрением каждого слова.

В РЭС, как и в словаре Фасмера, широко привлекается диалектная и историческая лексика, так что словник выглядит как бы «не по-русски» (О. Н. Трубачев), если иметь в виду современный литературный русский. Подобный подход обусловлен желанием продолжить традиции Фасмера, а также тем, что, как выяснилось, автор РЭС «от природы» тяготеет именно к словарю с обширным и разнообразным словником (см. «Вступление» в [РЭС 1]). Существенным фактором стал и публикуемый ниже отзыв В. Н. Топорова, рекомендовавшего будущему этимологическому словарю как можно более широкий охват русской лексики.

Используемые в РЭС принципы отбора лексики отличны от используемых в словаре П. Я. Черных и ЭСРЯ МГУ, где словник включает только литературную лексику¹⁷. Фасмеровские принципы несомненно были близ-

---

¹⁵ Издание, начатое в Уральском университете под редакцией А. К. Матвеева.

¹⁶ По сообщению С. А. Мызникова, он пока приостановил реализацию намерения (в немалой степени уже осуществленного) представить свои обширные монографические разработки в виде этимологического словаря контактной лексики преимущественно на материале русских говоров Северо-Запада.

¹⁷ При этом словник словаря П. Я. Черных содержит, по существу, избранные слова литературного языка, а в ЭСРЯ МГУ в большом количестве привлекаются поздние заимствования типа интернационализмов, см. об этом далее.

ки О. Н. Трубочеву, который писал о них в «Послесловии» ко второму изданию «русского Фасмера»: внимание к темным и редким словам; приоритет слов, тесно связанных с традиционной культурой, историей, бытом и контактами русского народа перед поздними заимствованиями и т. п. названиями современных, в том числе профессионально-технических реалий; привлечение «традиционной ономастики» [Трубочев 1986: 569—570].

Поскольку в сравнении с послевоенным временем, когда готовился словарь Фасмера, объем лексического материала многократно вырос и появилась обширная новая литература, для завершения РЭС потребуются очень значительный срок¹⁸, что обычно для больших словарей (не только этимологических). Следует заметить, что РЭС включает сведения об истории слов и суммирует в пределах своего словника данные русской лексикографии, что требует много места и времени.

Выход, видимо, в том, чтобы перейти к писанию РЭС коллективом, что могло бы положительно сказаться не только на сроках, но и на качестве словаря. Однако, помимо кадровых, финансовых и научных сложностей создания коллектива, есть опасение повторить судьбу Группы этимологического словаря, когда большое дело утонуло в спорах и согласованиях, мелких трениях и проч., не говоря о трудностях объективного характера. Работу коллектива может разрушить выход из него одного сотрудника. С созданием коллектива для писания РЭС и/или компактного этимологического словаря¹⁹ не следует спешить, чтобы не повторить прежних ошибок.

* * *

Ниже следует публикация текста трех упомянутых отзывов (конца 1992 г.) на рукопись «Материалы для этимологического словаря русского языка. Вып. 1», подготовленную в период с 1986 по 1992 гг. Группой этимологического словаря ИРЯ РАН. Как уже сказано выше, книга вышла в свет в 2003 г. под названием «Новое в русской этимологии. Вып. 1» [НРЭ]. Рукописи отзывов были утеряны (их компьютерный набор отсутствовал), но недавно нашлись, и А. А. Пичхадзе предложила их опубликовать: отзывы, как и деятельность Группы этимологического словаря, казалось бы, совсем недавняя, стали историей.

Публикация представляется целесообразной не только из уважения к мэтрам отечественной этимологии, но и по той причине, что эти отзывы сохраняют свою актуальность, будучи написаны опытными мастерами этимологической лексикографии, и содержат важные для нее положения.

---

¹⁸ Намного больше, чем примерно 10 лет, за которые написал свой словарь М. Фасмер.

¹⁹ Проблема выбора между компактным и развернутым вариантами встала при создании сербского этимологического словаря [ЕРСЈ]. Успешно начатый под руководством А. Ломы большой словарь был приостановлен (законсервирован) ради работы над однотомником, но работа над большим тоже будет продолжена.

Существенно, что они заключают в себе разные взгляды на создание этимологического словаря (словарей) русского языка.

Все критические замечания рецензентов, особенно конкретные, по возможности были учтены авторами НРЭ. Бросается в глаза различие между отзывами В. Н. Топорова и О. Н. Трубачева: великодушно-оптимистический в одном случае и сурово-деловой, похожий на судебное решение, в другом. Отзыв О. Н. Трубачева представляется все же чрезмерно суровым. Его критические замечания, при всей их важности, не «тянули», как представляется, на окончательный отрицательный вердикт, тем более что рецензировался не этимологический словарь, а своего рода экспериментальный труд, авторы которого лишь искали подступы к такому словарю. Часть замечаний Трубачева могла быть учтена, по существу, автоматически, например, его указание на необходимость давать ударения и значения заглавных слов. Правда, авторы НРЭ отчасти остались при своем мнении и значений литературных русских слов, как правило, не приводили²⁰. Однако в РЭС рекомендация Трубачева реализуется. Она может быть расценена как справедливая, хотя и сопряжена с большим увеличением объема словаря.

Трудно согласиться с тем, что О. Н. Трубачев не отмечает наличия в книге новых и притом тщательно обоснованных этимологических решений (что подчеркивается В. Н. Топоровым и отмечается А. Ф. Журавлевым), как это происходит при обсуждении важной проблемы «лаконизации» этимологической информации. О. Н. Трубачев с осуждением пишет, что в рецензируемой книге на слово *жох* дается «монографическая статья по тюркской и алтайской этимологии», но как будто не замечает в этой статье (не говоря о других) этимологической новизны и обширного фактического материала. Затрагиваемый им вопрос о «жанрах» научных статей представляется на этом фоне менее существенным.

Интересны разные мнения рецензентов по поводу вопроса об относительной важности слов при их отборе для этимологического словаря: очевидно ли, что исконная лексика «важнее» чем, скажем, тюркизмы?

О. Н. Трубачев, по-видимому, относился к Группе этимологического словаря не без скрытой ревности и, по всей вероятности, представлял результат ее деятельности в виде более или менее скромного труда. В состоявшемся в 1992 году разговоре с автором этих строк он высказался в том духе, что лозунгом Группы должны быть слова «Не замахиваясь, не претендуя...». Судя по отзыву, Трубачев пришел к выводу, что авторы и «замахивались» и «претендовали». С большой степенью вероятности он не одобрил бы и РЭС.

В своей научной деятельности О. Н. Трубачев постоянно был занят вопросами теории и практики этимологической лексикографии. При писании и оценке словарей для него был существенным тезис Ф. Копечного «in der

---

²⁰ См. ниже прим. 37.

Beschränkung zeigt sich der Meister»²¹ и чужд «гигантизм», в который впал, по его мнению, издававшийся в Кракове «Słownik prasłowiański». Следует заметить, что созданный О. Н. Трубачевым ЭССЯ, издающийся уже более 40 лет, еще очень далек от завершения [Крысько 2014: 118].

С отзывами О. Н. Трубачева и А. Ф. Журавлева можно согласиться в том, что в рецензируемой ими книге имеется некоторое количество лингвистически нерелевантных данных. Но нельзя пройти мимо следующей весьма ценной ее черты: при документации лексики авторы книги систематически обращаются к памятникам письменности, и эта сторона дела здесь сильнее, чем в имеющихся этимологических словарях русского языка. Не раз указывалось, что максимального прогресса в сравнении со словарем Фасмера можно добиться лишь при постоянном и квалифицированном использовании первоисточников — летописей и т. п. древних памятников [Попов 1969: 126]. К сожалению, РЭС, в большинстве случаев опирающийся только на словари (древне- и старорусские, диалектные), в этом отношении представляет шаг назад в сравнении с НРЭ.

При публикации отзывов представилось целесообразным сократить те содержащиеся в них замечания, которые сводятся к указанию на опечатки и подобные мелкие неточности. Однако в отзыве О. Н. Трубачева таких замечаний нет, в отзыве В. Н. Топорова конкретные замечания вообще отсутствуют. Сокращению подверглись, таким образом, лишь некоторые замечания в отзыве А. Ф. Журавлева²².

Сопровождающие текст отзывов редкие комментарии в примечаниях написаны публикатором с использованием соображений, высказывавшихся авторами НРЭ («Материалов») в ответ на замечания рецензентов²³.

Отзыв В. Н. Топорова

Чтение «Материалов» «производит весьма благоприятное впечатление и вселяет надежду на то, что целое, частью которого являются «Материалы», может стать событием в этимологической науке и в русской культуре. Разумеется, полное и совершенно надежное суждение о представленном на рассмотрение труде дать трудно, поскольку принцип «новизны» слов, включенных в «Материалы», по сравнению с существующими этимологическими словарями русского языка, будучи практически оправданным в этой первой публикации («товар лицом» и непосредственно возможному «покупателю»), все-таки содержит в себе элемент некоторой случайности и, кроме того, оставляет как бы в невидимой части спектра этимологически «прозрачные» слова, для которых проблема «новизны» тоже существ-

²¹ Цитируется в [Трубачев 1978: 5—6].

²² Следует учесть, что одна из страниц этого отзыва, содержащая конкретные замечания, к сожалению, не нашлась.

²³ Большая часть таких соображений вошла в текст статей НРЭ.

вует, хотя и выглядит несколько иначе, чем для этимологически «неблагополучных» слов. Точно так же положительная оценка «Материалов» не означает, что кое-что не могло бы быть дополнено — как по существу, так и в том, что касается литературы вопроса, что не могли бы быть предложены и некоторые иные (хотя бы альтернативного характера) решения. Более того, кое с чем можно поспорить, кое-что уточнить, а в отдельных (правда, довольно редко) случаях можно даже не согласиться с предлагаемыми решениями в отдельных деталях. Впрочем, для этимологических словарей подобная ситуация обычна и, более того, естественна: любое указание на несогласие квалифицированного читателя с предлагаемой точкой зрения одновременно является сигналом, отсылающим к проблеме и требующим формулировки корректного вопроса, который помог бы вскрыть суть разногласий.

Однако в связи с первым выпуском «Материалов», за которым, надо полагать, последуют и другие выпуски, несравненно важнее обозначить то положительное и новое, что вносят они в наши познания об этимологии русских слов. Наибольшее впечатление производят статьи, посвященные заимствованиям в русской лексике, прежде всего из тюркских (и других алтайских языков), иранских и некоторых других языков (Сибирь, Ближний Восток), с одной стороны, и, с другой, из европейских, начиная с времен классической древности и до неологизмов самого последнего времени, возникших в лоне современной европейской (и американской) цивилизации. В отношении этого круга лексики авторам удалось достичь наибольшего прироста по сравнению с Фасмером и другими работами на эту тему. Вместо обычной приблизительности, отсылок, имеющих слишком общий характер, иногда даже явного желания не вникать в детали истории слов, трактуемых как некая периферия, к анализу которой предъявляются существенно более низкие требования, чем к «исконному» лексическому фонду, — вместо всех этих проявлений беспечности или недостаточного уровня профессионализма в «Материалах» демонстрируется высокий уровень точности в документации заимствования, в определении конкретных путей и времени заимствования, в установлении языкового источника, из которого слово попало в русский язык, в учете приводящихся вторичных фактов, соучаствовавших в развитии формы и значения заимствованного слова. Ряд статей блистателен и — рискну сказать — более чем на порядок выше лучшего из того, что нам было известно до сих пор. Но и «средний» уровень статей этого круга достаточно высок. Помимо своего лингвистического значения анализы этих слов вводят читателя в важную проблему «западного» и «восточного» элемента русской культуры — и не вообще русской культуры, но в совершенно определенные, «хронотопические» узлы ее. Хотелось бы думать, что через 10—15 лет такой работы возникнет возможность для написания фундаментального синтетического труда о русской культуре в ее «восточно-западных» связях в зеркале языка.

Разумеется, немало нового (необязательно в собственно этимологической части) в статьях, посвященных словам индоевропейского происхож-

дения. Насколько можно судить, принципы отбора иноязычных соответствий и параллелей к анализируемым словам разумно сочетают равновесие между экономичностью и необходимой степенью репрезентативности.

Как бы то ни было, «Материалы» дают основание думать, что задуманное целое будет не просто еще раз исправленным, дополненным и улучшенным Фасмером, но трудом, открывающим «послефасмеровский» период в этимологическом исследовании русского языка. Выходя за пределы задач рецензента, нужно сказать, что вокруг этой инициативы, судя по всему, собрался сильный коллектив талантливых молодых исследователей, новая поросль, корни которой уходят в то этимологическое движение, которое было начато у нас почти 40 лет назад Олегом Николаевичем Трубачевым и привело к подлинному возрождению этимологических исследований. Завершение работы над «Этимологическим словарем славянских языков» и начало работы над «Этимологическим словарем русского языка» в далекой перспективе видятся как два этапа «этимологической» эстафеты, где различия частны, а цельно-единство обще.

Трудно удержаться от одного замечания общего характера. В заметке «От составителей» говорится об идее создания этимологического словаря русского литературного языка. По пословице, мы не настолько богаты, чтобы покупать дешево. Если это будет словарь литературного языка, то в центре будет сам литературный язык, хотя и комментируемый этимологически. Мне кажется, что целесообразнее, взявшись за такое большое дело, писать этимологический словарь русского языка (без каких-либо объяснений) — тем более, что литературный язык войдет в него безусловно, но не будет оставлена в небрежении и диалектная лексика. Под такую работу стоит расширить и сроки создания словаря и, конечно, круг авторов, прежде всего, может быть, за счет специалистов в области исторической и диалектной лексики.

Инициативу авторов «Материалов», по моему мнению, нужно одобрить²⁴.

Отзыв А. Ф. Журавлева

Сборник представляет собою собрание пробных статей будущего «Этимологического словаря русского литературного, языка». Сам характер предлагаемого издания («Пробный выпуск», «Материалы» — определения, содержащиеся в предисловии «От составителей») заставляет с терпимостью отнестись к осязаемой жанровой пестроте составляющих его статей. Они сильно различаются и по объему, и по глубине этимологических разработок, да и по построению. Предварительный характер планируемой публикации дает возможность еще раз сосредоточиться на обсуждении

---

²⁴ Справедливости ради стоит напомнить, что организация Группы этимологического словаря, результатом работы которой стала рецензируемая В. Н. Топоровым рукопись, была следствием решения дирекции ИРЯ, но не инициативы авторов рукописи.

принципов и архитектуры словаря для окончательного уточнения его жанровых характеристик.

Уже сейчас ясно, что «разбег», взятый составителями словаря, рассчитан на создание этимологического свода, огромного по своим размерам. Так, объем статьи **корабль** превышает объем соответствующей статьи в словаре Фасмера в 2,5 раза, открывающая сборник статья **абаз** превосходит одноименную у Фасмера почти в 5 раз, а статья **монстр** (далеко не самое трудное слово) — в 17 раз! Во-первых, закрадываются сомнения в том, все ли в словаре имеет отношение к этимологии. Статьи типа **монстр** или **анчоус** содержат в себе множество третьестепенных деталей, вроде истории утраты *-ит* и под., которые не являются этимологическими проблемами и малоинтересны не только неспециалисту. Во-вторых, составителям словаря и координаторам работы над ним предстоит решить некую арифметическую задачу (подключив в качестве исходных данных сведения о количестве занятых созданием словаря сотрудников и приблизительной их продуктивности), чтобы ответить на вопрос: «Сколько лет понадобится для завершения словаря?» Какой бы внушительной ни оказалась итоговая цифра, можно с уверенностью предсказать, что преувеличенной она не будет. Богатый и отрезвляющий отечественный и зарубежный лексикографический опыт показывает, что эти планируемые сроки будут по меньшей мере удвоены. Особенно поражают размерами статьи, посвященные тюркизмам (написанные А. В. Дыбо). Если размеры статей, в заголовках которых стоят слова праславянского происхождения (их автор — А. Е. Аникин), оправдываются исключительной важностью этой лексики, то этимологизация словечка *жох* на 9 страницах (в 45 раз пространнее, чем у Фасмера!) — это излишество, которое не может себе позволить ни одно лексикографическое предприятие, планируемое в наше чрезвычайно трудное для науки и книжного (речь о серьезной научной продукции) дела. В упомянутой статье **жох** анализируется еще пять названий игральной бабки или ее положения — *альчик, шах, чохом, клок/клек, бок*, — что лишает статью характера словарной и превращает ее скорее в насыщенный параллелями алтаистический этюд²⁵. Подобное выпадение из жанра, впрочем, случается скорее из разряда исключительных. Кроме того, помня, что словарь обращен главным образом к литературной лексике, как то прокламируется в предисловии, более естественно было бы видеть здесь анализ выражения *парень жох*, более известного среднему носителю литературного русского языка; этому выражению же в статье уделено всего 4,5 строки. Избыточность можно наблюдать и в однотипности пространственных статей о числительных на *-(на)дцать*, в чересчур обстоятельном иной раз библиографическом аппарате и т. д. Есть, несомненно, и иные способы свертывания материала до приемлемых параметров, и авторы, конечно же, эти возможности видят сами, что освобождает здесь меня от продолжения этой темы.

²⁵ Этюд о слове *чох* (*чохом*) был выделен в НРЭ в отдельную статью.

Имея в виду экспериментальный характер издания и не рискуя, таким образом, впасть в противоречие, я полагаю нужным сохранить его облик в предложенном на обсуждение виде. Во всякой словарной работе, а этимологической тем паче, накапливается большое количество материала, не вписывающегося в жесткие лексикографические рамки и требующего иных жанров. Некоторые страницы обсуждаемого сборника можно рассматривать как такого рода «припёк», просящийся в другие формы.

В целом предложенные материалы отличаются высоким уровнем исполнения, они солидны, хорошо фундированы и качественны. В большей части статей содержатся серьезные уточнения касательно истории слов, немало слов получает новое этимологическое освещение. Все это не оставляет сомнений в полезности издания сборника. Но и не означает, что его текст не нуждается в поправках и улучшениях.

Непременным элементом каждой статьи является указание на первую фиксацию заглавного слова. Эти сведения получены главным образом из словарных картотек, что в общем обеспечивает достаточную их надежность. Однако возможности хронологизации, как выясняется, далеко не исчерпаны. Так, могу сослаться на статью **буги-вуги**, где как наиболее ранняя известная составителю статьи фиксация слова паспортизируется ссылкой на текст Д. Гранина от 1966 г. Мне известна русская фиксация этого слова, относящаяся к 1950 г. (см.: Б. Городинский. Музыка духовной нищеты. М.-Л., Музгиз, 1950, с. 81)²⁶. Но подобные уточнения носят характер случайной удачи. Резервы хронологических уточнений имеются и в лингвистической литературе. Просмотр словника рецензируемых «Материалов» параллельно, например, с известным «Ономастикон» С. Б. Веселовского, позволяет удревнить фиксации таких слов, как *бечева*, *борозда*, *жох*, *копыл*, *кулёма*, *мат*, *труха*, *тряпка*, *щегол*, возможно, *култышка*.

Не обобщая обнаруженные просчеты в какие-то типы и закономерности (такого рода обобщения всегда грешат некоторой субъективностью), я ограничусь поstateйными замечаниями, отдавая себе отчет и в их неполноте и возможной пристрастности²⁷.

айр. Статья перегружена подробностями из собственно тюркских, иранских эволюций²⁸.

---

²⁶ Указание на 1950 г. присутствует и в исправленной статье **буги-вуги** А. М. Сабениной в [НРЭ: стр. 51] — к сожалению, без ссылки на публикуемый отзыв А. Ф. Журавлева, откуда и взята эта дата. Задача выявления первых фиксаций слова решается теперь намного легче, чем несколько лет и тем более четверть века назад, в особенности благодаря быстрому развитию Национального корпуса русского языка [НКРЯ]. По данным НКРЯ, слово *буги-вуги* впервые встречается в «Лоскутном одеяле» В. Катаняна, 1943—1949 гг.

²⁷ Ниже приводятся лишь отдельные замечания из отзыва А. Ф. Журавлева (пояснение см. выше).

²⁸ Без этой «перегруженности» невозможно должным образом обосновать пути (цепочки) заимствований и их историю. То же касается и замечания по поводу

бечева́. Сильная избыточность в тексте.

выпе́ндриваться. С теоретическим зачином о неподчинении экспрессивного слова стандартным фонетическим моделям плохо согласуются чересчур «точные» объяснения в конце статьи. Они явно переусложнены: /носовой + глухой *m/* → /деназализация + глух. *m/* → /назализация + глух. *m/* → /носовой + звонкий *ð/*... К объяснению слова непременно должны быть привлечены рус. диал. формы (и значения, конечно) *пентэ́риться*, *пентэ́ря*, *пентю́шиться* (СРНГ 25, с. 343—344).

пятна́шки. Статья излишне обстоятельна. Нужна ли ссылка на Тэйлора о сохранении в детских играх древних обычаев, если это достаточно хорошо известно?

стакáн. Из цитаты²⁹ не следует, что в *досканец* ударение на третьем слоге: у Державина вполне возможен пиррихий и во второй стопе четырехстопного ямба. В том же «Видении мурзы»: *В серебряной своей порфире... Градская на главе корона... На жертвенном она жару... и т. д.*

та́ры-бары. Здесь, как и в других статьях, стоило не только упомянуть о существовании разных точек зрения, но и объяснить, в чем они состоят (хотя, как будто, это соображение подталкивает к увеличению объема словаря, и без того разрастающегося).

трепа́к. Форма *тропа́к* — не только украинская. Удивительно неупоминание глагола *тропа́ть* и его производных и отсутствие ссылки на Фасмера.

фейхо́а. *Фейхуа* (у Солженицына) — не следствие диссимиляции мнимого (под астериском!) **/фейхаá/*, а как раз усиление лабиализации */oá/* → */yá/*.

фи́гли-ми́гли. Учитывая исключительно высокую вероятность наличия *m-* во втором компоненте рифмующихся двучленов (гендиадис в алтаистических работах) типа *фигли-мигли* (ср. *шуры-муры*, *фокус-покус*, — в отличие от нем. *Хокус-Покус!* — *хурда-мурда*, *шахер-махер*, *каша-малаша*, *го-голь-моголь*, *штучки-шмучки* (наряду с *-дрючки*), искать какую-либо «этимологию» (связь с *мигать* и т. п.) по меньшей мере бесперспективно (см. еще статью А. Крымского «Калач-малач, кішміш-мішміш»³⁰).

четы́бре. Не хватает дополнительной отсылки «см. *чета́*». Такие отсылки были бы, видимо, полезны и в других статьях.

шарм. Зачем цитату из Тургенева давать в дореволюционной орфографии?³¹ К возникновению слова во французском, как аналог его семантическому развитию, вполне уместно привести наше *обаяние*: *баяти*, *баснь*.

слова *бечева* (ниже), а также других слов, статьи о которых в НРЭ получили от рецензентов упреки в избыточности.

²⁹ Имеется в виду стих из «Видения мурзы» Г. Р. Державина *И в досканцах червонцы шлют*, цитируемый в статье А. В. Дыбо.

³⁰ Имеется в виду публикация: [Кримський 1928]. См. также [Минлос 2005].

³¹ Старую орфографию в НРЭ было решено ограничить источниками Словаря русского языка XVIII в.

эсперáнто. Дореволюционная орфография в цитатах 80-х гг. XIX в. — ни к чему. Неверно утверждение, что все морфемы эсперанто имеют «соответствия» (это не соответствия в компаративистском смысле) в романских языках: морфемный фонд эсперанто вобрал в себя и германские, и — реже — славянские морфемы³².

Приведенные замечания, как можно заметить, не носят принципиального характера. Рецензируемый сборник представляет несомненный интерес для специалистов в области лексикографии, этимологии и истории русской лексики. Обсуждение материалов пробного выпуска будет способствовать выработке окончательной концепции словаря и принципов его построения, поэтому публикацию сборника я нахожу разумной.

Отзыв О. Н. Трубачева

Чтение рецензируемой ниже рукописи вызывает довольно много вопросов. На титуле значится: «Материалы для этимологического словаря русского языка. Вып. I». Сразу вслед за этим, в предисловии «От составителей», можно прочесть, что «предлагаемое издание представляет собой пробный выпуск (выделено мной. — О. Т.) этимологического словаря русского литературного (также выделено мной. — О. Т.) языка». Отмеченное, таким образом, противоречие лишает нас ясного представления, что же мы имеем перед собой. Для пробного выпуска, возможно, потребовались бы несколько более систематические принципы составления, нежели те, которые частью названы без особой аргументации в Предисловии, частью же реализуются прямо в статьях, вызывая, в свою очередь, едва ли меньшее количество вопросов. При этом очевидно высказываемое составителями желание оттолкнуться, отойти от элементарно общепринятой подачи слов, что едва ли встретило бы понимание читателей по той простой причине, что сокращает информативность словаря (? — не знаю, как назвать эту рукопись) и воспринимается мной лично как небрежность. Почему, например, не даются ударения?³³ В устной беседе мне пытались объяснить, что это будет словарь литературного языка и ударения якобы «общеизвестны». Но «общеизвестность» — зыбкий критерий, граница между общеизвестным и необщеизвестным совершенно неопределенна, в общепринятой практике регулярной подачи ударения в словарях самых разных типов гораздо больше смысла, я уж не говорю о случаях, когда ударение оказывается ресурсом для этимологии, для исторического словообразования и формообразования, ср., к тому же, свобода, разноместность, а также индоевропейские истоки русского ударения. Так что непродуманность, негодность этого составительского принципа очевидна. Более чем спорно, в моих гла-

³² В соответствующей статье НРЭ речь идет все же о слове *эсперанто*, а не о языке эсперанто.

³³ При публикации НРЭ ударения во всех русских (и других, где это необходимо) словах были указаны.

зах, заявленное намерение дать «этимологический словарь... литературного языка»³⁴. Дихотомия «литературное» — «нелитературное», сама по себе неустойчивая и меняющаяся от поколения к поколению, для этимологии просто нерелевантна, она во многих случаях разрывает гнездовые, словообразовательные, апофонические связи, которые интересуют этимологию в своей цельности. Я не хочу сказать, что этимологию вовсе не интересуют пометы типа «литературное» — «диалектное», они нужны, поскольку значают стратиграфию (стилистическую, ареальную). Что же касается задач и рамок этимологического словаря русского языка, то кажется несомненным, что он должен широко и внимательно учитывать и литературную, и диалектную, и устаревшую (вышедшую из употребления) лексику. Абсурдность заявленного в рассматриваемом труде принципа, кроме всего прочего, явствует хотя бы из того, что авторы сами его неоднократно нарушают — в тех случаях, когда их статьи посвящены откровенно нестандартной — диалектной, низовой — лексике, ср. диал. *сторновать* или арготизм *хóхма*. Попутно замечу, что составителю, почему-то остановившему свой выбор на арготизме *хóхма*, отказал, по-моему, языковой вкус. Ведь этого слова, строго говоря, нет ни в литературном языке, ни в народных территориальных диалектах (приводимая запись «Эх и устроили мы хóхму», Пенз. обл., 1960 г., вызывает большое недоверие именно со стороны диалектности своего статуса, будучи явным включением городского арго)³⁵. Не случайно и попутное указание (в статье *хóхма*), что польск. *chochma* со своим экзотическим плюралем *chochmesy* не отмечено в польской лексикографии. Речь может идти об иноязычном включении в речь, которое продолжает оставаться вне языка. В словарях же отражается именно последний.

Оправданно широко включая в корпус русского этимологического словаря не только литературную, но и диалектную лексику, и отжившие историзмы, а также широкий ряд заимствований (особенно — ранних), мы должны при этом видеть границу, отделяющую русский общенародный словарный состав от того, что в науке в общем давно понимается как профессиональные подъязыки. Мне кажется, составители статей нынешнего сборника задумывались над всем этим явно недостаточно. Вообще вместо здравого понимания разницы между этимологическим словарем русского языка и словарем иностранных слов, где этимология сводится к регистрации слова и его иностранного прототипа с помощью соответствующего двуязычного словаря, составители предлагают нам некое механическое слияние того и другого, чего делать не следовало, это разные задачи, о которых считаю излишним распространяться³⁶.

---

³⁴ Ориентация на литературный язык была задана авторам НРЭ руководством. В картотеке НРЭ расписывались и сведения о диалектной лексике.

³⁵ Налицо определенная недооценка О. Н. Трубачевым укорененности слова *хóхма* в русском языке, в том числе в литературе (см. [НКРЯ]).

³⁶ Иное мнение по этому вопросу см. у Ю. В. Откупщикова (в рецензии на ЭСРЯ МГУ): «никакой словарь иностранных слов не может дать тех необходимых сведе-

Совершенно недопустима семантическая подача и трактовка слов в статьях сборника. Ничем не оправдано то, что значение заглавных слов как правило не дается³⁷. Если в этом выражается всё та же концепция «общеизвестности», то её необходимо отвергнуть на тех же основаниях (о которых — выше), далее — по соображениям семантического контекста и другим. Если в этом авторы усматривали лаконизацию (подачи слов, статей), то это тоже сомнительно, и о нарушении этой лаконизации в слишком большом числе случаев в сборнике я еще скажу. Упомянутые купюры в подаче значений слов резко контрастируют с неумеренным энциклопедизмом, когда имеет место избыточность подачи плана реалий, и это — на каждом шагу, особенно прилежно — в иностранной лексике и специальной терминологии. Например, о слове *anód* (которое можно было бы вообще не включать как позднее иностранное слово, специальный физический термин), кроме минимально необходимого сведения об источнике заимствования, нам еще сообщается, что он «первоначально употреблялся применительно к пути, по которому, согласно тогдашним представлениям, электрический ток проходил положительный полюс». На слово *фероньерка* даются детальные энциклопедические подробности о лицах и портретах дам с именем собственным *Ferronière*. Создается впечатление, что составители не задумываются над тем, что должно бы составлять кредо лингвиста — над лингвистической релевантностью всех этих аккуратно переписываемых из энциклопедических справочников сведений по истории реалий. Все эти и другие статьи непомерно растянуты и перегружены ненужными деталями. Статья *фейхоа* имеет объем в полторы страницы, *фернамбук* (ни ударения, ни значения!) — полторы страницы, *шарманка* — четыре (!) стр. Чрезвычайно высока избыточность сообщаемых сведений, которые при этом «не работают» на основную задачу статьи. Сюда относятся, например, подробности о старой графике в статье *банка*. Внешне тщательная выписанность статей (плюс компьютерная каллиграфия) не может скрыть от нас разнообразных чисто лингвистических, этимологических просчетов и погрешностей. Недостаток внимания к семантике слова *царь* выразился в неучете его первоначально особого значения ‘государь над государями, император’, ср. сюда не только употребление в ИС³⁸ *Царьград*, собств. ‘Kaiser-stadt’, но и в обозначении ордынских ханов (весьма часто в летописях); обойдена вниманием типичность сокращения *césarь* → *cьsarь* → *царь* именно для титулов; блр. *цэсар*, поставленное в

ний, которые содержатся в словаре этимологическом (и наоборот)» [Откупщиков 2001: 364].

³⁷ Принятая в НРЭ и критикуемая О. Н. Трубачевым семантическая подача заглавных слов, как представляется, не является чем-то из ряда вон выходящим и довольно близка, например, применяемой в немецком этимологическом словаре Ф. Клюге (одно из последних изданий: [Kluge 1999]).

³⁸ ИС = имя собственное.

строку без оговорок, по сути не является прямым продолжением древнего *cēsarь, будучи откровенным полонизмом. Поверхностно и не очень точно характеризуется словообразование смежного слова *цесарка*, которое не просто «производное» от прилаг. *цесарский*, а его суффиксальная субстантивация на базе свёрнутой двучленной модели *цесарская курица.

Затраченный несомненно большой труд, при явном недостатке составительского опыта, неизбежно породил эту «сверхстарательность», выразившуюся в неумеренных длиннотах, в неумении и нежелании «расстаться» с частью накопленных знаний, которые совсем необязательно непременно в полном объёме втискивать в статью, забывая при этом, что имеется в виду статья словарная, а не монографическая. Этим недостатком страдают абсолютное большинство статей, и если авторы хоть сколько-нибудь серьёзно планируют в будущем задачу создания соответствующего словаря, они должны над этим задуматься с полной ответственностью, я имею в виду лаконизацию подачи словарного материала. То, что мы получили сейчас, это ещё не словарные статьи. Так, автор статьи **жох**, похоже, спутал эти жанры, дав, вместо статьи для русского этимологического словаря, монографическую статью по тюркской и алтайской этимологии; в статье девять страниц, из них только одному слову *альчик*, выполняющему роль аналогии, отведена целая страница. Кстати, о лаконизации: полезный в методологическом отношении опыт на этот счёт предлагает Махек (во введении к обоим изданиям своего словаря), когда он даёт два варианта/чтения словарной статьи о слове *šepel* ‘лезвие’, один — краткий — в корпусе словаря, а другой — развёрнутый, «ключевой» — во введении. Нормально — когда словарь состоит из кратких статей и уж, конечно, не из таких самоубийственно длинных, как в предлагаемом сборнике.

Дело ещё и в том, что эти неумеренные длинноты, перенасыщенность статей явно второстепенной информацией, стремление «сказать всё, что знаю» почти обязательно оборачивается пропусками чего-то более важного для основного назначения словарной статьи. Так, статья **воробей**, при несомненной добротности, производит впечатление не только излишне пространной, но и внутренне противоречивой³⁹. Статья **руда** критически перегружена, причем среди весьма специальных — нерусских, неславянских, лингвистических — деталей просто теряются сведения, заслуживающие более четкого и компактного изложения и выдержавшие проверку временем как наиболее надёжные в плане языковой и культурной типологии (индоевропейский характер апофонии корневого гласного и нерациональность тезиса о заимствовании из неиндоевропейского источника в дометаллическую эпоху). Внешне тщательно разработанные статьи о числительных (**восемнадцать**⁴⁰, **двенадцать**) выглядят всё же недостаточными: совершенно упущена из виду серьёзнейшая структурно-типологическая

³⁹ О слове *воробей* см. также [РЭС 8: 240—242].

⁴⁰ Ср. [РЭС 8: 281—282]. s. v. *восемна́дцать*.

(а возможно, и ареальная) разница моделей ‘octo *supra* decem’ (восемна́дцать, ср. также рум. и лтш.) и ‘octo *et* decem / ‘octo + decem, duo + decem’ (лат., греч.), ср. ещё такую яркую ареальную модель, как ‘unum relictum’ (гот. *ainlif*, лит. *vieniolika* ‘11’). Вместо этого мы читаем у составителя этих статей безоговорочное утверждение о «сходных» образованиях лат. *duo-decim*, греч. δώδεκα, слав. *dъva-na-desęte (ср. ЭССЯ 6, 13: *edinъ na desęte).

Небрежностью отдаёт «сравнение» перехода *o > u* в греч. *ῥουσάλια* (< *rosalia*) и русск. (слав.) *кум, кума* (< *compater, commater*), поскольку здесь нет даже приблизительной аналогии: [*u*] в *ῥουσάλια* объясняется на греческой почве, возможно, под влиянием (заимствованного) цветообозначения *ῥοῦσιος*; что касается формы *кум(а)*, то это особые, аллегривные сокращения в речи (обращении).

Более частные замечания: *бечевá* и *бечáйка* ‘лыко’ было бы целесообразно не смешивать — ввиду вероятной заимствованности первого и исконности второго, ср. хотя бы Фасмер III, 99: *обечáйка*. При слове *копыль* не помешало бы использование данных (стар. русск. *Копыль* ‘Славянск-на-Кубани’ и др., там же), сообщаемых в ЭССЯ 11, 33.

патлы: вполне отдавая себе отчет в том, что слово это этимологически неясное, всё же очевидно, что, во-первых, оно имеет, по-видимому, поздний, экспрессивный характер, надобности в праславянской реконструкции *patlati, скорее всего, нет; во-вторых, в основе слова (и образа) *патлы* лежит, думается, сравнение с очёсками, отходами обработки растительного волокна, а посему предположительно *пáтлы* < *паклы, с гиперкорректным *тл* < *кл* (нормально: *тл* > *кл*). Далее см. *пакля*.

пах: имеет смысл соотнести с глаголом *пахáть*, в чем убеждают особенно некоторые из значений слова *пах* и родственных — ‘подвески на рукавах’, ‘кусочек ткани’, однозначно сигнализирующие о наличии исходной глагольной основы с значением ‘махать, качать и т. п.’.

подлый: преобладающая семантика ‘низкий, низменный’ всё-таки сопротивляется объяснению из **po dъli/lě* ‘рядом, возле’, и возникает вопрос, не является ли сближение с *pod* не «народной», а как раз научной этимологией.

понёва < **pon’a* : *peŋi* представляют собой очевидно старые отношения (аблаут *e* : *o*), поэтому соотнесение их как родственных именных производных с -*o*-вокализмом, по крайней мере, с гот. *fana* ‘полотно’ желательно сохранить.

сурепка: в любом случае надо было привлечь специальную монографию, в т. ч. об именном префиксе *sz-* (*су-*): W. Boryś. Prefiksacja imienna w językach słowiańskich. Wrocław etc., 1975 (= Monografie slawistyczne 32).

тары-бары: в слове нельзя, прежде всего, не видеть экспрессивное, звукоподражательное по своей природе, рифмованное образование, с характерным губным началом второго компонента (*-бары*). Прямолинейно этимологизировать, без учёта отмеченных факторов, такую лексику нецелесообразно.

стакан, др.-русск. *достоканъ* как заимствование (через тюркское посредство) из иранского, др.-перс. **dastaka-* ‘ручной (сосуд)’ от др.-перс.

dasta- ‘рука (кисть)’, см. J. Knobloch. Russ. stakan... — Im Bannkreis des Alten Orients. Innsbruck, 1986, S. 123—124 (отражено мной в дополнениях к тому IV 2-го издания словаря М. Фасмера; в своё время работа Knobloха была передана мной в группу Этимологического словаря русского языка ИРЯ)⁴¹.

трезвый: здесь было бы полезно задуматься над типологией разных случаев развития значения ‘трезвый’ из ‘сухой, давно не пивший, жаждущий’ или из ‘непьяный’, даже — из ‘ночной’, ср. о слав. *terzvъ, лат. *sobrius*, нем. *nüchtern* у меня в кн. «Этногенез и культура древнейших славян» (М., 1991), с. 159.

На основании вышесказанного не считаю возможным рекомендовать данный сборник к печати.

27 декабря 1992 г.

Л и т е р а т у р а

Добродомов 2015 — И. Г. Добродомов. [Рец. на кн.]: Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. Вып. 5—7. М., 2011—2014 // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. IV. Этимология. М., 2015. С. 392.

ЕРСЈ — М. Бјелетић, Ј. Влајић-Поповић, А. Лома, С. Петровић, уз сарадњу М. Вуковић и М. Ђокић. Ур. А. Лома. Етимолошки речник српског језика. Св. 1— Београд, 2003—.

Кримський 1928 — А. Е. Кримський. Калач-малач, кішміш-мішміш // Кримський А. Е. Розвідки, статті та замітки. Київ, 1928. С. 139—148.

Крысько 2014 — В. Б. Крысько. Маргиналии к «Этимологическому словарю славянских языков» (вып. 34—38) // Вопросы языкознания. 2014. № 1. С. 100—119.

Мещеряков 1989 — В. Ф. Мещеряков. Дела словарные. Заметки дилетанта. // Москва. 1989. № 8. С. 199—204.

Минлос 2005 — Ф. Р. Минлос. Рифмованные сочетания в русском фольклоре. Редупликация и парные слова // Русский язык в научном освещении. Вып. 9 (1). 2005. С. 96—115.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка (www.ruscorpora.ru).

НРЭ — Новое в русской этимологии. Вып. 1. М., 2003.

Откупщиков 1966 — Ю. В. Откупщиков. [Рец. на кн.]: Этимологический словарь русского языка. Т. I. Вып. 1, 2. Изд. МГУ // Русский язык в школе. 1966. № 3. С. 117—122.

Откупщиков 2001 — Ю. В. Откупщиков. Очерки по этимологии. СПб, 2001.

Попов 1967 — А. И. Попов. О возможностях совершенствования приемов этимологического исследования // Этимология 1967. М., 1969. С. 119—128.

РЭС 1 — А. Е. Аникин. Русский этимологический словарь. Вып. 1— М., 2007—.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. М.; Л. (СПб), 1966—. Вып. 1—.

⁴¹ В статье **стакан** А. В. Дыбо [НРЭ 1: 214—216] указываемая О. Н. Трубачевым этимология Й. Knobloха учитывается, но предпочтение отдается тюркской этимологии.

Трубачев 1978 — О. Н. Трубачев. Этимологический словарь славянских языков и праславянский словарь (опыт параллельного чтения) // *Этимология* 1976. М., 1978. С. 3—17.

Трубачев 1986 — О. Н. Трубачев. Послесловие ко второму изданию «Этимологического словаря русского языка» М. Фасмера // М. Фасмер. *Этимологический словарь русского языка*. Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. Т. I. С. 563—573.

Трубачев 1988 — О. Н. Трубачев. Приемы семантической реконструкции // *Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Теория лингвистической реконструкции*. М., 1988. С. 197—222.

Хелимский 1990 — Е. А. Хелимский. [Рец. на кн.]: *Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Теория лингвистической реконструкции*. М., 1988 // *Вопросы языкознания*. 1990. № 4. С. 138—145.

Черных 1994 — П. Я. Черных. *Историко-этимологический словарь современного русского литературного языка*. 1—2. М., 1994.

ЭСРЯ МГУ — *Этимологический словарь русского языка*. Вып. 1—8. / Под ред. Н. М. Шанского. Вып. 9—10. / Под ред. А. Ф. Журавлева и Н. М. Шанского. Вып. 11. Под ред. А. Ф. Журавлева. М., 1963—2014.

ЭССЯ — *Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд*. Вып. 1—30. Под ред. О. Н. Трубачева. Вып. 31—32. Под ред. О. Н. Трубачева и А. Ф. Журавлева. Вып. 33—39. Под ред. А. Ф. Журавлева. М., 1974—2014—.

Шапошников 2010 — А. К. Шапошников. *Этимологический словарь современного русского языка*. Т. 1—2. М., 2010.

Brückner 1877 — A. Brückner. *Litu-slavische Studien. I. Die slavischen Fremdwörter im Litauischen*. Weimar, 1877.

Brückner 1927/1957 — A. Brückner. *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Kraków, 1927 (przedruk 1957).

Kluge 1999 — F. Kluge. *Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache*. 23-e erw. Auflage. Bearb. von E. Seebold. Berlin, New York, 1999.

ODEE — *Oxford Dictionary of English Etymology*. Ed. by C. T. Onions, with the assistance of G. W. S. Friedrichsen and R. W. Burchfield. Oxford, 1996.

Urbutis 2002 — V. Urbutis. [Рец. на кн.]: *Новое в русской этимологии*. Вып. 1. М., 2003 // *Baltistica*. 37 (2). 2002. P. 369—372.

Urbutis 2010 — V. Urbutis. *Knygos apie žodžius*. Vilnius, 2010.

Резюме

В статье говорится о деятельности Группы этимологического словаря, существовавшей в Институте русского языка Академии наук с 1986 по 1994 гт., когда Группа была расформирована. За это время она подготовила довольно обширную этимологическую картотеку и две книги: «Материалы для этимологического словаря русского языка. Вып. 1» и «Из истории русских слов. Словарь-пособие». Вторая из них была опубликована в 1993 г., а первая — лишь в 2003 под названием «Новое в русской этимологии. Вып. 1». Статью завершает публикация трех отзывов на рукопись «Материалов...», написанных в 1992 г. известными учеными — В. Н. Топоровым, А. Ф. Журавлевым и О. Н. Трубачевым.

Опыт и результаты Группы этимологического словаря, а также содержащиеся в упомянутых отзывах рекомендации используются А. Е. Аникиным в работе над

«Русским этимологическим словарем». Несколько страниц статьи посвящены в этой связи положению в русской этимологической лексикографии.

Ключевые слова: история русской этимологии, русская этимологическая лексикография.

Статья получена 22.05.2016

ALEXANDER E. ANIKIN

**A PAGE FROM THE HISTORY OF RUSSIAN ETYMOLOGY
AT THE TURN OF THE TWENTY-FIRST CENTURY**

This article summarizes the work of Etymological Dictionary Group set up in the Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences in 1986 and dismantled in 1994. The Group produced an extensive card catalogue and two books: “Materials for Etymological Dictionary of the Russian Language. Issue 1” and “From the History of Russian Words. A Manual Dictionary”. The latter was published in 1993, the former only in 2003, under the title “New Findings in Russian Etymology. Issue 1”. The article is completed by three reviews of the manuscript of “Materials...” written in 1992 by renowned scientists, Vladimir N. Toporov, Anatoly F. Zhuravlev and Oleg N. Trubachev.

The expertise and output of the Group, as well as comments and observations contained in the above mentioned reviews are considered by Alexander E. Anikin in his work on “Russian Etymological Dictionary”. In that connection some passages of the article deal with the current situation in Russian etymological lexicography.

Key words: history of Russian etymology, Russian etymological lexicography.

Received 22.05.2016

ИНФОРМАЦИОННО-ХРОНИКАЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Диалектологические экспедиции 2015—2016 гг.

Экспедиции НИУ ВШЭ: Корпус говоров бассейна реки Устья и изучение вариативности в говоре деревни Михалёвская¹

Экспедиция в деревню Михалёвская Устьянского района Архангельской области в июне 2016 года проводилась школой лингвистики НИУ ВШЭ (М. А. Даниэль и Н. Р. Добрушина) при участии немецкого слависта Рупрехта фон Вальденфельса, сотрудников ИЛИ РАН М. А. Овсянниковой и С. С. Сая и сотрудника ИРЯ РАН А. В. Тер-Аванесовой. Экспедиция продолжала исследования, проводившиеся в 2013—2015 гг. Консультантами проекта на разных этапах выступали С. В. Князев и С. К. Пожарицкая. Результаты работы отражены в ряде научных докладов и публикаций [von Waldenfels, Daniel, Dobrushina 2014; Левин 2014; Жигульская 2014; von Waldenfels, Daniel, Dobrushina, Levin, Sozinova, Ter-Avanesova, Zhigulskaja 2015; Виняр, Герасименко 2015; Игнатенко 2015].

Деревня Михалёвская, расположенная по двум берегам реки Устья, является одним из четырех населенных пунктов, переходящих один в другой: Исаевская (Пушкино), Михалёвская (Ильино, с вариантами Ильдино, Лыдино, Ольдино), Карповская (Коростино), Пирятинская (Корякино). Деревни имели одну школу и детский сад, были объединены в один колхоз. В настоящее время на все эти четыре населенных пункта приходится

только один магазин, медпункт, продолжает работать небольшая животноводческая ферма; некоторые жители Михалёвской работают на лесозаготовках. Деревня относится к административному округу с центром в д. Плосское (в 5 км от Михалёвской вниз по Устью). До начала 1930-х гг. Михалёвская относилась к Введенскому приходу с центром в с. Бестужево (в 7 км от Михалёвской вверх по Устью) и по-прежнему имеет с Бестужевым общее кладбище.

Насколько нам известно, говор Михалёвской ранее не исследовался. В ДАРЯ картографированы несколько сел, расположенных на расстоянии 7—10 км от Михалёвской, ближайшие из них — Бестужево и Сабурово.

С точки зрения диалектологической документации группа ставила задачу создания звукового корпуса говора деревни с возможностью лексико-грамматического поиска по текстам (с учетом дополнительных признаков — возраста и пола говорящего, а также по конкретному говорящему). С исследовательской точки зрения целью экспедиций является количественная характеристика варьирования ряда языковых явлений в речи жителей разного возраста, то есть описание диалекта и постдиалектного континуума. Поэтому важной особенностью программы исследований, по сравнению с практикой российской диалектологии, является внимание к речи всех поколений местных жителей.

За три года было сделано около 260 часов аудиозаписей, из которых на данный момент расшифровано и размещено в корпусе около 70 часов. По состо-

---

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2016 году.

нию на август 2016 года корпус со-держал 746 448 словоформ, из которых 576 214 словоформ относятся к речи деревенских жителей — 62 человек от 1922 до 1996 года рождения. Из них объем речевых материалов, записанных от носителей старше 60 лет, составляет 451 107 словоформ, а от носителей моложе — 125 107 словоформ. Кроме речи жителей деревень Исаевская, Миха-лёвская, Карповская и Пирятинская в корпус включены отдельные записи из соседних сёл и деревень: Бестужево, Плоское, Акичкин Починок, Глубокое. Корпус размещен в открытом интернет-доступе, см. [Корпус]. Корпусная плат-форма, поисковый интерфейс, сервер и другие составляющие технической реал-изации корпуса обеспечиваются Ру-прехтом фон Вальденфельсом.

Расшифровка (аннотация) текстов де-лается в программе Praat (www.praat.org), с выравниванием звука и текста, пре-имущественно студентами, и последу-ющей первичной проверкой старшими участниками группы. Задача аннота-ции — обеспечить пользователю воз-можность поиска в звучащем тексте. Сама по себе аннотация не является ни транскрипцией текста, ни даже точной орфографической записью произнесен-ного: диалектная речь передается в нормализованном виде — в форме по-словного (там, где это вообще возмож-но) «перевода» на литературный язык, что обеспечивает возможность поиска по грамматическом признакам. Так, на-пример, губно-губной аппроксимант [w] на месте фонемы /л/ передается бу-квой л: [п'р'ишów] — *пришел*. Возвратный постфикс, который произносится пред-ставителями старшего поколения как [с'е], записывается в стандартном варианте: [вод'ил'ис'е] — *водились*, [бóймс'е] — *боимся*. Не передаются в аннотации корпуса и диалектные чередования гласных, например, произношение [е] между мягкими согласными: [гул'ёл'и] —

гуляли. Детально принципы аннотации описаны в статье [von Waldenfels, Daniel, Dobrushina 2014]. Таким образом, пред-полагается, что пользователь будет прослушивать фрагменты текста, полученные им в ходе поиска, отбирать те из них, в которых содержатся искомые языковые данные, и самостоятельно делать транскрипцию с той степенью точности, ко-торая соответствует его исследователь-ской задаче. Благодаря отказу от деталь-ного транскрибирования группе удалось за короткое время создать достаточно представительный корпус: так, например, запрос на частицу *бы* выдает 1216 при-меров, на существительное *мать* — 477 примеров, на глагол *плакать* — 26 примеров. Корпус стал основным инструментом исследования говора. На основании корпусных данных были сделаны предварительные описания следующих языковых явлений, обнару-живающих вариативность в речи мест-ных жителей:

— Рефлексы древнерусских фонем /ê/ (*ê) и /e/ (*e, *o) под ударением по-сле мягких согласных перед твердыми;

— Рефлексы древнерусской фонемы /ê/ (*ê) под ударением между мягкими согласными;

— Рефлексы древнерусской фонемы /a/ (*a, *e) между мягкими согласными;

— Звуки на месте фонемы /л/ в пози-ции конца слова;

— Звуки на месте фонемы /л/ перед гласными непятого ряда;

— Звуки на месте долгой глухой фо-немы /ш/;

— Звуки в соответствии с литера-турными фонемами /ц/ и /ч/ (различение или неразличение свистящей и шипя-щей аффрикат; фонетический характер различения аффрикат);

— Диссимилиация по способу образо-вания (фрикативизация) заднеязычного согласного в словах с корнем *кто*;

— Реализация возвратного постфик-са глагола ([с'е] / [с'а] / [с']);

— Сочетание *-aje-* на стыке основы и окончания глаголов I спряжения и его соответствия;

— Стяжение гласных в окончании им. падежа ед. числа прилагательных *-aja*;

— Отсутствие или наличие начального [н'] в местоимениях 3-го лица после предлогов (у [j]ей / у [н']ей, от [j]его / от [н']его, с [j]им / с [н']им);

— Формы постпозитивной «выделительной» частицы *-то*;

— Формы им. п. мн. ч. местоимения 3 лица (он[е] / он[и]).

Каждое из этих явлений (далее они будут называться «переменные») рассматривалось в речи носителей разного возраста, чтобы установить динамику его изменения. В настоящий момент по разным переменным (за исключением рефлекса *ѣ перед твердыми согласными, см. ниже) обследовано от 8 до 57 говорящих. В зависимости от частотности явления исследовались либо все имеющиеся в корпусе тексты, записанные от данного информанта (рефлексы *ѣ между мягкими и после мягких перед твердыми, диссимилиация согласного в корне *кто* и другие), либо случайные выборки контекстов (реализации /л/). Ниже мы коротко опишем результаты исследования нескольких переменных, используя данные из экспедиционных отчетов Х. Верхейс, А. Виняра, Е. Герасименко, Н. Григорьевой, В. Жигульской, Д. Игнатенко, П. Казаковой, Е. Махлиной, И. Левина, М. Овсянниковой, О. Созиновой, П. Таратынова, А. Хаджийской, М. Цфасман.

1. Рефлексы *ѣ в сильной позиции (под ударением после мягких согласных перед твердыми) исследовались только на материале речи двух информантов, 1922 и 1928 г. р. Было обнаружено, что в сильной позиции на месте этимологического *ѣ в абсолютном большинстве примеров произносится звук [е] (совпадающий с [е] на месте *е и *ь); при этом встречаются единичные

случаи произнесения более закрытых гласных звуков от [ê] до [и]. Эти наблюдения вполне соответствуют материалам ДАРЯ по соседним населенным пунктам, собранным в 1958 г. Согласно данным ДАРЯ, в говоре соседнего с Михалёвской села Бестужево примеры с [ê] и [и] на месте этимологического *ѣ перед твердыми согласными составляют около 10 % от общего числа примеров. Эти звуки можно считать производительными вариантами, поскольку в записанных словоформах они сосуществуют с вариантом [е]. Наборы форм, в которых зафиксирована узкая реализация в материалах ДАРЯ, с одной стороны, и в корпусе говора Михалёвской, с другой, значительно пересекаются. Тем не менее пока остается неясным, можно ли считать узкие произнесения следом существования в обозримом прошлом говора фонемы /ê/, — не исключено, что это просто артикуляционные колебания (случаи произнесения узкого гласного зафиксированы и на месте этимологических *е, *ь).

2. В позиции под ударением между мягкими согласными на месте этимологического *ѣ в речи носителей говора встречаются два варианта: [и] (*нед[и]ля*) и [е] (*нед[е]ля*). На материале речи 49 информантов были проанализированы самые частотные корни с рефлексами *ѣ в этой позиции. Было обнаружено, что даже среди пожилых жителей нет таких, кто последовательно использует диалектные формы (с гласным [и]), но всё же у пяти из 13 людей до 1930 г. р. включительно доля диалектных форм остается высокой — 80—90%; у говорящего с наибольшей сохранностью диалектного варианта отмечено 92% диалектных реализаций. У жителей 1940—1950-х годов рождения наблюдается сильный разброс в том, насколько последовательно сохраняется диалектный вариант: от отсутствия диалектных реализаций вообще до 79% диалектных

реализаций. У четырех из 15 говорящих, родившихся позже 1955 г., звук [и] на месте *ě между мягкими согласными встречается в 30—40% примеров, у остальных — в единичных случаях либо полностью отсутствует.

3. Реализация /а/ как [е] между мягкими согласными под ударением в говоре также непоследовательна. Даже среди говорящих 1920-х годов рождения максимальная доля произношения [е] на месте **'a*, *ę в этом контексте составляет лишь 61%; при этом уже среди информантов конца 20-х годов рождения встречаются такие, у которых произношение [е] в этой позиции представлено крайне редко (менее чем в 10% случаев) или вообще не зафиксировано. Самые молодые носители, в речи которых засвидетельствованы отдельные случаи [е] на месте **'a*, *ę между мягкими, родились не позднее 1966-го года. Произношение [е] на месте **'a*, *ę отмечено в позиции между любыми мягкими согласными, включая *j* и *ц* (для говора характерно мягкое цоканье) в корнях слов и формах глаголов на *-ать*: [п'эт']*еро*, *сплав*[л'э]т*ся*, *го*[р'эц']*ая*, *обу*[ц'эл']*и*.

Самая частотная лексема, в которой последовательно наблюдается произношение [е] на месте /а/ между мягкими, — наречие *опять*: 55% всех вхождений лексемы в корпусе демонстрируют произношение *о*[п'эт']. Среди 14 информантов, родившихся до 1933 г., шестеро употребляют диалектный вариант в 100% случаев. Самый молодой говорящий, в речи которого доля диалектных реализаций слова *опять* значительна (67% всех примеров), родился в 1956 г. Это, по-видимому, свидетельствует о лексикализованности произношения [оп'эт'], что отмечается в [Сологуб 1970] и картах ДАРЯ. Кроме того, относительно высока доля диалектных реализаций в формах, образованных от глаголов с инфинитивом на *-ать*: у по-

жилых информантов до 1935 г. р. гласный [е] встречается в среднем примерно в 40% таких глагольных форм, а у отдельных носителей говора, рожденных позднее, доля [е] в этой позиции может превосходить 60%.

Не засвидетельствованы случаи диалектного произношения в следующих морфологических позициях: окончание творительного падежа множественного числа существительных с мягкой основой (*лоша*[д'ám']*и*), форма 3 л. мн. ч. презенса возвратных глаголов на *-атся* (*са*[д'áц':]е).

В корпусе нет ни одного примера произношения [е] в соседстве с шипящими [ж] и [ш] (в этой позиции всегда произносится [а] — [в'áj]е*т*, [жál'], л[л'áш]е*т*). Предположение Е. А. Галинской о том, что переход [а] в [е] между мягкими согласными в северовосточных русских говорах произошел после отвердения шипящих [Галинская 2005] мы бы сформулировали в более мягкой форме: это изменение гласных продолжало быть живым фонетическим процессом в течение достаточно долгого времени после того, как шипящие отвердели.

Известно, что в северных говорах с явлением произношения гласного [е] на месте /а/ между мягкими согласными соседствует вариант [áje]/[áj] суффикса сравнительной степени прилагательных и наречий. Однако о распространенности компаративов типа *ско*[р'áj]е в говоре деревни Михалёвская по имеющимся данным судить нельзя, так как из 123 примеров сравнительных форм на *-ее/-ей* только в 10 обнаружено употребление диалектного суффикса.

4. Для исследуемого говора, как и для других говоров вологодского типа, характерно произнесение невелияризованного апики-альвеолярного [ɹ] в позиции начала слога (*мо*[ɹ]око) и губно-губного аппроксиманта [w] в позиции конца слога (*забы*[w]). Как и ожидалось, в речи пожилых носителей веля-

ризованный [л] почти не встречается: в 99% случаев фонема /л/ реализуется как один из позиционно обусловленных диалектных вариантов. Произношение [l] перед гласными непереднего ряда утрачивается очень быстро: уже у жителей деревни 1940-х годов рождения эта черта либо присутствует нерегулярно (в 40—50% случаев), либо полностью отсутствует. У более молодых апико-альвеолярный [l] не встречается. Произношение [w] в конце слога сохраняется дольше: жители 1950-х годов рождения часто демонстрируют этот вариант в своей речи. Начиная с 60-х годов рождения он тоже утрачен.

5. Реализации долгой глухой фонемы /ш/ < *skj, *stj в говоре были проанализированы на материале 2526 примеров, содержащих соответствия графическому *ш*, от 57 лиц 1922—1996 г. р. В речи говорящих, родившихся до 1939 года, наблюдается вариативность между двумя наиболее частотными долгими твердыми диалектными реализациями: [шч] и [ш:], при этом вариант [шч] является несколько более употребительным, а стандартные реализации [ш':] единичны (2 примера из 1079). Кроме того, встречаются варианты произношения, переходные между [шч] и [ш:], у которых отсутствует выраженная смычка, но звуки при этом явно не являются однородными. Вариант [шч] у старшего поколения является преобладающим в позиции начала слова перед гласным ([шч]ука; 89% всех примеров), в прилагательных на -уц- (*большу*[шч]ий; 75%) и в прочих случаях в интервокальной позиции (*та*[шч]ит; 50%), тогда как произношение [ш:] (или сокращенный [ш]) более частотно после звука [р] (*убор*[ш:]ица; 67%) и после взрывных смычных согласных (*об*[ш]ий; 94%), а на конце слова (*ле*[ш:] представлено в 100% случаев. Переходный вариант относительно частотен в контекстах после сонорного согласного (*жен*[шч]ина/

жен[ш:]ина), где он отмечен в четверти случаев при приблизительно равных долях вариантов [шч] и [ш:], и в интервокальной позиции (11% примеров). В речи лиц 1940-х—1950-х г. р. преобладающим диалектным вариантом во всех позициях становится [ш:]. Доля литературных реализаций увеличивается с начала 1950-х г. р., однако не у всех носителей: в основном жители деревни или практически полностью переходят на литературный вариант [ш':], или, напротив, остаются последовательно «диалектными» и сохраняют высокую (более 80%) долю употреблений [шч] и [ш:]. Произношения [шч] и [ш:] единично встречаются у отдельных носителей вплоть до 1975 г. р.; говорящие, рожденные позднее, демонстрируют полную утрату диалектного варианта.

Иначе ведут себя рефлексы сочетаний *съч, *зъч. В литературном языке они совпали с /ш':/ < *skj, *stj ([ш':]астье, *изво*[ш':]ук), однако в исследуемом говоре реализации на месте графических *сч*, *зч* отличны от реализаций на месте графического *ш*. Всего в корпусе была найдена 221 словоформа, содержащая *сч* или *зч*, от носителей 1922—1971 г. р. На месте этого сочетания у старшего поколения в основном встретились произнесения твердого [шч], мягкого [сч'], а также вариант с мягким цоканьем [с'ц'], который иногда может упрощаться до [с':]. Литературные реализации [ш':] впервые появляются у говорящей 1947 г. р. — в половине примеров, но уже начиная с носителей 1958 г. р. отмечается почти полный (более 67%) или полный переход на литературный вариант.

6. Диссимилиция заднеязычных согласных перед взрывными по способу образования спорадически отмечается в разных словах ([ʏ]де, ко[ʏ]да, *тра*[х]тор), однако последовательно — только в словах с корнем *кто* (*ни*[х]то, [х]то-нибудь). Так, например, женщина 1928 года ро-

ждения произнесла корень *кто* с диссимиляцией в 95%, слово *где* — в 4%, слово *тогда* — в 7% употреблений. Произношение корня *кто* с диссимиляцией согласного обладает большей устойчивостью по сравнению с другими переменными: отдельные случаи произнесения [x]то вместо [к]то встречаются даже у жителей 1970-х годов рождения, а у жителей 1950-х годов рождения они встречаются более чем в половине случаев.

7. Старшему поколению свойственно произнесение местоимений третьего лица в конструкциях с предлогами с начальным [j] вместо начального [н]: *отца убили у [j]его тоже; она в общем дружили все с [j]им; все ходят ко мне, и я к [j]им хожу*. У говорящих 1920-х годов рождения эта черта встречается в подавляющем большинстве случаев (в зависимости от конкретного говорящего от 76% до 100%). Начиная с 1930-х годов рождения частотность такого произнесения начинает падать, однако даже среди людей, родившихся в 1950-х годах, встречаются такие, кто очень последовательно произносит местоимения без начального *н*, вплоть до 96% от всех употреблений. У говорящих 1970-х годов рождения диалектный вариант уже полностью вытеснен литературным.

8. В говоре представлены три варианта формы возвратного постфикса: слоговые $[-c'e]$ и $[-c'a]$ и неслоговой $[-c']$. Исконным для говора, по-видимому, является расширенное употребление слогового варианта $[-c'e]$, который присоединяется к глагольным формам с исходом не только на согласный: *бояла[c'e]*, — но и на гласный: *бояла[c'e]*; в последнем случае широко представлен также неслоговой вариант постфикса $[-c']$: *бояла[c']*. Так, в речи пожилой носительницы говора (1928 г. р.) варианты возвратного постфикса распределены следующим образом: слоговая реализация постфикса имеет вид $[-c'e]$; после гласных в 35% примеров представлена слоговая реали-

зация постфикса (*бояла[c'e]*) и в 65% неслоговая реализация (*бояла[c']*), после согласных — только $[-c'e]$. В целом для современного состояния говора характерно, что в подавляющем большинстве случаев к форме с исходом на гласный присоединяется неслоговой вариант $[-c']$, а наряду со слоговым $[-c'e]$ встречается литературный вариант $[-c'a]$. Так, у носительницы говора 1960 г. р. слоговые реализации постфикса после гласных составляют лишь 2% примеров, а вариант слогового постфикса $[-c'e]$ представлен только в 17% примеров (в прочих примерах слоговой постфикс имеет вид $[-c'a]$). Таким образом, в говоре устанавливается распределение слогового и неслогового вариантов постфикса в зависимости от исхода глагольной словоформы. При этом фонетический вариант $[-c'e]$ удерживается достаточно прочно: в речи поколения 1950-х гг. р. он составляет в среднем от 60 до 80% от общего количества слоговой реализации постфикса.

9. Диалектные реализации постпозитивной частицы *-то* в говоре представлены вариантами $[-ot]$, $[-ta]$ и $[-tu]$. В качестве единичных в речи носителей до 1930 г. р. встретились случаи употребления форм $[-t'e]$ и $[-t'i]$. У информантов старшего поколения (до 1928 г. р.) форма $[-tu]$ встречается при опорных словах, заканчивающихся на $[-y]$, и существительных 3-го склонения в вин. п. ед. ч., форма $[-ta]$ — после словоформ на $[-a]$ и существительных 3-го склонения в им. п. ед. ч., форма $[-ot]$ — после существительных 2-го склонения, прилагательных и местоимения 3-го лица в форме м. р. им.-(вин.) п. ед. ч. [Виняр, Герасименко 2015]. Динамика утраты разных форм различна (например, один носитель может демонстрировать высокую долю реализаций $[-ot]$ при малой доле $[-tu]$), как и природа правил употребления той или иной формы у пожилых носителей, поэтому разные вариан-

ты рассматриваются как отдельные переменные в релевантных для каждого контекста. На настоящий момент исследовано поведение реализаций $[-ot]$ и $[-tu]$ по данным тех информантов, от которых в корпусе было найдено как минимум 80 вхождений частицы $-to$: 32 носителя, родившихся с 1922 по 1975 гг.

Процент диалектных употреблений $[-ot]$ в соответствующих контекстах сохраняется на высоком уровне у всех информантов, рожденных до 1931 г. (от 71 до 93%), кроме одного носителя 1930 г. р., который использует $[-ot]$ только в одном случае из 10. Далее происходит резкий спад: говорящие конца 1930-х — начала 1950-х г. р. произносят диалектный вариант не более чем в 43% примеров, а у некоторых носителей доля $[-ot]$ не превышает и 10%. Первый говорящий, который употребляет только немаркированные варианты $[-to]$ и $[-tʲ]$, родился в 1952 году. У носителей говора, родившихся позднее, диалектные реализации или не зафиксированы вообще, или наблюдаются в 5-6% примеров. Исключениями являются один говорящий 1952 г. р., употребляющий $[-ot]$ в 42% случаев, и одна говорящая 1954 г. р., которая произносит $[-ot]$ во всех примерах, однако их всего четыре.

В данных по реализациям частицы $-to$ как $[-tu]$ наблюдается сильный разброс. Так, хотя среди старшего поколения в целом диалектные реализации наблюдаются более чем в 80% вхождений, у одной информантки 1925 г. р. доля произношений $[-tu]$ равна лишь 7%. Примечательно, что такой низкой «диалектности» по этой переменной не зафиксировано ни у одного из проанализированных говорящих до 1966 г. р. При этом сравнительно высокий (более 60%) уровень диалектных употреблений сохраняется у некоторых носителей вплоть до середины 1960-х г. р., в то время как у других он может составлять

13-54%. Трое говорящих средних лет обнаруживают степень диалектности, сравнимую с самыми пожилыми жителями: 93% у носителя 1954 г. р. и 100% у носителей 1956 и 1966 г. р. (последнее, правда, не так показательное, так как количество вхождений для них составляет лишь 8 и 6 примеров соответственно). Только два жителя деревни — 1974 и 1975 г. р. — употребляют немаркированные $[-to]$ и $[-tʲ]$ во всех примерах, но их количество также мало — 4 и 3 примера соответственно. Всё это, видимо, говорит о том, что утрата варианта $[-tu]$ зависит скорее всего не от возраста говорящего, а от его социальных характеристик.

Предварительное количественное исследование 14 диалектных явлений показало, что, как и можно было ожидать, максимальная доля диалектных реализаций рассмотренных переменных обнаруживается в речи самых старых говорящих (1920-х годов рождения). При этом даже у них закрытые реализации рефлекса $*\acute{e}$ перед твердыми согласными встречаются так редко, что неясно, можно ли вообще говорить о валидности данной переменной. Произношение $[e]$ на месте $*'a$, $*\acute{e}$ между мягкими согласными наблюдается у них лишь в половине случаев. Остальные переменные в речи старших говорящих имеют более или менее последовательную диалектную реализацию. С другой стороны, в речи молодого поколения (начиная с 1970-х годов рождения) рассмотренные диалектные явления практически отсутствуют.

Наиболее непредсказуемым является языковое поведение поколений между 1930-м и 1950-м г. р.: среди них встречаются говорящие как с очень высокой сохранностью диалекта, так и с речью, приближающейся к литературной. Социальные параметры, влияющие на речь жителей деревни этого возраста, требуют дополнительного исследования; предварительные наблюдения позволяют увязать тип речи с родом профессио-

нальной деятельности и индивидуальной жизненной траекторией и в некоторых случаях с полом. Кроме того, исследование показывает разную степень устойчивости диалектных явлений: одни держатся в речи жителей деревни дольше (произношение [w] и местоимения без начального [н']), другие уходят быстрее (например, произношение [l]).

П. Н. Казакова, Н. Р. Добрушина,
М. А. Даниэль

Фонетика юго-восточного архангельского говора деревни Михалёвская²

Говор д. Михалёвской — типичный северновологодский говор. Фонетические изогlossы, отделяющие северную часть говоров Вологодской группы от южной, объединяют северновологодские говоры с поморскими (или их частью), а южновологодские — с костромскими. Это в первую очередь изогlossы развития конечных гласных *e, «носового» *ě, *ɛ в определенных морфемах независимо от ударения: 1) в окончании 2 л. ед. ч. презенса: *e > [e] в северновологодских и поморских говорах (н'ес'им'э, ход'им'э), [o] в южновологодских и костромских (н'ес'им'о, ход'им'о); 2) в возвратной частице (из энклитической формы вин. ед. возвратного местоимения *sɛ): *ɛ > [e] в северновологодских и поморских говорах (под'им'э), [o] в южновологодских и костромских (под'им'о, нап'им'о); 3) в окончании род. ед. ж. местоимений и прилагательных: *ě > [e] в северновологодских и небольшой, южной части поморских говоров (в Михалёвской йийэ, ёкие), [o] в южновологодских и костром-

ских (йейо, ис Харофскийо); 4) в безударном окончании им.-вин. мн. прилагательных: *ě > [e] в северновологодских и большом числе других говоров (какйие), *ě > [o] в южновологодских и костромских (какййо). В этих формах конечные гласные находятся в позициях, свободных от действия морфологической аналогии, и поэтому совпадают в них рефлексов *e, «носового» *ě, *ɛ в [e] может считаться первичным северновологодским развитием этих гласных в конце слова. «Раздвоение» рефлексов конечного e в северновологодских говорах типа Михалёвской может быть объяснено как действием морфологической аналогии, так и различием фонетических условий. Так, гласный [o] на месте *e в конечной позиции представлен после исконно мягких согласных, в том числе в позициях, исключающих действие морфологической аналогии (частица *že), тогда как гласный [e] из *e — после исконно твердых согласных.

Ниже на примере говора Михалёвской мы попытаемся показать своеобразие северных вологодских говоров, с точки зрения исторической фонетики заключающееся в различии рефлексов *e, *ě, *ɛ в названных выше и в прочих морфологических позициях. Мы также надеемся показать, что морфологический фактор в целом сыграл большую роль в организации фонетической системы северновологодских говоров и говора Михалёвской в частности.

Краткая характеристика фонетической системы говора деревни Михалёвская (Пушкино) основана на записи разговора с Анной Васильевной Мымриной (1922—2016), бывшего у нее дома 21 июля 2015 г., в Прокопьев день³. То-

² Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 16-04-19011 «Диалектологические исследования центра Европейской части России и восточнославянского пограничья».

³ 21 (8) июля русская православная церковь празднует память двух Прокопиев — св. Прокопия Устюжского и чудо иконы Устюжское Благовещение, бывшее при этом святом в XIII веке, и св. Прокопия Устьян-

гда А. В. Мырина была самой старшей жительницей деревни. Запись сделана М. А. Даниэлем, А. В. Тер-Аванесовой и И. Флиге. Для описания вокализма после мягких согласных материал этой записи был использован полностью. Вокализм в других позициях и консонантизм охарактеризованы кратко на основании выборочно взятых примеров.

Идиолект А. В. Мыриной представляет собой архаичную разновидность местного говора. Наблюдения экспедиций 2013—2016 гг. показали, что речь жителей деревень Михалёвская, Плоское (в 6 км от Михалёвской вниз по Устье), села Бестужево (в 8 км от Михалёвской вверх по Устье) и деревни Акичкин Починок (в 14 км на северо-запад от Бестужева) представляет собой разновид-

ности одного говора, различающиеся деталями. По некоторым косвенным данным (примеры в словарных статьях [АОС]) видно, что ниже по Устье говоры поселков Строевское и Шангалы должны быть очень близки говору Михалёвской. По-видимому, единство или во всяком случае очень большая близость говоров деревень Средней Устья существовали и раньше, о чем свидетельствуют материалы и карты ДАРЯ.

Материалы по программе ДАРЯ в Устьянском р-не Архангельской области были собраны в 1957 и 1958 гг. Говоры деревень Средней Устья по счастливой случайности отражены в материалах ДАРЯ достаточно детально; большим объемом данных выделяются тетради экспедиции ЛГПИ им. А. И. Герцена

ского. На Устье особенно почитается св. Прокопий Устьянский. О земной жизни этого святого ничего не известно. Его нетленные мощи были обреты в XVII в. в реке Верюге, впадающей в Устье в Бестужево, в гробе, сплетенном из ивовых прутьев, стоящем на льдине, и с тех пор хранились попеременно в трех бестужевских церквях. Св. Прокопий Устьянский канонизирован в 1818 году, до этого он был местночтимым святым, мощи которого прославились целительной силой и угашением огня. Хотя Прокопьев день и не был престольным праздником, но с начала XIX века это был один из важнейших праздников в Бестужево (в этот день утром совершался молебен в храме и крестный ход с молебном на берегу Устья, а днем — крестный ход по всем бестужевским деревням). В 1939 году, по-видимому, после ареста священника и наиболее активно поддерживавших его местных жителей, три церкви Введенского прихода в Бестужево были разрушены, несмотря на длительное противостояние местного населения (которому официальные источники приписывали классовый характер), мощи св. Прокопия тайно сожжены в лесу. Говорят, что уцелевшие частицы мощей жители Бестужева хранят по домам.

Прокопьев день является одним из главных годовых праздников в Бестужево и Михалёвской (раньше относившейся к Верюжскому Введенскому приходу с центром в Бестужево) и считается в этих местах основным поминальным днем в году, которому по важности уступают все другие дни поминовения усопших. На Прокопьев день в Михалёвскую и Бестужево съезжаются родственники, люди семьями отправляются на кладбище, которое находится в Бестужево, там едят поминальную еду, затем поминки продолжаются в домах. Приехавшие навещают родственников и дарят им небольшие подарки (часто это что-нибудь сладкое). В Бестужево в этот день купаются в святом источнике, где по преданию явился образ св. Прокопия. В последние годы на Прокопьев день в Бестужево устраивается концерт и ярмарка. Почитание св. Прокопия Устьянского и празднование Прокопьева дня отмечено в Бестужево в 1958 г. экспедицией под руководством И. А. Попова.

В 2011—2016 гг. в Бестужево на средства общины выстроена деревянная Введенская церковь. В селе известен рассказ о чудесном выборе места постройки первой бестужевской церкви.

под руководством И. А. Попова, работавшей в Бестужево [МДАРЯ БСТ, № 752], Сабурове [Там же, № 753] и Орлове [Там же, № 755] летом 1958 года. Материалы ДАРЯ отражают речь людей 1860—1930-х гг. р., как правило, с начальным образованием или не учившихся в школе. Таким образом, А. В. Мымрина, которой в год экспедиции под руководством И. А. Попова было 36 лет, относится к поколению людей, речь которых нечасто, но все же фиксировалась в середине XX века по программе ДАРЯ собирателями, предпочитавшими более пожилых информантов.

1. **Вокализм.** Распределение аллофонов гласных фонем и чередования гласных фонем в говоре Михалёвской, как и в других севернорусских говорах, зависят прежде всего от *консонантно-го окружения* и в меньшей степени — от позиции по отношению к словесному ударению.

1.1. Под ударением различается пять фонем (МФШ): /a/, /o/, /e/, /i/, /y/. По фонетическим характеристикам аллофонов этих фонем говор Михалёвской не отличается от других севернорусских говоров. Некоторые особенности реализаций гласных фонем связаны с особенностями произносительного уклада; так, аллофоны /a/ на слух — упрежденные и слегка повышенного подъема. Звуки [ы] — верхнего подъема, их ряд варьирует от среднего до заднего, в соседстве с губными согласными [ы] приобретает огубленность (*бы^ʷи*).

Фонемы /e/ (после мягких перед твердыми согласными) и /o/ (после твердых) под ударением обычно представлены звуками среднего подъема [e], [o], реже — гласными верхне-среднего подъема [e̞], [o̞]. Различие [e] и [e̞], [o] и [o̞] есть различие произносительных вариантов, не связанное с этимологическими позициями; другие условия, влияющие на выбор вариантов фонем /e/ и /o/ среднего и повышенного подъ-

ема (консонантное окружение, структура слога, интонация и т. п.) мы не изучали, и поэтому ниже различие этих вариантов не обозначено.

Реализации фонемы /e/ под ударением перед твердыми согласными у старшего поколения жителей Михалёвской были проанализированы на слух В. Р. Жигульской и описаны в её курсовой работе; ею выявлены звукотипы [e], [e̞], оба возможны как на месте *ě, так и *e, *ь, а также крайне редко и только на месте *ě отмечен гласный верхнего подъема [i]: *хл'ип*. Эти данные совпадают с наблюдениями экспедиции под руководством И.А. Попова в селе Бестужево [МДАРЯ, БСТ № 752] и д. Сабурово [Там же № 753]. Гласные верхне-среднего и верхнего подъёмов [e̞], [i] на месте *ě перед твердыми согласными в Бестужево и Сабурове у говорящих 1860—1920-х гг. р. были отмечены чуть чаще (около 10% примеров), чем это отмечается в наши дни в Михалёвской у людей 1920-х гг. рождения и в частности у А. В. Мымриной [Жигульская 2014].

Между мягкими согласными фонема /e/ реализуется как [e̞]; верхне-средний подъем *e* нами не обозначается, так как повышение подъема в данной позиции имеет автоматический характер.⁴

1.2. В безударных слогах после твердых согласных представлено полное оканье. Аллофоны /o/ после твердых согласных в безударной позиции, как и под ударением, могут быть среднего или более высокого подъема, особенно в соседстве с губными: *булиб'ой*. Предударная /a/ перед губным сонантом может быть реализована как огубленный гласный: *дои́но* наряду с *даи́но*.

⁴ Ниже в транскрипции принят еще ряд упрощений. Не обозначена «шепелявость» мягких [с'], [з'], [ц'], апико-альвеолярный [l] обозначен как *л*.

В связи с оканьем отметим особенности в трактовке заимствованных основ с безударным начальным *a*: *Ол'оксáндpo*, в *Орхáнг'ел'с'к'е*, *Ол'бша*, *Ондр'ей* однако наряду с этим *Ал'екс'ей*. О безударных рефлексах **orT-* > *poT* типа *рост'ут*, *ровнó*, *росхóдам* см. раздел 2. Отметим также [o] < **ь(jь)* в безударном окончании им. ед. м. прилагательных: *мат'óрой*.

1.3. Фрагмент вокализма в позиции после мягких согласных отличается наибольшим своеобразием; при этом многие явления говора Михалёвской распространены на достаточно обширной территории. Поскольку такие системы описаны не достаточно, остановимся на этом фрагменте вокализма более подробно.

После мягких согласных независимо от ударения различаются фонемы /a/, /o/, /e/, /и/, /y/. В зависимости от твердости/мягкости следующего согласного чередуются гласные: [a] // [e] (на месте *a, *ε), [e] // [и] (на месте *ě), [o] // [e] (на месте *e, *ь). Фонологический статус чередующихся единиц (в рамках концепции Московской фонологической школы) определяется по-разному, ср. [Касаткин 2005], где эти чередования признаются чередованиями фонем; [Пожарицкая 2005], где они рассматриваются как чередования вариантов фонем. Отличительными чертами этих чередований в говоре Михалёвской являются: 1) их непоследовательный характер, так что в заметном числе примеров даже в речи старшего поколения можно наблюдать между мягкими согласными звуки [a] наряду с [e] на месте *a, *ε, [e] наряду с [и] на месте *ě, реже — [o] наряду с [e] на месте *e, *ь, часто в одной и той же словоформе; 2) большое число морфологических ограничений, т. е. морфологических позиций, прежде всего различных флексий и суффиксов, в которых эти чередования не реализу-

ются и представлены исключительно варианты, характерные для позиции перед твердыми согласными.

Ниже приведены примеры из речи А. В. Мымриной, характеризующие гласные неверхнего подъема в позиции после мягких согласных. Примеры сгруппированы по этимологическим гласным, характеру правого контекста, положению по отношению к ударению, морфологическим позициям.

1.3.1. Рефлексы *ě, *ъ > [e] (перед твердыми согласными) — под ударением: в основах *згор'élo* 3×, *згор'éла*, *остар'éw дóм*, *бол'éw* 2×, *овдов'éла*, *н'эту* 2×, *н'е йéм* 2×, *йéхат'* 2×, *йéхал'и*, *н'е пойéхав уш*, *пр'ийéхало*, *пр'ийéхала*, *-л'и*, *уйéхав* 2×, *-л'и*, *роз'ийéхал'ис'е*, *как сл'éдно* 'как следует', *л'эс*, *хл'éп* 2×, *хл'éб-от*, *с'н'эк*, *прош. отс'эк*, *д'эфка* 2×, *д'эвок-то*, *н'эмци*, *д'эдушко* 2×, *з'д'эдушом*, *н'ер'ед'элав*, *д'элат'*, 3 ед. *д'элат*, 3 ед. *ц'овó н'е д'элат вет'*, *д'элал'и*, *д'этоц'к'и*, *на стр'эту*, *н'е-в'эска*, *н'еуз'в'эсно*, *вин. ед. ж. ц'элу*; перед твердым шипящим: *йéш*, *йéшт'е*, *н'у-ко йéшт'е-ко*; перед долгим твердым шипящим: 1 ед. *прóйéжджу*, *прóйéжду*; *н'экому* 2×, *н'эдд'е*, *н'эпоштоо*⁵ 'незачем'; в окончаниях местоимений: *тв. ед. ц'эм*, *с' ц'эм-то* 2×, *нареч. зац'эм* (окончание *тв. п. -эм* < **-эть* у местоимения *что* — по аналогии с местоимением, основа которого оканчивается на твердый согласный: *т'эм*), *род. мн. фс'эх*; *тв. ед. м. с одн'эм*;

в предударной позиции: *н'есóк*, *н'еску́*, *ц'в'еты́*, *ц'в'етоóв*⁶, *в р'екү́*, *за*

⁵ Эмфатическое продление конечного безударного гласного, сопряженное с особым типом интонации.

⁶ Эмфатическое продление ударного гласного, связанное с особым типом фразовой интонации (высокий тон и долгота ударного гласного).

р'екóй, л'есовáw 'охотился', *л'есопу́нт* 4×, *в белору́с'ийу* 2×; перед твердыми шипящими *ш, ж*: *п'ешкóм* 3×, *з'б'ежáw* 2×; перед твердыми долгими шипящими *ждж/жж*: *пр'ийежджáло, пр'ийежджáйт, уйежжáйт*;

в заударной позиции: *в'ид'ела*.

*ě > [и], [е] (перед мягкими согласными) —

под ударением: *н'е стáну йúс', йúс'-то* 2×, *найэс'с'и* 2×, *йúз'д'иw* 9×, *йúз'д'ил'и* 2×, *с'йúз'д'и, уúд'ит'е фс'э, поúд'ош* 3×, *úд'ит'е, на м'úс'т'е, на м'úс'т'е-то, н'е пом'úс'т'ац'е, wм'úс'т'е* 4×, *м'úс'ец'и* 2×, *зам'út'ила* 2×, *в'ис'т', в'úс'т'и, н'е в'úс'т'и н'е нáв'ис'т'и, фс'о на с'в'út'е* 2×, *в'úйеwку* 'веялка', *на пов'út', на пов'út'е* 'поветь, сеновал', *в'úс'ац'ц'е* 'висят', *п'úс'т'ик'и* 3×, *п'úс'т'икоф* (какое-то съедобное растение), *в л'úс'е* 2×, *пос'л'úдн'а, пос'л'úдн'ей рáс* 2×, *посл'úдн'ей, на с'úн'е, сус'úд'а-та* 'соседняя', *р'úц'ка, стар'йúт, згор'úл'и, нал'ет'úл'и, з'д'úс', з'д'ес'* 2×, *фс'у н'ед'э-л'у* 2× (в рассказе о дяде), *н'ед'úл'у дóма н'э был'и* 2× (в рассказе о золовке), *на фстр'úц'у, на фстр'эц'у-ту, на фстр'эц'у, фстр'эт'иwс'е* (в четырех последних примерах имеется в виду встреча ветеранов войны; по-видимому, это слово в лексиконе АВ — из литературного языка или официального стиля, ср. у нее диалектную лексику *стрéта*: *на стр'эту в'ет'ерáноф*, — соответствующую «официальной» *встрéча*), *на фстр'эц'у-ту* (с сыном, взятым в армию), *в'эк'и прошл'и, д'эт'и* 3× (ср. [и] в этом корне в предупредительной позиции);

в предупредительной позиции: род. *з'в'и-р'йá, д'ит'эй-от-то н'эту, д'ит'эй н'эту, з'д'ит'ám'и* (ср. [е] под ударением в *д'эт'и*), *нац'ид'út; нац'ид'út'э, стр'ил'эл'и; йед'át-то, н'е фстр'ец'á-лас'е, фстр'ец'áйт* 4× (в двух последних примерах речь о встречах ветеранов войны; ср. выше *фстр'эц'у* и др. подобные под ударением; возможно,

традиционно в говоре существовала основа *с(т)ретать*, ср. *на стрéту*);

в заударной позиции: *в'ид'ел'и, фс'о на с'в'út'е н'ер'енав'ид'ел'и*, род. *нáв'ис'т'и*, сравн. ст. *побоуát'ей, побоуát'ейе*, ср. *побоуát'е* в конечной позиции, в результате стяжения.

Частица *ведь* [в'ет', в'ит', ит'] обычно безударна во фразе и входит в тактовую группу как энклитика или проклитика: *котóры в'ет' продафц'ám'и и поварá-м'и; в'ет' тáмок'и; у нáс в'ет'; óн в'ет' тákóй быw; ц'овó н'е д'элат вет'*; *да в'ит'это, топ'эр'е в'ет' б'еишабáшна в'ет' войнá, з'д'ер'эвн'и-то ит'* и т. п.

*ě > [е] (на конце слова) — под ударением: *гд'э, в'ез'д'э*, в том числе в окончаниях: им. мн. *фс'э* 3×, *он'э* 4×, *одн'э, д'в'э*, дат. *мн'э* 3×, *мн'э-то штó*, местн. *в Москв'э* 2×, *в Москф'э, фц'игун'э, ф Студ'ен'ц'э, корабл'э, ф Ц'ец'н'э* 3×; в одном примере, вне фразового акцента, [и]: им. мн. *фс'и*;

в заударной позиции: нареч. *пóсл'э* 3×, *пóсл'ее!*, *пóсл'э-то*, в одном примере [и]: *пóсл'и*; в суффиксе сравн. ст., возможно, в результате стяжения: *побоуát'е*; в окончаниях дат. ед. *корóв'е, П'эт'е, Вán'е* 3×, *мáт'ер'е*, местн. ед. *ф н'эц'к'ее!, ф кóрпус'е, wм'úс'т'е* 2×, *на м'úс'т'е-то, ф с'ер'ед'ин'е-то, ф Пуик'ин'е, ф кáдр'е, ф колхóз'е, на м'эл'н'иц'е, на ф'эрм'е, в М'úтр'ев'е, в Бесту́жсев'е, ф пól'е, фс'о на с'в'út'е, в л'úс'е* 2×, *ф ц'эркв'е!, ф купáл'е* 'купель', *в Л'эм'ен'д'е, на пáр'е, на ху́тор'е, в бумáг'е-то, в Орхáнг'ел'ск'е, в з'имóвоц'к'е, в бáн'к'е, в этоm Мурмáн-ск'е* 2×, *ф Квáz'ен'г'е*; приведенные примеры, в частности, показывают различие твердой и мягкой разновидностей I и II субстантивного склонения и выравнивание флексий мягкой разновидности склонения по твердой.

Неогубленный рефлекс «носового ятя» представлен под ударением на конце словоформы род.-вин. ед. ж. местоимения 3 лица *jeĵ: *иййэ, ийэ*; в без-

ударной позиции: род. ед. ж. *экое ц'ёр-кв'и; там гр'ит войны н'э было булш'ийе*.

Рефлекс [е] имеет «носовой ять» на конце нестяженных окончаний им.-вин. мн. полных прилагательных *-ујѣ: *как'іе 2×, как'іе-то 2×, так'іе 2×, эк'іе 2×, фс'ак'іије, там брацк'іе-то мог'ілы, свой родн'іије, різные, різные-то, котор'іије гороцк'іије, строг'іе-то, бестовк'ов'іије, жонат'іије*.

1.3.2. Рефлексы *е, *ь, *е, *ь > [о] (перед твердыми согласными) в основах — под ударением: (*е) *мат'оборо*, им. ед. м. *мат'оброй*, *дал'обко* 3×, *с'в'об'кър*, *п'ер'обт* (дома) 3×, нареч. *фп'ер'обот*, *пос'облок* 3×, *н'едал'обко*, *т'обта* 'тѣтя' 2×, (*ь) *л'обка*; после твердого шипящего: (*е) *ж жб'нами, жб'нка, жб'нка-та*; (*ь) *наш'ов*;

в предударной позиции: *е > [о], [е] — *йово* 11×, *йев'о, йовонна, ц'ово* 4×, *ц'ово-то*, *по ц'ово* 'за чем', *ц'об* (с выпадением интервокального w), *нец'ово* 3×, *н'ец'об* 2× 'ничего', *мойово* 2×, дат. ед. м. *мойому* 2×, *св'окр'офка* 2×, *с'остра* 4×, *с'емнац'ц'ет'и, ц'отыр'е* 5×, *студ'он'о*, нареч. *т'опло-то, т'опло*, повел. *хл'обай*, *нахл'обайс'с'е, войовал'и, войевал'и, ноц'овав*, *ц'олоэка, ц'елоэка, шес' ц'олоэк, мат'еруушчой*; в основе церковнославянского происхождения: *С'т'опан* 4×, вин. *С'т'опана-та*; после твердого шипящего: *жолудок, жонат'ийе, шост'о, шоснац'ц'ети* 2×, *шест'ово, шест'о*, перед твердым шипящим: *л'ожал'и*; перед [шч]/[ш:] в слове *еще* отмечены передние гласные, как правило [е] — *ешио, ешо, ешчо ешто*, реже [и], [ь], последние объясняются, по видимому, аллегровым произношением; во всяком случае, огубленное произношение или [а] не отмечены; перед *р* отмечен также [а] в следующих примерах: *фц'ар'а* 2×, *по в'ец'ар'офкам* 'посиделки, собрания молодежи' 2×, *в'ец'ар'овоц'к'и*, однако инф. *в'ец'ероват'*, ср. ниже о заударных [о], [е] перед *р*;

*ь > [о], [е]: *ум'орла* 4×, *ум'ерла* 4×, *с кр'остом* 2×, *д'оржалас'*, однако только [е] перед [ш:]: *окр'ешионой, кр'ешиона* 4×, *окр'ешиона* 2×, *н'екр'ешионы*.

в заударной позиции: в корнях [о] — *в'ец'ором, оз'оро*; (*ь) *ум'ор* 7×;

в суффиксах [о], [е] — *-en- > [он], редко [ен] (суффикс страдат. причастий прош. времени): *натопл'он, захорон'он, захорон'оны, дом стр'ойнонй до м'ен'а ишио, жон'оны, ран'он* 2×, *поран'он, ран'оной-от, ран'еных, ран'оных* 2×, *заповн'он*, им. ед. ср., род. ед. м. *крашоно*;

*-er- > [ер] (суффикс собирательных числительных): *п'ет'еро*;

*-ev- > [ов], [ев] ([еф]) (исконно — суффикс притяжательных прилагательных): *Протас'йовна, за Б'есту'жовы'м, из Б'есту'жевы, Протас'йовну, в М'итр'ово, ф Прокон'йев д'ен'-та, на Прокон'йефк'и-то* (перед мягким согласным в этом суффиксе произносится [е]: *Йаковл'ев'иц', Йаковл'ев'иц'-от, Протас'йев'иц', в М'итр'ев'е* 3×, *в Бесту'жев'е*);

*-ьк- > [ок] (после твердых шипящих): род. мн. *шышоок* (соцветие клевера), *кал'абашок* 'олады';

*-ььк-, *-ьзьк-, *-ьзьп- (суффиксы и последовательности с суффиксами) > [е], [о] независимо от качества следующего согласного: *лошец'ка* 'ложечка', *д'ен'ежну-ту, шан'ошк'и, шышоц'к'и*.

В тех морфологических и морфонологических позициях, где переход *е, *ь > о перед твердыми согласными отсутствует в русском языке, его нет и в говоре Михалёвской; это частица и приставка *не*: *н'е мама, н'е порато* и под., кроме того, *не*- как соответствие литературной частицы *ни*: *н'ехто* 2×, *нец'ово* 2×, *н'екому* 'никому', *н'е конц'а н'е крайу, н'е в'ис'т'и н'е нав'ис'т'и*; предлоги *без, перед, пере-, через*: *из Б'есту'жевы, п'ер'ежыто, п'ер'ежыла, п'ер'ежыов*; сочетания *ТьГ с твердым губным или заднеязычным ауслуа-

том: *ц'ёрква* 4×, *ц'ёрква-та*, *ц'ёркву* 2×, *ф ц'ёркву-ту*, *д'в'е ц'ёркв'у-то*, род. *ц'ёркв'у*, местн. *ц'ёркв'е*, им. мн. *ц'ёрквы-то*; в *д'ёр'сай* сохраняется и мягкость [р'].

Замечательной особенностью говора, как он отражен в идиолекте А. В. Мымириной, является [е] < *е перед твердым [w], отмеченное под ударением в глагольном корне *вед-* в форме прош. вр. м. р.: *пр'ив'эw*, *зав'эw* 2×. В предударной и заударной позициях [е] < *е перед твердыми согласными (отсутствие ёканья) наблюдается также в корнях других тематических глаголов: *п'екл'а*, *н'е п'еку́*, *в'еду́т*, *пов'еду́т*, в том числе в форме повел. *пов'ез'ай домо́й* 'вези', *заб'еру́с'е*, *вы́в'елос'*, что известно как особенность костромских и отдельных вологодских говоров, см. [ДАРЯ I, карта 4].

*е, *ь > [е] (перед мягкими согласными) в основах — под ударением: *е > [е] *ф н'эц'к'ее!* («эмфатическое» продление заударного гласного, связанное с особым типом фразовой интонации), род. *п'эц'к'и*, на *м'эл'н'иц'е нам'эл'ом*, *в'эц'ором*, *с'эм'д'ис'ет*, *шэс'*, 3 ед. *иэс'* 4×, *ушч'эл'я*, *ис'ц'эл'л'и*, *вдр'эб'езг'и*, из *Б'ер'эз'н'ика*, по *ран'эн'иу*, *т'ен'эр'* 3×, *т'ен'эр'а*, *топ'эр'*, *топ'эр'а*, *топ'эр'е* 10×; *ь > [е]: *в'эс'*, *от'эц'* 4×, *кон'эц'*, *п'эит'е*, *п'эит'е-ко* 3×, *кон'эика*, в корнях структуры *ГьГ с мягким ауслутом: *с'эри'а*; после твердого шипящего: *божэств'енны* 'верующие, крещенные'; в корне *-де-*, видимо, *е: *п'ер'еод'э-н'иц'ц'е*, ср. у А. Н. Суворовой 1925 г. р.: 2 ед. *д'ов'аис'с'и*. *е > [о] после шипящего перед мягким, по-видимому, в результате выравнивания состава корня: *жбн'оны*;

в предударной позиции: *е > [е] — инф. *п'екц'и-то*, прош. *п'ек'л'и́*, 3 ед. *нап'ек'от* 2×, *гребл'и́*, *зав'ел'и́*, *роз'в'ел'и́* *козл'ух-то*, *ув'ел'и́*, *ув'ед'и́* 'приведи', *н'е пр'ив'ед'и́ уосп'от'*, *пр'ив'ез'л'и́* 3×, *нав'ез'л'и́*, *ув'ез'л'и́* 2×, *пр'ин'ес'ом*, *м'ен'а́* 6×, у *м'ен'а́*, *теб'а́* 3×, из

Б'ер'эз'н'ика, *п'ер'от* 'жилая («летняя») часть дома', *фп'ер'от* нареч. 'перед тем, до того', 3 ед. *пос'ел'ацц'е*, *с'ем'и́а*, *з'емл'а-та*, *з'емл'ак*, *под д'ев'аткой*, *д'ев'аносто*, *т'ен'эр'а*, *т'ен'эр'*, *нал'е-т'ил'и́*; *шес'т'ид'ес'ет'и́*;

*ь > [е] перед мягким согласным: *в'ез'д'э́*, *кр'ес'т'ит*, *кр'ес'т'ит*, *кр'ес'т'ил'и́* 3×, *кр'ес'т'и́вс'е*; слово с неясным вокализмом (*е или *ь): *д'ер'эвн'а* 7×;

в заударной позиции: *е > [е] в корнях — *вы́в'ел'ис'*, дат. *ма́т'ер'е*, *ь > [е] *у́м'ер'л'и*, а также *ко́р'ен'*, *па́р'ен'-от*, *па́р'ен'*, *о́ц'ен'*; ср. [е] в заимствованных основах: в *Орха́нг'ел'ск'е*, в *Л'эм'ен'д'е*, *ф Кв'аз'ен'г'е*; [и] в аллегорической форме числительного: *во́с'ум'ис'ьт*;

в суффиксах — **-telь* > [т'ел'] [т'ил']: *пр'етс'ед'ат'ел'* 3×, *пр'ед'ат'ел'ство*, *уц'ит'ел'е'ом*, *уц'ит'ел'ом* 2×, *пр'ед'ат'ил'и́*;

**-ev-ьsk-* > [ес'к]: *М'итрес'ка*; однако [и] в форме мн. ч. *м'итр'иуцц'и́* (жители деревни *М'итр'ес'ка* — плотники, в давние времена строившие дом, в котором жила А. В. Мымирина) 3×;

*-[ен'к]- (суффикс диминутивов): *ма́л'ен'ка*, *ма́л'ен'к'и*, *ста́р'ен'ка-та*, *П'эт'ен'ка*, *Га́л'ен'ка*, после твердых шипящих: *М'и́шан'ка*, *Ол'о́шан'ку*.

*е, *ь в окончаниях.

Чередования, свидетельствующие о сохранении старой системы перехода *е > [о] перед твердыми согласными при *е > [е] перед мягкими, последовательно представлены на месте **тематического *е** в окончаниях презенса глаголов I спряжения. Тематический *е переходил в [о] перед твердыми согласными в формах 3 ед. **-еть* и 1 мн. **-еть* невозвратных глаголов; в форме 2 ед. **-еши* > **-еъ* гласный [о] перед отшедшим [ш], вероятно, объясняется аналогией с формами 3 ед. и 1 мн. **Под ударением:** 2 ед. *ус'н'оши*, *р'в'оши* 2×, *нар'в'ош да*, 3 ед. *жыв'от* 2×, *н'е рос'т'от*, *нап'ек'от*, 1 мн. *нар'в'ом*, *натовк'ом*, *пр'ин'ес'ом*; **в заударной позиции** **-еть* > [от],

крайне редко [eɪ]: 2 ед. *копáйош*, *по-ид'ош* 2× 'поедешь', *знáйош*, *вы'мойош*, 3 ед. *мóжот* 2×, *мóжет* («слабоударное» во фразе вводное слово), с выпадением интервокального ж: *моот* 'может', *затопл'ейот*, *поминáёт*, *бúд'от*, *робóтайот*, *ум'рáйош* 2×, *стáн'от* 2×, *бáйош-то* 'говорит', 1 мн. *нам'ёл'ом*.

Часть примеров названных форм презенса от глаголов на *-ать/-ает* составляют словоформы с выпавшим *j* и ассимиляцией тематического гласного гласному суффикса (**-ajetъ > (ajom > aam)*): 2 ед. *знааш* 2×; *здúмааш*, 3 ед. *робóтаат* 2×; ср. *Корабл'и знааш идúт ёво по мор'у-ту; Шúра гул'áйош*. — *А как гул'áат?* — *А тák с одн'ём войённым гул'áйош*; и формы со стяжением (**-ajetъ > at*): 2 ед. *дúмаш*, *ты знáш скоко мы зарáбливал'и товды?*, 3 ед. *голодóбка што н'и д'элат*; 1 мн. *н'е знáм*.

Перед мягкими согласными тематический **e* находится в формах презенса возвратных глаголов I спряжения: под ударением — 2 ед. *с'м'ийёс'с'е*, 3 ед. *лек'ёц'ц'е*; в окончании 1 мн. презенса возвратных глаголов I спряжения, где тематический гласный находится перед кластером *мс'*, по-видимому, [e] обобщается по аналогии с возвратными формами 2 ед. и 3 ед. презенса: *спас'ёмс'е* 2×.

В безударном положении перед мягкими тематический **e > [и]* — нестандартное фонетическое развитие **e*, представленное 1) в формах 2 ед., 3 ед., 1 мн. возвратных глаголов: 2 ед. *нахл'обáис'с'е*, *остáн'ис'с'е*, 3 ед. *провал'ё-иц'ц'е-то*, *гл'ён'ицц'е* 2×, *смóицц'е* 'уплывет по реке' (лес), *п'ер'еод'ё-н'ицц'ц'е*, 2) в формах 2 мн.: с колонным наосновным ударением — *н'е в'идá-ит'е*, *здúмаит'е*, *ид'ит'е* 'едете', и в предударной позиции у глаголов с подвижным ударением: *н'ес'ит'е*, *пройд'ит'е*, ср. выше о таком же развитии **e* в окончании род. ед. ж. *иййё*, суффиксе *-ев-*: *м'итр'ици'и*. Изоглосса **e > [и]*

перед мягкими в глагольных флексиях охватывает бóльшую часть северо-восточных русских говоров [ДАРЯ II, карта 85].

В **именных окончаниях** на месте развитие **e*, **ь* также достаточно последовательно представлены [o] перед твердыми, [e] перед мягкими согласными.

*e, **ь > [o]*, редко [e] перед твердыми согласными в именных окончаниях.

*-ego > [ово], редко [ево] (окончание род.-вин. м.-ср. ед. ч. местоимений), в предударной позиции: *йовó* 3×, *йóо*, *йёвó*, *йёво* (вне фразового акцента), *н'иц'овó* 2×, *ц'овó* 4×, *ц'овó-то* 2×, *н'иц'óо*, *фс'овó* 2×, *твойóвó*, в заударной позиции: *váшово*, с выпадением *v*: *с тр'ёт'йóо*;

*-ети > [ому] (окончание дат. м.-ср. ед. ч. местоимений), в предударной позиции: *йомó*, *ко свойóмó*;

*-евъ > [оф] (окончание род. мн. существительных) *мужйóф*; *укрáин'-ц'óф* 2×;

*-ьть > [ом] (окончание тв. ед. существительных II склонения; отверждение конечного *m* относится ко времени до действия правила ёканья); под ударением: *продафц'óм*; в заударной позиции: *пóл'ом*, *уц'ит'ел'е'ом* (слабая огубленность), *уц'ит'ел'ом* 2×, *взáмужом*.

*e, **ь* перед мягкими согласными в большинстве именных окончаний дали [e], и только в окончании им. ед. м. прилагательных представлен [o] в силу морфологической аналогии. Обратим внимание на окончание тв. ед. существительных I склонения с мягкими основами *-ей/*: *з'емл'ей* (Л. С. Ожигина); в тексте, произнесенном А. В. Мырминой, это окончание встретилось только в безударной позиции.

В окончании род. ед. ж. местоимения 3 лица в безударном положении произносится [и], ср. то же в окончании глаголов I спряжения.

*-ьй > [ой] (окончание им. ед. м. прилагательных после основ на мягкие

и исконно мягкие): в заударной позиции — *ф пос'л'идн'ей рас, хорошой, ма-терюушчой*;

*-ьѣ > [ей] (окончание им. ед. м. местоимения *сей*): под ударением — нареч. *с'ейгот* 'в этом году'; ср. также вторичную форму *с'эдн'и* 'сегодня';

*-ьѣ > [ей] (окончание род. мн. существительных муж. рода с основами на мягкий): под ударением — *д'ит'ей-от-то нѣту, рубл'ей, м'ис'еу'ей, друз'ей-то, в заударной позиции — *кѡн'ей, товѡр'ишишей*;*

*-еѣ > [ей] (окончание косвенных падежей прилагательных и местоимений ж. рода): *йей*;

*-еѣ > [ей] (окончание тв. ед. существительных I склонения): в заударной позиции — *с Нѡд'ей, уц'ит'ел'н'иц'ей, Боуорѡд'иц'ей*;

*-еѣ > [ийѣ] (окончание род. ед. ж. местоимения 3 лица и конечный гласный притяжательного местоимения 3 л. ж. р.): *ийей, ийѣ* (ср. выше о гласных на месте тематического *е в окончаниях глаголов).

*е > [о] или [е] на конце слова, на первый взгляд, зависит от морфологической позиции. Гласный [о] после мягких согласных — завершителей основ представлен в тех окончаниях, в алломорфах которых он встречается и после твердых завершителей основ.

*-е > [о] (окончание им.-вин. ед. существительных II склонения ср. рода): под ударением — *кос'йѡ*; в заударной позиции — *кѡдѡб'ишиѡ* 2×; *на здорѡвѡ*;

*-е > [о] (окончание им.-вин. ср. ед. ч. местоимений): под ударением — *фс'ѡ* 9×, *свойѡ* 2×; в заударной позиции — *нѡшо*;

*-оѣ > [ойо], реже [ойе] (окончание им.-вин. ед. ср. прилагательных): *бул'ишѡ, какѡйѡ, какѡйѡ-то, там ѡз'оро йѣс' болиѡйѡ, фс'ѡ*; *Какѡйѣ тѡжо уи лѣтше*; *Какѡйѣ стѡ*; с выпадением *j*: *бол'шѡ, ф Плѡскоѡ*, со стяжением: *бол'шѡ, крѡшноѡ*;

*-еѣ > [ойо] (окончание им.-вин. ед. ср. прилагательных), с выпадением интервокального *j*: *по гор'уц'ѡѡ* 'за горячим', со стяжением: *гор'уц'ѡ*.

Кроме того, конечный [о] из *е представлен в частице *же* (в составе частицы *тоже*; тем не менее [е] в составе частицы *даже*) и в наречии *ещѣ*: *тѡжо* 17×; *дѡже* 2×; *иш'ѡ, еишѡ, ешѡ, еишѡ*.

На месте конечного *е представлен неогубленный гласный [е] в тех формах, в которых отсутствует аналогическая поддержка со стороны алломорфов окончаний с [о] после твердых завершителей основы:

*-те > [т'е] (окончание 2 мн.): *хѡт'ит'е, йѣит'е, нѣ-ко йѣит'е-ко, затѡн-ц'ит'е* 2×, *подѡйт'е-ко, пѡт'т'е-ко, поглѡит'е, н'е в'идѡит'е, накѡрм'ит'е роб'ѡт-то попѡйт'е!*; *здѡствѡйт'е*;

*-е > [е] (окончание им. мн. старых основ на согласный): *однополц'ѡн'е, ц'ѡтыр'е* 2×.

Особое место занимает суффикс сравнительной степени *-(ѣ)-е > [ше]: *рѡнше* 6×, *бѡлше* 12× (со «средним» *l* в результате отвердения перед *ш*: *бѡлше*), *стѡрше, т'ише, хѣже, лѣтше* 2×. В говоре имеются его алломорфы *-ейѣ* (-ей, -е) и *-айѣ*, оба из **-ѣѣ*; условия распределения алломорфов суффикса сравн. степени в говоре пока не выяснены. Вероятно взаимовлияние фонетического состава алломорфов.

Приведенные примеры допускают фонетическое объяснение конечных [е] и [о] из *е в говоре Михалѣвской: [е] представлен после исконно твердых согласных (окончания 2 мн. -*т'е*, им. мн. -*е* словоформ типа *крѣстьяне*; ср. также ниже формы возвратного постфикса -*с'е*); [о] — после исконно мягких. Исключением является [е] в некоторых алломорфах суффикса компаратива.

Прочие случаи. [е] представлен в указательном элементе *ѣ*:- *ѣтѡт, ѣт'и, ѣво* 'вот; здесь', *ѣвѡн* 'вон', *ѣтта* 'здесь', *ѣкой* 'вот какой, вот такой': *п'ер'ѡт*

экой мат'брой, эко 'вот как', эстол'ко 'столько, вот столько', ср. [Сколько лет этому дому, сто?] *Какое сто! Ми'э уш эстол'ко стан'ов'ицц'е!*; *йá подро'ском бы'лá ешто эво, эка* (я подростком была еше вот, такая вот).

В заимствованных основах перед твердым согласным после мягких и шипящих [е]: *конф'эты-то, рул'эт-от ли как ли*; род. ед. *кл'эв'еру, кл'эв'ерны ш'ишк'и* 2×; *в'ербов'ал'и; курсы бра-х'ер'оф, бра'х'ером* 'бракер' (на лесозаготовках), перед мягким: *ф Кв'аз'ен'ге*; в заимствовании из стандартного языка: *од'эжджу*; после шипящих [о]: *ф ш'ом-ношу, ф ш'о'ношу* 'небольшое пространство между стенами и печью'; ср. также звукоподражательное по происхождению *ош'брнут* 'отереть, обмахнуть тряпкой'. Конечная безударная фонема /e/ факультативно представлена в наречии *теперь/топерь*: *т'еп'эр' 3×, т'еп'эр'а, топ'эр'е 3×*.

1.3.3. *а, *е перед твердыми согласными в основах: под ударением [а] — *роб'атам, роб'ата-т'е, под д'е-в'аткой, пр'им'ало, пол'акоф, однопол-ц'ан, з'емл'ак, фс'ако*; после твердого шипящего: *обр'е'ж'алас', бож'атка* 'крестная мать' 2×, *пож'алуи*; после долгой глухой твердой /ш/: *возраш'ив-с'и* 'возвращался'; в предударной позиции [а], [е]: *пл'ес'ал'и, пл'ас'ат', в Д'ак'ос'кой* (название деревни) 2×, перед твердым шипящим [е] — *обр'е-ж'алас'*, после твердого шипящего [а]: *жар'а; в заударной позиции* [е]: *нац'ев, п'он'ев, с'эм'д'ис'ет*;

*а, *е перед мягким согласным в основах: под ударением [е], [а] — *оп'эт', полуц'эйут, отправл'эйут* 2×, инф. *затопл'эт'* (печь), 3 ед. *затопл'эйот* (печь), 3 ед. *провал'эйцц'е-то*, прош. *стой'эл'и, гон'эли, стр'ил'эл'и*, 3 ед. *гул'айот* 2×, *гул'аат* 'изменяет мужу'; *гл'эн'ицц'е* 'нравится' 2×, *с пр'ес'н'и-ц'ам'и* 'прялка' 2×, *пр'ал'и-а, ут'эн'от, бр'ухо нам'эт* 'наестся'; *вз'эл'и 3×,*

вз'эл'и, вз'эл'и, п'эт'еро, фс'ак'ийе, ц'ай-от 3×, д'ад'а С'т'опан, д'ад'а К'ол'а 3×, вин. д'ад'у-ту, д'ад'ушка, вин. д'эд'ушку 'дядюшку'; слова «официального» языка с [а]: *нац'ал'сво-то; нац'ал'н'иком*; в следующих примерах из рассказа о встрече ветеранов [а]: *од-нопол'ц'ан'ин, фстр'еу'ал'и-то, стр'е-ц'ал'и-то, фстр'еу'айут-то эт'и п'ион-эры-то, п'ион'эры хорош'о фстр'е-ц'айут*; после твердого шипящего [а]: *л'ож'ал'и; в предударной позиции* [е], [а] — *пл'ес'ат', нан'ел'ас'е, ср'ед'и'вс'е, с'н'ел'ис', йац'м'эн'*; в заударной позиции [е]: *м'ис'еу' 2×; тр'ицц'ет' 5×, двацц'ет' 3×, извор'ц'ел'и, нац'ел'и, с'ем'нацц'ет'и 3×, шос'нацц'ет'и 2×; аллегр'овое произношение числительного: в'с'им'ис'ьт*;

*е на конце слова: *сэ > [е], крайне редко [и] (возвратная частица, восходящая к форме вин. ед. возвратного местоимения *сэ) — *пом'ис'т'ац'е, в'и-с'ацц'е, провал'эйцц'е-то, пос'ел'ацц'е, см'ошцц'е* (лес), *кр'ес'т'и'вс'е 2×, род'и'вс'е, вы'мы'вс'е, най'ес'с'и 3×, н'е фстр'еу'ал'ас'е, устр'оил'ис'е, д'эт'и-то ост'ал'ис'е кот'оры ост'ал'ис'е ж'ывы да фс'о, образов'авс'е, он'э роз'й'ехал-ис'е, ост'авс'е, п'ер'еод'эн'ицц'е, ост'ан'ис'с'е, пот'ер'авс'е, ост'авс'е, в'ыуц'и'вс'е, пот'ер'авс'е, уц'ицц'е*.

На месте конечного *е в формах им.-вин. ед. существительных типа *время* представлен гласный [о], по-видимому, по аналогии с окончаниями им.-вин. ед. существительных ср. рода, имеющих основы на мягкий согласный: *вр'эм'о* (род. *вр'эм'ен'и*), *в'им'о*, по аналогии с *п'ол'о*.

В следующих окончаниях на месте *а, *е представлен [а]:

*-эть > [а] (окончание 3 мн. глаголов II спряжения) независимо от фонетического контекста или возвратности/невозвратности: *бомб'ат, хор'он'ат 2×, напра'в'ат, окулацц'ат, пос'ел'ацц'е, в'и-с'ацц'е, пом'ис'т'ац'е*;

*-'a > [a] (окончания род.-вин. личных местоимений, им. ед. существительных I склонения, род.-вин. сущ. II склонения): у *мн'á*, *м'ен'á*, *т'еб'á*; *Нáс'т'а*, *бáн'а*, *пáр'н'а*, у *оу'ц'á*, *д'áд'а Кóл'а* 3×;

*-'aja > [ájа]: *какáйа*, с выпадением *j*: *какáа*, *т'óплаа*, со стяжением: *пос'л'úдн'а*;

*-'axъ > [ax] (окончание местн. мн. существительных, после мягких): *на кóн'ax* 3×;

*-'ami > [ам'и] (окончание тв. мн. существительных, после мягких): *с куд-р'ám'и*, *с сыновíám'и*, *з дит'ám'и*, *корабл'ám'и*, *продафц'ám'и*, *з гос'т'úн'и'ц'ам'и-то*;

[-им'а], [-ем'а] (окончание тв. мн. указательных и определительных местоимений, собирательных числительных; завершител *мя* — по-видимому, по аналогии с формой тв. п. числительных *двумя*, *тремя*, *четырьмя*): *эт'им'а кул'úгам'и* 'этими ямами' (от разрывов снарядов), *эт'им'а*, *фс'ó двоím'а*, *с úм'á*.

2. **Консонантизм** архаичной разновидности говора д. Михалёвской включает следующие фонемы: губные /б/, /б'/, /п/, /п'/, /в/, /в'/, /ф/, /м/, /м'/, дентальные /д/, /д'/, /т/, /т'/, /з/, /з'/, /с/, /с'/, /ц/, /н/, /н'/, /л/, /л'/, переднеязычные /р/, /р'/, /ж/, /ш/, /ш'/, /жж/, /шч/, среднеязычную /j/, заднеязычные /г/, /к/, /г'/, /х/. Система консонантизма говора типична для вологодских и большей части поморских говоров; подобные системы подробно описаны, см. [Касаткина 1981; Касаткин 1999; Князев 1991], поэтому ниже даем ее краткую характеристику.

Парными по **твердости/мягкости** являются фонемы /б/, /б'/, /п/, /п'/, /в/, /в'/, /м/, /м'/, /д/, /д'/, /т/, /т'/, /з/, /з'/, /с/, /с'/, /н/, /н'/, /л/, /л'/, /р/, /р'/. Парность губных по твердости/мягкости доказывается наличием мягких губных, противопоставленных твердым на конце слова: *сем'*, *постáф'*, *Прокóп'úеф*, *тáм*, *н'е úем* и т. п. — и свидетельствует о «восточнорусском» типе консонантизма.

Образование твердых и мягких согласных в говоре, о котором мы судим исключительно на основании слухового анализа, отличается известными чрезвычайно яркими особенностями. Твердые являются невелиаризованными, за исключением, по-видимому, позиции перед [ы] заднего ряда. Палатализованность губных, заднеязычных и [р'] может быть сильной или слабой; палатализованность дентальных очень сильная. Твердые согласные дентального ряда имеют апиго-альвеолярную артикуляцию. Мягкие /т'/, /д'/ реализуются взрывными сильно палатализованными [т'], [д'] (без фрикативной конечной фазы), однако в сочетаниях /с'т'/ фрикативная фаза обычно присутствует (*с'ц'енá*, *с'ц'енá*, реже *с'т'енá*). Мягкие альвеолярные /с'/, /з'/, а также /ц'/ (см. ниже) у подавляющего большинства информантов старшего и среднего поколения, в том числе у А. В. Мыриной, обычно имеют отчетливо выраженное «шепелявое» произношение [с''], [з''], [ц'']. Репрезентанты /н'/, /л'/ сильной палатализованностью напоминают [н'], [л'] в сербохорватском. Интервокальные реализации /л'/ (перед [и]?) в некоторых случаях не отличимы от [й] (*с'м'úúúуис''*).

Фонема /л/ перед гласными переднего ряда реализуется в альвеолярном [l] («среднем», или «европейском»): *láна*, *úтúше*, на конце слова и перед согласным — [w]. Однако в словах официального языка перед согласным возможен [l]: *кóхóс*, *однопол'ц'úн'е* и даже *однопол'ц'úн'е*; *сowдáты* наряду с *сowдáты*.

Фонемы /в/, /в'/ представлены губногубными шумными звуками [β], [β'], перед звонкими согласными губногубными сонантами [w], [w'], на конце слова и перед глухими согласными — глухими губногубными [φ], [φ']. Губногубные фрикативные — звуки слабой артикуляции и часто утрачиваются

в интервокальной позиции: *отпрати́л'и* 'отправили', род. ед. мн. *этоо*. Перед глухими [ф] утрачивается регулярно: *Д'акос'кой* (деревня Дьяковская).

Мягкая аффриката /ц'/ в архаичной разновидности говора представлена в позициях «первой», «второй» и «третьей» палатализаций *k: соответственно *ц'евó, ц'элой, м'ис'еиц'*, на месте сочетаний *tj: *куиц'а, *kt: ноиц'иу*, а также в завершителе инфинитивов тематических глаголов с корнями на к, г: *пекци'и*, в завершителе возвратных форм 3 л.: *пос'ел'аиц'и* и инф. *бойаиц'и*. Системы с /ц'/ такого происхождения получили название «мягкое цоканье»⁷. У А. В. Мыриной и других информантов фонема /ц'/ представлена рядом достаточно хорошо различимых на слух вариантов, нестрого распределенных в зависимости от правого контекста: перед [и], как правило, она представлена «нешепелявым» мягким [ц'] (*ц'ид'ит', ц'исто*), хотя, гораздо реже, встречается и «шепелявое» произношение [ц''] в этой позиции; перед другими гласными, перед согласными и на конце слова обычно выступает «шепелявый» [ц''] (*отец'', оиц'а, фстр'еиц'аиут, и'ифиц'а* 'целка, стержень катушки в ткацком челноке'), при этом перед согласными этот звук обычно производит впечатление «шепелявого», палатализованного слабее, чем перед гласными (*наицну*).

Фонема /γ/ представлена в нескольких корнях, представляющих собой заимствования из церковнославянского: *γоспóт', γоспод'и, побора́т'е, боγорóд'иц'а* и некоторых других.

Противопоставление согласных по **глухости/звонкости** сопровождается противопоставлением по напряженности/

ненапряженности артикуляции, ср. [Касаткин 2005]. Глухие являются напряженными, звонкие — ненапряженными. Напряженность глухих проявляется, в частности, в придыхательности, особенно заметной на слух у губных: [п^hиw] и под., в регулярном оглушении следующего за глухим сонорного согласного, полном или частичном: *Москфа́, пр'ишów, ила, сл'ет* и под. Ненапряженность звонких проявляется в факультативном выпадении интервокальных звонких, часто сопровождающемся ассимиляцией гласных: *наа* 'надо', *моот* 'может', утратой смычки и заменой смычки щелевой артикуляцией: *йэтоц'к'и* 'деточки'.

3. Из особенностей исторической фонетики и морфонологии отметим: (1) развитие *orT > роT (под праслав. «нисходящим» ударением и в безударной позиции): *робóтаw, робóтаиу, робóта, рóб'ила, рóб'ил'и*, им. мн. *роб'ата*; вин. мн. *роб'ат-то, рóс'т'ил'и, рóст'ут, болишóво рóсту; рóвно, фс'ó роино́, в приставке *orz-: а дети по рóсходáм уш топéр'е*, ср. также неологизм *розды́бурды́* 'неряшливо одетый, неотёсанный человек, деревенщина': *Ой, йа... з' д'эдуишом йéхат' дак пожа́луй на стр'эту в'ет'ерáноф, там éтих как мы́ розды́бурды́! Там с кудр'ам'и да и, йéс'т' вет' котóрыйе гороц'к'ийе дак зня́юш какийе! А итó мы, нам рóб'ит' на́до-то!*

(2) Невыпадение гласного в приставке и предлоге *съ, *къ, вопреки правилу Гавлека: *соход'ит, ко свойóму*.

(3) В *кoрп'и́ва* 'крапива', род. *кoрп'и́вн'иц'и* 'суп, варево из крапивы', скорее всего, метатеза *o* и *p* (< *kropiva; однако в славянских языках чаще встречаются рефлексy *kopriva [Фасмер III: 366]).

(4) Удвоение согласного в *ра́нно*; в суффиксах, содержащих *n*, удвоение не отмечено.

⁷ В говоре Михалевской у *i*-глаголов с корнями на *(V)l в форме I л. ед. ч. основа заканчивается на [г']: *кат'у, плат'у, зам'э-т'у*; однако у глаголов на *st одна оканчивается на твердый [шч]: *рошч'у, прошч'у*.

(5) Сохранение твердости основы перед суффиксами, начинающимися с *и*: *мамын подбѡв, водѡцы'ки*.

(6) Обобщение глухого согласного в некоторых основах: *лѡшец'ка, нѡкот', кѡкот'*.

А. В. Тер-Аванесова

Системы аффрикат в говоре д. Михалѣвская⁸

Во время экспедиции летом 2016 г. в д. Михалѣвская перед нами стояла задача изучения изменений в системе аффрикат в говоре: перехода от первоначальной системы с неразличением свистящей и шипящей аффрикат к их различению. Здесь будут изложены предварительные результаты этого исследования, основанные на анализе речи 7 информантов 1922—1960 гг. р., на материале «Корпуса говоров бассейна Устья» [Корпус], см. о нем выше статью П. Н. Казаковой, Н. Р. Добрушиной и М. А. Даниэля. Для анализа были выбраны реализации фонем на месте орфографических «ц» и «ч» перед гласными, перед сонорными и заднеязычными согласными. Были исключены вхождения словоформы «хочешь», если она реализуется как [хош], и вхождения, содержащие сочетание букв *чн*, в соответствии с которым произнесено [шн] (*коне[шн]о, сердце[шн]ый* и т. п., всего около половины вхождений с *чн*, в остальных случаях произносится [ц'н] или [ч'н]). Всего проанализировано 945 вхождений из [Корпус], к ним добавлены примеры из еще не вошедших в корпус записей речи двух информантов.

1. В середине XX в. в говорах Средней Устья господствовала система мягкого цоканья: с одной мягкой свистя-

щей аффрикатой /ц'/ в соответствии с аффрикатами /ч'/ и /ц/ современного русского литературного языка [Пожирицкая 2005: 219; Касаткин 2005: 262; ДАРЯ I, карты 45—47]⁹. Мягкое цоканье исконно для говоров этой территории, но на данный момент оно последовательно сохраняется лишь в речи старейших жителей деревни 1920—1930-х гг. р.

У двух информанток — А. В. Мыриной (1922—2015) и А. Н. Суворовой (1925 г. р.) мягкая свистящая аффриката /ц'/ в большинстве случаев реализуется палатализованными свистящими звуками с шипящим оттенком — [ц'']: *ули[ц'']е, молоде[ц'']*, *вин[ц'']о, [ц'']еркви, клю[ц'']*, *[ц'']асов, у[ц'']ителя, козо[ц'']ки*. В русской диалектологии такие звуки иногда называют «шепелявыми» [Касаткин 2005: 262]. По предварительным данным, «шепелявое» произношение палатализованного *ц* является в среднем и старшем поколении жителей Михалѣвской наиболее распространенным. «Шепелявость» [ц''], по-видимому, объясняется альвео-палатальным местом образования (см. сайт «Фонетика русских диалектов»: <http://dialect.philol.msu.ru>). В говоре альвеолярное место образования свойственно, помимо /ц'/, также звукам на месте фонем /т/, /д/, /н/, /л/ (перед гласными непереднего ряда), /с/, /з/ и их мягких пар, а все мягкие свистящие фонемы обычно реализуются в «шепелявых» звуках: [с''], [з''], [ц''].

⁹ В 1958 г. по программе ДАРЯ в Бестужево опрошены 8 женщин 1869—1898 гг. р., в Сабурове — 11 женщин 1881—1915 гг. р., в Орлове — 8 женщин 1881—1900 гг. р. с начальным образованием или не учившихся в школе [МДАРЯ БСТ, №№ 752, 753, 755]. Таким образом, по году рождения и уровню образования самые молодые информанты, опрошенные по программе ДАРЯ в 1958 г., близки к нашим информантам самого старшего возраста — 1920-х гг. р.

⁸ Исследование осуществлено в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2016 году.

Необходимо отметить следующие позиционные особенности реализации фонемы /ц'/ у старших жителей деревни: перед [и] наблюдаются звуки, почти лишенные шепелявости: [ц']исто, ов[ц']и, наряду с более редким [ц'']исто, ов[ц'']и; перед согласным (в наших примерах [н], [к], [к']) обычно это менее палатализованный «шепелявый» звук: ко-не[ц'']но.

У отдельных информантов старшего и среднего возраста встречается и «нешепалявое», чисто свистящее произношение палатализованных фрикативных и аффрикаты. По-видимому, оно объясняется индивидуальными особенностями артикуляции согласных. В старшем поколении такой тип произношения был характерен только для П. Ф. Пушкиной (1928—2015).

2. В речи лиц 1940—1950 г. р. начинается формироваться система с различием двух аффрикат по образцу системы литературного языка. По-видимому, в какой-то период своей жизни, скорее всего, в молодости, представители этого поколения сознательно стремились перейти к различению двух аффрикат в своей речи. По словам Л. С. Ожигиной (1941 г. р., 4 класса образования), она стала произносить звук [ц] (твердый), «чтобы люди лучше понимали». Необходимо дальнейший сбор «метаязыковых высказываний» людей этого поколения, чтобы понять, в какой период жизни они стали усваивать новое произношение, что послужило для этого толчком и на какие образцы они ориентировались (фильмы, радиопередачи, речь собственных детей-школьников, речь образованных односельчан, городская речь и т. п.).

В целом для этого поколения характерна вариативность произношения в соответствии как с лит. *ц*, так и с лит. *ч*; при этом наиболее распространенной, а у отдельных говорящих — абсолютно последовательно реализованной являет-

ся переходная для говора система с различием твердой и мягкой свистящих аффрикат. В речи людей этого поколения в соответствии с лит. *ч* обычно представлена фонема /ц'/, реализациями которой являются палатализованные «шепелявые» звуки типа [ц''] (однако изредка в отдельных словах фиксируется и «новая» мягкая шипящая аффриката /ч'/). В соответствии с лит. *ц* выступает фонема /ц/, реализованная чаще всего невелиаризованными апикоальвеолярными звуками типа [ц], на слух более или менее отличающимися от литературного [ц] как «менее твердые», иногда — как звуки с ослабленной смычкой (однако изредка в соответствии с лит. *ц* фиксируются и велиаризованный зубной [ц], и — в качестве остатков старой системы — мягкие шепелявые аффрикаты типа [ц'']; шипящие типа [ч'] не отмечены). Таким образом, в этой переходной, встречающейся лишь у лиц определенного возраста и, по-видимому, не обещающей быть долговечной системе с различием двух свистящих аффрикат мягкая /ц'/ в соответствии с лит. /ч'/ сохраняет исконное для говора произношение мягкой аффрикаты, а твердая /ц/ в соответствии с лит. /ц/ формируется как апикоальвеолярная невелиаризованная фонема наподобие /т/, /д/, /с/, /з/, /н/, /л/.

В речи Л. С. Ожигиной 1941 г. р. «переходная система» сосуществует с исконной системой с неразличением аффрикат. В соответствии с лит. *ч* представлены фонемы /ц'/ (< *k по I палатализации, *kt, *tj): *ц''етыр'е, ис'ц'эзло, ц''ишиона, д'эвоц''ка, д'эвоц''к'и, иголоц''ка, кр'иноц''ки, с''еу''ас, потуц''ас, ц''орт, лиу'иwc''е, выскоц''ила, скүц''но, ц''евó, н'иц''евó-то, до ц''ó, н'иц''ó, н'эч''аа йиc''*, *нац''алác*, 1 ед. *помоц''у, тоц''но, врац''ám'и*, вин. ед. *доц''ер'*, *ф n'еу''э-то, ноц''owála, дац''а*, им. мн. *пл'эц''а, короц''е, н'е отв'иц''áат, Вас'íl'иц''*, *нац''áл'н'иц''ком; /ч'/: ч'үн-*

к'и (санки) 2×; *карточ'к'и* (хлебные). В соответствии с лит. *ц* представлены твердая (невеляризованная) /ц/: (< *k по III палатализации) в *бол'н'ице* 2×, в *бол'н'ицу*, *от'ец* 3×, *от'ец-то*, *оцá*, *оцóм*, с *оцóм-то*, *оцóва*, *мед'в'ид'ица*, *гр'ешн'ица*, *м'ес'ицоф*, *кон'ец*; и мягкая («шепелявая») /ц'/ в той же этимологической позиции: (род. *ул'иц'и*, им. мн. *п'я́н'иц'и*, *п'я́н'иц'-то*, им. ед. *кор'м'я́л'ец'-то*). Такое же варьирование представлено в некоторых позициях ассимиляции согласных: в числительных *два́ц':ет'* 2×, *два́ц'.эт'*, *двац'.áтоо*, *шесна́ц'.эт'*; однако в глагольных формах только [ц']: 3 ед. *зан'има́иц':е*, *смóришц':е*, *явля'аиц':е*, инф. *дав'иц':е*, *одды́шц':е*.

У Л. Г. Пушкиной 1947 г.р. и Г. В. Пушкиной 1949 г.р. можно наблюдать достаточно последовательную систему с различием твердой и мягкой свистящих аффрикат: они произносят *пти[ц]у*, *оте[ц]*, [ц]иклон, [ц]вет, но *не[ц']*, *у[ц']илась*, [ц']ашка, *о[ц']ки*.

И. П. Мырнин 1956 г.р. (сын А. В. Мырриной) в соответствии с лит. *ц* уже последовательно произносит твердый [ц], а в соответствии с лит. *ч* в речи информанта варьируют мягкие шипящие и шепелявые свистящие звуки («новое» произношение конкурирует с исконным для говора). Так, на месте литературного *ч* может произноситься мягкий шипящий [ч']: *ди[ч']*, *о[ч']ках*, *[ч']етвёртый*; переходная от [ц'] к [ч'] сильно палатализованная свистяще-шипящая аффриката (в нашем обозначении [ц^ч]): [ц^ч']*ерез*, *Ру[ц^ч']ард*, *до[ц^ч']* (этот вариант преобладает над всеми остальными реализациями); свистящий «шепелявый» [ц^ш']: [ц^ш']*еловек*, *но[ц^ш']и*, [ц^ш']*асы*; а также вариант с ослабленной смычкой ([ч^ш']): *лаво[ч^ш']ке*. Последний способ артикуляции релевантен, так как при реализации фонемы /ц/ варианты с ослабленной смычкой ([ц^с]) в речи информанта весьма частотны: *оте[ц^с]*,

мото[ц^с]икл, *больни[ц^с]у* (около четверти от всех реализаций); преобладающей является литературная реализация: *яй-[ц]а*, *ли[ц]ензио*, *комсомоле[ц]*, [ц]ентр.

3. Носители говора 1960-х гг. р. и младше демонстрируют систему двух аффрикат, практически не отличающуюся от литературной. В речи Н. Н. Тарбаевой 1960 г. р. наблюдается противопоставление веляризованного зубного [ц] и [ч']: *сей[ч']ас*, *не[ч']ёт*, *до[ч']ка*, *тыся[ч']*; *тепли[ц]а*, *ове[ц]*, *ули[ц]е*, [ц]ентрифуга.

Таким образом, в речи жителей Михалёвской разных поколений отражены исконная система с одной мягкой свистящей аффрикатой («мягкое цоканье»), новая для говора система с твердой свистящей и мягкой шипящей аффрикатой, практически не отличимая от системы русского литературного языка, и переходная система с различием мягкой и твердой свистящих аффрикат. Последняя в речи отдельных говорящих сосуществует с исконной либо с новой системой, что зависит от степени освоения говорящим нового («литературного») произношения. Материал из д. Михалёвская интересен тем, что позволяет наблюдать, как стандартная система с различием двух аффрикат усваивалась носителями говора с мягким цоканьем. Говорящие 1940-х — 1950-х г. рождения попытались перейти на эту систему в сознательном возрасте, отталкиваясь от усвоенной ими в детстве исконной системы с мягким цоканьем, свойственной поколению их родителей. По-видимому, при усвоении новой системы с различием двух аффрикат в первую очередь закрепляется твердое произношение [ц] в соответствии с лит. *ц* (оно встречается уже у лиц 1940-х гг. р.), тогда как последовательное произношение шипящего [ч'] в соответствии с лит. *ч* формируется лишь у лиц конца 1950-х гг. р.

Н. А. Григорьева

Образцы говора деревни Михалёвская

А. В. Мымрина. 1. (О доме и месте жительства.) Оой, дóm стрóйеной до м'ен'а ешио, и н'е зная́ иа́, как'ие-то м'итр'ифц'и́ рание́ стрóил'и, давно́, в'ит' это́ уи в'эк'и прошл'и́. М'итр'ифц'и́, бывало́ М'итрес'ка там йес' дак, м'итр'ифц'и́ рание́ стрóил'и з'д'ес' домá. Оой, дал'око за Б'есту́-жовы́м, та́мок'и л'есопу́нт йес', наш раийо́н. Фс'о́ нашо. (Давно ли Вы в нем живёте?) Иа́-та? А н'е зная́ ф какóм году́-ту Ва́н'а, мно́го л'и Ва́н'е годо́ф, с этакой ... мо́жет ц'ут' ста́рше. Мно́го л'и Ва́н'е годо́ф? У мн'а Ва́н'е топ'ер'е мно́го л'и годо́ф уи? Óколо шес'т'ид'ес'ет'и бл'иско. Та́к, та́к, мн'е сто́л'ко годо́ф иа́ жыву́. У мн'а ишио до́ц'ка была́, сын быг у́м'ор, молодóй то́жо сын у́м'ор, Та́н'а была́ вот с'едн'и н'ев'еска эта́йа, ис Плос-ково, она уц'ит'ел'е́м робóтайот, ов-дов'ела то́жо, с сыновья́м'и, до́ц'ка пр'ийэхала, в Орхánг'ел'ск'е робóтаат уц'ит'ел'н'иц'ей да. Свои́х мно́го пр'и-ийэхало. (Кто жил в этом доме до Вас?) Да́к жы́л'и, д'еду́шко да ба́бушка мойи́ жы́л'и! Д'еду́шко да ба́бушка, фс'и́ жы́л'и. П'ет'а попра́в'иш, п'ер'ед'елав йево, о́стар'е́в дóm быг, дак п'ер'е-ста́в'иш. А та́м п'ер'от мат'еру́шчой, попра́в'ид' бы, да т'еп'ер' та́к фс'о́ и б'уд'от.

Да́, хтó гд'е жы́в'от! А ва́м в Москв'е до́бро гл'ен'иц'и́е? А род'ина отку́да? То́жо в Москв'е? Ну да хоро-шо́ как в Москв'е-то на м'ис'т'е-то! До́бро-до́бро! Ну мы́ н'е зна́м какá Москвá дак! (Почему Вы никогда не ездили в Москву?) А за́ц'ём пойд'ош, н'епои́штоо! (Почему Вы не ездили с мужем на встречу ветеранов войны?) Ой, иа... з' д'еду́шко́м и́ехат' дак по-жа́луй на стр'ету́ в'ет'ерáноф, там е́т'их как мы́ розды́бурды́! Там с куд-ра́м'и да и, йес'т' вет' котóры́е го-

роц'к'ийе дак зная́ош какийе! А и́то мы, нам рóб'ит' на́до-то! Ф колхóз'е рóб'ит' на́до-то на́м! На́до тут п'ен'з'и́а зарáбливад' бы́в.

2. (Украинцы.) Ой, фс'о́ в'идáл'и, и укра́ин'ц'оф бывáло, нав'ез'л'и́, это́, Укра́ину пр'ив'ез'л'и́. Оой, да в'ит' это́ и́то иа́, подро́ском была́, подро́стоц'-ком. К на́м-то, ф п'ер'од-от, п'ер'от ёкой мат'óрой дак, да зи.. морóз-от, а каг б'утто какийе-то пр'идáт'ел'и он'е. Да пр'ив'ез'л'и́ одна́-то жéнка ро-жа́ла! Да у на́с-то мы́-то в з'имóв..., иа́ то́жо запóмл'ила в з'имóвоц'к'е жы́л'и. Да́к ба́бушка это́ н'е ма́ма а ба́бушка была́, дак ф ио́мношу закрó-йот та́мок'и гд'е т'опло́-то бы́ло да фс'о́ да род'и́ла-то то́л'ко и́то. А мой-от та́тка-та и́из'д'иш, па́па-та по и́их и́из'д'иш. На кóн'ах на па́р'е да фс'о́. Н'е зная́ пои́то их в'ербо́вал'и фс'эх укра́ин'ц'оф. И е́тта, у на́с ху́тор быг мат'еру́шчой, пос'о́лок, пос'л'е уи кол-хóс образо́вác'е. И так он'е роз'ийэха-лис'е и́то... на м'ис'т'е фс'о́ зна́ш. Та́м у и́их ы кла́дб'ишио сво́йó бы́ло, иа́ по́мн'у и, и скóт быг, коро́ф кор'м'ил'и и, и порос'áт кор'м'ил'и, фс'о́ бы́ло! (Они потом уехали, больше там не живут?) А хтó-то уйэхав, хтó-то н'е уйе́хав, пос'л'е-то с'т'и́хло-то, фс'о́ бы́ло! Хтó-то о́ста́вс'е з'д'ис'. Хтó-то и т'еп'ер' тут з'д'ис' жы́в'от. Да́, то т'еп'ер' фс'о́ укра́ин'ц'и! До́вно в'ет' это́ д'ело́, еи́то иа́ подро́ском была́ дак. Н'иково́ н'ету́. Укра́ин'ц'и фс'е́ в'ив'е-л'ис', котóры ак уйэхал'и, котóры... до́вно в'ет' это́ д'ело́, давно́! Йес' хот' ёко, мн'е уи д'ев'анóсто годо́ф! А то иа́ ы́ичо подро́ском была́ дак каки́ тут укра́ин'ц'и-т'и! Д'ет'и-то о́ста́л'ис'е котóры о́ста́л'ис' жы́вы да фс'о́. Пос'л'е котóры на робóту устро́ил'и-с'е, котóры в'ет' и прода́фц'áм'и и повара́м'и фс'е. Это́ устро́ивайу́ц'и́е. Онé ста́л'и топ'ер'е как ы мы́ ста́л'и. Не́ц'ево́ н'е зная́ пои́то и́их евакуиро-вал'и то́жо. Вот н'е зная́, как врод'е

пр'едат'ел'ство йих. (Когда привезли сюда украинцев?) Дó войны, задóвого до войны. Козлúх за собóй в'едúт, тоды украин'ц'и и роз'в'ел'и козлúх-то пр'ив'ез'л'и. У нас н'е было козлúх, йá под'рóском была ешто ёво, ёка. А пос'óлок там быв на Вёр'ус'ком быв. Там óз'оро фс'ó, а ётта на хúтор'е ётта жыв пос'óлок, колхóзы образовáвс'е там топ'ёр'е, был'и срáзу, а ц'áс н'и-ц'овó, фс'ó выкур'илос'. Фс'ó в'ыв'елос', фс'ó. Котóры уй'ехал'и, котóры ум'ер'л'и, котóры нáш, вот. Фс'е стар'ийут! (Как они попали к вам в пер'ёд?) Да пошто, нáа куды-то устанáвл'иват', пр'ий'ехал'и, в'ет' дал'óко й'ехат'-то! Там й'ехал'и Вóлогда, мál'ен'к'и й'е-тоц'к'и й'ес' ешто! А у нас п'ер'óт натопл'он, студ'онó!

3. (Как дядю и золовку забрали на гражданскую войну.) Это йá давно, н'е запóмл'ила йá ешто. Мáма ешто д'е-мушкой была. Дак в М'итр'ев'е там гд'е-то, бáйут што н'ёмц'и был'и дак гон'ели мужыкóф тóжо. Там гд'е-то стр'ил'ел'и да, рán'ил'и да увоз'ил'и да. А у нас ётоо н'иц'ó н'е было. Н'едал'óко ётта! Н'е знáйу как ы скóзат'! Йá н'е в'идáла, по насл'ышкáм ц'уйу. Слышу как бáйут, а тák ниц'ó н'е слышу. Н'е в'идáла, кабы йá в'ид'ела, а не в'идáла дак как йá скажý как н'е в'идáла!

Д'áд'а С'т'опáн у нас бывáло, ёто война-та была, гд'е-то война-та н'е у нас а в М'итр'ев'е ёто гд'е-то, бáйут што, а йих-то тóжо и забрал'и. [...] Óн и з'б'ежáв! Из ár'м'иш тут с войны-то!

[И. П. Мымрин:] Ак мáма у нас ишо и д'из'ирт'иры йес'?

[А. В. Мымрина:] А?

[И. П. Мымрин:] Иишо и д'из'ирт'иры йес'?

[Диалектологи: Ваня шутит!]

Нý-ко т'ише Вán'а! И мáма, ёто мн'е мáма говáр'ивала. Йá гр'ит с'ижý да тку, рáние ит' ткáл'и сáм'и. А бá-

бушка-та рáно ум'ерлá, а д'едушко с'ид'ид да С'т'опáна-та вз'áл'и д'áд'у-ту в ár'м'ишу, йовó. А нáша-та Нáс'-т'а, Пёт'е-то с'острá, мойóму Пёт'е с'острá — ф подвóды провод'ил'и в М'итр'ово по гор'уц'оо, рáние, з бóц'-кой, а ийе забрал'и там на войну, рán'е-ных отвоз'ит'! Рán'оных отвоз'ит', ёто мн'е Нáст'а говáр'ивала, ёто н'е Нáст'а говáр'ивала, золóфка. А тýt пр'ий'ехала уш, ну, д'едушко ну кáк вам ц'овó скáзат', она д'эфкой была еишо дак, уш Нáс'-т'а давнó ум'орлá дак. (Долго Настя была на войне?) Да, ц'ёлу говр'ит н'ед'ил'у забрал'и, Ф'ит'ийка д'ед'ушку, д'áд'ушка роднóй ётта однодóмц'и дак забрал'и.

А тáм-то, д'áд'ушко нáшово забрал'и, д'áд'у-т С'т'опáна, молодóй ешто пáр'ен', а подрушка остáлас' в Д'акóс'-кой тóжо в Б'естýжсов'е. В Д'акóс'-кой-то он познакóм'ишс'е с подрушкой, йовó на войну-ту вз'áл'и, óн и з'б'ежáв тáмок'и! А тр'и cowдáта и пр'ишлó говр'ит, мáмка говр'ит йа тку сижý, пр'ихо... «З'д'ес' С'т'опáн Протáс'йев'иц' жыв'од» — «Дá, з'д'ес'. — Д'едушко дóма быв. — А ц'ó, што нýжно?» — «А óн за... з'б'ежáв у нас из ár'м'иш! С' войны з'б'ежáв. Дак гд'е нат'т'и?» — «Под'и-ко, Нáс'-т'а в Д'акóс'-кой! Д'ер'евн'а тут сус'ид'а-та. Ево в Бестýжев'е-та, под'и-ко тáм у подрушк'и нав'ёрно, он тáм тр'и ноц'и уш у ийе ноц'овáв». Пр'ив'ёв йовó, да по в'ец'арóфкáм стáл'и ход'ит' — рáние с пр'ес'н'иц'áм'и ход'ил'и. Дак фс'у н'ед'ёл'у гр'ит мáмка ход'ил'и ётта п'йáн... п'уровáл'и! Пл'есáл'и да п'ил'и да. Вот ёт'и красноар'м'ейц'и был'и. Какáя рáние война была ёка, как'ие уш... н'е знáйу йá какáя, ёто йá по насл'ышкáм. Йовó пр'ишл'и — шпóры-то гр'ит в ёт'их ф сапогáх-то да, ёт'и, стрóг'ие-то так'ие. Он в'ет' такой быв — «О! Здáствуйт'е!» Он пл'асáт' быв л'ебо зап'евáт'-то дак óо! Он: «С'т'опáн Протáс'йев'иц'», —

«Сад'іс', пожа́луста», — он с йім'а фс'у н'ед'ел'у и п'иров'а́w, по в'ец'а-ро́фкам г д'эфкам ход'іw. Так и йово́ и ув'ел'і́, на войну́!

Во́т война́ кака́а была́, іа́ и н'е зна́йу што́ за война́. В Мі́тр'ев'е, на́ша На́с'-т'а мн'е гова́р'увала, іа́-та, н'е зна́йу, а золо́фка мн'е гова́р'увала. Провод'іw от'ец'у́ говор'ит там да д'ед'ушка Ф'ет'і́йка, на ко́н'ах з бо́ц'кам'и ц'ово́-то там гор'у́ц'о како́йо-то. Не зна́йу по ц'ово́ ешо́ сказа́вала тоу́ды пр'и-в'ез'л'і́. А на́з гр'ит за́брал'и, ра́н'оних отвоз'і́т'! Дак н'ед'і́л'у до́ма н'е бы-л'и гр'ит'!

Фс'а́ко, фс'а́ко по́жыл'и, іа́-то е́тоо н'е жы́ла дак н'е зна́йу. А е́ка-то война́ н'е да́й бо́х, н'еко́му топ'ер' е́к'ие-то войны́-то! Топ'ер'е в'ет' б'ешиа́бина в'ет' война́. Топ'ер'е н'е да́й у́спод'и, н'е пр'ив'ед'і́ у́спот' бо́х молоды́м л'уо́'ам. Е́во, е́во б'і́уц'і́е, ц'ово́ на́до, а? Е́стол'ко наро́ду ун'іста́жыва́йут. Вот іа́-та и говор'у́-ту. Ро́б'ил'и да ро́б'ил'и бы. В'ід'иши што́ тво́р'иц'і́е-то! А коп'е́йка в'ідно́ на́до л'и што́ л'и. Из-за коп'е́йк'и б'і́уц'і́е в'ідно́.

4. (О священнике и о церкви.) (Где раньше крестили детей?) А ф ц'еркв'е! А по́п ста́н'от с кр'остом ход'і́т' ео́, Прес'в'е́таа Боу́ро́д'иц'а ста́н'от с кр'остом ход'і́т' дак и кр'ес'т'а́т! Уна́с посл'і́дн'е́й го́т Ка́т'у кр'ес'т'і́-л'и, шес' ц'оло́ек' их кр'ес'т'і́л'и ф купа́л'е. По́п ход'і́w ба́т'ушко. Ба́т'уш-ко бы́w | висо́кой тако́й, о́wдов'е́w ра́инно. Боро́да́ е́ека́йа, к на́шому д'е-ду́шкы фс'о́ ход'і́w Протас'і́у. У йово́ гоор'ит о́дн'а ко́мнатка н'ебу́лиа́йа, ну по́п од'і́н жы́w дак, кра́ишо́ гт ну ра́нше кра́ишо́ ьт' н'иц'о́о н'е было. С'т'оп'а́н Протас'і́ew ув'ед'і́ Протас'і́-йовну хот' ц'в'еты́ ошо́рнут'. Ц'в'е-то́ow гр'ит мно́го, попа́д'іа́-то ра́нно ум'ерла́. Вот, а йово́ по́сл'е за́брал'и о́кула́ц'ил'и, попо́ф-то, и ц'еркву ро-з'ор'і́л'и, ц'ерква́ тако́йа у на́с, ц'ер-кв'и-то д'в'е́ дак, по м'і́ру е́кое ц'ер-

кв'и н'е на́т'т'і́, по м'і́ру н'е на́т'т'і́! Во́т, кака́ ц'ерква́ у на́с-то была́-та, ка́к'і́е ц'ерквы-то! Оо́й, ц'ерква-та была́ дак! Да к'і́р'п'і́ц'на-та да, как ф ц'еркву-ту за́йд'о́ш, туда́ висо́ко-то да, ма́т'ору́шча-та, наро́ду-ту най́д'о́т іа́-то по́мн'у, за по́бл д'оржа́лас' ма́-мын фс'о́! (Церковь в 1930-м году разрушили?) Ц'о́о ба́йот-то? Н'ет' ы́шио ц'ерква́ была́! С кол'кóво го́ду-ту у на́с-то, Ма́н'ка-та? С тр'і́ц'і́ц'ет' фторо́во? С тр'і́ц'і́ц'ет' фторо́во го́ду? С тр'і́ц'і́-ц'ет' фторо́во го́ду ц'еркву розор'і́л'и. Іа́ окр'еши́о́на, у м'ен'а бра́т Ол'о́ша окр'еши́о́ной, т'о́та Ду́с'а окр'еши́о́на йово́нна с'о́стра, а вот Ка́т'а уш н'е кр'еши́о́на вот ко́тора з'д'ес', ф Сту-д'ен'ц'і́е жы́в'о́т. Та́ уш фс'о́, н'екр'еши́о́на, по́па за́брал'и, куто́рых окула́-ц'ил'и, ко́торы́ — ко́с'і́т, хто побо-уа́т'е жы́в'о́т. Дак ко́с'і́вкы за́в'е́w, да в'і́йа́wкы за́в'е́w, йово́ и окула́ц'ат он'ет' возму́т. В'ід'иши што́ твор'і́-лос'-то то́жо бы́ло-то? Оо́й, фс'а́ко бы́ло в'ет'!

5. (О раскулаченных.) (Куда увозили раскулаченных?) А н'еиз'в'е́сно куда́! (Они вернулись потом?) Н'ет', н'ехто́ н'е возра́іа́wс'е. (Письма они писали?) Не́ц'о́wо́ н'е п'иса́w н'ехто́. Па́ша Фа́н-коф бы́w, окула́ц'ил'и йово́, с'ем'іа́ бу́л-ша́йа а ешо́ п'ет'еро́ роб'а́т, іе́о оста́-ил'и в ба́н'к'е, т'о́плаа ба́н'а была́, как побог'а́т'ей жы́в'о́т знаа́ш. Роб'ота́ат хоро́шо дак побог'а́т'е́е в'ет' жы́в'о́т! Иі́е в ба́н'кы за́крыл'и, иі́е окула́ц'ил'и. Ету́, кварт'і́ру ув'ез'л'і́ ф Пло́скоо, Ва́н'а ты по́мн'иши кварт'і́ру-ту, Па́шы Фа́нкова, с'ел'сов'е́том она́ была́ ешио́ тут? Вот мы и пл'еса́т' ход'і́л'и ешто́ быва́ло к'і́йім, ма́л'ен'к'и в'ец'а-ро́воц'к'и дак, пр'ин'ес'о́м ка́л'аба́шок нап'ек'о́т ма́т' ил'и хто́ дак, іе́й, роб'а́т-то л'у́дно. Ну а по́сл'е она́ пас-тухо́м нан'елас'е́ ход'і́ла, так и ис'-ц'ез'л'и, бра́та́ны Па́ша Фа́нков да О́ндр'е́й Фа́нков, бра́та́ны. Неиз'в'е́сно гд'е́. (Кого в баньке закрыли?) Во́т она́

в б́ан'к'е и жы́ла, с роб'атам'и да, мý ход'ыл'и в'ец'еровáд' да! С пр'ес'н'и-ц'ам'и да пр'áл'и-а. Фс'áко жы́л'и йá-то п'ер'ежы́ла дак н'е зная́-ко хтó ё́стол'ко п'ер'ежы́в.

6. (О брате, погибшем на войне.) Ол'ó-ша-та сын-от. А от Ол'óшы н'ико́о у тáтк'и н'е было, д'эфк'и одн'е, пáр'н'а уб'ыл'и двáц'ц'ет' шестóо гóду. Уб'ыл'и, од'ин и йес'т' сын, ц'оты́р'е д'эфк'и, а вóт у мойовó у оц'ц'á, мойовó брáта уб'ыл'и двáц'ц'ет' шостóо гóду. С'емнáц'ц'ет'и годóф в войнóу вз'ел'и, с'емнáц'ц'ет'и годóф тоwdы, набóр, вз'ел'и, так мнóгого уб'ито! ёт'их, как поткос'ыл'и-то фс'эх дак, ну-ко еиши с'емнáц'ц'ет'и годóф! Ак тáтка-та у нас-то пр'ишów с войнó-то, рáн'оной-от, дак йá и кáк запóмл'ила: ну гр'ит какóй-от Ол'óша у мн'á гр'ит войáка? Йá гр'ит под Лен'ингáрдоm бýв дак, тóл'ко гр'ит на кúстах кúсты в'ис'ац'ц'е, а уш мáмушку да тáтушку вóп'ит. Дак какóй гр'ит Ол'óша шоснáц'ц'ет'и годóф, какóй войáка шеснáц'ц'ет'и годóф подóмай ты а? В'ел'ика л'и онá войáка шоснáц'ц'ет'и годóф? Тáк и тýт. Ол'óшан'ку у нас отпáрил'и, wнóго друз'ей-то з д'ер'евн'и-то ит' мнóго тогды́ д'ер'евн'и-то пówны бы-л'и, бы́ло п'ис'мó гр'ит тáтушко да мáмушка, а тáтку-ту по прóпуску дак пускáл'и, на фстр'е́ц'у-ту з гóс'т'ин'ц'ам'и-то п'ер'едáт'-ту, в войнó-ту, в Гр'áзофц'е. Ак йовó, м'ен'á гр'ит тут остáв'ил'и уц'и́ц'ц'е на коман'-д'ира, а мойих товáр'ишией отпáрил'и на п'ер'едовóйу. А пóсл'е-то как самол'óты-то нал'ет'ыл'и дак ёт'их сов-дáткoф отпáрил'и, дак ётот Зарóбин у нас жы́в'от ф Пúшк'ин'е тáм жы́w как рáс, дак гоор'ит как нáц'ел'и бомб'ит'-то дак, в др'еб'езг'и в'ес', вóт гр'ит т'еб'е ёт'и солдáт'ик'и! А Ол'óша-та тáм остáwс'е, а пóсл'е-то на п'ер'едовóйу там отпáв'ил'и, на коман'д'ира вóуц'иwс'е отпáв'ил'и — фс'ó, н'е в'ис'т'и н'е пáв'ис'т'и.

Л. С. Ожигина. (Грехи и адские муки.)
А согрешы́ла — говор'ит «гр'ешная, прос'т'и м'ен'а уóспод'и!» А комарá уб'ей, дак фс'е сл'ит'áт! (Что-что?) Комарá уб'ей — а сóрог гр'ехóф сл'е-тáйт! А двá комара дак вóс'им'с'ет гр'ехóф! А в'ет' вóс'им'с'ет гр'ехóф бвало у т'еá и н'ету! Ты бáба жéнишына хорóшайа. А вот тáм дýша т'áшко согр'ешы́ла, из ызбы в ызбу в'ес'т'и п'ер'енос'ила. Вот гр'ех бул'шóй. Тáм дýша т'áшко согр'ешы́ла, в утрóб'е д'ит'á затушы́ла. Ну дáв'ат, в'ет' тó обóрт л'и итó л'и, кáк л'и. Вот тóжо сáмоe. (Это какое-то стихотворение?) Ёто н'е с'т'ихотвор'ени́ю! Вот у нас-то бывáло мужы́к нашóл дво́йникóф в'яташишyw из р'ик'и. В м'ешк'е. Вот какáйа-то и согр'ешы́ла! А согр'ешы́ла — у нас бы́ла [...] А тóжо, ид'от утром, на ф'ёрму — фс'ó, нóс'ит, а назáфтр'е пр'ид'ет как ц'и́шиона м'ейева! Рóд'ит, да ун'етáйт, брóс'ит, как кот'онка, это прáвда, это прáвда, это ис'т'ина. [...] Ета-та бáба тóжо гр'ееш'ица. М'ед'ик-то на иййе по мóйему гр'ехóф-то н'ет итo она н'е воз'н'ика́ла: а л'ешой с тобóй, как хóц'ош! А уш ёта-то, уш нав'ёрно тáм, ёдак ф смол'е - óй т'áшко! Ф смол'е прив'áжут ёво ёдак, на кóл'асó, а смолá кип'ит! (Куда прив'яжут?) Кол'асó бол'и́ушишо как м'ёл'-н'иц'но, в адó ёто говор'у! А прив'áжут ёдак зá рук'и да зá ног'и, а кол'есó кру́т'ицц'е! Кру́т'ицц'е т'ихóн'ко, а рóжой-то как умóц'ит в ёту, ф смóлу-ту в гор'áишуйу-ту, а нóс'л'и ногáм'и! А ёта, рóжа-та в'ыкур'н'от дак «Наштó м'ен'а мáт'и род'ила!» — р'ев'ит ётот пр'естýпн'ик-от. Да оп'ет' туды! (Выкурнет?) Дак в'ит' обóрот-то! В'ыкурн'от, а оп'ет' ф смóлу! Надóйд'от, и оп'ет' ф смóлу! Ис смолы́-то оп'ет' в'ыкурн'от! Ак оп'ет' «Наштó м'ен'а мáт'и род'ила!» Ак ты бл'ат' н'е д'елáй тáк-то! Это в адó. (Вы читали об этом?) Н'ет, н'е ц'итáла, это прáвда. Это слы́шал'и оп'ет' зá тó

старух'и-то у м'ен'а б'вало Йѣф'имовна б'вало фс'о роск'азывла. (Ваша мать?) Н'ѣт, это б'бушка мой'а роск'азывала вот што н'е н'до гр'еши'т', б'бы. Роб'ат в'ет' й'ѣс'и туй'ат.

*Расшифровка текстов
А. В. Тер-Аванесовой*

Говор Юрьевоцкого района Ивановской области¹⁰

В июле 2015 г. диалектологическая экспедиция ИРЯ РАН в составе сотрудников отдела диалектологии и лингвогеографии И. И. Исаева, С. В. Дьяченко и А. В. Малышевой обследовала несколько населенных пунктов в трех районах Ивановской области: с. Соболево и д. Юрьево Юрьевоцкого района, д. Семигорье Вичугского района и с. Благовещенье Лухского района. На многих картах ДАРЯ территория вокруг г. Юрьевца представлена белым пятном (см. например, выпуск 2, карты 7, 43, 49, 85, 90, 93), т. е. здесь не был собран материал для описания ряда фонетических и грамматических явлений по программе ДАРЯ. Говор Юрьевоцкого района имеет архаические черты, в частности в области консонантизма, не отмеченные в других обследованных районах, поэтому далее мы сосредоточимся на описании именно этого говора.

Село Соболево и деревня Юрьево находятся в непосредственной близости (Соболево — в 7 км, Юрьево — в 10 км) от г. Юрьевца. Это территория северо-восточной части среднерусских говоров (Городецкая подгруппа) [Захарова, Орлова 1970: 345—385], пограничная с Костромской группой северного наречия (в XIX в. Юрьевоцкий

уезд относился к Костромской губернии). В конце сороковых годов XX в. началось строительство Горьковской ГЭС, и в течение 1954—1957 г. было наполнено Горьковское водохранилище, вследствие чего часть г. Юрьевца и множество окрестных деревень оказались под водой. Местные жители, в том числе потомки переселенцев из зоны затопления, говорят об этом мало и неохотно. Традиционная культура в значительной степени утрачена: информанты рассказывают о тяжелой работе в колхозе, но нам удалось собрать лишь очень скудные сведения о праздниках, одежде, выпечке, не услышали мы также быличек, рассказов о суевериях и т. д.

В с. Соболево опрошено три человека: Хренова Валентина Васильевна (1937, образование среднее специальное на базе 7 кл., род. в с. Соболево; далее ВВХ), Кузьмина Лидия Александровна (1938, 4 кл., род. в д. Плющиха в 4 км от Соболева; далее ЛАК), Нестерова Вера Михайловна (1937, 4 кл., род. в д. Дорки в 12 км от Соболева). В д. Юрьево сделаны записи от пяти человек: Иванова Нина Александровна (1933, 4 кл., род. в д. Аристиха, далее НАИ) в диалоге с сестрой Карповой Галиной Александровной (1942), Кондракова Лидия Николаевна (1935, 4 кл.) также в диалоге с сестрой Соловьевой Галиной Николаевной (1942; родители переехали в Юрьево из д. Остафьево, которая оказалась в зоне затопления), Рябкова Нина Алексеевна (1933 г., 3 кл., род. в д. Аристиха).

Фонетика

Анализ фонетики проводился на основании аудиозаписей от двух информантов (ВВХ и ЛАК) общей протяженностью около трёх часов. Примеры даются в упрощенной фонетической транскрипции без обозначения мягкости парных по твердости/мягкости согласных перед гласными переднего ря-

¹⁰ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 16-04-19011 «Диалектологические исследования центра Европейской части России и восточнославянского пограничья».

да; позиционная мягкость шипящих *ж*, *ш* и мягкость [ч'] обозначена.

1) В говоре **под ударением** различается 5 гласных фонем: /a/, /o/, /e/, /y/, /i/; позиционное распределение их ударных аллофонов не отличается от представленного в литературном языке.

На месте /a/ после мягкого шипящего [ш':] перед мягкими согласными в суффиксе инфинитивной основы глаголов II спряжения зафиксирован [e]: *ви-реш'и'эли*, *схватили мен'а* (дети); *те пиш'и'эли грач'ать-те* ВВХ. Гласный [e] отмечен также после мягкого шипящего [ч'] в суффиксе *-а-* имперфектива I спряжения: *кач'эли* ВВХ. Несколько имперфективных основ, в которых после долгого мягкого шипящего произнесен [a]: *ни опи'ш'алис*, *възраш'и'альс*, *свеш'и'ан'йю* ЛАК, *опи'ш'альс* ВВХ, а также с долгим твердым шипящим: *ъбраш'алис'* ВВХ — могут быть относительно новыми для говора словами; однако так же себя ведет «исконное» *пирийежэали* ЛАК. После твердых шипящих [ш] и [ж] в тех же морфологических позициях отмечен только [a]: *пъбежэали*, *убежэат'*, *держэат'* ЛАК, *лежэат'*, *лежэала* ВВХ; в том числе в имперфективных основах: *сл'ушай 2×*, *мешай*, *мешал*, *пръвожэал*, *пръвожэали*, *пръвожэат'*, *прихожэаньк*, *держэали* ВВХ; *урожэаля* ЛАК.

В других морфологических позициях после шипящих под ударением переход *a > e* не отмечен. Его нет, в частности, в именных основах после шипящих: *жэад'нич'ит'*, *грач'ать-те* и др.

Единичность примеров не позволяет сделать определенных выводов о состоянии этого явления в говоре. Согласно [ДАРЯ II, карта 103], для городских говоров характерно [e] в суффиксе инфинитивной основы глаголов II спряжения после мягких шипящих (*кричэли*) и [a] — после твердых (*лежэали*), чему соответствуют имеющиеся примеры. Однако в говоре к тому же

зафиксирован [e] в суффиксе имперфектива после мягкого шипящего: прош. мн. *кач'эли*.

Зафиксировано отсутствие перехода *e > o* перед позиционно смягченным шипящим: *И в бол'нищых поч'ти не леж'ивала* ВВХ.

Зафиксирована /e/ в суффиксе глагола II спряжения *звонеть*: инф. *звонеть*, прош. *звонэла*, наст. *звонит*.

2) В **первом предударном слоге после твердых** согласных различаются /o/ и /a/: *онэ*, *один*, *ни одной*, *милионер*, *помощиць*, *попросит*, *поставили*, *потом*, *построилис*, *нборот*, *гвору*, *свозит'*, *Мол'ковъ*, *в ъсновном*, *жывьтновцо*, *ни одново*, *мьлотили*, *мьлотилкь*, *родилса*, *родитил'ский*, *кому*, *колхос*, *колхоз-от*; *заставил*, *ни давал*, *правитилсвь*, *квартиры* ЛАК; *она*, *один*, *пн'отно*, *пъмогалъ*, *своиу*, *фтора*, *ч'истоту*, *подошла*, *с собой*, *собаки*, *пропал*, *съ скотингъ-ту*, *никогда*, *конешинъ*; *напуганы*, *награды*, *надоби* ВВХ. Отметим развитие начального *orT > [poT]: *розйэхэльс* ЛАК; *росли* ВВХ; однако *работэль* ВВХ — по-видимому, под влиянием официального языка (в точности то же у старшего поколения в муромском татаровском говоре, см. [Отчеты 2015]).

При аллегорном произношении в первом предударном слоге после твердых наблюдается редукция: *нвэрнь*, *квгда*.

Зафиксирована /a/ в основе итератива *дэган'айут* ЛАК, притом что в других итеративах такого же образования представлен [o] (то же в татаровском говоре, см. [Отчеты 2015]).

3) В **первом предударном слоге после мягких** согласных в позиции перед твердыми согласными в соответствии с *e, *ь, *э возможно произнесение [o] и [e]. Перед мягким согласным зафиксировано [e], в единичных случаях [и] и [o].

Перед твердым согласным в соответствии с *e: [o] — *п'оку*, *б'орут 2×*, *дэм'отайи*, *в'озут*, *прив'озут*, *в'осны*,

в'осной-ту, т'опло, фс'ово 3×, *тр'опали, къл'осо* 2×, *къл'осом, нъч'овали, ч'ово* 3×, *ч'окуша, къч'огарила*, после твердого шипящего: *тижоло* ЛАК; *прив'озут, прив'озу, пръв'ола, в'осна, т'опло, фс'ово, зън'осло-то, ъттр'опал, пч'ому* ВВХ; [е] — *дерут, фсево, ч'ево, ч'етьири* 3×, *ш'ш'етьирицици, ф'ч'етьирицици* ЛАК; *ведут, зъвела, пъч'ему, нъч'еват', ч'етьирицици, фсегда*, перед твердым шипящим: *лежал* ВВХ;

в соответствии с *ь: [о] — *ум'орла, з'орном, в'орнулис* ЛАК; [е] — *держу, пътрэвожыл, пътрэвожыли* ВВХ;

в соответствии с *ѣ: [о] — *уб'огал* ЛАК; *ни песок, а п'осок; в'одром, рот ръз'оват* ВВХ; также в основе *дѣ-ва: *изд'овалис, д'оватса* ЛАК, *зъд'овайт* ВВХ; [е] — *ѣт стени дъ стени, дела* 2×, перед твердым шипящим: *убежат', пъбежали, пейком* ЛАК; *звезда, в лесу, ѣтпевал, дефч'онки*, перед твердым шипящим: *ни мешай, мешал, мешаит, уйежжат, приежжал* ВВХ.

Перед мягким согласным, а также сочетаниями твердый+мягкий, в соответствии с *е, *ь, *ѣ: [е] — *ни зъвед'онъ было, прибор'ош, зъмести, нъ печ'и, зъ теб'а, тепер', телешку* 2×, *розостелиш, пироселиш, пироселилсь, себе, з'емл'а, зъ иейо, ѣединственный, вертелис, вез'де, сеч'ас* (также *сич'ас* 2×), *деревни* 2×, *гремел, детей, з дет'ами, сем'яа, с реки* ЛАК; *беру, бер'ом, бер'от, привез'ом, тебе, сем'сот, ч'ирепен'ки, зъмеч'атил'ный, зъмеч'атил'нъ, з дет'ми, сем'яа*, также в приставке не-: *недел'у*; в соответствии с *ѣ также отмечен [и] — *лич'и-ли* ВВХ; в соответствии с *е после твердого шипящего [о], возможно, аналогического происхождения: *ѣезовики* ЛАК.

Приведенные примеры показывают систему предупредного ёканья, сходную с муромской ([о] представлен перед твердыми согласными не только на месте *е и *ь, но и на месте *ѣ), см. нашу предыдущую публикацию [Отчеты 2015]. С муромским распределением

данную систему объединяет такая важная особенность: позиция перед твердыми шипящими *ж, ш*, а также долгим твердым шипящим *жж*, аналогична позиции перед палатализованными согласными (в этих позициях не бывает ёканья). Если в муромских говорах данная особенность распределения [о] и [е] свидетельствует о недавнем фронтальном отвердении перечисленных шипящих, то в городецких говорах она находится в связи с сохранением мягкости шипящих в некоторых фонетических позициях, см. ниже.

Фонема /e/ ([e]) в первом предупредном слоге перед твердыми согласными в наших примерах представлена в заимствованных основах: *витеран, ѣрдена, метро*, в том числе в церковнославянском отвердении: *ф плену*, в заимствовании из официального языка: *притседател* 2× ЛАК.

В соответствии с частицей и приставкой *ни* представлена *не*: *негде* 'нигде', *никак* 'никак', *некто* 'никто', *куда-небут* (то же в муромском говоре, см. [Отчеты 2015]; то же в говоре Михалёвской, см. настоящий цикл работ). Отметим также фонему /e/ в презентной основе глагола *гнить*: *сгнейот*.

Фонема /a/ в первом предупредном слоге реализуется как [a] перед твердыми и перед мягкими согласными: *в Р'азани, ч'асоф, пъявилис, т'ажола* ЛАК; *м'аукъл, гл'адииш, п'ати, зър'адил, ч'айку* ВВХ; примеры после шипящих см. в разделе 11.

4) Во **втором предупредном слоге** после твердых согласных в большинстве случаев имеет место неразличение /o/ и /a/ и совпадение их в [ь]: *Въроб'йово, пъсидите, мъгазинъ нет, зънималис, зълото дно, ръдилас, Къмунар, гъвор'у, гъворил* ЛАК; *пъмогаль, пъдошла, пълуч'альс, пълзункі-то, тръйники, съ скотинъ-ту* ВВХ. Встречается произнесение ы-образного звука: *трыкто-роф* ЛАК; *А как нас пълпыльскали, как ч'ут' тока какой пробел, план'орка, ты*

получ'иши по полнѣй там програ́ме, ско́л'ка сл'о́с про́лито ВВХ. В зависимости от темпа речи в этой позиции может произноситься гласный полного образования: *потому́* или, напротив, возможна редукция до нуля: *кридо́р ЛАК; пч'ему́; пч'ому́-т ВВХ*.

В начале слова фиксируются как гласные полного образования [о] и [у], так и [ѣ]: *ѣтош́о́л, о́горо́т, о́дново́, у́г-роме́нной ВВХ*.

После мягких согласных во втором предударном слоге произносится [и]: *ниудо́бнѣ, притсе́датель, ни дава́л, нѣ пирво́т'о́лок, лини́нгра́цы, сто́ч'илове́к, три́ч'илове́ка ЛАК; с фи́рал'а́, ч'ило-ве́к ВВХ*.

5) В **заударном неконечном слоге после твердых согласных /а/ и /о/** чаще всего совпадают в [ѣ]: *ли́инѣвѣ 2×, сли-вѣч'нѣ, з го́лду, от го́лда, ч'етв'о́рт-ва 2×, ви́стрыли, этѣвѣ, вѣстанáв-ливи́ли, рабо́тели ЛАК; рабо́тель, ф тря-пѣч'ку, тре́бѣвѣли, фи́лольгѣф ВВХ*. В этой позиции фонемы /а/ и /о/ могут реализовываться также звуком, близким к [ы]: *вы́кѣ^ннаи́ ЛАК; бе́гы́йт, с Ива́-ныва́м ВВХ*. После твердого шипящего перед мягким согласным отмечены [ы], [ѣ]: *ло́шѣт', на ло́шѣде, ло́шѣди ВВХ* (см. примеры в разделе 11); *слу́шѣт' ЛАК*. Редко фиксируется гласный полного образования: *од го́рода, ѣто́ва ЛАК*.

6) В **заударном конечном закрытом слоге после твердых согласных** наблюдается различие /а/ и /о/ наряду с совпадением их в [ѣ]: [о] — *в го́рот 2×, с ч'е́рипом, пе́ред но́вым-ту го́дом, кѣлекти́вом, с Со́бье́вом, бо́ч'кой, ло-пáтой, пѣвар'о́шкой, крѣпос', це́ркоф', пр'а́лок, нѣ пирво́т'о́лок, око́шок, дѣ ч'иты́р'о́х то́л'кѣ клáсоф, ѣстава́лос, само́нки хлѣбной, да́ром 2× ЛАК; с м'о́дом, со́рок, нѣ подно́жном корму́, р'а́дом 2×, ѣдвока́тоф, (с) пѣрнишон-ком, нѣ парни́шок ВВХ; [а] — на ша́-тах, в магази́нах-ту, нѣ вѣлси́пе́дах, за-писыва́т', рабо́тат', пѣрабо́тал, ри-*

монти́рват', управл'а́лас ЛАК; же́н-и'шина́м, ума́тыва́й 2×, аптека́р' ВВХ; [ѣ] — за хлѣ́бѣм, го́лѣт, твор. ед. брига-ди́рѣм, зѣ доба́фкѣй-ту, фс'а́кѣй фс'а́-ч'ины, нѣ м'а́хкѣй, но́вѣвѣ, ср. р. прихо-ди́лѣс, комба́инѣф 3×; ж. р. ѣста́лѣс, при́ѣхѣл, шесна́цѣт' ЛАК; дру́г за дру́жкѣй, с пѣлѣви́нѣй, нѣ фи́лольгѣф-ту, в этѣм, р'а́дѣм, со́рѣк 3×, з до́мѣм врóвин', ср. р. пѣлуч'а́лѣс; ч'о де́лѣт'-тѣ, выка́ч'ивѣт' ВВХ.

Совпадения в заударном закрытом конечном слоге *а, о* и *ы* в [ѣ], свойственного городецким говорам, согласно [Захарова, Орлова 1970: 378], в данном говоре не отмечено.

7) В **заударном конечном открытом слоге после твердых согласных** наблюдается частичное различие фонем /о/ и /а/, чаще всего перед паузой или под фразовым акцентом, в эмоциональной речи: [о] — *Ч'е́тыре дере́вни бы́ло, укрупн'а́т' на́дѣ бы́ло, ф ку́ч'у фсѣх свози́т'; А ф шесна́цѣт'-то ле́т на фе́рму, ит' бе́днѣ иши́о ж'и́ли, бе́д-но! А рабо́тели-т ско́л'кѣ, рабо́тели-тѣ ско́л'ко!; [А своё хозяйство было дома?] — Бы́ло!; [Надо бы в дом попроситься] — Не́т, не на́до, не на́дѣ нич'ево́, ну́, не на́дѣ нич'ево́ запи́сыва́т'; А вѣ бы по-гл'аде́ли, ф ч'о́м ходи́ли, не бы́лѣ, не бы́ло!; Ма́слѣ пѣкупа́ли сли́вѣч'нѣ, и зда-ва́ли ма́сло... вме́стѣ мѣлока́; Быва́ло м'а́сѣ ско́л'кѣ-тѣ здава́ли, ѣа уи не по́м-н'у вот про м'а́сѣ-тѣ ско́л'ко, и врат' не бу́ду; Вот малѣн'кѣ здрѣмл'оши, оп'а́т' зѣзвоне́ли, итти на́до; Де́те́й-тѣ мно́гѣ бы́ло, во́сим' бы́ло, а ше́стирѣ-тѣ живѣих; Нарóду-ту вит' фс'о ма́лѣ бы́ло, те́хники-тѣ ма́лѣ бы́ло, комба́и-нѣф-ту не было снач'а́лѣ; Вѣроб'и́во 3×, ф Со́бье́во; сто́л'кѣ-тѣ дете́й-то'; да́рѣм и́то жо́скѣ бы́ло; а ѣе́с'-тѣ не-ч'ивѣвѣ вит' бы́ло; бы́ло (конец фразы) 9× ЛАК; ро́спѣди ба́т'ушко, мы ж'и́ли до́лго: ѣа́, зна́ч'ит, ма́т' со мно́й, му́ш и тро́ѣе на́ших^в дете́й; пон'а́тно (конец фразы); о́ч'ин' при́ятно!; Пч'ему́ мен'а́*

тудá зън'ослó-то? пълзункí-то (конец фразы); *вот такой было* (конец фразы); *мне Бог дайт ишь стóл'ко лёт; пр'амъ ч'удѣ какó-то; кóшки-то!*; *слóжно* (пауза); *давái бýстро!*; *долгón'ко* ВВХ; [а] — *Зáмуш вýшила... и фс'о, и уйэхъла; Бáт'уш'ки, бесстыдницъ ты эдака! Вьд дъ какóвъ гóрьда?* ВВХ; *къч'о-гáрила, спряч'исса, нукодá не сýнишса, от гóльда* ЛАК; *оттудá* (конец фразы), *дъ Ивáнъва* ВВХ.

Наряду с этим встречается совпадение /а/ и /о/ в [ъ] или [а]. Например, [ъ] в соответствии с /о/: *ч'етýри дерéвни бýль, ни одной дерéвни уш там нёт; другóвъ постáвили, он не этъ; правитил'ствъ эт наэрнь застáвилъ, итó-бы фсэх^б укрупн'ат'; ч'о тóл'къ с трицýт' вос'мóвъ, не бóл'нь мълóдá; фсе ж'и́ли не бóл'нь хърошó; три раз бýль уб'огáл ис плéнь-та; тóл'къ о́дин без ногú; бывáль и сóлнышкъ зъкатицý; ниудóбнъ бýль, мáслъ здавát'; хоз'áиствъ-тъ вьстанáвливъли пóсле-тъ войнý; иишó помéн'ишы у ковó сем'иá, тьк полéхч'и бýль, а уш у ковó-т бол'и'и-ти сém'иш, тьк ой, тижолó бýль; иá этъвъ не йéль, уш фс'о кусóк-ът дадут манéн'къ^о, мы не йéли такóвъ; м'áсь скóл'къ-тъ здавáli; мáслъ пькупáli слíвъч'нъ; иес'ли бы корóвы не бýль, тьк вопи'и'е бы мнóги бы ўмирли з гóльду, пұхли котóрийе, котóрыи пұхли; и мáслъ вот л'н'анóвъ-тъ давáli; тóл'къ тогдá на дéн'ги-тъ пиревели, стáли нам давát' дéнек-ту, а то эт нóвъвъ гóда и до нóвъвъ гóда дéнек-ту мы не видáli; неплóх^б конéш, стóл'къ, немнóшкъ нам плáт'ат ЛАК; немнóшкъ; цэлъ дéль; плóхъ итó-тъ; скóл'къ; лётъ плохóе; нáдъ ВВК; [ъ] в соответствии с /а/: *не дéльъ, ис плéнь-та, зъ ч'етýри киломитръ, не йéль* ЛАК; *Тат'ианъ-тъ Ивáннъ пзнакóмилъ; ну славъ Бóгу; рабóтъль; хорóшъ конéшинъ мат'; два óрдинъ; Барсикъ двá у мен'á* ВВХ; [а] в соответствии с /о/: *Дъ какóвъ гóдъ, нáрнь, до**

сémесет ч'етв'óртъва, нáрн, до сémесет ч'етв'óртъвъ или до сémесет трéт'йевъ ЛАК; *немнóшкъ нам плáт'ат, скóл'ка вот; как-тъ дойáрки-та бýли фсе свойé, Бáрсикъ-тъ мовó мълóдóва* ВВХ; [ы] в соответствии с /о/: им. ед. ср. *жóскыйо* ЛАК (см. также пример в разделе «Морфология. Прилагательное»).

8) В заударном неоконечном слоге после мягких согласных наблюдается неразличение фонем /е/, /о/, /а/ как перед твердыми, так и перед мягкими согласными. Фонемы /е/, /о/ (из *е, *ь, *э): [е] — *не хóч'ецъ, вýtеребет, надзира́телем* ЛАК; *ф Собълево, вьвернет* ВВХ; [и] — *ўмирли, прímирли от гóльда, ишес'тирь, нукодá не сýнишса, ъб'азá-тил'нь, родитил'ский, правитил'ствъ-ът, мáлин'кийе, сémисит, спр'áч'исса*, в окончании им. ед. ср. прилагательных: *хорóшыйо* 'хорошее' ЛАК; также в заимствовании: *зъ ч'етýри киломитръ* ЛАК; *вýtирпилъ, по-свóйиуму, зъберé-мини́ла*, также в заимствовании: *óрдинъ* ВВХ; /а/: *два мéсицъ* ВВХ.

9) В заударном конечном закрытом слоге после мягких согласных наблюдается частичное различение фонем /а/, /о/, /е/.

Перед твердыми согласными, /а/ (из *е, *а): [а], [ъ] — 3 мн. *нóс'ат, пънакóп'ат, кұп'ат* ЛАК; *нóс'ат, плá-т'ат, гранич'ат, стрóйат, стáв'ат, постáв'ат, привóз'ът* ВВХ; [е] — *на кóнех* ЛАК; [и] — *сémисит* ЛАК, ВВХ; *ростáил* ВВХ;

варьирование /о/ и /е/ (на месте *е, *ь): [о] — 3 ед. *вьраст'от, буд'от*, 2 ед. (перед твердым шипящим) *фстáн'ош, здрéмл'ош, в'áжшош* ЛАК; 3 ед. *капл'от, ростáйот, буд'от, вьраст'от*; *пле-м'áннич'ок, пóгр'оп* ВВХ; в тех же позициях [е]: *кóшек, покáплеш, дéнеш, бұдет, ўмер* ЛАК; *пóгрéп, крóйет, надé-неш* ВВХ; в тех же позициях [и] — *ўмир* ЛАК и [ы], [ъ] после шипящих: *рэжът* ЛАК; *в'áжыт* ВВХ.

/e/: [e] — (из *ĕ) *пóйест* ВВХ, (из *e в предлоге *через*) *ч'эрез* ЛАК, ВВХ; (из *ь перед *ц*) *гóлбец* ВВХ.

Перед мягкими согласными, /a/ (из *ę, *a): [a] — инф. *сéйат'* ЛАК; [и] — *дéсит'* 2× ЛАК; *тысич'*, *жád'нич'ит'*, ВВХ; /e/ и /o/ (из *e, *ь): [e] — *притсе-дáтел'*, *уч'ítел'*, *вóсем'* 2×, в заимствовании: *мéбел'* ЛАК; /o/ в данной позиции представлена звуком [o] в одном примере, объясняющемся морфологической аналогией: им. ед. м. *послédн'ой* ЛАК.

Таким образом, в заударном конечном закрытом слоге перед твердыми согласными гласные *e, *ь имеют рефлексы, отличающиеся от рефлексов *ĕ; тогда как в первом предударном слоге рефлексы всех этих гласных совпадают. Ту же систему установил О. Брок в тотемском говоре Шуйского и Ихалицы [Брок 1907: 22—23, 10—103]; в муромских говорах рефлексы заударных гласных совпадают в силу качественной редукции.

10) В заударном конечном открытом слоге фонема /e/ ([e], [и], [ь]) представлена на месте *ĕ: дат. и предл. пп. ед. ч. *в райóне*, *ф колхозе* 2×, *на лесоповале*, *на фэрме* 2×, *нъ бригаде* 4×; *врóди*, *на трактэри*, *на фэрми* 2×, *нъ мór'ь* ЛАК; *в Иваньве*, *ф школе*, *нъ маш'инке*, *в доме*, *на службе*, *на море*; *к Тат'йáни*, *ф Палáнги*, *на служэби*, *в деревни* 3×, *пóсли*, *на улицы*, *в бáни-то* 2×, *кák в гэрóцкóй бáни*, *в райóни*, *ф* (так!) *верáнди* ВВХ; на месте *e в окончаниях им. п. мн. ч. старого консонантного типа склонения: *цыгáне* ВВХ; *ч'еты́ре*, *ч'еты́ри* ЛАК; в окончаниях 2 л. мн. ч.: *п'йóте* 2×, *знáите*; императива: *дава́йте* 2×, *налива́йте*, *йе́ште*, *пéйте* 2×, *берит'е^a*; *мóжити*, *прие́жжэ́йти*, *слушáйти-ко*, *дава́йти*, *берити*, *идити*, *ьдохн́йти*, *зьберити*, *нълива́йти* ВВХ; в суффиксах сравнительной степени (примеры см. также в п. 11а): *бóл'и'е*, *молóж'е*, *постáри'и*, *подáл'и'и*, *мэн'и'и* 2×, *подáл'и'и* ВВХ; в частице *даже*: *дáж'и* ВВК.

Фонема /o/ (варьирование [o], [e], [ь]) отмечена в следующих морфологических позициях на месте *e: в окончаниях им., вин. пп. ед. ч. ср. р. существительных: *свеи'и'áньйо*, *пóл'ь-ть*, *гór'ь-ть* ЛАК; *мór'о*, *печ'én'йо*, *сэрце*, *кóфйе*, *здоров'йе*, *дóмуправлэ́ние* ВВХ; прилагательных им. п. ед. ч. ср. р.: *хорóшыйо*; собирательных числительных: *двóйе* 4×, *двóйо* ВВХ; в частице *же*: *тóжэ этъ жо* ЛАК; *тóжо* ВВХ.

Фонема /a/ представлена вариантами [a], [ь]: *ьргэниза́цыйа* ЛАК; *иу́м эт мór'ь*, *дерэвн'ь-мáтушка*, *кьнэли-за́цыйь-ть*, *пéнсиь-ть*.

У существительных ср. рода на -*мя* в им.-вин. п. ед. ч. варьируют /a/, /e/, /o/: *врэм'а* 3×, *ф сво́йó вре́ме*, *ф тó вре́м'о* ВВХ; *сэм'а-то* ЛАК.

11) В области консонантизма наиболее яркой особенностью является **позиционная мягкость шипящих**. Отвердевшие в литературном языке шипящие /ш/ и /ж/ в описываемом говоре могут быть как твердыми, так и мягкими. Распределены они в зависимости от позиции, причем мягкие шипящие употребляются непоследовательно, так что в позициях, где отмечены мягкие шипящие, могут встречаться также полумягкие или твердые.

Только твердые шипящие /ж/, /ш/ наблюдаются в позициях:

а) **конца слова**: *побéгаиш* 2×, *хóдиш*, *л'áгши*, *дэм'отáиш*, *выкыпáиш*, *прибер'óиш*, *рабóтыиш*, *зьпр'агóиш*, *рзостéлиш*, *убира́иш*, *згреб'óиш*, *пъдет'óиш*, *нъсти́лáиш*, *копáиш*, *пропу́стиш*, *как хóиш*, *йéиш*, *реш*, *наиш*, *уиш* 17×, *зáмуиш*, *фс'ó иш* тьки ЛАК; *йеиш*, *помáлкивэ́иш*, *получ'иш*, *забéгэиш*, *дэнеиш*, *мотáиш*, *гл'адйиш*, *погл'адйиш*, *пока́плеш*, *хорóиш*, *прохóдиш*, *ид'óиш*, *дэж-жив'óиш* 2×, *видиш*, *ч'о хóиш*, *надéнеиш*, *рзстóпиш*, *оддáиш* 3×, *пэш'ч'итáиш*, *хóдиш*, *муиш* 2×, *зáмуиш* 2×, *роиш*, *уиш* 2×, *муж* ВВХ;

б) **перед твердым согласным**: *пеш-кóм*, *пэвар'óишкой*, *картóишку* 2×, *сól-*

нышкѣ, баушка, дѣдушка, вышль, пришилос, прошло, ф Кінишму-ту 2×, лишно, вѣртишсь 3×, не сѹнишса, ф шкѳлу 4×, ф шкѳле, при шкѳле, шкѳл'ники, телѣшку 2×, ф кѣталашку, мѳжнѣ ЛАК; маушка, Сашкѣ-тѣ, кошка, кошкѣм 2×, картѳшку 2×, картѳшкой, старушкѣ, окѳшкѣ, бат'ушкѣ 4×, баушкѣ, гѳрнушку, Вал'ушка, Кос'т'ушкѣ, ф шкѳле, зашкѳливѣт', ошпѳрим, прѳшлый, прѳшлѣм 5×, пѣдошла, вѣшль, пришилос, пирешло, шѳшныи, до Кінишмы, шланк, шланги-ти, нимношкѣ 3×, друг за друшкѣй, друшкѣ, лѳшку, слѳжно, поднѳжнѣм, дружнѣйе, мѳжнѣ 2×, слѳжбы, слѳжбу 2×, кѣжду ВВХ;

в) только твердые шипящие отмечены в нашем материале перед мягким согласным [т'] и перед мягкими губными [б'], [м']: прижм'ѳт 3× ЛАК; жѣште, на служби ВВХ.

г) перед гласными непятого ряда: перед /y/ — опѣшут, шѳбники 2×, шѳбники 3×, кашу, рѣжут ЛАК; шѳшныи (о клещѣх), ч'ѣшущѣ, Шуи, Шѳйе, шум 3×, Шѳрик, крышу 3×, журналѣсты, держѳ 2×, св'ѣжут ВВХ;

перед /a/ (реализациями этой фонемы [a], [ѣ], [ы]): ф шѣхтах 3×, ушѣнка, урожѣяи, пѣбѣжѣли, убѣжѣт', держѣт', мешѣй, слѳшѣй, слѳшѣ'т', нѣ лѣшад'ѣх лѣшадѣй, лѣшадѣнна, лѳшѣт' 2×, в лѳшѣ'т', на лѳшѣ'де 2×, лѳшѣ'ди, на лѳшѣди, род. ед. вз'ѣтыша, им. ед. кырвѣшѣ 'наседка', им. ед. ч'ѳкушѣ, им. ед. ж. хорѳшѣ'ѣ ЛАК; жѣслѳйщѣ, пожѣлѣстѣ 5×, жѣд'нич'ит', шѣстѣйу, омшѣник 2×, рѣжанѣйе, рѣжанѳй, держѣли, лѣжѣт', лѣжѣт 2×, лѣжѣл, лѣжѣла, мешѣл, прѣвожѣл, прѣвожѣли, прѣвожѣт', прихѳжѣнѣк, слѳшѣй, им. ед. Вал'уша 2×, им. ед. ж. нѣшѣ, ни нѣшѣ, бол'шѣя, хорѳшѣя, хорѳшѣ ВВХ; однако в одном примере перед безударным аллофоном /a/ отмечен мягкий [ж']: им. ед. ж. свѣжѣ'ѣя ВВХ;

д) перед /o/ (ее реализациями [o], [a], [ѣ], [ы], [ѣ] из *e, *ѣ, выступающими

перед твердыми согласными и на конце слова): нашѳл, пошѳл 2×, пришѳл 2×, жѳбскѣйѳ, т'ѣжѳла 2×, тѣжѳло 2×, род. мн. окѳшок, 3 ед. скѣжѳт, мѳжѣт 3×, нареч. хѣрошѳ 5×, ѣтѣ жѳ; кѣг жѳ 3×, тѣг жѳ 2×, тѳжѳо, тѳжѣ, тѳжѣ 4×, тѳд жѳе ЛАК; шѳл 4×, пришѳл 3×, ѣтошѳл, пошѳл, ушѳл, Шѳрнышѳфскѣвѣ дѳль, ножѳнки, стѣрушѳнкѣм, пѣрнишѳнкѣм, жѣсна, муж жѣ жѣсной, род. мн. парнѣшѣк, из-за кошѣг дерѣт, от кошѣк-ту, нѣжѣн 2×, свѣршѣннѣ, как полѳжѣно, понѣжѣно 2×, 3 ед. мѳжѣт, мѳжѣд бѣт', в'ѣжѣт, мѣжѣ-ѣт, нареч. хѣрошѳ 8×, им. ед. ср. нѣшѣ (наше), в нѣшѣ-тѣ, в нѣше-тѣ; род. ед. м. хорѳшѣва, нареч. по-нѣшѣму, зѣмѣжѣм, тѣд жѳо, тѳжѳо, тѳжѣ 6×, тѳжѣ, кѣг жѣ, тѣм жѳе, мѣ жѳе, тѳжѣ; дѣ замѣжѣствѣ ВВХ; в одном примере /o/ < *e, относящаяся к основе, находится перед мягким согласным: д'ѣшѳвин'ки ВВХ.

Только твердые шипящие отмечены перед фонемой /o/ < *e и *ѣ, за которой следуют мягкие согласные, в окончаниѣх; им. ед. м. прилагательных: бол'шѳй, рѣжѳой, свѣжѣй, бѣфѣшѣй, кѣжѣй (каждѣй) ЛАК; свѣжѳой, хорѳшѣй, старшѣй ВВХ; им. ед. ср. прилагательных: хорѳшѣйѳ; род. ед. ж. прилагательных: до кѣжѣй 'до каждой', тв. ед. ж. прилагательных: хорѳшѣй; 2 мн. глаголов: мѳжѣте ВВХ.

е) Перед безударными аллофонами фонемы /e/ < *ѣ на конце слова (в окончаниѣх) отмечены твердые шипящие: местн. ед. ф Пѣч'ѣжѣ, ф продѣжѣ 2× ВВХ.

Мягкие и полумягкие шипящие [ш'], [шѣ], [ж'], [жѣ] наряду с твердыми наблюдаются в позициях:

а) перед гласными пятого ряда: перед /и/ ([и]) — маш'ѣна 4×, н'ѣ маш'ѣна, маш'ѣнкѣ, нѣ маш'ѣнке; нѣ маш'ѣне, бѣл'ш'ѣна, бѣл'ш'ѣнствѳ, муж'ѣкѣ-те, муж'ѣкѳ, ш'ѣли 3×, ш'ѣл, жѣ'ѣли 10×, жѣ'ѣла 5×, пѣжѣ'ѣла, жѣ'ѣви, пѣрѣжѣ'ѣвали, жѣ'ѣс' 2×, жѣ'ѣвѣх 2×, жѣ'ѣв'ѳт, жѣ'ѣвѣтнѳвѳцо, рѣш'ѣли, рѣ-

ш'улас, реш'ули, п'туш'ули, суш'ули, пол'ож'ули, спраш'ив'айте, 2 ед. слы-ш'иши, 2 мн. пол'ож'ути, род. ед. р'ж'и, м'лод'о'ж'и 2×, тв. ед. с *наш'им*, им. мн. *наш'и, хор'ош'и, бол'ш'и* 2× ЛАК; *муж'ик, муж'ик* 2×, *муж'ики* 4×, *из-з' муж'ико'ф, муж'ика'м, ж'ит'* 3×, *ж'ив'у*, *д'ж'ив'о'ш* 2×, *ж'ив'о'т* 4×, *ж'ив'о'т* 3×, *ж'ив'о'м* 3×, *ж'ив'о'м* 2×, *ж'ив'ут* 3×, *ж'ил, ж'ила* 2×, *пр'ж'ила, вы'ж'иль, пр'ж'или, ж'или* 2×, *пер'ж'ит'ь, ни-ж'иль'ийе, ж'иф, ж'ив'а*, в *ж'ив'их* 2×, в *ж'ив'их*, в *ж'из'н'*, *ж'ис'* 2×, в *ж'из'н'и, ж'ител', ж'итил'а, ж'итили, м'ст'ь ж'ит'ил'ств'ь, л'ж'ит, б'ж'ит, сл'у-ж'ит, п'трев'о'ж'ил, п'трев'о'ж'или, не л'ж'ив'ла, наш'и, наш'иу дит'ей, не-бол'ш'и* ВВХ; твердые [ш], [ж] в этой позиции довольно редки, ср. в тех же морфемах: *маш'ину* 3×, *маш'ин* 2×, *муж'ыки, ж'ыв'ом* 2×, *ж'ыл, ж'ыви* 2×, *ж'ыс'*, *д'ерж'ит, д'ерж'иц'ь, п'лож'ыли*, им. мн. прилагательных *хор'ош'и* 2×, *хор'ош'и*, деепр. *от'о'жи* (возможен состав суффикса -/ше/);

перед [е], а также безударным [и] (из *е, *ь перед мягкими согласными и на конце слова; фонологически /о/, гиперфонема /о|е/, /е/ в разных случаях): *ш'ерс'т'* 6×; *ж'ени'лса, ж'ен'ш'и'ины, хор'ош'ин'кий, ш'ивил'ица*, ЛАК; *ж'е-л'эз'ныйе, к одной ж'ен'ш'ин'*, *деш'ев'ли, из-з' муж'ей, д'аж'и* 2× ВВХ; твердые [ш], [ж] в этих же позициях: *ж'ен'ш'ин'ь*, ЛАК; *ж'ен'ш'ине* 2×, *ж'ен'ш'ин'ьм* 2×, *ж'ел'эз'ныйе, хор'ош'ин'к'и, ш'ввил'льс* ВВХ; в некоторых морфемах, однако, зафиксированы только сочетания с твердыми шипящими — *шест'*: *ш'ес'тир'ь-ть, ш'есна'ц'ти год'о'ф, ф ш'есна'ц'ьт'-то л'ет* ЛАК; *ш'ес'т'* 2×, *ш'ес'т'* 4×, *ш'ыис'ат* 2×, *три ш'ыис'ад был, ш'ыс'тидисити, у'ж'е* 10× ВВХ; в одном примере мягкий шипящий находится перед [е] < *е, за которым следует твердый согласный: *кру'ж'ев'ные* ВВХ.

Перед /е/ в суффиксе **сравнительной степени прилагательных и наре-**

чий (чаще после мягких согласных): *м'ен'ш'и, бол'ш'е* 3×, *р'ан'ше* 5×, *р'ан'-ш'и* 3×, *р'ан'ш'и* 2×, *д'ал'ше, д'ал'ше, под'ал'ш'и, пот'он'ш'е* 2×, *бли'ж'е* ЛАК; *м'ен'ш'е* 2×, *бол'ш'и, бол'ше, р'ан'ше, л'уч'ше, под'ал'ш'и, ст'арш'и* ВВХ; твердые [ж], [ш] в этой позиции: *р'ан'ш'и* 2×, *л'уч'ш'и, пол'уч'ш'и-ть, бол'ш'и* 2×, *пом'ен'ше, пом'ен'ш'и* ЛАК; *м'ен'ше, бол'ше* 2×, *пост'арш'и, мол'о'ж'ы* ВВХ;

б) перед мягким заднеязычным согласным [к']: *к'ыль'к'олуш'ки, к'ыль'к'олуш'ки, карт'ош'ки* 2×, *к'лоб'аш'ки* 2×, *ок'ош'ки, фур'аш'ки* 2×, *руб'аш'ки, до-м'иш'ки-ти* ЛАК; *к'ош'ки* х3, *б'ат'уш'ки* (межд.), *ч'аш'ки* 2×, *тл'е'фон'ш'ки-т'и, л'ош'ки, задв'иш'ки, д'ен'ш'ки* ВВХ; твердые [ш], [ж] в этой позиции: *риб'ат'иш'ки-те, ба'уш'ки, г ба'ушке, на ва'риш'ки-те, у ба'уш'ки, му'раш'ки, старуш'ки* 2× ВВХ;

в) перед мягкими согласными [н'], [л'], [д']: *пош'ли, из Н'у'ж'нев'ь* 2×, *расхо'ж'д'енийа-то* ЛАК; *п'до'ж'д'и-ти* 5× ВВХ; твердые [ш], [ж] в тех же позициях: *пош'л'ут, пош'ли* 3×, *приш'ли* 2×, *наш'ли, дож'ливы-те г'оды* ЛАК; *уш'ли* 2×, *выш'ли, взош'ли, б'ашн'у, зд'ешн'а* 2×, *п'до'жд'ите* ВВХ.

Таким образом, шипящие в данном говоре имеют не фонологическую, а позиционную мягкость, обнаруживающуюся непоследовательно, но в большинстве случаев перед гласными переднего ряда [и], [е], а также перед мягкими согласными: чаще всего перед среднеязычным [к'], реже перед переднеязычными [н'], [л'], [д'].

12) Долгие шипящие также могут быть как смягченными, так и несмягченными; [ш'ш'] ([ш'] < *stj, *skj, перед гласными переднего ряда: *ф Пл'уш'ш'ихе, ис Пл'уш'ш'ихи, вопш'ш'е, пот'олш'ш'е* 2×, *ж'енш'ш'ины, уг'ош'ш'ен'йо, в'еруш'ш'ий, Креш'ш'ен'йо, в Двор'иш'ш'е* ЛАК; *ж'ен'ш'ин'ь, ж'ен'ш'ин'е* 2×, *к одной ж'ен'ш'ин'и, ж'ен'ш'ин'ьм* 2×, *ху'душ'ш'ий, ху'душ'ш'и,*

Зафиксировано окончание предл. п. ед. ч. существительных 3 скл. -/й/: *йа помн'у, йэхъль нъ лышадй, корм пѣдво-зйли* НАИ; *нъ лышадй* ВВХ.

В им. п. мн. ч. отмечены окончания -/е/: *цыгане* ВВХ, -/и/: *ножѳнки; брат'йи-ть* ВВХ; *йаццы* ЛАК; *цыпл'а-ты* НАИ; -/а/: *мозгй, д'ир'овй, плат'йа, брат'йа* ВВХ; *реиѳта* НАИ.

Формы дат. и твор. падежей мн. ч. существительных совпадают: *А двоѳе зъ подѳл дѳржъцца, пѳ бокам, как уши кър-вѳуша с цыпл'атам; Онѳ надзирателем были; Йа вот мѳлоко-то прѳдавали, так матери-ти з дет'ам-то потхѳд'ат, ни пѳкупали банкм-то, как се-ч'ас, а стаканч'уки. Стаканч'укам, йа вот помн'у топл'ѳно мѳлоко; И за дро-вам ходйли нъ быках; К ѳдному двѳру приѳхъла, рѳспр'агла йѳво и пошла зъ кѳл'осѳм. Кѳл'осѳ-ть уи рукам катйла ЛАК; Хѳлтузйли, как лошйды, пѳд меи-кам фс'у дѳрѳгу. Фс'у ж'йз'н' на фѳрме дѳ пѳд меишам; А ч'ѳтыри класъ э кѳнч'иль йа. И нъ другѳй гѳт пошла вот с мамѳй на фѳрму, зъ офйам уха-ж'ивъли НАИ; Ну он зънималсѳ сту-дѳнтѳм, он в'ол. У студѳнтѳ прѳк-тикъ у йѳво былѳ; Косйли косам по-ткѳрмку-та; с пит'орѳм дит'ам ВВХ (но: Ну этѳ былѳ дет'ми кодѳ малин'-кими; з дет'ми-то 2× ВВХ).*

Местоимение

Зафиксированы следующие формы род. п. ед. ч. местоимения 1 л.: *у мнѳ 2×, у мен'а, мен'а* ВВХ.

Отмечены формы ед. ч. местоимения он: род. п. м. р.: *А у йѳво сын инвалит ЛАК; дат. п.: йѳму* ВВХ; вин. п. м. р.: *ѳкѳль йѳво, прѳ йѳво* ВВХ; твор. п. м. р.: *за йм; Мы с йим рядѳом жйли* ЛАК; с йим ВВХ; предл. п. м. р.: *при йѳм* ВВХ; род. п. ж. р.: *у йейѳ*, дат. п. ж. р.: *йей*, вин. п. ж. р.: *Дѳже свойѳ уч'аски фсе зѳрослй, шо нам ѳдавали, картѳи-ку мы садйли, и'и'ас йей не садим на уч'асках* ЛАК; твор. п. ж. р.: с *йѳй* ЛАК;

с *н'ѳй; с'тирайу йѳй* (в стиральной ма-шине); с *йей*, с *йѳй* ВВХ; с *йѳй*, с *йей* НАИ.

Во мн. ч. также имеет место отсутст-вие начального *н-* в косвенных падежах после предлогов: *Тѳл'кѳ огорѳци у йѳх с ѳтѳй стѳронѳ был. И у вас тѳл'кѳ по-дал'ше, а у йѳх пр'амо, ближе к нам* ЛАК; без предлогов: *йѳх; люблѳ я ѳх* ВВХ.

Местоимения *он, свой, мой, один* имеют форму им. п. мн. ч. с окончанием -*е*: *И брѳсили фсе уч'аски свойѳ, онѳ зѳрослй лѳсом; У нас однѳ Лебидивы ж'йли, ис Свѳстихи приѳхъли, тѳк онѳ нидѳвол'ны былѳ, нѳ; Ж'итйли, онѳ тут пѳстойаннѳ ж'йли. Дѳ, вот Н'ура-ть Хрѳнѳва и т'ѳт'а Вар'а Кѳмарѳва, онѳ роднйе с'остры* ЛАК; *И онѳ* Купри-йанѳвы НАИ; *дойѳрки былѳ фсе свойѳ; умирли уже мойѳ-те дойѳрки* ВВХ.

Гласный -*е*- в окончании ед. ч. кос-венных падежей местоимений *мой, свой, один*: твор. п. м. р.: *свойѳм* ѳтим кѳлективѳм: *Сѳбѳлевы с Сѳбѳлевым был'-шынствѳ*, *Кѳмунѳр с Кѳмунѳрѳм, Йѳр'-йѳвѳ с Йѳр'йѳвом* ЛАК; с *мойѳм-ть* пар-нишѳнкѳм с *Вѳфкѳй-ту* ВВХ; предл. п. м. р.: *Снач'ѳлѳ вырабатывъли* (элек-тричество) *ф свойѳм, до дис'атй ч'асѳв вѳч'ирѳ, потѳм ѳткл'уч'али* ЛАК; дат. п. ж. р.: к *однѳй жѳн'и'и'уни* ВВХ; гласный -*о-*: твор. п. ж. р.: *Он и'и'итѳ-ит храм свойѳй сѳпствиннѳст'йу* ВВХ.

Формы дат. и предл. пп. мн. ч. не-личных местоимений и прилагательных совпадают: *Как-ть он* (учитель) с *йѳм* (с учениками) *опишѳлсѳ, с йѳм игрѳл, гул'ѳл; С йѳм, мѳ же знѳим йѳх ужѳ; цѳлѳм машинѳм ѳтправ'ѳли; р'ѳдом с нам* ВВХ.

Отмечено притяжательное местоиме-ние *йѳхный*: *По оцѳу... двоѳурѳдны брѳ-т'йа былѳ. Пѳпа с йѳхным оцѳѳм* НАИ.

Прилагательное

Безударное окончание прилагательных и местоимений м. р. ед. ч. им. п. /ѳй/ имеет фонетические варианты [ѳй], [ѳй]

(заднеязычные согласные перед безударным окончанием смягчаются факкультативно): *ко́ро́ый, са́мый, ра́ни-ный* 2×, *высо́кий, ма́лин'кий* ЛАК; *крас-ный-эт* 2×, *то́плый, гла́вный, пе́рвый, цэ́лый, про́шлый, электр'ич'ский, дире-в'енский, стрóгий* 2× ВВХ; *у́мной, кр'епкой, ма́лин'кой, дерев'анной, кир-тич'ной, ры́жей, д'ош'овин'кой* ЛАК; *угром'енной, теп'ер'ишной, м'от све́жей* 2×, *ста́рой* 2× ВВХ; *йидов'итой* НАИ;

безударное окончание им. п. ед. ч. ж. р. /aja/ регулярно представлено как [ыйа] после твердых согласных: *ма́лин'кийа, ста́рин'кийь, г'яр'ач'енныйа, невыл'уд-ныйа, чистот'а на двора́х была́ идеал'-ныйа, Ива́нф'скийа, ста́рыйа уш, ста́рин'кийа* ВВХ, а также [ыйь]: *зде́ш-ныйь, ста́рыйь* ВВХ; как [ийа], [ийь] после мягких согласных: *све́ж'ийа* (единственный пример с мягким [ж'] перед безударным аллофоном /a/), *после́днийь* ВВХ;

безударное окончание им. п. ед. ч. ср. р. /ojo/ представлено как [ыйо]: *фс'о был'ь наш'ь колхо́зныйо* ВВХ.

В окончаниях им. п. мн. ч. варьируют конечные [е]/[и]: *нар'адныйе, краси́выйе* 2×, *бол'ныйе, про́ч'ийе, ржа-ныйе, дру́жныйе, ниж'ильийе, веруш'-и'ийе* ВВХ; *длин'ныйе* НАИ; *заты-к'ныйи, вой'енныйи, ч'истыйи, из'одраныйи, хоро́ш'иуи, про́ч'иуи, дел'ныйи, желе́зныйи, ста́рыи-ть, краси́выйи, к'яр'енныйи* 2×, *ьдино́кийи, злыи* ВВХ.

Отмечены стяженные формы окончаний местоимений и прилагательных: *пузыр'ки́ как'и-ть иду́т; эт'ь ч'уд'ь ка-ко-т; вот наэ́рнь и Герма́нийь така́ жэ во́т; иду́т ко́торы ф снар'ад'ем при-й'еду́т; ба́тьюш'ки, бессты́дница ты э́дака; ко́торы с матер'ам не жы́вут; он'е худ'уш'и'и; хоро́шыи пиреда́ч'и ве-ду́т; то вре́ме ишио́ мы были́ м'лоды́ вопи'и'э* ВВХ (ср. без стяжения: *ва́нны там как'и-ть се́рвыдо́родныйи шч'о ли; ой, м'лоды́и* л'уди, *уос'ьди, как'и* вы

крас'ивыи фсе ВВХ); *Нало́ги-ти как'и бы́ли!; Мы, н'прим'ер, вот ф сеч'аснь вре́м'о фс'у стра́сну нед'ел'у хо́дим в храм; Йа уш не п'оку́. Не́къгд'ь пекч'и́. Не́т, йа гот'ову п'купа́йу; Была́ эт'ь до-ро́г'ь лы́шад'и́нь, а там пот'ом тр'опоч'-ка; И мы од'и́н рас пошл'и́ туд'а ф кино́. То́л'ко пришл'и́ — гроза́, гроза́! Уш така́ была́ гроза́, фс'о гор'ел'ь пр'ам'ь! До́ма-то пири́ж'ива́ли незна́м'ь как. Така́-ть грози́шиш'ь была́! Йа́вил'ис у́тр'ьм до́мо́й-ту, и кино́ не вида́ли, не състо́ялос. Та-ка́-то гроза́!; После́-то войн'ы́ как'а́ раз-ру́ха была́; Моло́ден'къ иеш'и'о́ н'ч'ала́ воз'ит'-ть нав'оз-от; У ково́ больш'и'-ти с'ем'и́и, у ково́ ма́лен'ки с'ем'и́и; А мор-ко́ф' вить как'а́ там была́! Крупней'у-и'и'ай'ь!; Йа не зна́йу, там как опр'иде-л'а́йут зе́мл'у-ту. По как'и́м-ть э́тим опр'идел'а́йут. Хоро́ша или нехоро́шай'ь земл'а́-ть; Йа г'ьвор'у́, шо нав'ер'нь го́да три, и мо́жно будит пил'и́ть на дрова́, на ко́торых на пе́рвых уч'а́сках, ко́торы пе́рвы бросили; НОКС был — дерив'ь-браба́тывы'иуш'и'ий к'ьмбин'ат, лы́ж-на фа́брикъ; В Ива́н'в'е ни устро́иш'а, то́же пл'ох'ь устро́ив'ьць, нет рабо́ты. Ива́нф'скийе то́же ко́торы и'езд'ат в Москву́; Не́ был'ь р'ьсхож'д'ени́й-то, не как сейч'ас. Сейч'ас то́ бед'нь, то́ боу́а́ть, а ра́н'и'е фсе э́дина́к'выи были. Притседа́тил' д'ь бу́галтир поб'ол'и'е-ть получ'а́ли, э́к'ьном'ист. А э́стал'ны́ фсе э́дина́к'вь п'ьлуч'а́ли; Кто уш на де́-с'ат', на два́цьть рубл'ей поб'ол'и'е-та. Фсе э́дина́к'выи (ср. без стяжения: *Да не мо́жно, а уш на́до бы. На́до бы уш пи-ли́т', фс'о з'ьросло́, уш дере́в'и́а-ти уш тут не зна́йу как'ийе*) ЛАК; Как он'е по-ра́н'си, ра́н'си (ран'ьше) ж'и́ли, йа не по́мн'у, йа иеш'и'о́ ма́лин'ка была́; Те-п'ер' уш ка́ка на́м'ат'? Теп'ер' фс'о за-бы́ли; Гни́лу карто́шку и'ели и голо́ныи нед'ел'ами сид'ели. Зал'езим ф сморо́дину, сид'и́м, и'е́ди́м сморо́дину, а и'ес'т' хоч'и́ць, э́то фс'о мы про́зили НАИ.*

Глагол

Зафиксирована форма инфинитива *пекчи́: йá уш ни п'оку́, нѣкъгда пекч'й* ЛАК; *У нáз бы кáк ни пекч'й здес' хлѣп* ВВХ.

Глаголы с корнями, оканчивающимися на заднеязычный согласный, имеют парадигму наст. вр. с твердым заднеязычным во всех формах типа *пекч'у — пекч'иш — пекч'от*: *И ни видáли, когдá нóч' пройд'от: тóл'къ врóди л'áгыш, б'уд'ат уш, дáром што жóбскъ б'ыло; Б'ыли тáкийе кáтк'и на лóшьде, в лóшьт' з'ьпр'áгыш, к кáткáм придѣльны б'ыли эти оглóбли, и лóшьт', розостѣл'ош эт'ят л'он н'ь лáдони, и лóшьт' йѣз'дит. Тепѣр' уш мы ни пекч'ом* ЛАК; *пиритриг'от, л'áгыш, л'áгыш* ВВХ.

Наблюдается выпадение *j* и стяжение гласных в формах глаголов с сочетанием *-аіе-*: 2 л. ед. ч. *д'эм'отáш, бѣгыш, вык'ш паш, работ'ш, таскáш* ЛАК; *зábег'ш, мотáш* ВВХ; 3 л. ед. ч. *посóвыѣт, зделат, работат, получ'ат, знат, назывáтса* ЛАК; *работат, вал'áтсь* НАИ; *прихрáмыват, н'ькатáт, хвостом вил'áт, н'ьч'инáтсь* ВВХ; 1 л. мн. ч. *дом'отывам, ѣддыхáм, п'ькупáм* ЛАК; *-еіе-*: 3 л. ед. ч. *голóфк'ь-ть когдá соснѣт; покраснѣт* ЛАК.

Согласный постфикс твердый: *л'уб'уйитис, н'ьзывáлас* ЛАК; *остáл'ьс, пришил'ос* НАИ; *звáл'ьс, н'ьзывáлса, сход'илиса* ЛАК; *остáлиса* НАИ.

Страдательные причастия прошедшего времени имеют суффикс *-он-*: [В то время уж был один колхоз?] — *Один. Оди́н, оди́н, оди́н. С'ьйидин'оны б'ыли фсе три колхóз'ь; Б'ыли уш с'ьйидин'оны колхóзы-те* ЛАК; от глаголов на *-ать* образуются с суффиксом *-т-*: *Уйейó ф сарáйки был сóбрат и эт'ят, она́ мнóг'ь наткáль себѣ п'львикóф-ту там* ЛАК.

С. В. Дьяченко, А. В. Малышева

Литература

АОС — О. Г. Гецова (ред.). Архангельский областной словарь. Вып. 1—6. М., 1980—2015—.

Брок 1907 — О. Брок. Описание одного говора из юго-западной части Тотемского уезда // Сборник ОРЯС. СПб, 1907, т. 83.

Виняр, Герасименко 2015 — А. И. Виняр, Е. А. Герасименко. Исследование правил дистрибуции вариантов постпозитивной частицы *-то* в севернорусском говоре с использованием корпусных методов // Актуальные проблемы русской диалектологии. К 100-летию издания Диалектологической карты русского языка в Европе: Тезисы докладов Международной конференции 30 октября — 01 ноября 2015 г. / Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, М., 2015. — 232 с.

Галинская 2005 — Е. А. Галинская. Изменение [а] в [е] в истории русских диалектов // Вестник московского университета, сер. 9. Филология. № 4. М., 2005. С. 42—54.

ДАРЯ — Диалектологический атлас русского языка. М., 1986—2004.

Жигульская 2014 — В. Р. Жигульская. Акустические характеристики рефлексов «е открытого» и «е закрытого» в говоре деревни Михалёвская Архангельской области (старшее поколение) (курсовая работа).

Захарова, Орлова 1970 — К. Ф. Захарова, В. Г. Орлова. Диалектное членение русского языка. М., 1970.

Игнатенко 2015 — Д. И. Игнатенко. Реализация звука на месте литературного [ш'] в говоре деревни Михалёвская Устьянского района Архангельской области // Актуальные проблемы русской диалектологии. К 100-летию издания Диалектологической карты русского языка в Европе: Тезисы докладов Международной конференции 30 октября — 01 ноября 2015 г. / Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, М., 2015. С. 75—77.

Касаткин 1999 — Л. Л. Касаткин. Современная русская литературная и диалектная фонетика как источник для истории русского языка. М., 1999.

Касаткин 2005 — Л. Л. Касаткин (ред.). Русская диалектология. М., 2005.

Касаткин, Касаткина 1992 — Л. Л. Касаткин, Р. Ф. Касаткина. Противопоставление согласных по напряженности — ненапряженности в севернорусских говорах // Русистика сегодня: Функционирование языка: лексика и грамматика. М., 1992.

Князев 1991 — С. В. Князев. О связи особенностей артикуляционной базы говора с характером противопоставления глухих и звонких, твердых и мягких согласных // Современные русские говоры. М., 1991.

Корпус — Язык бассейна Устья. Корпус северно-русской диалектной речи [Электронный ресурс]. — Берн, Москва: 2013—2014. — Режим доступа: <http://parasolcorpus.org/Pushkino/login.php>.

Левин 2014 — И. С. Левин. Реализация ударного этимологического *ѣ между мягкими согласными в говоре Устьянского района Архангельской области / Проблемы языка: Сборник научных статей по материалам Третьей конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых ученых» // Науч. ред. Е. М. Девяткина, Д. С. Ганенков, Ю. В. Мазурова, Д. В. Маховиков, А. Б. Шлуинский. М., 2014.

МДАРЯ, БСТ — Материалы Диалектологического атласа русского языка. Большой северный том. Архив, хранящийся в ИРЯ РАН.

Отчеты 2015 — Отчет об экспедициях отдела диалектологии и лингвогеографии ИРЯ РАН в 2014 году (С. В. Дьяченко, И. А. Букринская, И. И. Исаев, О. Е. Кармакова, А. В. Малышева, А. В. Тер-Аванесова) / Под общей редакцией А. В. Тер-Аванесовой // Русский язык в научном освещении. № 30 (2). 2015. М., 2015. С. 217—250.

Пожарицкая 2005 — С. К. Пожарицкая. Русская диалектология. М., 2005.

Сологуб 1970 — А. И. Сологуб. Изменение гласного /а/ после мягких согласных в /е/ в положении перед последующим мягкими согласными // В. Г. Орлова и др. (ред.) Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров: по материалам лингвистической географии. М., 1970. С. 17—22.

Фасмер — М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Тт. 1—4. М., 1986—1987.

von Waldenfels, Daniel, Dobrushina 2014 — R. von Waldenfels, M. Daniel, N. Dobrushina. Why standard orthography? Building the Ustyia river basin corpus, an online corpus of a Russian dialect / Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 4—8 июня 2014 г.) // Под общ. ред. В. Селегея. Вып. 13(20). М., 2014. С. 720—728.

von Waldenfels et al. 2015 — R. von Waldenfels, M. Daniel, N. Dobrushina, I. Levin, O. Sozinova, A. Ter-Avanesova, V. Zhigulskaja. Modelling speaker variation and dialect change in Northern Russia // The International Conference on Language Variation in Europe, ICLaVE 27.05.2015, Leipzig.

Zhigulskaja 2015 — V. Zhigulskaja. A variation study of third person pronouns in prepositional constructions: a North Russian Dialect // The International Conference on Language Variation in Europe, ICLaVE, 27.05.2015, Leipzig.

*Получено 20.07.2016
Received on 20.07.2016*

VI Международная школа-семинар молодых лексикографов и лингвогеографов

4–5 ноября 2015 года в Институте лингвистических исследований РАН (ИЛИ РАН) состоялась VI Международная школа-семинар молодых лексико-

графов и лингвогеографов, которая была организована Словарным отделом ИЛИ РАН совместно с Кафедрой русского языка, журналистики и теории

коммуникации Вологодского государственного университета при финансовой поддержке ФАНО за счет субсидии, выделенной на выполнение государственного задания.

Школа-семинар, направленная на передачу академических традиций лексикографии и лингвогеографии молодым исследователям, проводится ежегодно с 2010 года¹. Традиционно работа школы-семинара включает в себя лекции опытных лексикографов и лингвогеографов, выступления с научными докладами молодых ученых, а также обсуждение лингвистических карт на картографическом семинаре. Тема школы 2015 года — «Современная русская лексикография и лингвогеография: работа с сопоставительными лингвистическими источниками и материалами этнокультурологического характера». Вокруг школы-семинара сложился коллектив постоянных участников из Вологды, Краснодара, Москвы, Перми, Санкт-Петербурга. В 2015 году к участию подключились коллеги из Иванова, Казани, Стерлитамака, Уфы, а также Минска (Республика Беларусь).

С приветственным словом к участникам школы-семинара обратился ведущий Словарным отделом ИЛИ РАН С. А. Мызников (Санкт-Петербург), в котором он сообщил о словарях и лингвистических атласах, над которыми ведется работа в ИЛИ РАН.

В рамках работы школы-семинара прозвучали лекции ведущих ученых, посвященные истории и актуальным проблемам лингвогеографии и лексикографии. С. А. Мызников напомнил участникам об основных этапах становления и развития традиций зарубежной и отечественной лингвогеографии, особо упомянув о деятельности и научных трудах Ж. Жильерона, А. Доза, Д. В. Буб-

риха, Р. И. Аванесова, Ф. П. Филина, А. Ф. Войтенко, Л. П. Комягиной, И. А. Попова и др., а также рассказал о типах и характерных особенностях лингвистических атласов разных территорий (Франции, Европы, Европейской части России, района озера Селигер и др.). В заключение своей лекции С. А. Мызников констатировал, что русская лингвогеография переживает в настоящее время пору расцвета, и пожелал, чтобы работа над всеми начатыми в последние годы отечественными лингвистическими атласами завершилась в обозримом будущем. Л. Я. Костючук (Псков) в своей лекции «Диалектные словари как источник ЛАРНГ и ПОС»² отметила, что при работе с диалектным материалом обязательно знание не только этимологии слов, но также истории и этнографии исследуемого региона. При этом в ходе лексикографической и лингвогеографической работы, по мнению лектора, необходимо обращать внимание на каждую лексическую единицу и не торопиться ее «выбрасывать», даже если фиксация такой единицы на первый взгляд кажется ошибочной. Л. Я. Костючук напомнила аудитории об «эффekte Глускиной» и поделилась показательными случаями из собственного и чужого опыта составления словарей и лингвистических карт. Так, при работе над картой «Кучка земли, вырытая кротом» для Общеславянского лингвистического атласа была выявлена русская лексема *кротовина*, имеющая также значение ‘нора крота или другого грызуна’ [Попов 1974], что сперва было воспринято как ошибка, но впоследствии признано результатом звантисемии. Высказав мысль, что каждый атлас, словарь, научная статья является подспорьем и «поисковиком» для дру-

¹ О школе-семинаре 2011 года см. [Гайдамашко, Малышев 2012].

² ЛАРНГ — «Лексический атлас русских народных говоров»; ПОС — «Псковский областной словарь с историческими данными».

гого исследователя, Л. Я. Костючук выразила сожаление, что в современных трудах по диалектологии далеко не всегда даются ударение и транскрипция.

Первое заседание (председатель И. Е. Колесова) открыл доклад *Ю. Н. Драчёвой* (Вологда) «Традиционная народная культура и ее репрезентация в текстах масс-медиа», в котором было показано, что в рассматриваемых текстах «народность» культуры сводится к упрощенно подаваемым и стереотипизированным образам, ярким фольклорным жанрам на фоне обеднения или потери духовно-нравственного содержания текстов народной культуры. Особенности коммерческого использования образов традиционной культуры приводят к тому, что стилизация народной, фольклорной речи становится формальным признаком персонажей, а ценности русской народной культуры подменяются рекламным содержанием. *Е. В. Булина* (Уфа) поделилась опытом составления словарной статьи «Ледяной», которая является фрагментом подготавливаемого Словаря концепта «Зима». Были рассмотрены дефиниция, этимология, сочетаемость слова «ледяной», его место в лексической системе и функционально-речевой континуум. Доклад вызвал дискуссии о понятиях «сочетаемость», «ассоциация», «реакция на стимул», о взаимосвязи образа и понятия. В продолжение темы концептографии был заслушан доклад *Р. В. Мурзабулатовой* (Стерлитамак) «Концепт «Весна» в русской языковой картине мира (к проблеме лексикографической параметризации)», в первой части которого была представлена информация о происхождении, истории и семантике ключевого слова концепта, а во второй — лексическое, фразеологическое, контекстное и текстовое наполнение концепта в мифологии, обрядовых текстах, устном народном творчестве, русской поэзии и прозе, живописи и музыке. *А. А. Григорян*

(Иваново) начала свой доклад «Толковые словари русского языка как источники для описания терминологии сферы делопроизводства» с того факта, что до настоящего времени не существует единого специализированного словаря-справочника по делопроизводственной терминологии. Составление такого справочника, уже включающего более 1280 единиц, требует от словарного коллектива из Иваново привлечения большого количества различных источников (около 200) — судебных, законов, указов, регламентов, уложений, классификаторов, стандартов, ГОСТ, специальных терминологических словарей, учебников по документоведению, а также толковых словарей русского языка, которые послужили для составителей справочника отправной точкой и часто единственным источником того или иного термина. При обсуждении доклада *В. К. Щербин* поделился тем, что составил в свое время свод специальной лексики, включающий около 35000 терминов, большинство из которых не были отражены в толковой лексикографии, и заключил, что создать системный, полный и научный справочник делопроизводственной терминологии на основе только толковых словарей невозможно, так как в них эта терминология не представлена как терминосистема. После прений *А. А. Григорян* резюмировала, что целесообразно составлять словарь, изучив историю развития терминологии, поэтому в подготавливаемом словаре-справочнике по возможности будет отражена информация энциклопедического и исторического характера. *Н. А. Шамова* (Иваново) в своем докладе обратилась к вопросу создания электронного корпуса английской терминологии киноиндустрии XXI века. С возникновением новых жанров фильмов, профессий, типов съемки меняется и язык киноиндустрии, появляются новые термины, образуются новые

аббревиатуры, выражения и словосочетания, например, *torpet* ‘ребенок-актер’, *macGuffin* ‘событие или предмет, которые могут лечь в основу сценария’, *F/X* ‘визуальные спецэффекты’ и др. Постоянно пополняемый корпус будет предоставлять информацию об особенностях, закономерностях, контекстах и частотности употребления слов, коллокациях, устойчивых или фразеологических словосочетаниях, фразовых глаголах, синонимах и др.

Второе заседание (председатель Ю. Н. Драчёва) открылось докладом Е. А. Ковригиной (Москва) об истории глагола *болеть* и производных существительных *бóлеть* и *болéзнь* в современных говорах Архангельской области. А. И. Мацкевич (Казань) выступила с докладом на тему «Культурная значимость концепта “святой” и проблема его лексикографического описания». М. Г. Соломатина (Москва) представила проект словаря «Народное православие», составляемого на основе вышедших томов «Архангельского областного словаря», его бумажной и электронной картотек, а также полевых записей автора. В рамках своего доклада «Записи диалектной речи в контексте реализации регионального компонента школьного и вузовского филологического образования» М. И. Черняева (Вологда) отметила, что работа с диалектными текстами имеет огромную практическую значимость в обучении русскому языку. Некоторые процессы параллельного словообразования в вологодских говорах были рассмотрены И. Е. Колесовой (Вологда). Оживленное обсуждение и вопросы присутствовавших вызвал доклад В. В. Шаповала (Москва) «Неточности в географических и хронологических пометах как результат инерции восприятия при копировании и интерпретации», в котором на материале преимущественно диалектных словарей были проанализированы хроно-

логические и географические пометы, не вполне соответствующие заявленному предмету описания, как например, «**Яран**[ский уезд Вятской губернии].» вместо «**Ярен**[ский уезд Вологодской губернии].», «**Трал.**» вместо «**Урал.**», «**Казан.**» вместо «Казак» и т. п. Был рассмотрен редкий случай, когда при цитировании статьи в «Словаре русских народных говоров» географические пометы несколько раз были взаимно перенесены на слова одного из двух небольших соседних списков, опубликованных акад. А. Ф. Бычковым: «**Влад.**, Валд. **Новг.**» вместо «**Влад.**» или «Валд. **Новг.**» в каждом отдельном случае. Также были приведены некоторые примеры описания диалектных слов с ошибочными временными и географическими рамками бытования. Так, например, в диалектном словаре, хронологически ограниченном XIX—XXI веками, дана лексема *измедеть* (фольк.) ‘стать похожим на медь’ без указания географии и даты, но со ссылкой на «Великорусские заклинания» Л. Н. Майкова, вышедшие в 1869 г. Л. Н. Майков в свою очередь процитировал фрагмент сочинения Ф. И. Буслаева, где в русском переводе дан отрывок из рукописного Лечебника XVII в. Таким образом, фольклорное *измедеть* (в библейской цитате по неопределенному церковнославянскому переводу) в действительности восходит к заговору XVII в., лишь процитированному учеными XIX в.

Часть докладов заключительного заседания первого дня (председатель Л. Я. Костючук) была посвящена исследованию отдельных лексико-семантических и тематических групп словаря: М. Д. Королькова (Санкт-Петербург) «Особенности построения словаря ремесленной диалектной лексики (на примере ремесленной лексики говоров Присурского Поволжья)», М. А. Гранова (Пермь) «Применение лингвистических баз данных в лексикографии (на примере

ЛБД «Человек со сверхъестественными свойствами»», *С. Рагасова* (Иваново) «Наименования некоторых видов мусульманской женской одежды в русских словарях и средствах массовой информации». *С. Ф. Литуриди* (Краснодар) в докладе «Фразеография и культура» сообщила о контрастивной фразеографии — новом направлении, развивающемся на базе контрастивной лингвистики и лексикографии. В докладе «Лексические особенности языка жителей села Кананикольского Зилаирского района Республики Башкортостан» *М. А. Давыдова* (Стерлитамак) рассмотрела фонетические, словообразовательные и семантические диалектизмы одного населенного пункта. Выступление *А. В. Демченко* (Краснодар) «Презентация лексических единиц информантом: способы толкования» осветило способы толкования диалектных слов жителями станицы Бузиновской Выселковского района Краснодарского края. В исследовании *М. В. Ведешкин* (Санкт-Петербург) «Эргонимы современного города» были проанализированы некоторые наименования предприятий общественного питания в Таллинне и Санкт-Петербурге. Особый интерес аудитории был проявлен к докладу *Т. В. Комиссаровой* (Вологда) «Словарная работа на занятиях в группах раннего развития детской речи», посвященному проблеме освоения новых слов в процессе раннего эстетического развития детей 3–4 лет по авторской программе «Развитие речи. Театральные игры», которая базируется на положениях деятельностной концепции образования (А. Н. Леонтьев, Л. С. Выготский, Д. Б. Эльконин и др.), использует приемы логоритмики и включает в себя компоненты арттерапии.

Второй день школы-семинара начался с чтения лекций. *А. С. Герд* (Санкт-Петербург) рассказал собравшимся об истоках, становлении и современном состоянии академической толковой

лексикографии русского языка, кратко остановившись на характеристике и отличительных особенностях каждого словаря (начиная со «Словаря Академии Российской» и заканчивая «Большим академическим словарем русского языка», к настоящему моменту дошедшим до буквы Р), в том числе, на хронологических рамках, системе грамматических и стилистических помет и др. Было подчеркнуто, что теория лексикографии имплицитно изложена во введениях и вступительных статьях к словарям. В лекции *А. С. Герда* также были затронуты вопросы языковой нормы и содержания понятия «литературный язык». Критический пафос выступления *В. К. Щербина* (Минск) «Ознакомление с нормами словарной этики — обязательный элемент профессиональной подготовки лексикографа» был направлен на нарушения норм словарной этики (словарный плагиат, словарные компиляции, издание псевдословарей, написание заказных негативных словарных рецензий и т. п.). Для искоренения этих нарушений предполагается решить ряд задач: сформировать в рамках отечественной металексикографии новое направление — словарную этику; выявить и кодифицировать неписанные пока нормы словарной деятельности, а также разработать организационно-правовые и морально-психологические меры воздействия на нарушителей таких норм; отразить нормы словарной этики и меры в сводном документе — моральном кодексе лексикографа. В своей лекции *О. М. Фишман* (Санкт-Петербург) представила участникам школы-семинара проект подготавливаемого в Российском этнографическом музее «Этноконфессионального атласа Ленинградской области» и поделилась опытом создания соответствующих электронных карт. Черновой оригинал-макет Атласа насчитывает 830 страниц и содержит более 220 карт, 70 гистограмм и 370 ил-

люстраций. Атлас состоит из 4 разделов: 1. История освоения территории (в том числе история местной крестьянской и монастырской колонизации с картами почитаемых камней, каменных и деревянных крестов); 2. Политико-административное устройство (значительное число карт выявлено впервые, иные ранее были известны, но не публиковались); 3. Этническая история (сведения об этническом составе и традиционной культуре населения в виде карт, списков, гистограмм и иллюстраций); 4. Конфессиональная история (полностью восстановлена история местного старообрядчества, новые данные принесло картографирование по храмонаименованиям). Хронологически Атлас охватывает период с XVI до начала XXI века. За основу картографирования взята деревня. Работа над Атласом велась не только в библиотеках, архивах и музеях, но и «в поле», много ценной информации было получено от историков (включая археологов, историков религии и др.), а также самих жителей Ленинградской области и краеведов.

Доклады на заседании второго дня (председатель А. С. Герд) были посвящены проблемам белорусской толковой лексикографии, русской диалектной лексикологии и лингвогеографии: *А. А. Морозова* (Минск) «Проблема отображения вариантных лексических единиц в новом фундаментальном «Толковом словаре белорусского языка», *С. В. Липницкая* (Минск) «Новый фундаментальный толковый словарь белорусского языка: проблема подачи грамматической характеристики глагола», *С. А. Ганичева* (Вологда) «Видоспецифичные и невидоспецифичные глаголы-зоофоны (на материалах картотеки «Лексического атласа русских народных говоров)», *Н. В. Шевченко, В. В. Липатов* (Санкт-Петербург) «Исторические процессы образования наименований растительного и животного мира в говорах Тверской области».

Научный форум традиционно завершился картографическим семинаром молодых лингвогеографов. Заранее участникам было предложено составить карты по предоставленным материалам в соответствии с правилами ЛАРНГ. Создание лингвистической карты предполагает отбор материала для картографирования, выработку легенды карты, выбор картографических значков и выделение ареалов. И лишь после проведения такого плана работы устанавливается цель каждой конкретной карты, поскольку предварительно оценить, какому именно аспекту она будет посвящена — фонетике, морфологии или лексике, не всегда представляется возможным. На семинаре в 2015 г., которым руководили Е. Н. Ильина и С. А. Ганичева (Вологда), было предложено составить карту Л 341 «Петь (о петухе)». Для обсуждения на семинаре были представлены три карты (С. А. Ганичева, М. Д. Королькова, В. В. Шаповал), каждая из которых отличалась от остальных самостоятельным решением в плане отбора материала и концепции. На картах были различно представлены соотношения и ареалы лексем — *петь*, *кукарéкать*/*кукурéкать*/*кукурíкать*, *кикíрэкать*/*кикирíкать*, *кукарéчить*/*кукурéчить* и др. По результатам обсуждения карт Е. Н. Ильина заключила, что все три карты получились, но не лексико-словообразовательными, а фоно-морфемными.

При подведении итогов школы-семинара среди прочего было предложено привлечь к работе больше специалистов по лингвогеографии и учебной лексикографии, и также отмечено, что школа-семинар проведена на высоком научном уровне, а одна из важнейших ее задач — собрать и познакомить молодых ученых, занимающихся проблемами лексикографии и лингвогеографии, — достигнута.

По материалам школы-семинара опубликован сборник статей [Сборник 2015].

Л и т е р а т у р а

Гайдамашко, Малышев 2012 — Р. В. Г а й - да м а ш к о, А. А. М а л ы ш е в. Академическая школа-семинар для молодых ученых «Современная русская лексикография» // Вопросы языкознания. 2012. № 3. С. 158—159.

Попов 1974 — И. А. П о п о в. О двух лексико-семантических группах в славянских языках: слова со значением 'крот' и 'кучка земли, вырытая кротом' (в связи с составлением ОЛА) // Общеславянский лин-

гвистический атлас. Материалы и исследования. 1974 / Отв. ред. Р. И. Аванесов. М., 1976. С. 82—92.

Сборник 2015 – Современная русская лексикология, лексикография и лингвогеография. 2015: Сборник статей / Отв. ред. О. Н. Крылова. СПб., 2015.

*Р. В. Гайдамашко,
М. Д. Королькова, О. Н. Крылова*

*Получено 16.06.2016
Received 16.06.2016*

РЕЦЕНЗИИ

Д. О. Добровольский. Беседы о немецком слове.

М.: Языки славянской культуры, 2013. — 742 с.

Книга Д. О. Добровольского «Беседы о немецком слове» представляет собой объемный труд и отражает современное состояние лингвистических исследований в российской германистике. «Беседы о немецком слове» продолжают традиции, заложенные в российской лингвистике работами таких авторов — назовем лишь немногих, — как К. Г. Крушельницкая [2008], А. Д. Райхштейн [1980], А. Л. Зеленецкий, П. Ф. Монахов [1983]. При всем отличии концепций, целей и задач упомянутых исследований общим для них является сопоставительный подход к описанию языков, тонкий анализ сходств и различий в сравниваемых языках, опирающийся на лингвистические теории, актуальные для времени создания и публикации работ. В своей книге Д. О. Добровольский, следуя традиции, использует современный лингвистический терминологический и понятийный аппарат, отражающий положения лексико-семантических теорий, прагматики, теории перевода, грамматики конструкций, а также методы когнитивной и корпусной лингвистики. Привлечение положений смежных лингвистических направлений позволяет автору описать широкий круг языковых феноменов, способы их формализации и представления в лексикографической практике.

Композиционно книга состоит из главы, носящей вводный характер (глава 1), и двух больших частей, связанных друг с другом общей логикой исследования. В первой части автор концентрируется на проблемах лексикографи-

ческого описания слова (глава 2), использования корпуса параллельных текстов в целях исследования лексической семантики сопоставляемых языков (глава 3), а также на вопросах межязыковой эквивалентности (глава 4). Вторая часть книги посвящена некоторым специфическим немецким конструкциям (глава 5), структуре и семантике фразеологии (глава 6), проблемам сопоставительной фразеологии немецкого и русского языков (глава 7) и представлению фразеологии в лексикографической практике (глава 8). Главы дробятся автором на параграфы, в которых теоретические положения предваряют анализ конкретных языковых явлений. Результаты анализа резюмируются в выводах после каждого параграфа. В «Беседах о немецком слове» часть материала написана по-русски, часть — по-немецки, что является достоинством монографии, так как знакомит читателя с терминологическими соответствиями в русской и немецкой лингвистических традициях.

Вводная глава (глава 1) содержит обзор лингвистических теорий, возникших в Германии в XIX—XX вв. Отправную точку образует исторический экскурс, содержащий сжатое изложение взглядов В. фон Гумбольдта, который, по мнению Э. Кассирера [2011: 75, 83—90], опирался на философию Канта и вслед за Аристотелем и Гердером рассматривал язык как деятельность. Подобное представление было новым в науке о языке первой половины XIX в., когда язык — с опорой на традиции антично-

сти, Средних веков и Нового времени — понимался как продукт деятельности, описываемый множеством грамматических правил и содержащий массив слов.

Анализируя влияние лингвофилософии В. фон Гумбольдта на последующие поколения филологов в Германии, России и США, автор книги кратко рассматривает американскую и немецкую «ветви» неогумбольдтианства, а затем переходит к изложению основных положений теории семантического поля в концепции Й. Трира. Глава завершается определением понятия «семантический признак», который понимается как «конструктивный элемент языкового знака», и рассмотрением преимуществ и недостатков метода семантической декомпозиции, опирающегося на идею о том, что значение языкового знака обладает определенной структурой и «принципиально членимо на более элементарные составляющие» [с. 25].

Первая часть «Бесед о немецком слове» начинается с изложения принципов лексикографического описания слова, легших в основу [НБНС], — ввод в описание новых (по сравнению с традиционной лексикографией) категорий и субкатегорий, характеризующих различные морфосинтаксические классы слов, ориентация на системную подачу материала внутри каждого семантического класса и др. Эти принципы проиллюстрированы на примерах частиц *ja, mal, nur, aber*, наречий *sehr, höchst, wenig, besonders, jemals, davon/wovon, allerdings, schließlich*, местоимения *jeglicher*, местоименных наречий, грамматических фразеологем.

Двуязычная лексикографическая практика, способствуя выработке принципов составления словарей, вынуждает лексикографов решать нетривиальные лексико-семантические задачи, связанные с отбором слов и их толкованием в словнике, с межъязыковым сходством/раз-

личием в значении и употреблении слова в языке оригинала и языке перевода, а также адекватным отражением этой информации в словарной статье. К традиционным проблемам составления двуязычных словарей относятся также способы представления полисемии, омонимии, синонимии и антонимии в исходном языке и языке перевода, стилистическая дифференциация лексики и указание контекстов употребления. В главе 2 на примере лексических единиц, относящихся к разным морфологическим разрядам, показано, как были решены эти задачи в НБНС. Так, в частности, описание семантических различий в употреблении синонимичных пар *beleidigen — kränken* в немецком и *обидеть — оскорбить* в русском языке и их лексических дериватов основано на идее выделенности (или профилированности) отдельных семантических признаков в противоположность другим признакам, которыми обладают немецкие и русские пары глаголов.

В главе 3 основное внимание уделено вопросам использования корпусов параллельных текстов в таких сферах, как составление двуязычных словарей, преподавание немецкого языка и перевод. Автор начинает главу с описания задач, принципов построения и состава немецко-русского и русско-немецкого корпуса параллельных текстов в Национальном корпусе русского языка. Возможности работы с корпусом параллельных текстов показаны на примерах того, как функционируют в немецком и русском языках лексические единицы *nein — нет*, пространственно-дейктические элементы *hin u her* и их русские соответствия и какие эквиваленты русским *чрезвычайно* и *замечательный* имеются в немецком.

Данные корпусной лингвистики позволяют описать лингвоспецифическую лексику немецкого и русского языков. Теоретическим основанием для подобных

исследований выступают следующие положения [с. 237]:

— лингвоспецифическая лексика связана не только с реалиями, но и с непредметными семантическими классами;

— динамика узуса влияет на комбинаторный потенциал лексических единиц, их прагматические и семантические характеристики.

В качестве иллюстрации приводится сопоставительный анализ русского глагола *usmexаться/usmexнуться* и его немецких эквивалентов. Показано, что русский глагол в настоящее время чаще употребляется как семиотический, а его немецкие эквиваленты — как мимические глаголы, что нередко затрудняет его адекватный перевод на немецкий язык. Этот сопоставительно-лексикографический экскурс завершается указанием на перспективы исследований динамики узуса, связанные с построением типологии языковых изменений и анализом стоящих за ними механизмов в обоих языках.

Далее Д. О. Добровольский переходит к анализу приемов, используемых при переводе на немецкий язык такого культурно-специфичного пласта лексики, как русские обращения. Специфика лексики с вокативным потенциалом формируется национальным культурным пространством и в межязыковом аспекте является нетривиальной сферой исследования. Общим для лексических единиц, функционирующих как обращения, является их ситуативная обусловленность, маркирование социального статуса говорящих и отражение совокупности конвенций, принятых в том или ином культурном пространстве. В качестве материала для сопоставительного исследования обращений Д. О. Добровольский использует параллельные русско-немецкие тексты произведений А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, А. П. Чехова и других авторов. Корпус параллельных текстов,

как следует из этого анализа, служит надежным источником информации о культурно-специфичных режимах употребления вокативов, позволяя установить, в частности, какие приемы и трансформации используются при передаче русских обращений на немецкий язык, и подобрать функционально адекватные эквиваленты.

Глава 4 посвящена лингвистическим аспектам перевода русских литературных текстов на немецкий язык. Здесь Д. О. Добровольский обращается к таким темам, как различия в категоризации и структуре русского и немецкого языков, расхождения в прагматических конвенциях, типы и модусы перевода. Значительную часть этой главы составляет анализ переводческих трудностей, связанных с нестандартным словоупотреблением у А. С. Пушкина, фразеологией в прозаических текстах А. С. Пушкина и Ф. М. Достоевского. Главой 4 Д. О. Добровольский завершает сопоставительное рассмотрение слова как единицы в лексической системе немецкого и русского языков.

Во второй части монографии рассматриваются языковые единицы большие, чем слово. Так, в главе 5 исследуются в сопоставительном аспекте немецкие конструкции с глаголами движения *fahren*, *fliegen*, *gehen*, *laufen*, *schwimmen*, обстоятельство-временные конструкции, а также конструкции *vor sich hin* и *vor sich her*.

В сравнении с русскими эквивалентами немецкие глаголы движения *fahren*, *fliegen*, *schwimmen* характеризуются структурной многозначностью, обусловленной их переходным употреблением, когда глагол обозначает не только движение, но еще и каузацию движения (например: *er kann Auto fahren* — 'он умеет водить машину'). Другой типологической особенностью немецких глаголов с семантикой движения в сравнении с русскими является то, что

они могут использоваться и при смещении фокуса с самого движения на «сопутствующие ему моменты», такие как цель передвижения в пространстве, объекты, на которые при движении оказывается воздействие и проч., например: *schnell laufen* — *быстро бегать/бежать*, *sich warm laufen* — *согреться от бега*, *Schi laufen* — *ходить на лыжах*, *einen neuen Weltrekord laufen* — *установить новый мировой рекорд в бегах*. В русском языке при изменении аргументной структуры часто происходит смена глагола.

Исследование Д. О. Добровольским конструкций *vor/seit/nach* + [квантификатор] + существительное со значением отрезка времени и [квантификатор] + существительное со значением отрезка времени + *danach* в сопоставительном ключе показывает, что, в отличие от русского языка, квантификатор в немецких конструкциях является факультативным элементом, если существительное употребляется во множественном числе. В этом случае сама грамматическая форма множественного числа передает идею множественности: *seit Wochen* — *vor Wochen*. Если квантификатор употребляется в конструкции, то морфологически он может быть выражен в немецком языке неопределенным артиклем, прилагательным (*viele*) или местоимением со значением неопределенного множества (*einige, wenige, mehrere*). Структурное сходство, связанное с наличием/отсутствием квантификатора в подобных конструкциях, демонстрируют следующие немецкие и русские выражения: *Jahre danach* — годы спустя, *einige Zeit danach* — спустя какое-то времени. Значительное внимание в исследовании конструкций с обстоятельственно-временной семантикой уделено комбинаторному потенциалу квантификаторов и обусловленным им семантическим различиям.

В этой же главе обсуждается связь грамматики конструкций и фразеологии. Как пишет Д. О. Добровольский, отправной точкой является представление о том, «что синтаксические схемы часто небезразличны к своему лексическому наполнению и что для полного описания синтаксиса необходимо учитывать нерегулярные феномены, часто напоминающие устойчивые сочетания слов, традиционно изучаемые в рамках фразеологии» [с. 416]. Языковыми единицами, изучение которых находится в зоне пересечения синтаксиса и лексики, являются фразеологизмы-конструкции, которые определяются как синтаксически автономные выражения устойчивого состава с некоторыми пропущенными в них элементами (актантами — обычными (X) или пропозициональными (P)), такие как: *eine Seele von Mensch, ein Betonklotz von einem Hotel; So ein Glück!; Welch eine Freude!; es ist zum Verrücktwerden* и проч.

Анализ функционирования идиом в конкретных текстах выявляет зависимость семантики идиомы от контекста ее употребления, что осмысливается в грамматике конструкций как конструктивное «принуждение» (coercion). Это явление проиллюстрировано на примере русской идиомы (*че-л.*) *дело десятое* и ее немецких эквивалентов. Далее рассматриваются немецкие конструкции *vor sich hin* и *vor sich her*, описывается их комбинаторно-семантический профиль, для конструкции *vor sich hin* указываются омонимичные конструкции и приводится типология глаголов, которые сочетаются с данной конструкцией. В параграфе, где обсуждаются данные конструкции, как представляется, было бы интересно привлечь к анализу и строфу из стихотворения Гёте «Gefunden»:

Ich ging im Walde
So für mich hin,
Und nichts zu suchen,
Das war mein Sinn.

Следующие три главы посвящены фразеологии. В главе 6 рассматриваются вопросы, связанные со структурой и семантикой фразеологических единиц. В этой главе автор обсуждает феномен семантической членимости идиом, пишет о вариативности фразеологических единиц и приводит типологию модификаций фразеологизмов, подробно останавливаясь на возможности пассивизации немецких фразеологических единиц. Глава 7 посвящена истории изучения немецкой фразеологии в сопоставлении с русской. Перечисляются типы межъязыковой эквивалентности в традиции сопоставительных исследований, обсуждается понятие эквивалентности во фразеологии, которое оказывается различным в переводе и в системе языка. Последняя глава «Бесед о немецком слове» рассматривает круг проблем, относящихся к отражению фразеологии в двуязычных словарях. Двуязычная лексикографическая практика исходит из двух аспектов межъязыковой эквивалентности: эквивалентности в переводе и эквивалентности в системе языка. По мнению Д. О. Добровольского, лексикография должна ориентироваться на функциональную эквивалентность. Автор определяет функциональные эквиваленты «как максимально близкие по актуальному значению и — в идеальном случае — по внутренней форме единицы, которые могут использоваться в аналогичных типах ситуаций без информационных потерь, причем это совершенно не обязательно отношение «фразеологизм — фразеологизм»» [с. 665]. Стратегии нахождения функциональных эквивалентов и их фиксация в словарях могут опираться на употребление фразеологизмов в текстах — т. е. обнаруживать вектор анализа от *речи* к *языку* — или сопоставлять фразеологические системы с учетом аутентичных текстов — т. е. следовать от *языка* к *речи*.

Название книги — «Беседы о немецком слове», — не скрывая автора в выборе обсуждаемых тем и привлекаемых теоретических положений, настраивает читателя на обсуждение самого широкого спектра лингвистических вопросов в лингвофилософском ключе, тем более что первая глава начинается с обсуждения воззрений В. фон Гумбольдта на язык и рецепции его идей лингвистами XX века. Кратко анализируя европейскую и американскую ветви неогумбольдтианства, Д. О. Добровольский не ограничивается изложением основных положений и упоминает о критике этого направления в лингвистике, в частности, в работах Р. А. Будагова и В. В. Виноградова, которая отчасти была идеологически окрашенной.

Выведение за рамки «Бесед о немецком слове» широкого культурно-филологического контекста, в котором возникли концепции Й. Трира и Л. Вайсгербера, и более детального обсуждения того, как воспринимались их работы языковедами в СССР, несколько обедняет содержание книги и не раскрывает динамику в рецепции идей неогумбольдтианства в России на протяжении XX века¹. И хотя жанр рецензии — по определению — также не предполагает освещения данного вопроса в сколько-нибудь значимом объеме, все же укажем, что в лингвистическом аспекте идеологически маркированным и отрицательным оценкам теорий Й. Трира и Л. Вайсгербера в официальном советском языкознании можно противопоставить работы, в основе которых лежит именно теория семантических полей, такие как [Кузне-

¹ Так, в начале XX века идеи В. фон Гумбольдта о языке как созидающем процессе, обусловленном бессознательной энергией, нашли творческое развитие в работах Г. Г. Шпета и А. Ф. Лосева, идеи которых не принимались официальным советским языкознанием.

цова 1963; Филичева 1968; Гулыга, Шендельс 1969]. В книге Г. С. Щура представлен глубокий анализ основных концепций поля и исходных посылок, приведших к возникновению в лингвистике понятия «поле» [Щур 1974: 7].

Мысль о том, что существуют закономерности в семантических связях между языковыми единицами, т. е. о системном характере лексики, высказывалась в языкознании еще до работы Й. Трира. Так, например, Р. Мейер в статье, опубликованной в 1910 г., выделил семантические поля и дифференцирующие факторы, которые позволяют относить слова к тому или иному полю [Васильев 1971; Щур 1974; Ipsen 1924].

Предварительные рассуждения о том, что к языку применима идея поля, можно обнаружить и у Ф. де Соссюра, который, рассматривая язык как систему, указывал на то, что значимость слова, т. е. языкового знака, определяется наличием других слов, которые (вместе с ним) образуют систему как целое. Чтобы определить значимость слова, необходимо учитывать два уровня: с одной стороны, внутреннюю структуру самого языкового знака, а с другой — отношение данного языкового знака к другим знакам [Соссюр 1977: 147—148].

Именно эти идеи Й. Трира положил в основу своей теории семантического поля, согласно которой слово существует не изолированно в языковой системе, а образует поле с близкими по смыслу понятиями и словами, которые определенным образом членят семантический континуум данного поля: «Die Worte im Feld stehen in gegenseitiger Anhängigkeit voneinander. Vom Gefüge des Ganzen her empfängt das Einzelwort seine inhaltliche begriffliche Bestimmtheit» [Trier 1931: 2]. Развивая свою теорию, Й. Трир исходил из изоморфизма понятий и слов, и поэтому разделил систему языка на понятийные (Begriffsfelder) и словесные поля (Wortfelder).

Само понятие «поле» Й. Трир заимствовал у Г. Ипсена [Ipsen 1924]. Теория семантических полей Й. Трира была первой попыткой создания структурной лексикологии. Помимо Й. Трира, теории семантических полей были также разработаны В. Порцигом [Porzig 1973] и Андре Жоллем [Jolles 1973].

Подводя итог, можно сказать, что «Беседы о немецком слове» отражают многолетний опыт лингвистических исследований, проводимых Д. О. Добровольским, и продолжают традицию контрастивных исследований в России. Обширный материал и глубокий анализ, содержащийся в книге, будет по достоинству оценен всеми, кто профессионально занимается немецким языком, — лингвистами, преподавателями и переводчиками.

Л и т е р а т у р а

Васильев 1971 — Л. М. Васильев. Теория семантических полей // Вопросы языкознания. 1971. № 5. С. 105—113.

Гак 1966 — В. Г. Гак. Беседы о французском слове. Из сравнительной лексикологии французского и русского языков. М., 1966.

Гак 2004 — В. Г. Гак. Русский язык в сопоставлении с французским. 3-е изд. М., 2004.

Гулыга, Шендельс 1969 — Е. В. Гулыга, Е. И. Шендельс. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. М., 1969.

Зеленецкий, Монахов 1983 — А. Л. Зеленецкий, П. Ф. Монахов. Сравнительная типология немецкого и русского языков. М., 1983.

Кассирер 2011 — Э. Кассирер. Философия символических форм. Т. 1: Язык. М., 2011.

Крушельницкая 2008 — К. Г. Крушельницкая. Очерки по сопоставительной грамматике немецкого и русского языков. 3-е изд. М., 2008.

Кузнецова 1963 — А. И. Кузнецова. Понятие семантической системы языка и методы ее исследования. М., 1963.

НБНС — Новый большой немецко-русский словарь. В 3 т. / Под общ. рук. Д. О. Добровольского. М., 2008—2010.

Райхштейн 1980 — А. Д. Райхштейн. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии. М., 1980.

Соссюр 1977 — Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики // Ф. де Соссюр. Труды по языкознанию. М., 1977. С. 31—269.

Филичева 1968 — Н. И. Филичева. Методика «семантического синтаксиса» и возможности ее применения при анализе языкового материала // Ученые записки МГПИИЯ. Т. 46. М., 1968. С. 211—226.

Щур 1974 — Г. С. Щур. Теория поля в лингвистике. М., 1974.

Ipsen 1924 — G. Ipsen. Der Alte Orient und die Indogermanen // Friedrich J. et al. (Hrsg.). Stand und Aufgaben der Sprachwissenschaft. Festschrift für Wilhelm Streitberg. Heidelberg, 1924.

Jolles 1973 — A. Jolles. Antike Bedeutungsfelder // Schmidt L. (Hrsg.), Über Wort- und Begriffsfelder. Wortfeldforschung. Darmstadt, 1973. S. 104—115.

Porzig 1973 — W. Porzig. Wesentliche Bedeutungsbeziehungen // Schmidt L. (Hrsg.), Über Wort- und Begriffsfelder. Wortfeldforschung. Darmstadt, 1973. S. 78—103.

Trier 1931 — J. Trier. Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes. Einleitung. Bd. 1. Heidelberg, 1931.

Ю. В. Работкин

Рецензия поступила 12.04.2016

Received 12.04.2016

ОБЗОРЫ

И. Г. Добродомов. Избранные труды по этимологии и лексикологии. М.: МПГУ, 2015. — 460 с.

Книга представляет собою собрание избранных работ профессора Московского педагогического государственного университета Игоря Добродомова, посвященных проблемам этимологии, исторической и синхронической лексикологии, лингвистического источниковедения. В этом почти 29-листном томе воспроизводится немногим менее шестидесяти статей, которые печатались с 1964 года — то есть на протяжении полувека, немалое их число было впервые опубликовано в труднодоступных изданиях.

На страницах книги читатель найдёт подробные сведения или попутные соображения о возникновении и истории многих десятков слов — *амбал; балаган; барс; батрак; вор; гамаша; деньги; дрофа; жемчуг; жилет; жуть (жуткий); заря* (название нескольких травянистых растений, ср. *лучок зари* в «Евгении Онегине»); *йогурт; казна и казначей; к(ъ)меть; книга; колчан; люстра; магазин; олух; паникадило; пицаль и пистолет; порт(ы)* (одежда); *потасовка; сабля; сморозить; сундук; таракан; транжирить; трещотка; уют; хлябь* (дополнения к этимологии, выдвинутой О. Н. Трубачевым); *чобот; чулок; шапка; шаромыга и нашармака; шиболет; шлык; этика, этикет и этикетка; янтарь* и др., в том числе мало известных носителям литературного языка; фразеологизмов *держат в черном теле; ежовые рукавицы; кузькина мать* и др.; топонимов *Коломна; Судак; Тмутарокань, Тамань* и др. В поле зрения оказываются и книжный лексикон,

и диалектные слова, узкая профессиональная терминология, жаргонизмы; как единицы собственно русского словообразования, так и факты заимствования и калькирования.

Значительное место в текстах представляемого издания занимают ориентальные сюжеты — возведение русских слов и фразеологизмов с тёмным прошлым к восточным, в первую очередь тюркским, источникам (тюркология, как известно, входит в круг основных, кроме русистики, исследовательских интересов автора); особенная значимость придается болгарскому вкладу в русский словарь).

Помимо русской и тюркской лексики, отдельные статьи, вошедшие в сборник, посвящаются происхождению слов иных языков — марийского, мордовского, хантыйского, эвенкийского.

Автор отдаёт себе отчет в спорности некоторых выдвинутых им этимологических идей, но она восполняется подробностью анализа большинства слов, которые привлекают внимание составителя книги.

Изучению этимологии и истории слова должна предшествовать серьезная работа по выявлению качества и степени достоверности используемого лингвистического материала. Поэтому подробные источниковедческие поиски и теоретические суждения об их роли в историко-лингвистических исследованиях занимают в книге весьма заметное пространство.

В ткань разговора о словах и их происхождении вплетены критические за-

мечания о реформах орфографии и иных попытках сознательного воздействия на язык в его письменном представлении.

Многим разделам книги свойственна острая полемичность, отдаляющая ра-

зыскания автора от построений чисто академического характера.

А. Ф. Журавлев

Обзор поступил 09.04.2016

Received 09.04.2016

А. В. Блохинская, С. В. Гордеева, Е. А. Оглезнева, Цзян Ин.
Языковая ситуация на Дальнем Востоке и приграничной территории.

Благовещенск, Издательство АмГУ, 2014. — 156 с.

Языковая ситуация в дальневосточном регионе отличается определенной спецификой как по национальному составу людей, говорящих и пишущих по-русски, так и по ряду структурных и функциональных свойств самого русского языка, используемого в разнообразных коммуникативных условиях. Существенное значение имеет также то обстоятельство, что в этом регионе живут достаточно многочисленные носители других языков, с которыми носители русского языка находятся в более или менее регулярных контактах.

Монография ученых из Амурского университета как раз посвящена этой специфике.

Сначала (глава 1) авторы дают общую характеристику языковой ситуации в Приамурье XIX—XX вв. Здесь представлен национальный состав населения Приамурья, функционирующие в этом регионе языки: помимо русского, достаточно распространен украинский в его диалектной и литературной формах, а также языки коренных народов Приамурья (главным образом эвенкийский) и китайский. Особое внимание обращено на существование русско-китайского пиджина как активного средства устного общения.

В главе 2-ой исследуются говоры, распространенные на территории Приамурья. Подчеркивается их смешанный характер, поскольку они являются ре-

зультатом взаимодействия разных диалектных систем. Особый раздел в этой главе посвящен волнам славянского переселения в Приамурье; значительную часть переселенцев составили русские, украинцы и белорусы.

В лингвистическом и социолингвистическом отношении особенно интересна глава 3-я, в которой авторы делают попытку описать русский язык, используемый на Дальнем Востоке, как региолект (термин предложен несколько лет назад А. С. Гердом) национального русского языка. Описываются собственно языковые и функциональные свойства этого региолекта, приводятся примеры фонетических, грамматических и лексических регионализмов.

Контактам русского языка с китайским посвящена 4-ая глава книги. Предваряя собственно лингвистическое описание особенностей русского языка в условиях контактирования с китайским, авторы приводят сведения об истории заселения русскими территорий, пограничных с Китаем. Как известно, значительное по численности переселение русских в Китай было после Гражданской войны 1918—1922 гг., и языковой ситуации, которая складывалась в связи с этим фактором, посвящен особый раздел 4-й главы. Авторы отмечают чрезвычайную этническую и языковую пестроту групп населения, сформировавшихся в результате политических и

военных событий 20—30-х годов XX века и послевоенного времени: наряду с русскими, украинцами и представителями других славянских народов, здесь обосновались хайцы, монголы, корейцы, дунгане, дауры и др., языки которых вступали в соприкосновение как друг с другом, так и с русским языком.

Заключительная, 5-ая глава содержит сведения о межъязыковом взаимодействии в пределах одного китайского города Хэйхэ, который расположен в непосредственной близости от русского Благовещенска, на правом берегу Амура. Хэйхэ многоязычен: помимо китайского и русского, здесь сосуществуют корейский, монгольский, эвенкийский и другие языки. Правда, русские составляют небольшой процент постоянного населения этого города, но между жителями Благовещенска и других городов, расположенных на левом берегу Амура, с одной стороны, и многоязычными жителями Хэйхэ, с другой, наблюдаются интенсивные торгово-экономические и культурные связи, что порождает разные формы «промежуточных» речевых идиомов, включающих элементы разных языков.

В Заключении авторы делают следующие два вывода. Первый — более или менее очевидный: на территории

России, то есть на левом берегу Амура, полностью доминирует русский язык преимущественно в его литературной форме (украинский и белорусский представлены в остаточных диалектных формах). Второй вывод менее очевиден, но всё же ожидаем: в китайском Приамурье, несмотря на известный процент проживающих там потомков русских переселенцев и на интенсивные связи между приамурскими русскими и китайскими городами, языковая ситуация характеризуется «практически полным поражением русского языка» (с. 152). Он забыт живущими здесь русскими, он подавлен китайским, что вполне естественно: это язык самостоятельного государства, используемый на всей территории этого государства и во всех сферах речевой коммуникации.

В целом реферируемая монография интересна тем, что ее авторы обращаются к недостаточно изученным проблемам регионального варьирования русского языка на территории Дальнего Востока, и их работа содержит определенные результаты исследования этих проблем.

Л. П. Крысин

Обзор поступил 24.04.2016

Received 24.04.2016

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / AUTHORS

А. Е. Аникин / Alexander E. Anikin

Институт филологии Сибирского отделения
РАН / Institute of Philology, Siberian Branch of
Russian Academy of Sciences

А. Н. Баранов / Anatoly N. Baranov

Институт русского языка им. В. В. Виногра-
дова РАН / Vinogradov Russian Language In-
stitute, Russian Academy of Sciences

Е. А. Власова / Ekaterina A. Vlasova

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» / National Research
University Higher School of Economics

Р. В. Гайдамашко / Roman V. Gaidamashko

Институт лингвистических исследований
РАН / Institute for Linguistic Studies, Russian
Academy of Sciences

Н. А. Григорьева / Nadezhda A. Grigorieva

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» / National Research
University Higher School of Economics

М. А. Даниэль / Mikhail A. Daniel

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» / National Research
University Higher School of Economics

Д. О. Добровольский / Dmitrij O. Dobrovol'skij

Институт русского языка им. В. В. Виногра-
дова РАН / Vinogradov Russian Language In-
stitute, Russian Academy of Sciences

Н. Р. Добрушина / Nina R. Dobrushina

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» / National Research
University Higher School of Economics

С. В. Дьяченко / Svetlana V. Dyachenko

Институт русского языка им. В. В. Виногра-
дова РАН / Vinogradov Russian Language In-
stitute, Russian Academy of Sciences

А. Ф. Журавлев / Anatoly F. Zhuravlev

Институт русского языка им. В. В. Виногра-
дова РАН / Vinogradov Russian Language In-
stitute, Russian Academy of Sciences

А. А. Зализняк / Andrey A. Zaliznyak

Институт славяноведения РАН / Institute of
Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

А. В. Зеленин / Alexandr V. Zelenin

Университет Тампере / University of Tampere

П. Н. Казакова / Polina N. Kazakova

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» / National Research
University Higher School of Economics

М. Д. Королькова / Maria D. Korolkova

Институт лингвистических исследований
РАН / Institute for Linguistic Studies, Russian
Academy of Sciences

О. Н. Крылова / Ol'ga N. Krylova

Институт лингвистических исследований
РАН / Institute for Linguistic Studies, Russian
Academy of Sciences

Л. П. Крысин / Leonid P. Krysin

Институт русского языка им. В. В. Виногра-
дова РАН / Vinogradov Russian Language In-
stitute, Russian Academy of Sciences

В. С. Кучко / Valeria S. Kuchko

Уральский федеральный университет; Рос-
сийский государственный профессионально-
педагогический университет / Ural Federal
University; Russian State Vocational
Pedagogical University

А. В. Малышева / Anna V. Malysheva

Институт русского языка им. В. В. Виногра-
дова РАН / Vinogradov Russian Language In-
stitute, Russian Academy of Sciences

Г. А. Мольков / Georgy A. Molkov

Институт лингвистических исследований
РАН / Institute for Linguistic Studies, Russian
Academy of Sciences

Е. В. Падучева / Elena V. Paducheva

Федеральный исследовательский центр
«Информатика и управление» РАН; Мос-
ковский педагогический государственный
университет / Federal Research Center "Com-
puter Science and Control", Russian Academy of
Sciences; Moscow State University of Education

А. А. Плетнева / Alexandra A. Pletneva

Институт русского языка им. В. В. Виногра-
дова РАН / Vinogradov Russian Language In-
stitute, Russian Academy of Sciences

Ю. В. Работкин / Yury V. Robotkin
 Московский государственный университет
 им. М. В. Ломоносова / Lomonosov Moscow
 State University

Д. В. Руднев / Dmitry V. Rudnev
 Санкт-Петербургский государственный уни-
 верситет / Saint Petersburg State University

*А. В. Тер-Аванесова / Alexandra V. Ter-
 Avanesova*
 Институт русского языка им. В. В. Виногра-
 дова РАН / Vinogradov Russian Language Insti-
 tute, Russian Academy of Sciences

В. С. Храковский / Viktor S. Khrakovsky
 Институт лингвистических исследований РАН
 / Institute for Linguistic Studies, Russian Acad-
 emy of Sciences

М. Г. Шарихина / Milyausha G. Sharikhina
 Институт лингвистических исследований
 РАН / Institute for Linguistic Studies, Russian
 Academy of Sciences

М. Н. Шевелева / Maria N. Sheveleva
 Московский государственный университет
 им. М. В. Ломоносова / Lomonosov Moscow
 State University

Адреса университетов и институтов Adresses of universities and institutes

Институт лингвистических исследований РАН
 199053, Санкт-Петербург, Тучков пер., д. 9
Institute for Linguistic Studies, RAS
 9 Tuchkov pereulok, St. Petersburg 199053, Russia

*Институт русского языка им. В. В. Виногра-
 дова РАН*
 119019, Москва, Волконка 18/2
Vinogradov Institute of Russian Language, RAS
 18/2 Volkhonka, Moscow 119019, Russia

Институт славяноведения РАН
 Москва, 119991, Ленинский проспект 32-А
*Institute of Slavic Studies, Russian Academy of
 Sciences*
 32-A Leninsky Prospekt, Moscow, 119991, Russia

*Институт филологии Сибирского отделения
 РАН*
 630090, Новосибирск, ул. Николаева 8
*Institute of Philology, Siberian Branch of Rus-
 sian Academy of Sciences*
 8 Nikolaeva, Novosibirsk, 630090, Russia

*Московский государственный университет
 им. М. В. Ломоносова*
 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 51
Lomonosov Moscow State University
 1/51 Leninskiye gory, Moscow 119991, Russian
 Federation

*Московский педагогический государственный
 университет*
 119991, Москва, улица Малая Пироговская, 1/1
Moscow State University of Education
 1/1 M. Pirogovskaya str., Moscow, 119991,
 Russia

*Национальный исследовательский универси-
 тет «Высшая школа экономики»*
 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20
*National Research University Higher School of
 Economics*
 20 Myasnitskaya str., Moscow 101000, Russia

*Российский государственный профессиональ-
 но-педагогический университет*
 620012, Екатеринбург, ул. Машиностроите-
 лей, 11.
Russian State Vocational Pedagogical University
 11 Mashinostroiteley str., 620012, Ekaterinburg,
 Russia

*Санкт-Петербургский государственный уни-
 верситет*
 199034, Санкт-Петербург, Университетская
 наб. 11
Saint-Petersburg State University
 11 Universitetskaya emb., St.-Petersburg 199034,
 Russia

Университет Тампере
 Финляндия 33014, Тампере, ул. Калевантие, 4
Tampereen yliopisto
 Kalevantie 4, 33100 Tampere, Suomi (Finland)

Уральский федеральный университет
 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, д. 51
Ural Federal University
 51 Lenin ave., Ekaterinburg, 620000, Russia

*Федеральный исследовательский центр
 «Информатика и управление» РАН*
 119333, Москва, ул. Вавилова, д. 44, корп. 2
*Federal Research Center "Computer Science
 and Control", Russian Academy of Sciences*
 44/2 Vavilova str., Moscow 119333, Russia

ПРАВИЛА ПОДАЧИ СТАТЕЙ

1. Для публикации в журнале принимаются статьи на русском, английском и немецком языках, соответствующие научному профилю журнала и не публиковавшиеся ранее в других изданиях.
2. Материалы для публикации отбираются на основе независимого рецензирования и решения редколлегии журнала. Рецензии направляются авторам для ознакомления и учета замечаний рецензентов.
3. Все публикации для авторов бесплатны.
4. Спустя год после выхода из печати каждого номера журнала он в полном объеме публикуется на сайте www.ruslang.ru (в разделе «Издания»).
5. Рукопись предоставляется автором в электронном виде по адресу gusyaz@yandex.ru (и по запросу — в печатном виде). Если в статье используются нестандартные шрифты, их также следует прислать.
6. В сопроводительном письме должны быть указаны сведения об авторе: ФИО полностью, страна, город, телефон, электронный адрес. Редакция журнала рассылает авторские экземпляры оттисков в формате PDF только по электронной почте.
7. Непринятые рукописи не возвращаются.
8. Рецензии должны присылаться в редакцию вместе с экземпляром рецензируемой книги (по просьбе автора рецензии книга ему возвращается).

Основные правила оформления текста статьи

1. Текст статьи должен быть предоставлен в формате Microsoft Word for Windows.
2. Заголовок статьи, инициалы и фамилия автора, место работы, резюме (до 10 строк) и ключевые слова в статьях, принятых к печати, приводятся на русском и английском языках.
3. Все лингвистические примеры внутри текста приводятся курсивом (слово *продажа*; суффикс *-ик* и т. п.). Примеры, выделенные в отдельный абзац, даются прямым шрифтом.
4. В хроникальных заметках о научных конференциях фамилии участников набираются полужирным шрифтом. После фамилий в круглых скобках указывается город для русских участников и город и страна для зарубежных участников конференции: **И. И. Иванов** (Москва), **Дж. Смит** (Лондон, Великобритания).
5. В тексте статьи ссылки на работы заключаются в квадратные скобки, после года выпуска ставится двоеточие и указываются страницы: [Иванов 2012: 45—58] или [Иванов 2012: 45—58; Новикова 1999: 354]. При перечислении нескольких работ одного автора его фамилия не повторяется, годы выпуска указываются через точку с запятой: [Иванов 2000: 34—38; 2012: 78—81]. Если даются ссылки на несколько работ одного автора за один и тот же год, нужно использовать буквенные сокращения: [Иванов 2012а: 45—58; 2012б: 12—15]. Если работа коллективная, указывается первое имя с добавлением «и др.», в иноязычных ссылках — «et al.»: [Иванов и др. 2003: 17; Croft et al. 2012: 57]. Если имя автора является частью текста, используется следующая форма: «А. А. Иванов [2012: 45—58] утверждает, что...».

Основные правила оформления библиографии

1. Список цитируемой литературы и источников помещается в конце статьи и упорядочивается по алфавиту.
2. Источники, в частности словари, должны быть внесены в список литературы.
3. Список литературы оформляется по образцу вышедших номеров, доступных на сайте www.ruslang.ru (в разделе «Издания»).

NOTES FOR CONTRIBUTORS

1. Manuscripts submitted to *Russian Language and linguistic theory* should be original contributions in Russian, English or German, relevant to the scope of the journal and should not have previously been published elsewhere.
2. Contributions for publication are screened in the process of peer review by independent referees and the final decision regarding publication lies with the Editorial Board. Referees' comments will be sent to authors, who will be expected to return corrections to the Editor by e-mail.
3. All publications are free of charge to authors.
4. The issues are published in full on the website www.ruslang.ru (see "Publications") one year after the publication.
5. Manuscripts should be submitted by email sent to rusyaz@yandex.ru (and also by post on request). All custom fonts used in the manuscripts should be sent by email.
6. The cover letter must include the following information about the author: full author's name, full postal mailing address, email address. All authors of full-length articles and reviews will receive the offprint in PDF format by email and one copy of the issue in which their contribution appears.
7. Rejected manuscripts will not be returned.
8. Book reviews should be sent to the Editorial Secretary together with the reviewed book (the book will be returned on author's request).

Main format rules for articles and reports

1. Contributions must be submitted in the format of Microsoft Word for Windows.
2. The first page should include the title, author's surname and initials, institutional affiliation, abstract of the article (up to 10 lines) and keywords in both Russian and English
3. All phrases, words, affixes, letters etc. used as linguistic examples within the body of the text must be italicized (the word *prodazha*; the suffix *-ik* etc.) All examples presented in a separate paragraph must be in regular font.
4. In reports on academic conferences, names of the participants should be in bold, followed by city (for Russian participants), or city and country (for foreign participants), given in parentheses in regular font: **I. I. Ivanov** (Moscow), **J. Smith** (London, Great Britain).
5. References should be given in square brackets, designating the name of the author, year of publication, and, where relevant, after the colon, the page(s) referred to: [Ivanov 2012: 45—58], using semi-colons to separate different authors: [Ivanov 2012: 45—58; Novikova 1999: 354]. In the case of multiple references by the same author(s), the name(s) should not be repeated and the years should be listed, using semi-colons to separate different publications: [Ivanov 2000: 34—38; 2012: 78—81]. When several works by one author for the same year are referred to, lower-case letters ("a", "b", etc.) should be placed immediately after the year: [Ivanov 2012a: 45—58; 2012b: 12—15]. When a work written by two or more authors is referred to, first name should be given followed by "et al.": [Ivanov et al. 2003: 17; Croft et al. 2012: 57]. If the reference name naturally forms part of a sentence, use the form: "A. A. Ivanov [2012: 45—58] maintained that..."

Main format rules for references

1. All works referred to must be listed at the end of the article in alphabetical order.
2. All sources of citations including dictionaries and lexicons must be added to the reference list.
3. The list of referred works should be formatted according to the published issues of the journal available on the site www.ruslang.ru (see "Publications").

Научный журнал

Русский язык в научном освещении
№ 32 (2). 2016

*Основан в январе 2001 года
Выходит два раза в год*

Адрес редакции:

119019, Москва, ул. Волхонка 18/2, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН,
Редакция журнала «Русский язык в научном освещении».
Тел.: (495) 637-79-92, факс: (495) 695-26-03, e-mail: rusyaz@yandex.ru

Зав. редакцией *М. С. Мушинская*
Редактор номера *Е. И. Державина*
Корректор *А. К. Петрова*
Оригинал-макет подготовлен *В. Ю. Гусевым*

Подписано в печать 07.12.2016. Формат 70 × 100 ¹/₁₆
Бумага офсетная № 1, печать офсетная
Усл. п. л. 25,35. Заказ № 813

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии издательства «Нестор-История»
Тел. (812)622-01-23

По вопросам приобретения книг издательства «Нестор-История»
звоните по тел. +7 965 048 04 28

